

РЕШЕРТУАРЪ

ОП

И

ПАНТЕОНЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ.

18136. 9/78

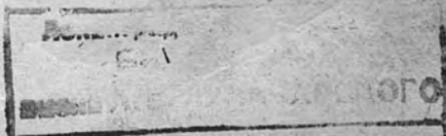
ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

1846.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя.
1846.

РЕШЕНЫ

ПАТЕНТ

В. МЕЖВЕНЕВЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Декаб. 1845 года.

Ценсоръ *Мехелинъ*.

РЕПЕРТУАРЪ ПАНТЕОНЪ.

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

1846.

I. Баль. Отрывокъ. Стихотвореніе <i>А. Н. Плещеева</i>	3
II. Офелия. Одно изъ воспоминаній Виталина. Продолженіе разсказа безъ начала, безъ конца и въ особенности безъ морали. <i>А. А. Григорьева</i>	5
III. Н. Г. П*** Стихотвореніе <i>Астребова</i>	36
IV. Гамлетъ на одной провинціальной сценѣ. (Изъ путевыхъ впечатлѣній двѣтлѣтца.)	37
V. Антологическія Стихотворенія. <i>А. Сазонова</i>	49
VI. Карпатскіе горы. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, соч. Юсіфа Корженѣвскаго. Перев. <i>С. П. Побыдоносцева</i>	50
VII. Два Совета. <i>А. А. Григорьева</i>	96
VIII. Философія и Исторія Музыки. Музыкальныя замѣтки, во время путешествія по Германіи, <i>В. Кажитскаго</i>	97

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. (ДЕКАБРЬ 1845.)

I. Иностранныя театры. — Неаполитанскіе театры. (Письмо къ редактору изъ Неаполя, <i>М. Е. Кублицкаго</i>). — Парижскіе (L'Étoile de Seville, опера. — Une expiation, драма-водевиль. — Les trois Poisson, комедія. — Une femme laide, комедія. — La maitresse de maison, водевиль. . . . .)	1
II. Русскіе театры.	
1) Петербургскіе. Александринскій театр. (Бозвращеніе знаменитаго трагика г. Каратицина изъ-за границы. — Сѣверная пчела, «Реперт. и Пант.» великій трагикъ. — Прошлогоднія роли г. Каратыгина. <i>Кинъ и Гамлетъ</i> . — Новая валя обстановка Гамлета. — Г. Славинъ. — <i>Баль въ загородномъ саду</i> . — Русская публика и Мартыновъ. — Г. Яковлевскій и его водевиль. — <i>Гавриль Ивановичъ Милловъ</i> . — Г. Славинъ какъ авторъ и какъ актеръ. —	
IX. Матеріалы для Исторіи Русскаго Театра. Воспоминаніе о Н. И. Хмельницкомъ. Статья <i>Е. В. Аладына</i>	116
X. Сонъ Дитяти. (Изъ <i>Виктора Гюго</i>). <i>В. И. Золотницкаго</i>	140
XI. Графиня де-Монрионъ. Разсказъ <i>Фр. Сульбэ</i> (Автора «Львицы»)	143
XII. Юмористика. Какъ живетъ Петербургъ и кто живетъ въ Петербургѣ	201
XIII. Смѣсь. Книга не вещь или читатель на даровицику (<i>изъ записокъ провинціала</i>). — Таинственный гений-композиторъ. — Дебютъ г-жи Андрелловой на парижской сценѣ. — Секторъ Берлионъ. — Звѣри-люди и люди-звѣри XIX столѣтія (<i>Силуетъ современнаго нравовъ</i>). — Женская натура (<i>истинный анекдотъ</i>). — Урокъ ревнивцемъ (<i>анекдотъ</i>). — Анекдоты и мелочи	225
<i>Дювужика-лорикъ</i> . — Бенефисъ г-ни Самойловой. — <i>Небо и земля</i> . — <i>Альбомъ и облигатель</i> . — <i>Цогане</i> . <i>Иммины городнизаго</i> . — Представленіе драмы «Смерть Липунова»	22
Михайловскій театр. Г-жа Плесси и бенефисы. — La Marquise de Senneterre. — Г-жа Пажъ и ея бенефисъ. — L'Image. — La gageure imprévue. — Русская пляска. — Бенефисъ г. Додела. — La pêche aux beaux pères. — Валерія Плесси. — Бенефисы г. Руже. — Французскій водевиль, сочиненный въ Петербургѣ. — Les independants. — L'escadron volant de la reine. — Нѣмецкіе спектакли.	36
7) Провинціальные театры.	
Тифлискій театр	41
Калужскій театр	53
Таганрогскій театр	67
Удѣльскій театр	71
III. Разныя извѣстія	76

ВЪ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ПОДЪ ФИРМОЮ

„АЛЕКСАНДРЪ СМИРДИНЪ,“

на *Невскомъ проспектъ, у Казанскаго моста, въ
домъ Энгельгардта,*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ:

ИЗБРАННЫЯ СЛОВА МАССИЛЬОНА, Епископа Клермонскаго. Перевелъ *Иванъ Ястребовъ*. Третье, пересмотрѣнное изданіе, съ прибавленіемъ подробнаго слова *Виллру*, архіепископу Вьенскому. 2 тома, (вмѣщающіе въ себѣ прежняго изданія всѣ 4 части). С. Петербургъ, 1845 г., (8) съ гравированнымъ портретомъ. Цѣна 3 р. сер.

НОВОСЕЛЪЕ, томъ первый и второй, съ 17-ю заглавными вишетами 8-ю картинками, рисованныя и гравированныя на деревѣ, *Г. Дерикеромъ*. Изд. второе. С. Петербургъ, 1845 г., (8). цѣна 5 р. сер.

Тоже ТОМЪ ТРЕТІИ печатается, и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу. Цѣна 3 р. сер.

МИРЗА ХАДЖИ-БАБА ИСФАГАНИ, соч. *Моріера*, вольный переводъ *Ворона Брамбеуса*. Изданіе второе. 4 тома, (закключающіе въ себѣ прежняго изданія всѣ восемь частей). съ картинками, гравированными на мѣди академикомъ *Галактіономъ* и *Аванасьевицъ*. С. Петербургъ, 1845 г., (12), цѣна 4 р. сер., съ переплетомъ 5 р. сер.

ЗАМѢТКИ ЗА ГРАНИЦЮ въ 1840 и 1843 годахъ, *Ф. П. Лубиновскаго*. С. Петербургъ, 1845 г. (8), цѣна 1 р. 50 к. сер., съ перес. 2 р. сер.

Кн I

Б А Л Ъ.

(Отрывок).

1.

Я помню балъ... Горѣли ярко свѣчи,
И группы пестрыя мелькали предо мной;
Я слушалъ то отрывчатая рѣчи,
То Ланнера мотивъ унылый и простой;
Но слушалъ ихъ небрежно и зѣвалъ,
А взорами ее, одну ее искалъ,
Гдѣ ты, всегда наряжная, живая,
Какъ матылёкъ? Тебя давно я не видалъ,
Но все мои къ тебѣ стремились думы...
Тобою и теперь душа моя полна;
Я жду тебя, усталый и угрюмый —
Какъ мѣсяца лучей — влюбленная волна...

2.

И длился скучный балъ до поздней ночи;
Я покидалъ его съ досадою вѣмой;
Но вдругъ ея лазуревыя очи,
Какъ будто двѣ звѣзды зажглись передо мной.
И увидалъ я вновь, отрады полный,
И плечи бѣлыя, какъ первый снѣгъ полей,
И смоляныхъ волосъ густыя волны,
И легкой, стройный станъ красавицы моей!
Но на щекахъ нѣтъ прежняго румянца...
Ты улыбаешься сквозь слёзы? Ты грустна?
Устала-ль ты, кружась въ вихрь танца,
Иль скорбь на двѣ души твоей затаена...

Уже-ль и ты обманута мечтами?
 Уже-ль и ты страдать судьбой осуждена?
 Вотъ, руку мнѣ дражащими руками
 Схвативъ: «Я за-мужемъ» произнесла она...
 А грудь ея высоко волновалась,
 И томный взоръ горѣлъ болѣзненнымъ огнемъ;
 И мѹка въ этомъ взорѣ отражалась,
 Какъ отражалась въ дни былые радость въ немъ...
 И я поникъ въ раздумьи головою,
 Сначала рѣчь завестъ о прошломъ былъ готовъ;
 Но удрученъ тяжелою тоскою,
 Остался, будто тѣнь, и мраченъ, и безъ словъ.

Я помню балъ... Горѣли ярко свѣчи...
 За пеструю толпой слѣдиль я въ сторонѣ,
 Но не печаль мой взоръ отрадной встрѣчи:
 Я ничего не ждалъ — и скучно было мнѣ.
 Вдругъ Ланнера послышались мнѣ звуки...
 Унылый вальсъ! знакомъ онъ сердцу съ давнихъ дней!
 И вспомнилъ я любви тревожной муки;
 Я вспомнилъ блескъ давно угаснувшихъ очей!
 Да! какъ лютость, весною пожелтѣлый,
 На утрѣ дней и ты увяла, ангель мой;
 И видѣлъ я, какъ ты въ одеждѣ бѣлой,
 Въ вѣнкѣ взъ бѣлыхъ розъ, лежала подь парчой...
 Я вспомнилъ всё... А музыка гремѣла
 И пестрая толпа кружилась предо мной...

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

1845 г.

ОФЕЛІЯ.

ОДНО ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ВИТАЛИНА *).

(Продолженіе разсказа безъ начала, безъ конца и въ особенности
безъ морали.)

(Посвящается В. С. Межевичу.)

..... Forty thousand brothers
Could not, with all their quantity of love,
Make up my sum....

I.

..... Мы были одни съ Виталинымъ. Склонской почему-то не было.

Мы страшно скучали — и долго предоставляли одинъ-другому полную свободу скучать, лежа, по обыкновенію, на двухъ диванахъ.

— Знаешь-ли однако, Виталинь, сказалъ я наконецъ, бросая сигару, что скука....

— Удивительно скучна!... перервалъ онъ, и натянуто улыбнулся своему остроумію....

---

*) См. *Репертуаръ и Пантеонъ*, 1845 г., кн. 6 и 9.

— Нѣтъ! заразительна... отвѣчалъ я ему.

— Старая истина, сказалъ онъ: что-жь далѣе?

— Что далѣе? мало-ли, что далѣе? Но дѣло въ томъ: отъ чего нѣтъ Склонской?

— Больна, или занята, вѣрно.

— Ты думаешь? спросилъ я, смотря на него такъ глубоко-мысленно, какъ только можетъ смотрѣть человѣкъ, у котораго въ головѣ нѣтъ никакой мысли. Привычку къ подобнаго рода взглядамъ вывезъ я изъ Москвы, гдѣ они чрезвычайно въ ходу, и служатъ замѣной мышленія, знанія и т. д.

Виталинъ не отвѣчалъ мнѣ на мой вопросъ, и заложивши руку за голову, погрузился въ прежнюю апатію. Находили на этого человѣка минуты, когда онъ становился невыносимъ даже для меня, потому-что когда человѣкъ упорно молчитъ съ вами, вы невольно подумаете, что онъ или сердится на васъ, или таитъ отъ васъ что-нибудь непріятное, или считаетъ васъ, наконецъ, слишкомъ-ограниченнымъ.

Не желая показать ему, что меня тревожитъ его хандра, я также погрузился въ размышленія о тлѣнности всего земнаго.. съ четверть часа, мы оба упорно молчали.

— А въ-самомъ-дѣлѣ, странно, что ея нѣтъ? началъ наконецъ Виталинъ, зѣвнувши. Скучно, Г**.

— Да, скучно, отвѣчалъ я флегматически-покойно.

— И гадко даже, продолжалъ Виталинъ, почти съ досадою.

— Ну!... замѣтилъ я.

— Да, гадко! сказалъ опять Виталинъ, приподнявшись и проведши рукою по лбу, какъ-бы желая выгнать упорно-засѣвшую мысль.

— Что-же съ этимъ дѣлать? спросилъ я равнодушно.

— Да ничего, разумеется... Но ты спрашивалъ о Склонской: она будетъ вечеромъ.

— Согласенъ, что безъ нея намъ было-бы слишкомъ-часто вотъ такое состояніе.

— Твоя правда. Мы съ тобою двѣ ровныя стороны треугольника, которыя соединяются третьею. Число три впрочемъ необходимо для всего....

Я вамъ говорилъ уже, что Виталинъ былъ наклоненъ къ мистицизму.

— Кетати, продолжалъ онъ: въ состояніи-ли ты любить Склонскую?

— Какъ сестру — да!

— Только?... но любить, любить....

— Нѣтъ, — а ты? Но что за глупый вопросъ? Разумѣется, тоже нѣтъ.

— Но отъ-чего? спросилъ Виталинъ съ какой-то грустью. Чего намъ нужно еще? Она умна, она прекрасна, она — равна намъ.

— Прибавь еще, что, не-смотря на это равенство, ты не найдешь женщины женственнѣе ея....

— И между-тѣмъ.... ея нельзя любить страстно, хотя вся она полна страсти.

— Полно, страсти-ли? замѣтилъ я. Страсть и страстная натура, двѣ вещи разныя. Страсть — болѣзнь. Положимъ, что новѣйшая медицина вполне права, считая болѣзни одностороннимъ развитіемъ чего-нибудь, лежащаго въ насъ самихъ, а не внѣ насъ....

— Итакъ, ты думаешь, прервалъ Виталинъ начатыи мною періодъ: что она неспособна быть больною?

— Вовсе нѣтъ, но что она не была еще больна.

— Гм!... произнесъ онъ. Впрочемъ — это правда. Но все-таки остается вопросъ, почему нельзя такой женщины любить страстно, почему намъ все-мъ, болѣе или менѣе, нужны болѣзнь и страданіе?

— Ну, ужъ это мы оставимъ въ сторонѣ покаместъ: интереснѣе знать, нужны-ли ей самой болѣзнь и страданіе? Если-бы она была дѣвочка лѣтъ семнадцати, съ недосозданною душою, и потому съ недосозданною наружностію, или пожалуй, съ недосозданною наружностію, и потому съ недосозданною душою, я-бы отвѣчалъ головою, что она еще будетъ больна, но....

— Ты думаешь, слѣдовательно, что она вполне развита? прервалъ снова Виталинъ.

— Знаешь-ли? je suis presque tenté de croire, что, если она не развита, то, по-крайней-мѣрѣ, остановлена.

Виталинъ улыбнулся.

Чтобы пояснить вамъ мои слова, я долженъ по-неволѣ говорить о моей теоріи женщины — этого единственнаго предмета, для котораго у меня есть какая-нибудь теорія, и который одинъ, можетъ-быть, стоить какой-нибудь теоріи.

Душа женщины, жизнь женщины — водяная влага, бездна безъ образовъ, до-тѣхъ-поръ, пока зиждательный духъ мужчины не повѣстъ на нее. Душа женщины, натура женщины, глубока и бездонна, какъ бездна, но и темна, какъ бездна, пока не освѣ-

титъ ее свѣтъ любви мужчины. Душа женщины, глаза женщины — зеркало, въ которомъ отражается воля мужчины, въ которомъ можетъ успокоиться его безпокойный пламень въ блаженствѣ самосозерцація.... Темна моя теорія, читатели, не правда-ли? что-же дѣлать? она соотвѣтствуетъ предмету.... Скажу вамъ еще болѣе.... Женщина — тѣ-же мы сами, наше я, но отдѣлившееся для того, чтобы наше я могло любить себя, могло смотрѣть въ себя, могло видѣть себя, и могло страдать до часа слѣянія бытія и тѣни, жизни и смерти.

По-крайней-мѣрѣ, изъ моей теоріи ясно одно только, что мы, таковы, каковы мы теперь, можемъ любить только тѣхъ женщинъ, въ которыхъ мы отражаемся.

Склонская была существо менѣе всего болѣзненное, — но между-тѣмъ, я былъ правъ, сказавши Виталину, что въ ея страстной натурѣ лежитъ предрасположеніе къ болѣзни, т. е. къ одностороннему развитію или, по моей теоріи, къ отраженію односторонняго развитія, — и былъ правъ также, думая, что развитіе это остановлено, что въ этой душѣ отразился когда-то не образъ, но призракъ образа, что бѣдная обманутая душа, не успѣвши уловить неувидимаго, не успѣвши полюбить и вмѣстить въ себя своей любви, и между-тѣмъ, желая жить, желая любить, принуждена была отразить въ себѣ самую себя, выдти изъ самой-себя.

Но самой себя у нея не было, и она отразила въ себѣ весь Божій міръ, со всѣмъ его безконечнымъ разнообразіемъ.

И она любила все, не любя ничего.

И она жертвовала всему, не принося ничего въ жертву. Ибо да свою красоту смотрѣла она, какъ на часть цѣлаго мірозданія, и цѣлое мірозданіе являлось ей громаднымъ храмомъ, котораго она была жрицею.

Ея любовь, ея жизнь, не была современною любовью. Это была любовь будущаго — свѣтлая, спокойная влага, способная принимать все, отражать все.

Своей красотою она считала себя обязанною всѣмъ и каждому, она способна была бросить мгновеніе счастья уроду.... но только мгновеніе. Она не понимала ревности: она была жрицею своей красоты, своей женственности.

Виталину, которому щедрѣе всѣхъ другихъ расточала она свои дары, Виталину, котораго любила эта женщина съ слѣпою преданностію, ему первому рассказывала она о каждой своей новой любви.

И онъ слушалъ ее внимательно, играя ее бѣлокурими локонами, — ибо онъ отстрадалъ уже, ибо онъ также, хотя другимъ путемъ, дошелъ, или, по-крайней-мѣрѣ, доходилъ до того, чтобы любить все, понимать все.

Когда-то, онъ такъ полно любилъ одно, такъ глубоко проникъ одно, что въ глубинѣ этого одного нашелъ основу всеобщаго, и разумомъ, по-крайней-мѣрѣ, поклонился всеобщему, полюбилъ все....

Они оба равно любили все, они оба равно были равнодушны, — но Склонской легко досталось это равнодушіе, — Виталину-же слишкомъ-тяжело.

Когда онъ дошелъ до любви ко всему — онъ былъ такъ измученъ и болѣнъ, что въ душѣ его осталось мѣсто для одной только отрицательной любви, для одной ненависти къ тому, что скрыло отъ насъ общее, что убило тождество, и похоронило его въ грубомъ гробѣ предразсудковъ....

И долгій, и тернистый путь прошелъ бѣдный мученикъ, до того несчастнаго мѣста всего, гдѣ погребено слово созданія....

И когда онъ обрѣлъ это слово, онъ долженъ былъ скрыть его въ неприступныхъ тайникахъ души, — ибо, простое и нагое, оно ослѣпило-бы людскія очи....

Моя теорія о женщинахъ меня завлекла слишкомъ-далеко, и я въ свою очередь погрузился въ самого-себя. Нельзя иначе: можетъ-быть, съ разгадкою созданія связана разгадка бытія женщины.

Виталинъ вывелъ меня изъ этого состоянія.

— Я никогда не говорилъ тебѣ, — обратился онъ ко мнѣ: объ одной женщинѣ, объ одномъ воспоминаніи моей молодости, объ Офеліи ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я довольно-разсѣянно, не въ-силахъ еще вырваться изъ самопогруженія.

— Помнишь-ли ты Инесу?...

— Инесу черноглазую?... отвѣчалъ я словами Лепорелло, и мнѣ невольно пришли на память эти немногія слова, которыми великій мастеръ очертилъ существо, можетъ-быть, самое болѣзненное изъ всѣхъ созданныхъ когда-либо поэтами...

. . . . . Голосъ

У ней былъ тихій, слабый....

А мужъ у ней былъ негодай суровый....

. . . . . Бѣдная Инеса !

— Вижу, что помнишь, — съ улыбкою замѣтил Виталинь: мы разговорились о болѣзненныхъ натурахъ, и по этому поводу мнѣ пришло въ голову рассказать тебѣ объ одной женщинѣ: хочешь?

— Пожалуй.

— Предваряю тебя только, что я долженъ буду начать съ самого себя, съ своей ранней молодости...

— И съ первой любви? Не такъ-ли милый? — спросилъ я полнасмѣшливо.

— Да, и съ первой любви, — отвѣчалъ Арсеній серьезно и грустно. Кстати, ты, вѣроятно, любилъ нѣсколько разъ?

— То-есть, что ты назовешь любовью? Серьезно я не любилъ никогда.

— Все равно, хоть и не серьезно, по нѣсколько разъ?

— Да.

— Я также, но скажи пожалуйста, когда ты начиналъ любить вторую и третью, былъ-ли ты вполне уже равнодушенъ къ первой?

— Не скажу... Впрочемъ не знаю, — а ты?

— Я?... отвѣчалъ Виталинь... Какъ тебѣ это объяснить? Чувство только засыпало въ моей груди, усыпленное новымъ чувствомъ и готовое пробудиться вновь при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Зажгись теперь опять ореола, около чела первой женщины, которую я любилъ — и я опять буду любить ее. Да и нельзя иначе: все, что прекрасно — неизмѣнно.

— Эгоизмъ!

— По чему-же?

— По тому, что ты не допускаешь ошибокъ въ своемъ понятіи о прекрасномъ.

Виталинь улыбнулся съ невольнымъ самодовольствомъ. Онъ всегда чрезвычайно любилъ, когда его уличали въ эгоизмъ. Да и какъ не любить эгоизма? Эгоизмъ начало жизни — ибо эгоизмъ есть любовь.

И нѣтъ иной любви, кромѣ эгоизма.

Ибо эгоизмъ знаетъ самъ себя и любить въ себѣ только то, что достойно любви, что прекрасно.

Это назовутъ парадоксомъ, но я уже давно привыкъ къ моей репутациі парадоксальнаго человѣка, какъ прозвалъ меня одинъ знакомый мнѣ юный столоначальникъ, подающій блистательныя надежды и исполненный совершенствъ столько-же, сколько Ларгъ въ описаніяхъ Осерка.

— Рассказывай-же! — сказалъ я Виталину, но прежде вели сѣлать чаю.

Въ-сльдствіе сего мы прежде напилсь чаю, т. е., удовлетворили матеріальнымъ потребностямъ, и потомъ уже рѣшились члмъ-нибудъ высокимъ заняться, по выраженію Хлестакова.

Передаю вамъ безъ всякихъ перемѣнъ рассказъ Виталина; можетъ-быть, я долженъ былъ-бы измѣнить въ немъ многое — не-интересное, или для многихъ черезъ чуръ-интересное, но...

Предоставляю выкидывать самимъ читателямъ и пересказываю буквально.

II.

РАЗСКАЗЪ ВИТАЛИНА.

Мнѣ было восемнадцать лѣтъ. У меня было еще семейство, т. е. я хотѣлъ еще, чтобъ оно у меня было.

Семейство! Въ этомъ словѣ столько радостей и страданій — страданій всегда и во всякомъ случаѣ.... Человѣкъ — свободный житель Божьяго міра — запертъ въ тѣсный кружокъ, прикованъ исключительно къ одной частицѣ этого безпредѣльнаго міра и горе ему, если изъ своей тѣсной клѣтки видитъ онъ свѣтлую даль необозримаго небосклона!...

Такъ или иначе онъ вырвется всегда изъ своей клѣтки и увидитъ, что прежняя маленькая клѣтка, вмѣстѣ съ другими такими-же, заключена въ другой, болѣе просторной, а эта другая еще въ третьей, и что едва-ли не выбьется онъ изъ силъ, разбивая преграды, пока падъ его головою засіяетъ чистое безоблачное небо, усяянное свѣтилами, его старшими братьями.

Немногіе прерываются въ сосѣдство къ свѣтиламъ. Большая часть разводять гнѣзда и сами себѣ строятъ клѣтки, — и потомъ еще удивляются, какъ можно не жить въ клѣткахъ.

А старшіе братья текутъ спокойно, мѣрно, въ вольной безпредѣльности, и съ божественной проіеіей смотрять на бѣдныхъ труженниковъ...

Но я заговорилъ о томъ, что у меня было семейство для того только, чтобы показать тебѣ, что я былъ еще молодъ, очень-молодъ....

Но впрочемъ былъ-ли я молодъ, когда-нибудь? Молодость — эпоха жизни, когда еще дѣтвенные инстинкты души жадно пьютъ наслажденіе, не разбирая изъ какого источника, а я?....

Ребенкомъ двѣнадцати лѣтъ я жаждалъ уже жизни, не вдалъ въ мірѣ ничего, кромѣ женщины, и ждалъ жизни, ждалъ женщины, мой Боже.... и въ длинныя безсонныя ночи проходили передъ моими очами легкіе воздушные образы, полузакрытые, цѣломудренныя, страстныя... и голова горѣла, и сердце билось, какъ маятникъ, и уста сохли отъ жажды, и страстный трепетъ пробѣгалъ по всему существу и руки стремились уловить воздушные призраки и ловили одинъ воздухъ... И изнеможенный тщетными усиліями падалъ я на свое изголовье....

И я ждалъ тщетно любви и жизни, — я былъ запертъ въ моей клеткѣ.

И я въ пятнадцать лѣтъ страдалъ уже пустотою и пресыщеніемъ—ибо силы мои были истощены жизнью призраковъ.

И по неволѣ мысль о *лишеніи*, какъ о долгѣ челоуѣка, являлась тогда мнѣ, и вся жизнь предстала мнѣ длинной цѣпью лишеній, ибо таково всегда слѣдствіе пресыщенія — физическаго или нравственнаго. Я сдѣлался мечтателемъ, но не такимъ, который ненавидитъ все, что несогласно съ требованіями разума, и гордо враждуетъ съ предрасудками, а мечтателемъ, который прінялъ за фактъ свое безсиліе, прінялъ за неизмѣнно-необходимое всё несообразности съ разумомъ, и бросилъ якорь спасенія въ безбрежное море сна, пустоты, несуществующаго.

Все, что окружало меня, все, что душило меня, я признавалъ за высшее себя, за ложе Прокруста, по мѣркѣ которой я долженъ былъ вытягивать или обрѣзывать себя. Я страдалъ, но смиренное страданіе казалось мнѣ единственнымъ удѣломъ челоуѣка на землѣ; міръ представлялъ мнѣ чистилищемъ, душа челоуѣка—узникомъ, запертымъ въ душной темницѣ, жизнь—временемъ.

Бывали вечера, длинныя, зимніе вечера, когда пуста и печальна была моя комната, когда глазамъ становился несносенъ свѣтъ нагоравшей свѣчи, когда душѣ было тяжело ея одиночество.... Тогда бѣдная душа просилась на волю, тогда снова окружали меня воздушные призраки съ своими волшебными, неиз-

вѣданными чарами. О! эти призраки просились жить и сами звали къ жизни.... Миѣ становилось душно.... я ропталъ....

Бывали ночи... усталый, обезсиленный постояннымъ одиночествомъ, я съ рыданіями бросался на ложе. Лучи луны, прорѣзываясь черезъ стекла окопъ, падали на меня. Незамѣтно, тихо лились они въ грудь успокоительною влагою, уста шептали невольно слова молитвы.... я смирялся, я надѣялся....

Я былъ чуждъ всѣмъ и всему — или лучше, всѣ видѣли во миѣ чуждаго. Дикій и принужденный, я казался самымъ близкимъ миѣ злымъ ребенкомъ, неспособнымъ къ ласкѣ, неспособнымъ къ привязанности. Въ восемнадцать лѣтъ меня считали холоднымъ флегматикомъ, потому-что перестали даже считать скрытымъ.

И между-тѣмъ, одиночество сдѣлало меня точно скрытымъ и гордымъ, хотя ни я, ни окружавшіе меня не были въ этомъ виноваты. Еслибъ я высказывался — мои слова показались-бы безумнымъ бредомъ, — но за-то, никогда и ничего не высказывая, я привыкъ считать все мною невысказанное святыней. Я слишкомъ рано увѣрился, что ни одному слову, сказанному мною отъ сердца, не повѣрятъ, и дорожилъ слишкомъ каждымъ такимъ словомъ, чтобы бросать его на вѣтеръ. Когда меня заставляли дѣлать что-нибудь протвѣное моему внутреннему чувству, я не возражалъ, я исполнялъ беспрекословно, — но тщетны были-бы попытки искоренить во миѣ что-нибудь; меня безпрестанно мучили, но тѣмъ сильнѣе была моя привязанность къ оскорбляемой святынѣ.

Таковъ я былъ ребенкомъ, таковъ я былъ юношею. Во миѣ жили двѣ души, одна, которая рвалась на волю, и другая, которая страдала за нее и подчиняла ее страданію. Можетъ-быть, это было слѣдствіе равносильности двухъ еще неустановившихся темпераментовъ.

Все, что обыкновенно вырывается наружу, гнѣвъ, радость, печаль, у меня падало во внутрь, жило внутри и душило меня; неудовлетворенный ничѣмъ, что удовлетворяетъ другихъ, я еще не считалъ себя и правымъ; я мучился еще своимъ уродствомъ, я ждалъ, что придетъ еще что-нибудь спасающее, что миѣ есть примиреніе.

О Боже! жадно стремился я ко всему, чѣмъ примиряются другіе, жадно искалъ я вѣры въ знаніе и знанія вѣры.

Но для меня былъ безжизненъ остовъ науки, отвергнувшей всякую вѣру — и между-тѣмъ, этотъ безжизненный оставъ ли-

шилъ меня послѣдней искры вѣры, послѣдней возможности молиться... И то, что давалъ онъ мнѣ въ замѣну беззавѣтнаго, дѣтскаго лепета молитвы, было такъ пусто и голо, такъ безсвязно и отрывочно...

О Боже! я искалъ Тебя, искалъ связующаго, а они показывали мнѣ міръ въ такомъ страшномъ, хаотическомъ распаденіи!

У мертвыхъ книгъ, у глашатаевъ истины, признанныхъ глашатаевъ, у фарисеевъ и книжниковъ спрашивалъ я, правъ-ли Ты, живущій во мнѣ, страдающій во мнѣ, живешь-ли Ты, Вѣчно-живущій, — а они встрѣчали холоднымъ циническимъ удивленіемъ мой вопросъ, не понимая его, не чувствуя въ немъ нужды.

Они говорили: вотъ передъ тобою предметы, — выбери себѣ любой и изучай его, потому-что каждый изученный предметъ будетъ тебѣ хлѣбомъ.

Имъ нуженъ былъ хлѣбъ животный...

Но они жили, они росли кругомъ меня, всѣ эти люди, они были способны жить: жизнь ихъ была мнѣ упрекомъ.

Я презиралъ самого-себя за то, что не могъ, какъ они, привязаться къ чему-нибудь въ общемъ распаденіи.

Я говорилъ тебѣ разъ о Вольдемарѣ, съ которымъ мы жили какъ съ братомъ, я говорилъ тебѣ о вліяніи на меня этого человека.

Вольдемаръ былъ старше меня, когда мы сошлись съ нимъ впервые; онъ началъ жить слишкомъ-рано внѣшнею жизнью, до того рано, что вовсе позабылъ о существованіи иной, внутренней жизни.

Другими словами, Вольдемаръ не вѣрилъ въ возможность лучшаго, другаго чего-нибудь, кромѣ того, что имъ было уже прожито, а всѣмъ прожитымъ былъ онъ пресыщенъ, все прожитое было ему гадко.

А между тѣмъ, онъ былъ въ полномъ цвѣтѣ молодыхъ силъ, которыя развились въ немъ свободно и широко.

Онъ былъ хорошъ, какъ мужъ, но на устахъ его мелькала иногда объятельная, змѣнная улыбка женщины. Минуты такой улыбки бывали рѣдки, но онѣ бывали. И то не были минуты мечтательности, ибо мечтательность есть ожиданіе лучшаго. Нѣтъ! то былъ странный, неостижимый, противорѣчившій разсудку возвратъ первоначальныхъ дѣтскихъ словъ, розовыхъ сѣній, какими окруженъ Божій міръ, для едва пробудившагося

сознанія. Въ немъ была способность усыплять свое я и во-время сна накидывать на него давно-сброшенную оболочку.

Въ немъ была способность обманывать себя, отречься отъ своего я, переноситься въ предметы.

Онъ былъ художникъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; въ высокой степени присутствовала въ немъ способность творенія...

Творенія — но не рожденія, — творенія изъ матеріаловъ грубыхъ, правда, но вѣшнихъ, а не изведенія изнутри себя рожденій собственныхъ.

Онъ не зналъ мукъ рожденія идеи.

Съ способностію творенія, въ немъ росло равнодушіе.

Равнодушіе — ко всему, кромѣ способности творить, — къ Божьему міру, какъ скоро предметы онаго переставали отражаться въ его творческой способности, къ самому-себѣ, какъ-скоро онъ переставалъ быть художникомъ.

Такъ созналъ и такъ принялъ этотъ человѣкъ свое назначеніе въ жизни... Страданія улеглись, затихли въ немъ, хотя, разумѣется, не вдругъ.

Этотъ человѣкъ долженъ былъ или убить себя, или сдѣлаться такимъ, какимъ онъ сдѣлался... Широкія потребности даны были ему судьбою, но пущенныя въ ходъ слишкомъ-рано, они должны были или задушить его своимъ броженіемъ, или заснуть, какъ засыпаютъ волны, образуя ровную и гладкую поверхность, въ которой отражается свѣтло и ясно все окружающее.

Но я говорю тебѣ, что это сдѣлалось не скоро. Я не видалъ человѣка, котораго-бы такъ душила тоска, за котораго-бы я болѣе боялся самоубійства.

Я любилъ его съ безотчетною, пѣжною, покорною преданностію женщины, — и теперь даже это одинъ человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ, съ которымъ мнѣ не стыдно было-бы предаваться ребяческимъ, женскимъ ласкамъ. Я боялся за него, я проводилъ часто ночи у его постели; стараясь чѣмъ-бы то-ни было разсѣять это страшное хаотическое броженіе стихій его души. Чѣмъ-бы то ни было — безъ ограниченія. Это было смиреніе, простиравшееся до самоуничтоженія, это было убаюкиваніе, простиравшееся до жи...

Можетъ-быть, я сдѣлалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ теперь, ибо какъ за якорь спасенія схватился я за художественное влеченіе его природы, не думая, что вмѣстѣ съ этимъ развивалось въ немъ равнодушіе.

Я убѣждалъ его жить не для себя, но для своего призванія, какъ будто-бы призваніе не бесплодно, когда оно живетъ на счетъ жизни, какъ будто-бы пужны міру *слѣпки* съ него!

Я былъ нянькою, любовницею, женщиной для этого человѣка, и онъ зналъ это: онъ терзалъ меня!

И когда, въ-замѣну своей преданности, моя мужская натура требовала такой-же, онъ убѣждалъ меня въ не-бытіи моей мужской природы, моихъ огненныхъ стремленій, моихъ безумныхъ потребностей...

Я былъ одинокъ... я былъ чуждъ всѣмъ, ибо зналъ, что всѣ, кому-бы я ни открылъ себя, назвали-бы меня безумцемъ.

Онъ не звалъ меня безумцемъ, онъ сдѣлалъ лучше, онъ поселялъ во мнѣ сомнѣніе въ моемъ безуміи...

Онъ не говорилъ мнѣ: «Ты самъ не знаешь, чего хочешь!» Нѣтъ! онъ говорилъ — «Ты ничего не хочешь, ты играешь комедію.»

И между-тѣмъ, такимъ-же смѣхомъ, такую-же проницію встрѣчалъ онъ всѣ мои попытки мириться съ требованіями міра, съ знаніемъ міра, съ дѣятельностію міра. Ему равно не хотѣлось, чтобы я подходилъ подъ общій уровень, потому-что въ такомъ случаѣ я пересталъ-бы понимать его.

Онъ смѣялся цинически надъ моею жаждой вѣры — убѣждая меня, что я слишкомъ-умень, чтобы вѣрить во что-нибудь, — и положительно не вѣрилъ существованію во мнѣ способности заняться чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ на свѣтѣ. Въ послѣднемъ онъ былъ правъ.

Онъ любилъ меня потому, что я былъ необходимъ для него; смѣясь надъ моими страданіями, онъ переживалъ ихъ, какъ переживаетъ зеркало отражающіеся въ немъ предметы; онъ любилъ не меня, но мою способность къ хандрѣ, къ страданію.

Есть люди, которые думаютъ, что можно мыслить такъ и жить иначе, — которые готовы слушать оправданіе злодѣяній, пожалуй, и которые первые бросятъ камень за малѣйшее уклоненіе отъ обыкновеннаго пути.

Онъ съ спокойной совѣстью поддерживалъ во мнѣ мое мышленіе; онъ, въ минуты злой досады, алашизировалъ мнѣ самого-меня и доказывалъ, что у меня нѣтъ привязанностей, что у меня нѣтъ сердца, нѣтъ личности.

О! состояніе безличности страшно!

И я былъ въ этомъ состояніи, былъ долго, до того долго, что самъ началъ было сомнѣваться въ существованіи у себя личности.... что привыкъ даже къ этой мысли....

Тогда на меня налегла всею тяжестью невыносимая, убійственная апатія. Да и какъ-же иначе? Я былъ такъ изнуренъ бесплодной борьбой съ тѣмъ, что казалось мнѣ противнымъ долгу въ моей природѣ, что долженъ былъ успокоивать себя хоть забвениемъ о своемъ вѣчномъ врагѣ, о своей бѣдной душѣ, о ея ненасытимой жадѣ...

Но не дано было мнѣ забвение — и не въ чемъ было мнѣ забытья!... А я все ждалъ чуда, все ждалъ спасенія.

И чудо сбылось...

Да! то было чудо — то было исполненіе ожидаемаго, оправданіе стремленій живой души, первый успокоивающій отвѣтъ на ея мучительные вопросы...

Отвѣтъ — данный небомъ, но перетолкованный землею!

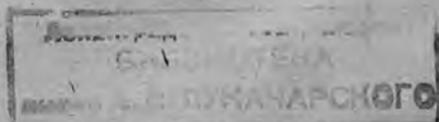
Я помню старый, простой, бѣдный храмъ, съ почернѣвшими образами, выглядывавшими мрачно изъ старинныхъ серебряныхъ окладовъ, тусклый свѣтъ лампадъ, однообразное пѣніе, однообразное, какъ стоны рыданій человѣка о своемъ паденіи, смиренное, какъ моленіе ожидающаго... Моя душа такъ сходна была съ этимъ храмомъ..... какъ этому старому храму, были ей чужды все иные звуки, кромѣ стоновъ паденія... Кругомъ стояла и молилась толпа; но зачѣмъ она стояла? о чемъ она молилась? Она пришла оскорблять святыню храма смерти своими молитвами о благахъ жизни, она пришла ругаться надъ падшимъ духомъ въ его сокровенное убѣжище, гдѣ распростерся онъ у подножія креста, пріявшій зракъ раба, оковы преступника... Мнѣ было тяжело: мнѣ хотѣлось взять бичъ и изгнать продающихъ и купающихъ, мнѣ хотѣлось быть одинъ-на-одинъ съ невидимымъ духомъ стараго храма. Я былъ одинъ, одинъ какъ первый падшій — пока лучъ упованія не освѣтилъ для него креста, на которомъ заклала себя Вѣчная Любовь!

Но вдали отовсѣхъ, хотя колѣнопреклоненная со всемі, стояла женщина.

Мнѣ не забыть никогда этого лица, правильнаго, блѣднаго, озареннаго глазами, которыхъ цвѣтъ угадать было можно только взглянувъ въ нихъ пристально, глазами съ двойственнымъ свѣтомъ, то тихимъ и грустнымъ, какъ влажный взглядъ грѣшницы, то яркимъ и свѣтымъ, какъ взоръ кудряваго ребенка, безопасно-порхающаго за мотылькомъ, — мнѣ никогда не забыть этихъ чертъ, неувомимыхъ въ самой правильности, тонкихъ, прозрачныхъ, подвижныхъ, этой улыбки, исполненной лукаво-дѣтскаго кокетства...

Т. I. — Отд. I.

2

И эта женщина предстала мнѣ кающейся Магдалиной, обнявшей крестъ Распятаго Учителя.

Она была прекрасна — какъ мраморное изваяніе, — она была прекрасна, стоявшая на колѣняхъ, какъ прекрасное созданіе, падшее передъ своимъ мастеромъ.... Она была прекрасна въ этомъ мрачномъ и бѣдномъ храмѣ, какъ лучшая жертва грѣхознаго міра своему Искупителю. Она была прекрасна, какъ смиреніе и надежда.

Я также упалъ на колѣна, я также началъ молиться. Я также смирился, ибо повѣрилъ въ красоту и счастье. Но когда она встала потомъ, когда, величаясь, какъ царица, легкая, какъ воздушная тѣнь, проходила она сквозь толпу, и когда за нею несея шопоть порицанія, шипѣніе клеветы — я гордо поднималъ голову... Я поклонился въ ней оклеветанному и падшему, я былъ равенъ съ нею, — я одинъ могъ подать ей руку.

И вся жизнь моя стала ожиданіемъ появленій этой женщины, и послѣ cadaго появленія, я былъ счастливъ лихорадочнымъ воспоминаніемъ объ этомъ появленіи.

По цѣлымъ днямъ лежалъ я въ забытьи, припоминая ея черты, ея легкую походку, слыша волшебные звуки ея голоса. Образъ ея былъ неуловимъ для меня: съ каждой новой встрѣчей я падалъ въ прахъ передъ этимъ образомъ—и возвращался успокоенный, блаженный вполне, унося съ собою еще новую, прежде незамѣченную черту.

Я таялъ, и былъ счастливъ тѣмъ, что я таялъ, вся жизнь являлась мнѣ горѣніемъ.... Съ нею замолкъ мой ропотъ на одиночество, на бесплодность моей жизни. Къ чему мнѣ былъ тогда міръ? кругомъ меня роился міръ призраковъ, я утопалъ въ блаженствѣ созерцанія, я уничтожался, я истощался въ этомъ блаженствѣ и истощеніе силъ казалось мнѣ единственнымъ ихъ назначеніемъ.

Я помню утро... свѣтлое, весеннее утро, голоса первыхъ жаворонковъ въ свѣжемъ и легкомъ воздухѣ, — помню встрѣчу съ нею, всегда одинаково прекрасною, всегда величавою и стройною, помню опадающій взглядъ, упавшій на меня случайно и снова опущенный въ землю, помню младенчески-ясное, беззаботно-довольное чувство, владѣвшее мною въ это утро.... чувство вѣсело, чувство любви, чувство жизни безъ завтра....

Я помню ночи, долгія, теплыя лѣтнія ночи подъ завѣтными окнами простаго, смиреннаго домика, трепеть ожиданія, лихорадочную дрожь страсти, и безумный, неистовый восторгъ при появленіи прозрачнаго профиля, отбѣннаго черными локонами, освѣщеннаго голубыми глазами, сіяющими, но равнодушными, какъ сіяніе дальнихъ звѣздъ.

Я помню зимніе вечера въ душевной комнатѣ, съ нагорѣвшей свѣчою, съ однообразнымъ трескомъ мороза на крышѣ, съ напряженіемъ создать передъ собою неуловимый, ускользающій образъ, съ блаженною тоскою страсти, съ молодою жаждою счастья, любви, жизни, съ дѣтскою довѣрчивостію къ картамъ, раскладываемымъ старою нянькою.

О, да! я долго былъ мечтателемъ, я долго истощалъ силы въ безплодныхъ страданіяхъ — я долго жилъ въ мірѣ призраковъ, я-бы, можетъ-быть, сталъ равнодушенъ ко всему Божьему міру — ежели-бы случайное столкновение съ нимъ не разбудило во мнѣ дремавшаго сочувствія.

Да будетъ благословенно Провидѣніе, которое не дало мнѣ успокоенія, да будетъ благословенна жизнь, да будетъ благословенно страданіе!..

Виталищъ замолчалъ.

— Все? спросилъ я его не безъ удивленія: а гдѣ-же Офелія?

— Прости мнѣ пожалуйста мой лирическій бредъ, сказалъ онъ улыбаясь: я и забылъ, что тебѣ нужны всегда факты.

— Замѣчу въ скобкахъ, мой любезнѣйшій, одинъ изъ твоихъ недостатковъ: ты никогда не говоришь о томъ, о чемъ общаешь говорить. Въ твоихъ рассказахъ нѣтъ ни начала, ни конца....

— Ни морали, добавилъ Виталищъ. Советую тебѣ такъ и называть ихъ, если вздумаешь когда-нибудь передавать другимъ; но я и забылъ дѣйствительно, что общался говорить тебѣ объ одной женщинѣ, которую я звалъ Офеліей.

Виталищъ досталъ изъ стола старую, запыленную связку бумагъ и подаль ее мнѣ, сказавши: — Читай.

Я читалъ, — Арсеній ушелъ въ садъ.

III.

ДНЕВНИКЪ МЕЧТАТЕЛЯ.

Авг. 23.

Я ходилъ вчера долго по пустымъ улицамъ: было сыро, холодно, мрачно.... вмѣсто звѣздъ тускло свѣтились фонари. Миѣ было тяжело... Что это было такое?.. Насмѣшка судьбы, вырвавшей меня на мигъ изъ моей пошлой, изъ моей страшной жизни, для того, чтобы показать миѣ ее во всей отвратительной наготѣ — или призывъ къ иному, лучшему бытію?

Ея нѣтъ.... этой мыслью отравлено все теперь мое существованіе, ея нѣтъ — и миѣ не о чемъ думать, и миѣ не въ чемъ забыться... И опять оставленъ я въ добычу тяжолымъ, мучительнымъ вопросамъ... и опять я не могу молиться.

И однако третьяго-дня ночь была такая свѣтлая и холодная, лучи луны озарили преддверіе храма: я былъ на коленяхъ, я молился... Молился... Да! по миѣ приходитъ теперь часто въ голову страшная мысль, что нельзя жить вѣчно такой молитвой: я называю эту мысль страшною потому, что она влечетъ къ дѣлу, къ жизни — а что я буду дѣлать?.. Иногда миѣ кажется, что я вовсе неспособенъ жить. Или я неспособенъ только жить такъ, какъ живутъ другіе? Но опять, неужели одинъ я — правъ?...

Я падалъ подъ бременемъ обязанностей, легкихъ для другихъ, невыносимыхъ для меня, — я падалъ, я презиралъ себя — и Ты спасъ меня, Вѣчный Боже! — Ты такъ успокоительно озарилъ меня Твоими лучами — лучами красоты, — и когда я упалъ въ прахъ, я такъ глубоко понялъ сердцемъ, что прекрасное живо и дѣйствительно... Я считалъ себя отверженникомъ, — Ты явился миѣ, Ты излилъ на меня любовь Свою, Ты ввелъ меня въ семью человечества...

Боже, Боже! Когда храмъ наполнялся хвалою Твоего имени, когда братскимъ лобзаніемъ сливались въ немъ разрозненные люди въ великій праздникъ примиренія — я не былъ болѣе отверженникомъ, между мною и людьми было существо, которое любилъ я — и со всѣми сливался я любовью.

Любви моей нѣтъ, — и я снова чуждъ всѣмъ, и снова жизни ея кажется миѣ такъ мелочна, такъ пуста, такъ лишена свѣ-

та — но я уже не презираю себя, я уже покупаешь Твою любовь, о мой Спаситель!..

О любовь моей души, о моя Елена — моя въ царствѣ Божьей мысли, я жду тебя, какъ прежде, у колоннъ стараго храма, жду съ тѣмъ-же смиреніемъ, такъ-же готовый упасть во прахъ...

Но передъ Тобою, о Боже, а не передъ міромъ!

Сентября 1.

Тяжело, страшно-тяжело. За-чѣмъ хотять отнять у меня все, чѣмъ живу я, за-чѣмъ хотять отнять у меня моего Спасителя — за-чѣмъ хотять низвести въ чреду обыкновенной, пошлой жизни проявленія Божественной любви?

Вольдемарь!.. сжался надо мною, сжался надъ благороднѣйшею частью самого-себя, — ты не можешь не вѣрить въ страданіе по лучшему, по утраченномъ бытіи...

Но-если-бъ даже я обманывалъ себя — вѣдь этотъ обманъ спасаетъ меня, вѣдь этотъ обманъ — чаша утоленія невыносимо-жалящей жажды...

Къ чему убѣждать меня, что мои вѣрованія носить въ себѣ сѣмяна разрушенія, что они непохожи нисколько ни на одно пѣзъ признанныхъ. Я забывался, я былъ блаженъ.. я былъ — спасень!..

Душно, душно....

Я не хотѣлъ-бы раздвигать границы моего чувства, я не хотѣлъ-бы пояснять себѣ моего чувства — а меня мучать насмѣшливымъ невѣріемъ, а меня заставляютъ идти впередъ... И что-то мрачное присоединяется къ моимъ свѣтлымъ призракамъ, и кажется, съ каждымъ шагомъ впередъ путь становится мрачнѣе и мрачнѣе....

Ибо нѣтъ мира между Богомъ и Велиаромъ....

И я-ли усташусь Твоего пути, я — спасенный Тобою... Я созерцалъ Изиду безъ покрова: я стоялъ на той неизмѣримой высотѣ, съ которой знаніе, искусство... жизнь наконецъ, кажутся облаками скрывающими чело горы,.. я зрѣлъ тебя, Крестъ любви и страданія, знаменіе разъятаго Космоса...

О! какъ олень жаждетъ на источники водные — сице возжажда душа моя къ Тебѣ, Боже!

Мечъ и раздѣленіе принеси Ты Божественный — дай-же мнѣ силы возлюбить мечъ и раздѣленіе.

Со стопами и рыданіями лежалъ я сегодня во прахъ передъ ликами Твоихъ избранныхъ, со стопами и рыданіями о самомъ-себѣ, о своемъ правственномъ безепіи....

Еще одну каплю любви, о мой Боже, еще одно явленіе Твоей благодати... Подкрѣпи меня, спаси меня!

Сентября 3.

А я еще молодъ.... душа такъ жадно просится жить, при взглядѣ-ли женщины, при тихомъ-ли лепетѣ дѣвственныхъ устъ, при мечтательныхъ-ли звукахъ музыки, подъ которые несутся легкія пары.... Тогда мнѣ кажется, что я опередилъ свою жизнь, что я убилъ свою жизнь, тогда мнѣ также хочется нестись въ блаженномъ самозабвеніи, тогда эти звуки развиваютъ передо мною цѣлые ряды призраковъ, воздушныхъ, дѣвственныхъ, страстныхъ: да, да! я могъ-бы также, веселый, свободный, безпечный, нестись, обнявши гибкій станъ женщины, также пылать отъ прикосновенія къ щекамъ мопмъ каштановыхъ локоновъ, чувствовать такой-же трепетъ сердца, какъ всѣ другіе; для меня также, можетъ-быть, назначены были судьбою и тихія пожатія рукъ, и кроткіе голубые взгляды, полные безконечной преданности, и условенныя ветрѣчи, и счастье взаимной тайны, тайны любви, тайны ребячества, тайны блаженства.... Я также, какъ и другіе, и теперь даже способенъ забытья въ чаду безумной веселости.... Да, я это чувствую, я это знаю — я испыталъ это вчера; я, дикій и флегматическій — способенъ быть ловкимъ и гибкимъ, способенъ говорить безъ умолку....

Странно! самъ не понимаю, что было со мною вчера, что оживило меня: думаю, влияние молодости этой дѣвочки, которую я такъ привыкъ звать сестрой, на которую я не обращалъ никогда вниманія. Вчера я какъ будто въ первый разъ ее видѣлъ — хотя мы росли вмѣстѣ, хотя недалѣе, какъ за недѣлю, я съ нею сидѣлъ цѣлый вечеръ, и она не была для меня даже женщиной. Но вчера, въ день ея именинъ, она, казалось, вдругъ выросла, вдругъ приобрѣла всѣ дары женщины — и огненный румянецъ, и искусство одѣваться, и даже — что особенно меня поразило — граціозность манеръ.... Давно-ли еще мнѣ были несносны и смѣшны ея претензіи, ея нижегородско-французскія фразы, ея ложь на каждомъ шагу, ея желаніе быть выше своего состоянія....

Чѣмъ-же она виновата, бѣдная дѣвочка?... Мать ходитъ сама на рынокъ и брашится, какъ кухарка, — отецъ пьянъ съ утра до вечера, — а она — учена по-французски, а ей съ ребячества набили голову — *воспитаніемъ* и *танцами*.... Пока въ ней не было ничего, кромѣ воспитанія и танцевъ, до-тѣхъ-поръ, она была, *rouge dire le mot porgre*, — отвратительна...

Но пришла ея минута, минута жажды воздуха и жизни, та минута женщины, когда почка мгновенно раскрывается цвѣткомъ, хризалида вспархиваетъ бабочкою, — пришла эта минута, и чудно легли пышные бѣлокурые локоны на иѣжный прозрачный ликъ ея, и жажда любви пробилась на блѣдныя ланиты рѣкимъ заревомъ румянца, и рѣзкій, несносный, дѣтскій голосъ замѣнился тихою рѣчью — и быстрые голубые глаза подернулись влагою, и чувство стыда, чувство сознанія, чувство раздѣленія добра и зла — сжало въ границахъ порывы, и не могло только остановить соблазнительныхъ колыханій груди, да по временамъ вырывающагося звонкаго, но тихаго, какъ серебряный колокольчикъ, ребяческаго смѣха....

Бѣдная дѣвочка!... Такъ искренно пилъ я за ея счастье бокалъ настоя изъ бѣлаго вина съ французской водкой, подаваемого подъ видомъ шампанскаго... да! я желалъ ей счастья, — я сказалъ ей, что желаю ей счастья... что желаю ей... любви, прибавилъ я такъ тихо, что только она одна могла это слышать.

Она всыхнула, она опустила глаза въ землю, и опустила стыдливо, какъ дѣвушка, страстно, какъ женщина, лукаво, какъ ребенокъ.

— Завтра мы увидимся съ вами, братецъ?... прошептала она мнѣ на прощанье.

Я отвѣчалъ утвердительно, — и точно отправляюсь нынче съ отцомъ и съ Вольдемаромъ на одну свадьбу, гдѣ она должна быть.

Сентября 4.

Лучи жизни, лучи молодости неходятъ отъ этой дѣвочки; я опять былъ веселъ, я опять предавался безумному веселью, веселью безпритязательному, съ забвеніемъ о гнусной патянутости всего этого овоскресенивагося люда, съ забвеніемъ о сальныхъ свѣчахъ пополамъ съ восковыми... съ забвеніемъ о самомъ-себѣ, о своей любви, обо всемъ, обо всемъ....

Она вошла такъ хороша, такъ отдѣлена отъ всего этого натяпутаго я перетяпутаго мірка, такъ молода, такъ проста въ каждомъ своемъ движеніи. Какимъ чутьемъ поняла она, что простота и изящество — одно и тоже? — кто сказалъ ей, что ея природа одна изъ избранныхъ женскихъ природъ?...

Она бросила мнѣ такъ рѣзво и вмѣстѣ кокетливо свой голубой шарфъ, когда встала за невѣстой....

Я одинъ ходилъ съ нею, я пользовался моими правами брата въ пятнадцатомъ колѣнѣ, пользовался своимъ безпритязательнымъ положеніемъ въ отношеніи къ ней, клалъ руку на ея стулъ, сидя съ нею, и она такъ близко наклонялась ко мнѣ, что нѣсколько разъ я чувствовалъ прикосновеніе ея локоповъ.... Меня самого озаряло ея сіяніе, я былъ веселъ, я былъ доволенъ собою. Мнѣ было хорошо отъ того, что во всемъ этомъ кружкѣ — она чужда всѣмъ, кромѣ меня, — что она улыбается только мнѣ, что ея глаза смотрятъ прямо и ясно только въ мои глаза; мнѣ было хорошо отъ того даже, что ея отецъ смотритъ на меня, какъ на родственника, которому въ состояніи поручить, пожалуй, одному, отвезти свою дочьъ домой въ каретѣ... Глупо и смѣшно — а я радъ бы былъ, если-бъ кто-нибудь сказалъ о ней замѣчаніе, къ которому-бы я могъ придратъся... Я былъ молодъ до того, что чувствовалъ себя способнымъ драться за нее на дуэли.

Я былъ радъ даже тому, что Вольдемаръ поѣхалъ только для меня, что онъ бѣсился на непорядочность, что онъ хандритъ и не замѣчалъ ореолы, которая окружала эту дѣвочку.

— Вотъ, скоро, можетъ-быть, мнѣ придется быть шаферомъ, сказалъ я отцу.

И мнѣ стало грустно, мнѣ стало больно — но за нее-ли только, за ея-ли будущее?...

Сегодня со мной такое сладко-болѣзненное состояніе, что мнѣ не хочется оторваться отъ вчера, отъ воспоминаній о вчера, отъ моего дневника.... Мнѣ какъ-то неловко, какъ-то стыдно даже, и между-тѣмъ, въ этой неловкости, въ этомъ стыдѣ такъ много счастья! Вчерашнее впечатлѣніе еще лежитъ на всемъ, лежитъ такъ, что нѣтъ силъ возвратиться къ прежнему взгляду на жизнь....

Сентября 5.

Впечатлѣніе неизгладимо, но оно тяготеетъ надо мною, оно давить меня, оно обратилось во что-то глубоко-грустное, болѣзненно-печальное.

Я взглянуть пынче на себя... Желтый, почти зеленый, худой...

— Слѣдствія безалаберной нравственной жизни! замѣтилъ сзади меня Вольдемаръ. Въ его насмѣшкѣ пробилось однако невольное сожалѣніе и участіе. Бѣдный! онъ также страдаетъ....

И отдадутъ ее какому-нибудь Карпу Кирилычу — гладко-обстриженному, облизанному, глупому, нравственному....

Бѣдное дитя мое, бѣдная Офелия... Да! Офелия... Невольно приходитъ въ голову при взглядѣ на нее это имя, и не мнѣ одному. Вольдемаръ старался меня увѣрить, что все это вздоръ, что въ ней нѣтъ ничего особеннаго.

Я давно не молился....

О, моя Елена — спаси меня, спаси меня!

Сентября 7.

Удивляюсь вѣрности своихъ предчувствій: пынче приходилъ ея отецъ съ объявленіемъ, что за Лизу сватается женихъ, по рассказамъ его, человѣкъ съ состояніемъ и офицеръ. Онъ просилъ совѣта моей матери, и смотръ жениха назначенъ у насъ сегодня вечеромъ....

Да — это такъ, да и чего-же можно было ожидать мнѣ?

Черезъ полчаса послѣ пріѣзда жениха, я одѣлся и сошелъ внизъ. Женихъ — маленькій человѣчекъ, съ обиженной наружностію и со всеми манерами пѣхотинца — сидѣлъ съ моимъ отцомъ на диванѣ; противъ нихъ стоялъ ея отецъ со взглядомъ, устремленнымъ на принесенный уже графинъ ерофеича. Матери моей не было, когда я вошелъ; мать Лизы сидѣла на креслахъ у печки. Разговоръ общій шелъ о строеніи дворца....

Она сидѣла у окна, на голубой козеткѣ, играя концами шарфа, по-видимому спокойная, веселая, стараясь показывать видъ, что ей вовсе неизвѣстна дѣль, для которой ее привели — да! привели, — это — настоящее слово.

Когда я вошелъ, — отецъ мой обратился къ офицеру:

— Мой сынъ, сказалъ онъ, со всею простотою порядочности, сохраненною имъ, не-смотря на жизнь внѣ того круга, къ которому назначали его — его природа и образованность.

Офицеръ всталъ и вытянулся: его маленькая фигурка показалась мнѣ удивительно-смѣшною. Онъ протянулъ руку: я ему поклонился.

И потомъ, видя, что разговоръ опять обратился къ строенію дворца, я подошелъ къ ней и сѣлъ на другой конецъ козетки.

Мы говорили о прошедшемъ балѣ, со времени котораго мы еще не видались, — я былъ недоволенъ ею, ея притворнымъ равнодушіемъ, ея явно-ложнымъ незнаніемъ...

И между-тѣмъ все-таки она была чудно-хороша!

Вошла моя мать, и черезъ дѣсколько минутъ вызвала меня въ столовую.

— Говори съ нею меньше, сказала она мнѣ: ты хотя и братъ, по все молодой человѣкъ, — женихъ можетъ Богъ-знаетъ что подумать....

Итакъ, съ первымъ появленіемъ жениха, женщина становится обреченной жертвой, которой не должны касаться профаны!...

Мнѣ было досадно.... мнѣ становилось душно; я сѣлъ у противоположнаго окна и погрузился въ самого-себя.... Ей было, кажется, страшно-скучно....

Она и я — мы оба были дѣти.

Ея мать обратилась ко мнѣ съ просьбою сыграть что-нибудь. Я вышелъ въ залу и сѣлъ за рояль; она также вышла и облокотилась на доску.... Она, казалось, ждала, чтобъ я началъ разговоръ.

— Послушайте, сказалъ я ей тихо и по-французски: теперь дѣло идетъ о васъ, о вашей жизни....

— Я васъ не понимаю, отвѣчала она съ самымъ наивнымъ изумленіемъ.

— Мнѣ и вамъ притворяться некогда, — я вамъ говорю, что дѣло идетъ о вашемъ сердцѣ...

— О сердцѣ?... У меня нѣтъ сердца! и она засмѣялась. Gnade, Gnade für dich selber. игралъ я почти съ отчаяніемъ. Подошла моя мать.

— Ну что, Лиза, правится-ли тебѣ женихъ? спросила она.

— Женихъ! какой женихъ, тетенька? говорила Лиза съ аффектированнымъ простодушіемъ.

Мнѣ было больно за нее, мнѣ было больно за искаженіе ея природы.... — я кончилъ играть — я ушелъ на верхъ.

И вотъ я одинъ — и сердце мое разбито...

Неужели правъ Вольдемаръ? неужели страданіе — блажь, вздоръ, неужели все гадко, и все довольно гадостью?

Онъ хохочетъ злымъ смѣхомъ надъ моимъ отчаяніемъ.

— Да, тебѣ-то что? говорилъ онъ: развѣ ты влюбленъ въ нее?...

И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь она счастлива, вѣдь она больше ничего не требуетъ, вѣдь она отрекается отъ сердца... Я долженъ радоваться ея счастью.

Такъ, по-крайней-мѣрѣ, говорить нравственность.

Сентября 10.

Вчера было обрученіе. Она стояла веселая и спокойная, но на жениха смотрѣла она какъ на что-то совершенно-чуждое и постороннее.

Послѣ обрученія, онъ пустился въ пѣсни; она невольно отворачивалась.

И между-тѣмъ — она была весела!

Всѣ были довольны. Отецъ ея былъ пьянъ.

Когда мы шли домой, ночь была холодная, свѣтлая; мѣсяцъ вырѣзывался свѣтло и ярко. Во мнѣ жило въ эту минуту прошедшее, я снова мечталъ, я забылся... Нѣтъ, нѣтъ — мое блаженство, мое страданіе — только мое и ничье болѣе; другіе — не поймутъ его, ибо не знаютъ его, ибо другіе — отъ міра.

Но за-чѣмъ-же сердце проситъ довѣренности, за-чѣмъ стремится оно жадно раздѣлить каждое святое, прекрасное впечатлѣніе?....

..... Поговоримъ, мой милый,

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви! нынѣ я складывалъ мнѣ нынче Вольдемаръ, съ тою рѣдкою обаятельною улыбкою, за которую я забываю всѣ пытки, какими онъ меня мучитъ.

Я до зари просидѣлъ у его постели, слушая его рассказы о первыхъ грезахъ его поэтическаго дѣтства, читая его стихи, раз-

сказывая ему свои вѣрованія... Да! этотъ человѣкъ одинъ изъ немногихъ избранниковъ искусства — и у меня есть назначеніе около него...

Благодарю Тебя, Боже, за это назначеніе, благодарю Тебя за смиреніе, которое вѣра въ Тебя, вовѣки живущаго, сообщила мнѣ — больному, падшему, утомленному.

Да будетъ воля Твоя, Отче!

Алѣетъ заря.... розовымъ сіяніемъ озарена моя маленькая комната, портретъ матери на стѣнѣ и въ углу крестъ Божественнаго Учителя. Все мое со мною.

Пора заснуть, пора увидѣть свѣтлый, милый образъ!

Сентября 11.

Боже, Боже, — сжался надъ нею, сжался надо мною... осуди меня на вѣчно мученіе, но спаси ее.

Бѣдный ангель, бѣдное дитя... ужели ты осуждена, послѣднимъ, роковымъ судомъ?..

Палачи, демоны... о Спаситель, Спаситель, вырви ее изъ когтей ихъ!...

Спаси ее, спаси ее!..

О! неужели только за то проклята ты, мое дитя, что ты чиста и прекрасна, что ты вѣрна, что пытка упрековъ и жалобъ ужаснѣе смерти и несчастья...

Спаситель — я во прахѣ передъ Тобою, я готовъ на муки и страданія.

Сентября 12.

Цѣлую ночь, длинную, бессонную, страшную ночь провелъ я въ рыданіяхъ и столахъ. Неужели спасенія нѣтъ!...

За нами прислали вчера: мать лежала въ постели больная, и потому только мы одинъ съ отцомъ пошли къ нимъ. Приходимъ — все по обыкновенію; за столомъ Елисейчъ и будущій зять съ красными фізіономіями, и передъ ними графинъ съ ерофейчемъ. Матушка недовольна будущимъ зятемъ, что мало при-

носить подарковъ, и ругаетъ мужа за то, что онъ только-де и знаетъ, что съ раняго утра наливаетъ глаза, что она то-де ужъ такая несчастная и т. п.

Я сълъ играть по обыкновенію: она стояла подлѣ меня, прекрасная, молодая, съ огненнымъ румянцемъ на щекахъ, съ тихо-волнующеюся грудью...

Мы говорили — о чемъ мы говорили? — не знаю.

— Миѣ завидуютъ многіе, сказала она вдругъ съ горькою улыбкою.

— Вамъ?

— Да, продолжала она такъ печально и жалко.... Mon frère, mon frère, je suis bien malheureuse! прошептала она едва-слышно, склонивши голову на руку.

— А зачѣмъ вы не слушали меня, когда я говорилъ вамъ о сердцѣ?.. отвѣчалъ я почти со слезами.

— Я васъ не знала, простите меня... И она подала миѣ руку, которую пожалъ я сильно.

Глаза ея были влажны... я почти плакалъ.

— На жизнь и на смерть? не правда-ли?... говорилъ я, не выпуская ея руки.

Мы долго сидѣли молча, смотря другъ на друга. Ея бѣдная, стѣсненная, воздушная душа была, казалось, счастлива, нашедши для себя свободу и пространство излиться...

И тихо и грустно лилась изъ дѣвственныхъ устъ печальная исповѣдь жизни, однообразной, но трепетной, но исполненной ожиданій, исповѣдь души свѣтлой и воздушной, осужденной на душную и грубую темницу, исповѣдь молодости, жажды, желаній, встрѣчающихъ на каждомъ шагѣ грубыя противорѣчія, отвратительныя оскорбленія.. Передо мной раскрылась святыня этого юнаго сердца, и я понялъ, что даже вѣчная ложь была заслугою въ этой благородной природѣ, была чувствомъ янаго, лучшаго назначенія — и я готовъ былъ поклониться въ ней самой жи...

Бѣдное дитя мое.... Офелия, Офелия!

Сентября 13.

Вольдемаръ повѣрилъ наконецъ въ страданіе, — онъ боленъ, какъ я же, отъ мысли о ея судьбѣ.

Нынче я ходилъ молиться за нее—но не могъ молиться... Тяжолое чувство давить мнѣ душу, чувство вражды и ненависти.

Цѣлый міръ кажется мнѣ громаднымъ демономъ, котораго коти впиваются во все свѣтлое и прекрасное.

Зашелъ къ нимъ: она больна, она страшно-жалка... Принужденъ былъ говорить съ этой несносной старой дѣвой Анной Максимовной, съ отвратительной гарпіей, которая вѣшаетъ на меня и на Вольдемара вмѣстѣ, и которая живетъ у нихъ въ родѣ компаньонки, родственницы, гувернантки или, точнѣе, проживалки.

Во мнѣ разливается жолчь.

Сентября 14.

Нынче утромъ былъ у насъ женихъ и зашелъ къ намъ на верхъ выкурить трубку. Распространялся о своей любви къ ней—и вдругъ съ какимъ-то страннымъ смиреніемъ сталъ унижать себя передъ нею.

— Гдѣ ей любить меня? замѣтилъ онъ такъ жалко, что я — право, готовъ былъ заплакать. Это чувство понятно,—я не могу видѣть даже мученія собаки.

Но — онъ и она, о мой Боже!

Вечеромъ пришла Анна Максимовна... она насильно посадила меня за рояль, кажется, для того, чтобы сказать мнѣ, что она знаетъ о моемъ участіи къ Лизѣ, о нашей дружбѣ — и потомъ, какъ Діонисій, тиранъ Сиракузскій, предложить себя въ друзья, для составленія тріо.

Мнѣ стало скверно.

Опять всю ночь не спали съ Вольдемаромъ: онъ говорилъ, что хотѣлъ-бы влюбиться, что ему это нужно для его поэзіи, что влюбиться не трудно, стѣнать только захотѣть...

Онъ постепенно экзальтировался.

Сентября 15.

Послѣ завтра—свадьба. Она пріѣзжала съ женихомъ... Я опять игралъ. — Вольдемаръ говорилъ съ нею. Онъ былъ хорошъ, онъ обаятельно улыбался, онъ не смѣялся цинически.

Она какъ-то чуждалась меня.

Женихъ просилъ меня быть шаферомъ. Со мною онъ хочетъ быть, видимо, по-родственному.

Прощаясь, она обратилась къ Вольдемару.

— Прощу васъ быть на моей свадьбѣ, сказала она, и въ тонѣ ея голоса было безконечно-много грусти.

— Не знаю, сквозь зубы отвѣчалъ онъ...

— Будетъ, будетъ, прервалъ его мой отецъ.

Женихъ сдѣлалъ кислую гримасу, но просилъ также.

Вольдемаръ поклонился.

Послѣ ихъ ухода начались шутки отца надъ Вольдемаромъ.

Мнѣ было горько. Отъ-чего?...

Сѣтн. 18.

Блѣдная, какъ мраморъ, трепещущая, стояла она подлѣ вѣнцомъ — и страшно было видѣть подлѣ нея эту глупую, красную физиономію...

Вольдемаръ стоялъ противъ нея почти: онъ былъ мраченъ... онъ былъ прекрасенъ...

Она просила меня застегнуть ей мантилью: руки мои дрожали — я долженъ былъ передать это Вольдемару.

За обѣдомъ, принужденный сѣсть подлѣ ужасной проживалки, — я былъ судорожно-веселъ, пилъ много и говорилъ безъ умолку.

— Vous avez deux soeurs aprésent... повторяла мнѣ неотвязчивая старая дѣвка. Я отъ-души желалъ ей провалиться сквозь землю.

Молодая танцевала только со мной.

Она переодѣлась: къ ней чудно шло малиновое бархатное платье, она была такъ роскошно-хороша, и она была такъ жалка, такъ жалка.

Заиграли вальсъ. Она быстро подошла къ Вольдемару.

Вы не танцуете сегодня? спросила она его.

Я никогда не танцую, вы знаете — отвѣчалъ онъ; въ голосѣ его было много непритворной грусти.

— Со мною?..

— О! съ вами... и онъ обхватилъ ея тонкую талию.

Они понеслись. Они оба были хороши, какъ античныя изваянія.

Я смотрѣлъ на нихъ, я любовался ими.

Я страдалъ невыносимо.

Я проклиналъ.

Сент. 19.

Они были съ визитомъ. Шутки отца моего надъ нею меня терзали. Вольдемаръ вышелъ блѣдный и разстроенный. Оба мы — онъ и я — должны быть сегодня у нихъ въ ложѣ. Она общала Вольдемару свой альбомъ.

Она и мужъ ея сидѣли уже въ ложѣ, я сѣлъ за ея стуломъ, но я чувствовалъ, что между ей и мною есть уже тайна.

Мужъ вышелъ въ фойе... Я сталъ смотрѣть въ сторону, я хотѣлъ показать видъ, что не знаю ихъ тайны.

Альбомъ былъ переданъ.

Снѣгъ валилъ хлопками, — на небѣ было мутно, когда мы ѣхали съ Вольдемаромъ изъ театра. На душѣ моей лежала свинцовая тяжесть — предчувствіе ея участи, безпокойство о Вольдемарѣ...

И досада и ревность, мой Боже! — ибо я люблю ее, люблю больше, чѣмъ можетъ любить ее Вольдемаръ.

Сент. 21.

Она пришла сегодня къ намъ, подъ предлогомъ навѣстить мою больную мать, — осталась обѣдать и послѣ обѣда три часа ходила по залѣ со мною и съ Вольдемаромъ: я не мѣшалъ говорить имъ, я рѣшился наконецъ принять свою печальную роль и служить имъ прикрытіемъ.

Когда она ушла, меня позвали къ матери. Я выслушала упреки и сентенціи по обыкновенію, т. е. такъ, что они упали во внутрь меня. Мать моя думаетъ, что Лиза влюблена въ меня, потому что она ослѣплена, какъ всякая мать, и не видитъ того, что меня нельзя любить.

Какъ-бы то ни было, я общала Лизѣ придти уже вечеромъ съ Вольдемаромъ, и сдержу обѣщаніе.

Она встрѣтила насъ въ слезахъ, разстроенная.. Боже мой! эти палачи гнусны до того, что не удерживаются даже отъ физическихъ оскорбленій.. Отвратительно передать бумагъ то, что происходило въ первый день или, точнѣе, въ первую ночь свадьбы между ея отцомъ, ею и мужемъ...

— О! мнѣ ничего не остается на свѣтѣ!.. вскричала она, съ рыданіями падая на стулъ.

Мы оба съ Вольдемаромъ стояли пораженные отчаяніемъ; не знаю, что было съ нимъ, но мною владѣло чувство негодованія на себя, на него — но я считалъ въ эту минуту святымъ дѣломъ убить ея мужа и увезти ее...

Она приподнялась и, быстро схвативши меня за руку, повела въ другую комнату. Она трепетала, какъ въ лихорадкѣ.

— Я люблю!.. шептала она.

Я молчалъ.

— Я люблю, продолжала она съ рыданіями: я люблю... его. Я его любила съ перваго дня нашей встрѣчи, я любила его...

Я взялъ ея руку.

— Итакъ, сказалъ я: мы все трое осуждены.... Онъ васъ любить, знайте это.... знайте также, что я люблю васъ.

Она съ рыданіями бросилась ко мнѣ на грудь. Я тихо оттолкнулъ ее — и ушелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ Вольдемаръ.

— Она тебя любить, началъ я.

— Я это знаю, отвѣчалъ онъ.

Послышался колокольчикъ; пріѣхали отецъ и мужъ, и бросились ко мнѣ и къ Вольдемару съ распростертыми объятіями.

Я, противъ обыкновенія, пилъ — и не могъ опьянѣть.

Сент. 29.

Вчера за нами прислали, потому-что у нихъ былъ вечеръ... Я съѣлъ подлѣ ея мужа, чтобы отвлечь его вниманіе отъ нея и отъ Вольдемара. Скоро впрочемъ мужъ сталъ играть въ карты.

Я долженъ былъ выносить пытку разговора съ проживалкою. Вольдемаръ говорилъ съ нею... она полулежала на кушеткѣ, такъ граціозно, такъ свободно... На ея лицѣ играла такая беззаботная радость.

Мнѣ было тяжело: меня давило предчувствіе.

Когда я возвратился домой, все ужасныя пытки, какія мо-

жетъ изобрѣсти воображеніе больной женщины, были употреблены надо мною.

Со мною наконецъ дѣлаются припадки истерики

Октября 20.

— Я спасъ его. Онъ будетъ жить.... Отецъ! я исполнилъ подвигъ, порученный мнѣ тобою.

Но она — осуждена навсегда.

И онъ уже начинаетъ стыдиться своего увлеченія, стыдиться орографическихъ ошибокъ въ ея письмахъ....

Дитя мое! ты должна презирать меня: я отдалъ тебя въ добычу міру, — я пожертвовалъ тобою....

Бѣдная Офелия!

IV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мнѣ стало невыносимо грустно, когда я прочелъ до конца эти записки. Долго сидѣлъ я надъ ними, долго еще вопросы бродили въ моей душѣ.

И вопросъ о немъ, бѣдномъ мученикѣ жизни, о немъ, для котораго эта полоса жизни была первымъ взрытымъ пластомъ, первымъ сомнѣніемъ, роющимся въ глубину безпредѣльную, первымъ призывомъ къ враждѣ и борьбѣ....

И вопросъ о ней — бѣдной дѣвочкѣ, бѣдной женщинѣ, осужденной на гибель въ страшной отвратительно-грязной тинѣ.

Ибо что ждало ее?... Она просила любви, и не было дано ей любви, потому, можетъ-быть, что она не могла еще любить въ человѣкѣ человека....

Я по своему создавалъ ея будущее: видѣлъ, какъ потребность любви замѣнялась въ ней жеманнымъ развратомъ, свободная грація — наглостью кокетки дурнаго тона, жажда наслажденій — привычкою къ пустой и непорядочной суетности. Я видѣлъ лом-

берный столъ и ее, сидящую подлѣ франта дурнаго тона, обгрываемого навѣрную мужемъ.

Я видѣлъ это.... я не видѣлъ спасенія.

Долго сидѣлъ я, погруженный въ самого-себя. Когда я очнулся, вошла уже луна, въ открытое окно неся бальзамическій запахъ тополей; по длинной аллеѣ противъ окна шла къ дому, легкою походкою, женщина... Сіяніемъ луны было озарено блѣдное лицо женщины и на него падали волны бѣлокурыхъ локоновъ....

Это была Склонская!

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Н. Г. П***.

Тебя, мой милый другъ, лѣта не измѣнили....
Рѣзва, привѣтлива: и взоръ твой голубой
Горитъ живѣй огня; пышиѣ розъ и лилій
Ланиты нѣжныя и грудь полъ киссей.
Какъ часто вижу я, съ увѣнчанной главою,
Съ утра до вечера ты рыщешь по лугамъ,
Плетешь себѣ вѣнки, иль, сидя надъ рѣкою,
Внимаешь сладостно лепечущимъ волнамъ.
Иль въ пору зимнюю, когда трещать морозы
И видѣнъ на окнѣ блистательный узоръ,
Ты бродишь по лѣсамъ, забывъ мои угрозы....
Домой воротиться — горитъ свѣтлѣе взоръ,
Волнистая коса морозомъ серебрится,
Румянецъ жарче розъ играетъ на щекахъ,
И ты, мое дитя, спѣшишь ко мнѣ явиться,
Со звонкимъ хохотомъ, съ улыбкой на устахъ.

ЯСТРЕБОВЪ.

1844 г.

ГАМЛЕТЪ

НА ОДНОМЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОМЪ ТЕАТРѢ.

==

(Изъ путевыхъ записокъ диделтанта.)

(Посвящ. В. С. М.)

==

I.

Я пріѣхалъ въ *** на разсвѣтъ, усталый, разбитый ухабиетою дорогой, измученный бессонницею, больной. Провести дѣлую ночь подъ дождемъ проливнымъ, можешь себѣ представить, какъ это пріятно; я благодарилъ судьбу, что въ городѣ оказалась довольно-порядочная гостиница, гдѣ мнѣ дали сколько-нибудь чистый номеръ, сколько-нибудь чистую постель и прочая; я тотчасъ-же легъ и проспалъ семь часовъ сряду какимъ-то летаргическимъ, болѣзненно-безчувственнымъ сномъ, что, — надобно тебѣ сказать — всегда для меня очень-пріятно. Еще и въ Москвѣ, я часто бывало проводилъ ночи не смыкая глазъ, для того только, чтобы доставить себѣ удовольствіе спать утромъ самымъ эксцентрическимъ сномъ; ты знаешь, я вовсе неприхотливъ въ моихъ вкусахъ, вовсе не гастрономъ, нисколько не знаю толку въ винѣ, и даже, къ величайшему ужасу порядочныхъ людей, совершенно не привязанъ къ комфорту, — но въ отношеніи ко сну — я прихотливъ, разборчивъ, какъ слишкомъ немногіе, и могу ска-

зять, что во снѣ я знаю толкъ почти столько-же, сколько въ женщинахъ, потому-что, après tout, только двѣ эти вещи я и люблю на свѣтѣ: было время — славное, право, время — когда, ложась спать, я зналъ, я былъ увѣренъ, что бросаюсь въ совершенно-иную, въ совершенно-новую жизнь, бросаюсь съ тѣмъ-же чувствомъ страха и лихорадочнаго удовольствія, съ какимъ бросаются въ воду съвозвышенности. Да, — сонъ вещь хорошая, чуть-ли не лучшая въ жизни, — чуть-ли, говорю я, потому что есть другая, ей равная — женщина, но и женщина не тотъ-ли-же сонъ, только почти всегда зловѣщій?... Не въ этомъ дѣло впрочемъ: дѣло въ томъ, что я проспалъ семь часовъ сряду, какъ убитый.. Просыпаюсь, смотрю на часы — втораго половина. Боже мой! Цѣлыхъ еще 18 часовъ ждать опять дороги. Миѣ стало истинно-досадно; я повернулся на другой бокъ и попробовалъ, нельзя-ли спать еще; но видно это была уже физическая невозможность, видно злая судьба опредѣлила миѣ видѣть древности города ***, и рутинѣрски любоваться его прекрасными видами, великолѣпными зданіями, фабриками и заводами, всемъ, однимъ-словомъ, о чемъ пишется въ географіяхъ и чего нѣтъ на фактъ, всемъ, что миѣ опротивѣло съ дѣтства въ географіяхъ. Нечего дѣлать! всталъ спросилъ себѣ чаю, лѣниво выпилъ три стакана и выкурилъ двѣ регалии.... Пробило два! Ну, хоть полчаса какъ-нибудь убито. Сѣлъ къ окну и сталъ думать.... О чемъ спросишь ты? О ничемъ, мой милый, что впрочемъ вовсе не значить ни о чемъ не думать. Блаженны ни о чемъ недумаютшіе — прибавилъ-бы я къ числу семи блаженствъ, я, который въ состояніи думать о ничемъ...

Наконецъ миѣ стало несносно скучно, и я уже рѣшался даже идти осматривать ***скія древности, не-смотря на то, что древности составляютъ одинъ изъ предметовъ моего отвращенія, какъ вдругъ довольно-громкій разговоръ за стѣною въ сосѣдней комнатѣ заставилъ меня выйти изъ моего самоуглубленія. Стѣна или, точнѣе сказать, перегородка, была очень-тонка, и разговоръ можно было разслушать почти отъ-слова-до-слова. Это были два женскихъ голоса; одинъ изъ нихъ звучалъ непріятно и рѣзко: не трудно было угадать, что онъ принадлежитъ одному изъ тѣхъ существъ, которыя не могутъ быть ни кѣмъ инымъ, какъ чиновницами извѣстнаго класса, и притомъ матушками; другой былъ свѣжій, какъ весенній воздухъ, тонкій голосъ дѣвочки....

Сначала я, отъ нечего дѣлать, сталъ, просто, прислушиваться къ звукамъ этихъ двухъ голосовъ, вовсе не обращая вниманія

на содержаніе разговора; мнѣ былъ какъ-то по душѣ этотъ звонкій, несоздававшійся, ребяческій голосъ, въ которомъ таилась или страстный шопотъ женщины, или кухонная брань будущей титулярной, надворной, коллежской совѣтницы и начальницы отдѣленія. Да! то или другое, ибо въ этомъ голосѣ было что-то несоздавшееся: онъ былъ чистъ и звонокъ, но его ноты могли звучать и въ божественной поэмѣ, и, пожалуй, въ пошломъ мотивѣ польки... Я жадно прислушивался къ этому голосу, какъ ко всякому откровенію нераспустившейся женственной души, — ловилъ каждый звукъ его, потому-что каждый звукъ былъ еще неоскверненная святыня. Это смѣшно, можетъ быть — но что же дѣлать? Я вездѣ и всегда одинъ и тотъ-же, я вездѣ и во всемъ вижу только женщинъ, слушаю только женщинъ, понимаю только женщинъ, и, пожалуй, страдаю только за женщинъ, — вездѣ, вездѣ, въ многолюдномъ ли салонѣ, среди-ли бѣшенаго веселья танцклассовъ петербургскихъ, здѣсь-ли, наконецъ, въ какомъ-то губернскомъ городѣ, меня занимаетъ одно — судьба женщины. А что мнѣ въ нихъ кажется? Онѣ-же первыя были готовы обвинять меня въ неограниченномъ самолюбіи, онѣ-же первыя не вѣрили моему поклоненію, моему фанатизму, онѣ-же, которыхъ природа казалась мнѣ всегда выше и чище грубой природы мужчины, способны были сомнѣваться даже въ искренности моихъ эцентрическихъ понятій...

Такъ, или почти такъ думалъ я, прислушиваясь къ звукамъ разговора за стѣною. Наконецъ, и думать о женщинахъ стало мнѣ, если не скучно, то, по-крайней-мѣрѣ, грустно — и вѣроятно, заразительность любопытства дочерей Еввы была причиною того, что я наконецъ сталъ вѣлшиваться въ содержаніе словъ.

Дѣло шло, сколько я могъ догадаться, о томъ, ѣхать или не ѣхать куда-то; дочери хотѣлось ѣхать, мать доказывала, что «успѣютъ-де наѣздиться и въ Петербургѣ.» Просьбы продолжались, возраженія тоже.

Вошелъ половой.

— Кто стоитъ въ сосѣднемъ номерѣ? былъ мой первый вопросъ.

— Въ сосѣднемъ-то-сѣ? отвѣчалъ онъ, почесавъ затылокъ... Статская Совѣтница Поджогина съ дочерью-сѣ.

— Поджогина! почти вскричалъ я, съ удивленіемъ услышавши имя моихъ московскихъ знакомыхъ.

Очарованіе почти разлетѣлось. Я зналъ эту дѣвочку, которой голосъ произвелъ на меня сегодня странное впечатлѣніе, похо-

жее на щекотаніе; я видалъ ее часто въ разнаго рода кружкахъ, куда имѣлъ привычку ходить отъ скуки, живя въ Москвѣ; она была пансіонерка, и притомъ Поджогина! Она держалась прямо, танцевала съ неизмѣнно-настроенной улыбкой и съ казенными фразами на устахъ, тапцовала прекрасно — съ цѣлю найти мужа!

— Барыня-то заболѣла что-ль, Богъ ее вѣдаетъ, только что съ недѣлю позажилась здѣсь, продолжалъ-половой, и понесъ цѣлую исторію

Я не слушала.

— И дался тебѣ этотъ Гамлетъ, матушка, послышался за стѣною рѣзкій голосъ: ужъ ты и въ Москвѣ-то мнѣ имъ надоѣла; вотъ дѣло другое, Морскій Разбойникъ, ну — того-бы я и сама еще посмотрѣла.

Я не зналъ еще въ чемъ дѣло, но слово: «Гамлетъ» заставило меня ждать съ нетерпѣніемъ отвѣта.

— Да вѣдь скучно-же сидѣть здѣсь, послышался голосъ дочери.

У меня отлегло отъ сердца... я такъ и ждалъ восклицанія: «ахъ!» — и «прелесть, душка Гамлетъ» — что разстроило-бы меня на два дня съ половиною. О лучше, въ тысячу разъ лучше, эта наивная жалоба на скуку, чѣмъ наклеиваніе на себя вздорной сентиментальности и восхищеніе тѣмъ, чего не понимаютъ! Я готовъ былъ благодарить эту дѣвочку за ея отвѣтъ, за то, что она не взяла его цѣликомъ изъ какого-нибудь сѣробумажнаго романа.

— Да вѣдь я тебѣ говорю, Леночка, что вотъ какъ только пріѣдемъ въ Петербургъ, Оома Ильичъ достанетъ ложу въ итальянскую оперу: онъ ужъ общалъ, онъ человекъ значущій.

— Хорошъ вашъ Оома Ильичъ! отвѣчала дочь съ ребяческою досадою.

— Богъ тебя знаетъ, кто у тебя хорошъ; всѣ дурны... Эхъ, Леночка, говорю я тебѣ всегда: не плюй въ колодець...

Я заткнулъ уши; нервы у меня очень-слабы, и всякій диссонансъ дѣйствуетъ на нихъ слишкомъ-непріятно.

Но между-тѣмъ любопытство заговорило во мнѣ, я сталъ опять слушать.

— Ну поѣдемъ, поѣдемъ — послышался опять голосъ матери: — ты знаешь, что я съ тобой не могу совладѣть.

Это откровенное признаніе мнѣ очень понравилось, — я порадовался за дочь.

— Такъ пошлите-же скорѣе взять билетъ! сказала дочь.

— Успѣемъ еще... ты думаешь здѣсь Москва что-ли? отвѣчала мать.

Билетъ! значить здѣсь театръ, значить здѣсь даютъ Гамлета, подумалъ я, — отъ чего-же и мнѣ не пойти въ театръ? вѣдь ужъ все равно; я столько разъ былъ терзаемъ разными профанціями безсмертной трагедіи, что быть еще разъ истерзаннымъ вовсе ничего не значить. Рѣшено — иду въ театръ.

Я кликнулъ полового.

— Есть здѣсь театръ?

Тятерь? какъ-же-съ! отвѣчалъ онъ почти съ улыбкою сожалѣнія о моемъ невѣжествѣ: важнѣюшій!

— Вели мнѣ взять ложу, сказалъ я, отдавая деньги.

Половой ушелъ.

Разговоръ въ сосѣдней комнатѣ прекратился; я закурилъ сигару и легъ на постель, въ ожиданіи обѣда.

II.

Гамлетъ, Гамлетъ! опять онъ появится передо мною, блѣдный, больной, мечтатель, утомленный жизнью прежде еще, чѣмъ успѣлъ узнать онъ жизнь, отыскивающій тайнаго смысла ея безобразно-смѣшныхъ, отвратительныхъ явленій, растерзанный противорѣчіями между своимъ я и окружающею дѣйствительностью, готовый обвинять самого-себя за эти противорѣчія, и жадно схватывающій оправданіе своей вражды, вызванное имъ изъ мрака могилъ... И въ каждой жилѣ чувствуетъ онъ крѣпость могучихъ львиныхъ силъ въ первую минуту этого страшнаго оправданія своего разлада, — и призвавшій небо и землю, и самый адъ въ свою большую грудь, онъ въ правѣ назвать «мамоткою» того, чей голосъ вызываетъ его изъ этого страшнаго внутренняго міра... Но вотъ онъ опять возвращенъ, къ своей обыкновенной жизни, онъ опять тотъ-же блѣдный, слабый, страдающій Гамлетъ — онъ обязанъ притворяться, онъ обязанъ просить товарищей своего дѣтства, чтобы они не выдали тайны его внутренняго міра, — онъ робѣетъ передъ страшною борьбою, ибо въ его болѣзненной, мечтательной натурѣ лежитъ грустное сознаніе бесплодности борьбы, покорность вѣчной волѣ рока, заключенной въ немъ самомъ, въ его слабости; онъ знаетъ, что не созданный ни для чего, что въ состояніи дѣлать другіе, онъ пойдетъ туда, куда влечетъ его жалкій жребій, пойдетъ молиться, — но онъ пойдетъ

не тѣмъ уже, какимъ пришелъ. Нѣтъ! страшное сознание правды уже озарило его, онъ вызвалъ загробный міръ на оправданіе предчувствій души своей, и въ грозномъ, ужасающемъ величій предстало ему это оправданіе, и оправданныя требованія его болѣзненного я явились ему страшнымъ *долгомъ*. Онъ не можетъ сомнѣваться, какъ прежде, — онъ правъ, онъ знаетъ это — но что-же ему въ этой правотѣ, ему, безсильному, больному, признающему волю рока?... И сомнѣніе переходитъ въ ропотъ на жизнь и Создателя жизни, ропотъ невыносимый до того, что онъ въ состояніи обнаружить его даже передъ смѣшнымъ резервомъ Полоніемъ, словами: «Изъ всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою, жизнь мою», — передъ ничтожными Розенкранцомъ и Гильденштерномъ — «И гордое величіе неба съ его золотыми звѣздами кажется мнѣ грудой заразительныхъ паровъ»... Онъ знаетъ, что онъ правъ — и потому слова его звучатъ гордой, злобной пропіею; но онъ чувствуетъ, что сознание правоты влечетъ за собою необходимость дѣйствія, и, неспособный перевести мысль въ дѣло, наединѣ съ самимъ-собою предается послѣдней степени отчаянія, презрѣнію къ самому-себѣ... «О Гамлетъ, Гамлетъ — позоръ и стыдъ тебѣ!» говоритъ онъ, но тотчасъ-же готовъ опять сомнѣваться въ правотѣ своихъ предчувствій, ибо человѣку страшно самосознаніе, ибо за все, за самую нелѣпость, готовъ, онъ схватиться прежде, чѣмъ приметъ страшную правду. И вотъ Гамлетъ опять на степени сомнѣнія — и никогда лучше, какъ въ эту минуту, старый мастеръ не могъ вложить въ уста его вопроса о бытіи и небытіи. И только — что Гамлетъ уяснилъ себѣ свое сомнѣніе, призналъ законность этого сомнѣнія и заключилъ словами: «И смѣлость быстрого порыва гибнетъ, — и мысль не переходитъ въ дѣло»... и только что остановился онъ на сомнѣніи, — является Офелія, чистая, свѣтлая Офелія, святыня его души, является орудіемъ низкихъ замысловъ, живымъ протестомъ наддѣйствительность, страшнымъ богохуленіемъ. Ея явленіемъ уже данъ отвѣтъ на его вторичный вопросъ о томъ, правъ-ли онъ, или правы требованія окружающаго его міра, такъ, что сцена комедіи не прибавляетъ уже ничего новаго, и съ самаго начала этой сцены, слова его язвительны, по замѣчанію Офеліи, ибо онъ знаетъ напередъ, что «слова привидѣнія должно покупать на вѣсъ золота». Но вотъ ему уже нельзя сомнѣваться... ему должно дѣйствовать, онъ заливадается адскимъ смѣхомъ, адскимъ проклятіемъ — и вновь падаетъ подъ бреме-

немъ безсилія, и вновь отлагаетъ казнь до будущаго времени. Способный къ мгновенной рѣшимости, онъ, думая убить короля, убиваетъ Полонія, и съ болью сердца, съ глубокимъ страданіемъ совершаетъ судъ надъ матерью. Судъ конченъ, на душѣ его лежитъ уже убійство, и убійство бесплодное; но онъ не раскаивается въ немъ, онъ видитъ волю рока надъ другими и надъ собою, видитъ волю рока надо-всѣмъ, что онъ любитъ, надъ матерью, которую убѣждаетъ не осквернять себя прикосновеніемъ дяди, — и на вопросъ которой: «Что-же дѣлать?... съ страшною грустью отвѣчаетъ: «Ничего не дѣлать», не вѣря нисколько въ возможность для нея возстановленія. Покорный року, онъ ѣдетъ въ Англію... Бѣдная, кроткая, слабая Офелія падаетъ предъ судьбою, и холодный, злобный юморъ Шекспира влагаетъ въ уста прекраснаго созданія непристойныя пѣсни, и самыя эти непристойныя пѣсни окружаютъ ореоломъ сіянія, вѣнкомъ изъ цвѣтовъ кроткій задумчивый ликъ Офеліи!... И опять является Гамлетъ, является хоронить то, что онъ любилъ, является съ тяжелою думою о человѣкѣ, царѣ мірозданія, поймаемомъ червями гробовъ, о человѣкѣ великомъ, какъ человѣкѣ, въ образѣ-ли шута Юрика или Александра Македонскаго... Страшная сцена! Я помню картину, кажется, Делароша, картину, въ которой сцена эта понята глубоко. Мутное, вечерѣющее сѣверное небо, нѣсколько разсыянныхъ могилъ, Гамлетъ, съ наружностію почти ребенка и съ глубокою, тяжелою думою мужа, сидящій на одномъ изъ гробовыхъ камней, и подлѣ него добрый, но ограниченный Гораціо, съ неизмѣннымъ спокойствіемъ, съ зѣвотою скуки... Гамлетъ возвратился съ нѣмою покорностію року, съ незыблемою вѣрою въ то, что «чему быть потомъ — то не будетъ сегодня». Гамлетъ спокойно, тихо, величаво идетъ на смерть и мщеніе — и «смерть торжествуетъ страшную побѣду»; но Гамлетъ падаетъ, исполнившій свое назначеніе, падаетъ тогда, когда долженъ былъ пасть, — ибо ни онъ, ни Офелія не могли жить: надъ ними обонми лежала воля рока...

III.

О, за-чѣмъ я пошелъ? За-чѣмъ я позволилъ себѣ смотрѣть на профанацію величайшаго изъ человѣческихъ созданій, на это низведеніе въ грязь страшныхъ вопросовъ человѣческой души?

Поднялся занавѣсъ.... явились какіе-то господа, съ неприличными манерами и съ необычайною любовію къ... суфлеру. Они начали говорить о явленіи привидѣнія, и считали обязанностію говорить не по-человѣчески, вѣроятно потому, что драма переведена стихами. Я чуть не захохоталъ на весь театръ, когда Гораціо сказалъ: «Да! я дрожу отъ удивленія и страха», ибо, къ-сожалѣнію, удивляться можно было только неестественности его движеній и дикціи. И между-тѣмъ, этотъ актеръ, говорятъ, иногда превосходитъ въ роляхъ обыкновенныхъ драмъ и трагедій; за что-же именно въ Гамлетѣ-то считаетъ онъ долгомъ кривляться не по-человѣчески?

Декорація перемѣнилась.... гусиными шагами потянулись придворные; я ждалъ появленія Гамлета, думая найти въ немъ хоть что-нибудь сходное съ его идеаломъ. И онъ явился, встрѣченный громомъ аплодисментовъ, явился высокій, здоровый, плотный, величавый, пожалуй, но столько-же похожій на Гамлета, сколько Гамлетъ на Геркулеса. Онъ заговорилъ: голосъ его былъ голосъ Стептора; онъ назначенъ былъ командовать ротой, пожалуй даже двумя ротами, но отнюдь не вырывался изъ груди болѣзненнымъ стономъ. Поза актера была живописна, но пзысканна, и я удивлялся притомъ, за-чѣмъ онъ явился на сцену съ насморкомъ, потому-что иначе я не могъ себѣ объяснить его безпрестанныхъ эволюцій съ платкомъ. Онъ былъ одѣтъ великолѣпно, а шло-ли это великолѣпіе къ утомленному страданіемъ Гамлету?... Наконецъ, всё удалилось, — онъ остался одинъ; я ждалъ, что онъ, т. е. Гамлетъ, котораго душа была сдавлена присутствіемъ ненавистнаго ему окружающаго, разразится страшною бурей — этимъ знаменитымъ монологомъ почти безсвязныхъ стонотъ, затихающихъ только при приближеніи чужихъ. Ничуть не бывало! Актеръ продекламировалъ сначала очень-покойно, съ сантиментальнымъ завываніемъ, воскликнулъ: «Жизнь! что ты? садъ заглухшій»... и сдѣлалъ изъ этого стона проклятія пошлую сентенцію; а въ-заключеніе, при словахъ: «Еще и башмаковъ она не износила», показалъ на свои собственные башмаки!!! Масса разразилась оглушительнымъ рукоплесканіемъ. Слова: «Но сокрушайся сердце, когда языкъ мой говорить не смѣетъ», слова, которыя должны быть сказаны шопотомъ, полнымъ глубокой горести, произнесены были съ такимъ декламационнымъ пафосомъ, что показались смѣшны. Вошелъ Гораціо; Гамлетъ, грустный, въ себѣ-самомъ замкнутый Гамлетъ, съ перваго слова, съ умилительно пѣжно-

стію повисъ у него на шеѣ, — и потомъ d'un air goguenard началъ разсказывать, какъ:

Хозяйственное здѣсь распоряженіе было:

Отъ похоронъ осталось много блюль,

Такъ ихъ на свадьбѣ успѣшили съѣсть.

Масса театра разразилась смѣхомъ: она почувала въ этихъ словахъ, опрофанированныхъ дикціею актера свое собственное, и единодушнымъ смѣхомъ наградила своего любимца, который, какъ она-же, понималъ немножко въ «куръезномъ родѣ» эти ядовитозлыя, грустные слова. «Другъ», продолжалъ онъ:

«Мнѣ кажется, еще отца я вижу».

— Гдѣ принцъ? съ наивнокомическимъ удивленіемъ спросилъ его достойный наперстникъ:

— Въ очахъ души моеѣ, Горацио,

отвѣчалъ любимецъ публики, тономъ героевъ повѣстей Марлинскаго, съ ихъ азіятскими страстями. Таковъ-ли долженъ былъ быть, Гамлетъ, говоря эти слова? Нѣтъ! его фізіономія должна была принять выраженіе глубоко-религіознаго благоговѣнія, въ его подъятыхъ къ небу очахъ должно было отразиться созерцаніе, въ его тонѣ должна была быть замѣтна мечтательность... Друзья ушли, — Гамлетъ неестественно зарычалъ: «Тѣнь моего отца въ оружіи», и кончивши монологъ, побѣжалъ, какъ сумасшедшій. — Его вызвали. — Явился Лаэртъ съ Офеліею, — Лаэртъ былъ, просто, глупъ, но Офелія — о, Офелія обладала удивительно-галантерейнымъ обращеніемъ: какую тонкость, чортъ возьми, придала она простому, дѣтскому, полугрустному, полухитливому вопросу: «Неболѣе?! — Какой тонъ, сентенціозный тонъ сообщила она простымъ, ласкательно-ребяческимъ, лукаво-милымъ словамъ:

Советъ хорошъ, я вѣрю, но, любезный братъ,

Скажи, ты неходишь-ли на тѣхъ,

и т. д.

Пришелъ Полоній, — онъ былъ хорошъ, потому-что былъ простъ и естественъ; за то его провожало и встрѣчало гробовое молчаніе массы.

Декорация снова переѣнилась... Опять явился Гамлетъ — и въ героической позѣ остановился передъ явившимся привидѣніемъ, и, вмѣсто того, чтобы едва-слышимъ, прерывающимся, груднымъ голосомъ заклинать его, ревъль, — такъ, что слова:

«Судьба зоветъ меня,
И въ каждой жилѣ чувствую я крѣпость
Могучихъ львиныхъ силъ»....

не были понятны послѣ этого рева, qui ne laissait rien à desirer.

Опять переѣна декорации, опять Гамлетъ въ героической позѣ передъ привидѣніемъ, и опять очень-покоенъ, вмѣсто того, чтобы дрожать первически. Впрочемъ, и нельзя было дрожать передъ такимъ смѣшнымъ привидѣніемъ, которое пугалось въ словахъ, и произносило ихъ совершенно вкривь и вкось.... Я ждалъ взрыва въ монологъ, гдѣ Гамлетъ призывалъ небо, и землю, и адъ, въ монологъ, который весь, такъ сказать, долженъ быть пропнесень однимъ взрывомъ. Не тутъ-то было! Какъ нарочно, тутъ актеръ, вѣроятно, уставши, и ревъль даже менѣе обыкновеннаго.... Слова «Здѣсь, малютка», произнесены были такъ, что очень было ясно, что Гамлетъ самъ ихъ не понимаетъ, и публика опять наградила артиста смѣхомъ, ибо вѣдь сами соглашались, очень-смѣшно слово «малютка», по-крайней-мѣрѣ, должно такъ думать, судя по смѣху публики. Въ сценѣ клятвы, Гамлетъ бѣгалъ очень эффектно, и слова:

«А я пойду, куда влечетъ меня мой жалкій жребій,
Пойду молиться.»

были сказаны съ завываніемъ, вѣроятно, для приданія имъ печальнаго колорита.

Актъ кончился. Я сталъ смотрѣть на моихъ сосѣдей, и въ ложѣ подлѣ меня увидѣлъ мою московскую знакомую Поджоги-ну, съ дочкою. Раздосадованный и взбѣшенный, я былъ радъ говорить хоть съ ними. *Барышни* представленіе очень-правилось, — но я ни какъ не понимаю, почему именно «барышни» считаютъ своею обязанностью восхищаться Гамлетомъ. Что имъ въ немъ?

Начался второй актъ: опять Полоній, и опять очень-хорошъ, опять Офелія, и точно также галантерейна.... Потомъ обыкновеннымъ гусинымъ шагомъ прибылъ король и придворный штатъ за нимъ; я эту сцену, какъ и всегда, пропустилъ ми-

мо ушей, потому-что ее всегда и вездѣ играютъ не человѣчески. Разговоръ принца съ Полоніемъ, гдѣ Гамлетъ, вполнѣ углубленный въ чтеніе книги, долженъ только вскользь, только отрываясь отъ ея страницъ и отрываясь отъ преобладающаго впечатлѣнія, отвѣчать на вопросы Полонія, — безъ чего слова его покажутся безуміемъ, хотя онъ менѣе всего безумецъ, — возбуждалъ вообще смѣхъ достойной публики, ибо достойный ея любимецъ самъ понималъ вещи «курёзно». Мнѣ наконецъ стало досадно за недостатокъ самолюбія въ актерѣ, который доволенъ тѣмъ, что возбуждаетъ смѣхъ словами, которыя должны быть слушаны, по крайней-мѣрѣ, въ молчаніи. Сцена съ Розенкранцемъ и Гильденштерномъ въ особенности меня возмутила; я видѣлъ передъ собою человѣка, которому вполнѣ чужда святыня человѣческой души, который нисколько не сочувствуетъ грустному взгляду Гамлета на человѣка и мірозданіе.... Слова «Какое величіе являетъ собою человѣкъ», былъ опрофанированы неумѣстнымъ, дикимъ голосомъ. Но грустный, отчаянный, полный страданія монологъ: «Богъ съ вами, я одиъ теиерь»... Зачѣмъ я его слышалъ!..

Третій актъ. Настала минута — «быть или не быть», — я готовъ былъ бѣжать изъ театра.... И вообще-то этотъ монологъ внутренней драмы не можетъ-быть выполненъ, но тѣмъ-болѣе былъ онъ смѣшенъ при этой пошлой, безстрастной физиономіи, при этомъ плачевномъ завываніи, замѣняющемъ съ удобностію мѣсто чувства и страданія. Но что скажу я о сценѣ комедіи? о натянутомъ ползаніи змѣею по сценѣ, о натянутомъ, рѣзкомъ, неприятномъ смѣхѣ, о пошлыхъ фарсахъ. При словѣ «мышеловка» образованная публика хохотала!!

А сцена съ матерью?... Сцены нѣжныя въ особенности противны въ устахъ этого актера; его всхлипыванія просто отвратительны. Слова: — «Покойной ночи, королевы», тихія, грустныя, вовсе не злобныя, были по обыкновенію поняты и переданы «курёзно».

Въ четвертомъ актѣ я отдохнулъ только, слушая музыку пѣсенъ Офеліи, гдѣ композиторъ понялъ глубоко, если не Офелію Шекспира, то, по-крайней-мѣрѣ, моментъ безумія и судьбу бѣдной дѣвушки! — Лаэртъ былъ отвратителенъ.

Но вотъ начался пятый актъ. Боже! Какъ смѣшны и жалки казались мнѣ эти памалеванныя декорации, эта луна на проволокѣ, эти деревянныя могилы, этотъ рисующійся Гамлетъ, неудобостояющій даже взять въ руки черепа, и поднимающій его на мечъ, этотъ смѣшно-плачевный тонъ восклицанія «Бѣдный Ю-

рикъ!» Какъ гадки мнѣ были тѣ люди, которые въ страхѣ смѣяться глупымъ, животненнымъ смѣхомъ надъ страшными, ледяншими душу рѣчами могильщиковъ, когда и эти рѣчи, и появленіе на кладбищѣ Гамлета съ его вопросами о жизни и смерти, и погребеніе свѣтлой, чистой Офеліи, и вырвавшаяся наружу любовь къ ней Гамлета, все наполняетъ сердце страданіемъ невыносимымъ, послѣ котораго такъ понятно становится примиреніе смерти... И какъ сказаны были эти слова актеромъ, о мой Боже! —

Мнѣ стало слишкомъ-скверно... Я ушелъ и не дождался смерти Гамлета, а говорятъ, онъ славно дерется на рапирахъ.

На другой день утромъ я выѣхалъ изъ ***; сосѣдки мои уѣхали прежде меня.

1845. Дек. 4.

А. ТРИСМЕЧИСТОВЪ.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Вѣтры шумѣть перестали въ дубравѣ сосѣдней;
Ночь положила на землю туманный покровъ.
Тихо... но тяжко молчанье природѣ весенней, —
Смерти она ненавидитъ суровыхъ оковъ:
То со столѣтняго дуба сучокъ оторвется,
То закурчитъ посильнѣе веселый ручей,
То стая совъ въ темнотѣ надъ рѣкой пронесется,
То подъ вѣтвми въ лѣсу запоетъ соловей.

2.

Долго бродилъ я подъ сводомъ зеленого лѣса...
Было мнѣ грустно тогда, и тревожныя думы,
Быстро смѣняясь, росли и мой духъ волновали.
Рабъ ненасытныхъ желаній, страстей безпріютныхъ,
Жизнью скучалъ я и былъ недоволенъ собою.
Рѣзко тогда отличался мой духъ отъ природы,
Тихой, веселой, подъ сводомъ осенняго неба.
Вѣтромъ едва волновался озеро воды,
Прыгала рыба, круги оставляя на волнахъ,
Жизнью спѣшила природа своей насладиться, —
Листья въ лѣсахъ ужъ желтели кой-гдѣ на деревьяхъ...

К. САЗОНОВЪ.

КАРПАТСКІЕ ГОРЦЫ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сог. Иосифа Корженёвскаго.

Ныма рыбы въ Черемош,

Всю попла сѣлка;

Повислы Тыхоньчука

И Ревизорчука.

Народная пѣсня горцевъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Антонъ Ревизорчукъ, молодой горецъ.

Марѳа, мать его.

Параша, его невѣста.

Максимъ Тыхоньчукъ, старый горецъ, дядя Парашин.

Проконъ, стражникъ.

Анна, жена его.

Гершко, арендаторъ въ мѣстечкѣ близъ Львова.

Фельдфебель.

Мандатарій въ горской деревнѣ Жабъ (*).

Циркулярный комиссаръ изъ мѣстечка Куть.

Пѣхотный офицеръ.

Горцы различнаго возраста и обоего пола. Разбойники (опрышки). —

Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Карпатахъ, между деревнею Жабъ и венгерскою границей по рѣкѣ Черемошъ.

(*). Родъ Становаго Пристава, содержимаго на-счетъ обывательской повинности (сбора).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Площадь передъ корчмой въ деревнѣ Жабѣ. Гупулы, мужчины и женщины, въ праздничномъ платьѣ; старики сидятъ за столомъ, молодые подлѣ женщинъ и дѣвокъ. Мужчины одѣты въ узкія куртки безъ рукавовъ, на бараньему мѣху; широкій поясъ, набитый мѣдными гвоздями; панталоны синіе или красные, съ выпущенными поверхъ ихъ рубашками; на ногахъ легкія кожанныя сандалии, за поясомъ ложка, ножъ и пара пистолетовъ; длинныя волосы падаютъ въ кудряхъ на плечи, круглыя черныя шляпы, съ широкими полями, съ перомъ; на плечахъ, короткій до колѣнъ, малиноваго цвѣта плащъ безъ рукавовъ, отороченный черными шкурками, привязанный такимъ-же шнуркомъ подъ шею. У каждаго виситъ на лѣвой рукѣ топоръ. Женщины одѣты, какъ Галиціанки. У дѣвокъ въ косички, собранныя на верху головы, вилегены малиноваго цвѣта тесемки и ленты; спускающіяся изъ за ушей на грудь; рукава рубашекъ вышитыя; рубашки безъ воротниковъ стянуты подъ шею; на шеѣ бусы изъ коралловъ съ дукачами (*). Передъ поднятіемъ занавѣса слышны ноты народной пѣсни, Коломыйки, съ акомпаньементомъ флейты.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ (оканчиваетъ пѣсню).

Ужъ вамъ больше не зазвонять
Звоны Коломыи.

МАКСИМЪ (встаетъ изъ-за стола и выходитъ на средину).
Полно вамъ! Пора перестать. Терпѣть не могу этой пѣсни.
Всегда она предвѣщаетъ что-нибудь недоброе.

(*) Дукачъ — дукать, — монета.

параша. Почему-жъ такъ, дядюшка Максимъ!

максимъ. А вотъ-почему. Когда меня брали въ рекруты, какой-то чортъ заплъ мнѣ эту пѣсню. Пятнадцать лѣтъ носилъ я за нее карабинъ и надѣвалъ черные штиблеты. Теперь, когда Нѣмцы — дай имъ Богъ здоровья! выпустили меня и позволили увидѣть опять родныя поля и ели; теперь не хочу, чтобъ и спился мнѣ бѣлый мундиръ. Ей! Одедя, поди-ка сюда, да заиграй мнѣ любимую мою пѣсенку, — я на старости лѣтъ пропою ее по-своему.

(Федоръ выходитъ изъ толпы съ флейтою, играетъ, — все окружаютъ его; Максимъ поетъ).

ПѢСНЯ.

Ничего намъ нѣтъ милѣй

Золотой свободы.

И луговъ родныхъ полей,

Матери-природы.

2.

Любы намъ родныя горы,

Черемши бурный плескъ,

И въ лѣсахъ птицъ Божихъ хоры,

Въ темну-ночь звѣздъ яркой блескъ.

3.

Веселитесь, горы братья,

Пейте сладкой медъ родной;

Забъжайте, братья сватья,

Къ молодицѣ удалой.

4.

Но когда зима нагрянетъ,

Сиггъ покростъ верхи горъ,

Прочь веселье, — часъ настанетъ

Завести кровавый споръ!

5.

О! тогда-то, на свободу,

На коня — и ногу въ стремя, —

Въ бурю, въ громъ и въ непогоду —

Пусть насъ помнитъ вражье племя!

старикъ. Спасибо, Максимъ, спасибо. Правду ты говорилъ. Такъ было всегда — и доброе время то было.

Одинъ изъ молодыхъ горцевъ. А развѣ теперь дурно, дѣдушка? Взгляни-ка на насъ: чѣмъ мы не молодцы? а дѣвки наши—глянь-ка на нихъ—чѣмъ не молодницы?

(Хватаетъ за руку одну изъ дѣвокъ и показываетъ ее старику; она вырывается и убѣгаетъ).

старикъ. Правда. Не дурно для васъ и теперь, но можетъ придти и худо. Вотъ для насъ стариковъ такъ уже все-равно. молодой горецъ. Будетъ, что Богъ дастъ, дядюшка.

максимъ. Ладно, люблю тебя за это: будетъ, что Богъ дастъ. Ну, а теперь, благо похвалили мою пѣсню, дай-ка, шинкарка, водки, я плачю. *(Пьетъ)*. Хорошая водка! Подвеси-ка ее и старичкамъ. Пейте, братцы, за здоровье нашихъ молодцовъ и молодницъ.

молодые горцы. Спасибо, спасибо.

параша *(подходитъ къ Максиму и ласкается)*. Спасибо, дядюшка Максимъ.

максимъ. Ну-ка, дѣти, попробуемъ, чай топоръ лучше. Бывало, когда еще не взяли меня въ солдаты, никто не смѣлъ равняться съ Тыхоньчукомъ, а теперь Богъ знаетъ. — Эй, посторонитесь!... Много-ли отсюда шаговъ до дерева?

нѣсколько голосовъ. Десять.

максимъ. Десять?... Ладно. Ну-ка, примемся по-старому, по-давнишнему. Кто хочетъ бросать со мной топоръ.

нѣсколько горцевъ. Я, — и я, — и мы.

максимъ. Ладно, ладно. Воля, хуже неволи. Стыдно вамъ будетъ, какъ старикъ возьметъ верхъ надъ вами... Держи, Праксида. *(Отдаетъ ей свою шляпу)*. Бросьте-ка въ шляпу по пяти крейцеровъ, каждый. Кто отрубитъ вонъ эту вѣтку, въ десяти шагахъ, того и деньги.

проконъ. Постойте. *(Бросаетъ въ шляпу цванцигеръ)*.

параша. Ого, какой щедрый! бросилъ цванцигеръ.

проконъ. Не бойся, моя милая. Онъ вернется ко мнѣ.

ПАРАША. Можеть-быть, если не найдется никого половче тебя. ПРОКОПЪ. А кто-же-бы могъ быть половче меня? а?

ПАРАША. Ужъ будто ты и не знаешь, о комъ я намѣкаю? Если-бъ онъ здѣсь былъ, такъ я-бы и свои бусы съ дукачами бросила въ шляпу.

ПРОКОПЪ. Для меня?

ПАРАША. Завтра; — ждидайся.

МАКСИМЪ. Ужъ не твой-ли Антоноу Ревизорчукъ, такой хватъ? А! посмотрите-ка, какъ она покраснѣла, — вѣрно, отгадалъ? (*Параша киваетъ ему, съ лукавой улыбкой*). Ну, когда такъ, то подождемте Антона.

ПРОКОПЪ. Вотъ еще! Цѣлый міръ будетъ ждать одного! Старикъ — молокососа.

МОЛОДОЙ ГОРЕЦЪ. Видно, не по вкусу ему пришелся топоръ Антона?

ПАРАША. Вѣдь цванцигеръ — это не шутка!

Нѣскольکو горцевъ. Боятся.

ПРОКОПЪ. Ну такъ ждите, если вамъ хочется. (*Въ-сторону*). Проклятый мальчишка!

МОЛОДОЙ ГОРЕЦЪ. Не долго будете ждать — посмотрите, вотъ онъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

АНТОНЪ (*входя поспышно*). Чтѣ у васъ тутъ дѣлается? Чтѣ у тебя въ рукахъ, Параша?

ПАРАША. Подержи, Антоноу! (*Отдаетъ ему шляпу; снимаетъ съ себя бусы, и бросаетъ ихъ въ нее*). Только, смотри, не обмани меня — вынграй закладъ. (*Гроза ему*).

АНТОНЪ. Чтѣ это значить?

МАКСИМЪ. Закладъ, Антоноу. Кто отрубитъ вошь эту вѣтку, тотъ возьметъ все, чтѣ ни лежитъ въ шляпѣ.

ПАРАША. И мои бусы, не забудь!

АНТОНЪ. Ладно; — только въ десяти шагахъ, это мало; отойдемте на двадцать.

ПРОКОПЪ. Согласенъ; на двадцать.

ГОРЦЫ. И мы, и мы согласны!

АНТОНЪ. Старикъ можно и на десять.

МАКСИМЪ. Нѣтъ, не хочу, я буду бросать въ двадцати шагахъ, какъ и всѣ вы. Не пощадю... скажете, что старъ — и баста!

А если попаду въ десяти, то станете говорить: не велика штука — попасть въ десяти шагахъ! Нѣтъ, не хочу. Еще пожалуй, возьмѣ бы бусы Пракенды, которыя не для меня она бросила.

Параша. Не для тебя, дядюшка, не для тебя.

Максимъ. Отмѣряйте шаги. Я начинаю.

(Омѣриваютъ шаги. Максимъ становится на назначенное мѣсто, и бросаетъ топоръ).

всѣ. Промахнулся.

Старикъ (за столомъ). Садись-ка лучше съ нами за столъ, Максимъ; это не наша работа.

Нѣсколько голосовъ. Кто теперь?

Максимъ. Пусть назначитъ Параша.

Антонъ. Параша! меня послѣднимъ.

Параша. Одея! (Одедоръ бросаетъ топоръ).

Горцы. Промахъ!

Параша. Черный! (Черный бросаетъ).

всѣ. Промахъ!

Нѣсколько голосовъ. Это далеко. Мы не хотимъ.

Прокопъ. Пустите-же меня теперь. Кличь, Параша.

Параша. Стражникъ! наушникъ Мандатарія! (Прокопъ выходитъ). Ахъ, это ты, Прокопъ? (Всѣ смѣются; Прокопъ бросаетъ топоръ).

одинъ изъ горцевъ. Зацѣпилъ за вѣтку, да не отрубилъ ее. Жаль!

Параша. Жаль цванцигера. Можетъ-быть, его далъ Мандатарій за какую-нибудь новую ложь.

Антонъ. Молчи, Параша!

Прокопъ. Смѣйся! Теперь смѣешься, а скоро заплачешь.

Антонъ. Напрасно грозить ей. Она моя; а меня, ты знаешь, не легко застрашать. Ну, Параша.

Параша. Антонъ! (Съ улыбкой показываетъ ему на шляпу).

Прокопъ. Постойте! А если онъ не отрубитъ вѣтки? Мой топоръ задѣлъ ее.

всѣ. Тогда разсудятъ старики.

Параша (топаетъ ногою). Не безпокойтесь. Кто вамъ сказалъ, что онъ не отрубитъ вѣтки?

Антонъ. Посторонись! (Бросаетъ топоръ. Нѣсколько горцевъ бѣгутъ и приносятъ сптку).

Молодой горецъ. Взгляните-ка, какъ бритвой отрубилъ. (Параша бросается къ Антону на шею. Онъ отдаетъ ей бусы. Она вынимаетъ изъ шляпы цванцигеръ и

показываетъ его Прокопу, который отворачивается. *Всѣ смѣются*).

антонъ. Хозяйка! на всѣ эти крейцеры дай намъ пива. Пейте, братцы! Кто знаетъ, что будетъ завтра? Сегодня наше, а завтра, можетъ-быть, государево. *(Пьетъ, потомъ беретъ Парашу)*. Одея, играй! *(Вальсируетъ съ Парашею)*.

молодые горцы. Перестань, Антонъ. Скажи намъ: ты что-то знаешь.

антонъ. Ужъ конечно что-нибудь знаю. Послушайте, я былъ въ Яворовѣ и встрѣтилъ тамъ знакомыхъ господъ, которые ѣдутъ въ Буркутъ (1). Въ прошломъ году я занимался у нихъ (2). Добрые господа! — Я ихъ любилъ и они меня любили. Ходили со мной въ запуски на Черную-гору, — они верхомъ, а я пѣшкомъ. Не одинъ цванцигеръ перешелъ отъ нихъ въ мои руки, за то, что я спускалъ съ горы елку и доставалъ ее топоромъ. Вѣдь и вы на это мастера?

молодые горцы. Ну, не каждый. Это не легкое дѣло.

прокопъ. Что-же эти господа говорили тебѣ?

антонъ. Любопытенъ больно! Чуешь видно, что не далеко ваше живно. Хотя ты и стражникъ, а не ловишь въ норѣ лисицу, не гонишься за серной по ярамъ, не борешься въ лѣсахъ съ медвѣдемъ; ты, братъ, ловишь гуцула и предаешь его Нѣмцамъ. Ступай-ка отсюда прочь; меня не проведешь. То, что я скажу теперь, тебѣ скажетъ на-ухо Мандатарій.

прокопъ. Можетъ-быть, ужъ и сказалъ.

молодой горецъ. Скажи поскорѣй, Антонъ, что говорили тебѣ эти господа?

одинъ изъ горцевъ. Говори, ради Бога! Мнѣ такъ вотъ и кажется, что нѣмецкая лапа щекотить меня подъ шею.

(1) *Буркутомъ* называется минеральный источникъ, похожій на Кавказскій Нарзанъ, но заключающій въ себѣ нѣсколько болѣе сѣры. Мѣстечко Буркутъ лежитъ въ двухъ или трехъ часахъ ходьбы отъ Венгерской границы, проходящей въ этомъ мѣстѣ черезъ гору Ченчымъ.

(2) Последнее мѣстечко у подошвы горъ — Косовъ. Оттуда два дня коннаго пути до Буркута. Между Носовымъ и Буркутомъ лежатъ по рѣкѣ Черемошъ три горекія деревни: Яворовъ, Криворотня и Жабъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе драмы. Деревни эти чрезвычайно-живописны; Гуцулы изъ всѣхъ трехъ деревень обыкновенно собираются въ Яворовѣ, гдѣ и ожидаютъ проѣзжающихъ. Они занимаются перевозить путешественниковъ, и потомъ остаются у нихъ для услугъ, за три или четыре цванцигера.

АНТОНЪ. Вотъ что сказалъ мнѣ панъ Янъ Мельбаховскій, увидѣвъ меня: «А что, Антонъ, бѣда вѣдь недалеко. У насъ уже берутъ рекрутовъ».

МОЛОДЫЕ ГОРЦЫ. Рекрутовъ!
женщины. Рекрутовъ!

дѣвки. Рекрутовъ! Ахъ, Боже мой!

АНТОНЪ. Крейсгауптманъ (*) Коломыйской говорилъ пану Яну, что ужъ и циркуляры о наборѣ разосланы. Пани Мельбиховская совѣтовала мнѣ быть осторожнымъ. «Берегись, Антонъ; — жаль будетъ, если они возьмутъ тебя», — говорила она мнѣ. Воля Божія, воля царская, — отвѣчалъ я... Впрочемъ, за себя я не боюсь, за мной законъ: вѣдь я одинъ сынъ у матери.

ПРОКОПЪ (въ сторону). Не поможетъ тебѣ это.

ОДИНЪ ИЗЪ МОЛОДЫХЪ ГОРЦЕВЪ. Счастливъ ты, Антонъ. А вотъ я такъ не одинъ сынъ у матери.

ДРУГОЙ ГОРЕЦЪ. Не всѣ, — чортъ возьми — такъ счастливы! Вотъ у меня такъ сестеръ и братьевъ, какъ ягнать въ сараѣ.

ДРУГИЕ ГОРЦЫ. Плохо! плохо!

МАКСИМЪ (отводя ихъ къ авансценѣ). Ты не одинъ у матери? — и ты также? и ты?...

Нѣсколько горцевъ. Ахъ, такъ, такъ, Максимъ.

МАКСИМЪ. И что-жъ изъ этого? А посмотрите-ка, братцы, вокругъ себя? Что вы видите?

Нѣсколько горцевъ. Что?... кромѣ горъ мы ничего не видимъ.

МАКСИМЪ. А вы развѣ забыли, что въ горахъ овраги, въ которыхъ не бывала нога Нѣмца, что въ горахъ пещеры и дебри, что ты можешь пролежать гдѣ-нибудь подъ камнемъ, и сто Нѣмцевъ пройдутъ мимо, не увидѣвши тебя, — что въ горахъ ели и сосны, наваленныя однѣ на другія, съ незапамятнаго времени, гдѣ васъ и гончая собака не пронюхаетъ, не только табашный стражникъ. — Что-жъ вы стоите, глупыя головы? не понимаете развѣ?

МОЛОДОЙ ГОРЕЦЪ. Ну, какъ не понимать: вѣстимое дѣло. Спасибо тебѣ, Максимъ, спасибо за добрый совѣтъ.

ДРУГИЕ ГОРЦЫ. Братцы, — не надо терять времени! — Будьте здоровы, старички! Прощайте, тетушки; — прощайте, красныя дѣвицы. (Обнимаются и уходятъ).

(*) Должность Крейсгауптмана, въ Австрій, соответствуетъ нашему Земскому Исправнику.

СТАРИКЪ. Пора и намъ домой. Спасибо за пиво, Антоць.
(*Встаютъ и расходятся*).
АНТОТЬ (*указывая на Прокопа*). Скажите ему спасибо, дѣдушки; вѣдь его цванцигеръ. Параша! ступай домой, а я пойду къ матушкѣ.
(*Выходятъ*).

дѢВКИ (*взявшись за руки поютъ и уходятъ*).

Охъ, далеко ихъ погонять,
Поплачуть родные;
И ужъ больше не зазвонятъ,
Звоны Коломыи.

(*Сцена пустѣетъ, пѣсня замираетъ въ отдаленіи; остается одинъ Прокопъ. Въ суровой задумчивости, блѣдный и беспокойный, онъ стоитъ въ глубинѣ сцены. Осматривается, и, не видя никого, встаетъ и подходитъ къ авансценѣ*).

ПРОКОПЪ (*по минутномъ молчаніи*). Дѣлай, что хочешь; ничего не поможетъ. Вырости разомъ собаку съ волкомъ: перегрызутся, какъ будутъ въ силахъ. Много есть въ нашей сторонѣ лихихъ парней, которые любятъ меня. Когда ни приду къ нимъ, поклонятся и почестятъ доброй водкою. — Съ ними мнѣ хорошо: и поболтаешь, и развеселишься подъ-часъ. Только придетъ этотъ проклятый молокососъ, подниметъ голову, задеретъ къ верху носъ, то у меня вотъ такъ и поскребетъ по сердцу, — станетъ такъ душно, такъ мокротно, какъ будто-бы намъ двоимъ тѣсно жить на бѣломъ свѣтѣ и — чортъ знаетъ! — за что его всѣ здѣсь такъ любятъ? — Гдѣ ни покажется, вездѣ на него такъ вотъ и тарачатъ глаза. Пусть-бы еще дѣвки — ну, не диво, чортъ съ ними! — двадцать-три года, кровь съ молокомъ, черный усъ и густыя кудри — на нихъ, какъ уда на рыбу, какъ кашканъ на лисицу! Зачѣмъ-же старики слушаютъ его, когда онъ заговоритъ? (Пауза)... Рекруты?... г-мъ!... Еслибъ остричь его, какъ барана, да вырвать изъ рукъ этотъ проклятый топоръ, если-бъ всунуть ему ружье въ руки, да затянуть въ тѣсный мундиръ, какъ выбѣленнаго Пѣмца... о! славно-бы тогда было, — запрыгало-бы мое сердце съ радости. (*Останавливается и по минутъ паузы*)... Охъ, трудно, трудно; — хлопотъ съ нимъ будетъ не мало. Съ нимъ и десятеро не совладаютъ; притомъ-же онъ одинъ сынъ у матери... А! вотъ и господинъ Мандатарій... Онъ мнѣ посовѣтуетъ въ этомъ дѣлѣ. Ого! что-нибудь и онъ замы-

шляеть недоброе: идетъ потихоньку и шепчетъ... Теперь онъ, какъ волъ, который нажрался травы и жуеть жвачку, — готовясь на пойло.

мандатарій (*медленно приближается*). А!... Здорово, Прокопъ.

прокопъ. Много лѣтъ здравствовать господинъ Мандатарій, — желаю вамъ всякаго благополучія!

мандатарій. Ну, что скажешь?

прокопъ. Да ничего, сударь. Въ головѣ на новости также пусто, какъ въ карманѣ на крейцеры.

мандатарій. А я такъ вотъ скажу тебѣ кое-что. Изъ уѣзда полученъ циркуляръ: велѣно брать рекрутъ.

прокопъ. Рекрутъ? а откуда ихъ взять, господинъ Мандатарій.

мандатарій. Какъ, откуда ихъ взять? Развѣ у насъ мало молодцовъ, которые умѣли-бы стать подъ ружье?... Велика, братецъ, мнѣ принести пива.

прокопъ (*стучитъ въ окно корчмы, и подаетъ Мандатарію кружку съ пивомъ*).

мандатарій (*пьетъ*). А зачѣмъ-же вы — стражники, какъ не за этимъ? Нельзя-же оставить гуцуловъ на одной барщинѣ, которую они отправляютъ двѣнадцать дней въ году, цѣпляются по горамъ, рубя сосны на засѣки. Вамъ недалеко ходить для того, чтобъ исполнять мои предписанія. За тѣмъ я и Мандатарій, чтобъ приказывать вамъ брать рекрутъ; за тѣмъ вы и стражники, чтобъ брать ихъ. А? не такъ-ли?

прокопъ. Такъ, такъ, господинъ Мандатарій. Все это хорошо, если въ деревняхъ ничего не знаютъ, когда можно на нихъ напасть въ распахъ, какъ на лисицу въ капканѣ. А какъ они разбѣгутся въ горы, позалазятъ въ норы, какъ кроты, — спрячутся въ расщелины скалъ, какъ ящерицы, — прилягнутся къ соснамъ, какъ дятлы, то ужъ тутъ ихъ и самъ чортъ не отыщетъ.

мандатарій. Откуда-же они узнали о наборѣ? Кто имъ сказалъ объ этомъ?

прокопъ. Кто-же кромѣ господъ, которые ѣдутъ въ Буркутъ? Кто-же съ ними всегда, какъ не Антонъ Ревизорчукъ? Вотъ и сегодня: вернулся изъ Яворова и давай трубить здѣсь о рекрутчинѣ. Вотъ сей-часъ только они отсюда вышли: пили и распѣвали, какъ на праздникѣ.

мандатарій. Говорилъ-ли онъ, что предписание о наборѣ получено уже мною.

прокопъ. Нѣтъ, этого онъ не говорилъ, господинъ Мандатарій.

мандатарій. Бездѣльникъ! А развѣ предписаніе могло придти къ кому-нибудь кромѣ меня?

прокопъ. Конечно... Но онъ даже и не вспоминалъ объ васъ, г. Мандатарій. Рассказывалъ имъ обо всемъ такъ, какъ будто-бы васъ и не существовало. Мои горы не дураки, въ темя не биты: давай Богъ ноги, да въ горы!

мандатарій. Дурно, дурно. Велика мнѣ подать еще пива (*утиралъ губы*). Доброе пиво!

прокопъ (*въ-сторону*). Чтобъ тебя чортъ взялъ! Прошу покорно платить за него. (*Громко*) Господинъ Мандатарій!

мандатарій (*выпивши новую кружку*). Что?

прокопъ. Такъ какъ онъ разогналъ всѣхъ годныхъ къ рекрутчинѣ парней, то пусть самъ идетъ за нихъ. Покуда онъ здѣсь, не будетъ почтенія къ старшимъ и послушанія. Вотъ, не худо было-бы прицѣпиться къ первой дракѣ; могли-бы мы тутъ затѣять славное дѣло. Да нѣтъ. Гдѣ драка, тамъ и онъ. Придетъ, скажетъ слово, и какъ разъ мировая. А его-ли это дѣло мирить да соглашать? Прямо вмѣшивается онъ тутъ въ ваше дѣло, господинъ Мандатарій.

мандатарій. Правда твоя, правда.

прокопъ. Вотъ, примѣромъ сказать, въ будни-ли, въ праздникъ-ли, соберутся въ деревнѣ старики парни и дѣвки, — едва онъ покажется, всѣ выпялятъ на него глаза, — каждый ему поклонъ, да привѣтъ. — Развѣ они обязаны ему кланяться?

мандатарій (*выходя изъ себя*). О, такъ, такъ, правда.

прокопъ. И если придется кого-нибудь послать, вотъ на-примѣръ, въ случаѣ проѣзда господъ въ Буркутъ, — послать имъ проводника, ходишь, ходишь, бѣгаешь сломя голову, говоришь, что господинъ Мандатарій приказалъ, — куда тебѣ! — не слушаютъ, нѣтъ никого, да и только! А пусть-ка проѣдетъ какой-нибудь изъ знакомыхъ Антону господъ; онъ только ротъ разинетъ, кажется не успѣешь и «Отче нашъ» прочитать, а ужъ двадцать полныхъ проводниковъ готовы ему на услуги.

мандатарій. О, да, да. Ужъ дамъ же я ему знать. — Попро-си-ка мнѣ еще пивца. Давно я не пилъ такого добраго пива?

прокопъ. Сегодня, на-примѣръ, рассказывалъ всѣмъ, что онъ одинъ у матери, что ему ни почемъ циркуляръ господина Мандатарія.

мандатарій. Такъ онъ еще смѣется, и пусть-бы еще надъ циркуляромъ, а то надъ Мандатаріемъ!

прокопъ. Его, господинъ Мандатарій, непременно надобно взять въ рекруты.

мандатарій. Правда твоя; взять, непременно взять.

прокопъ. Что за бѣда, что онъ одинъ сынъ у матери? Можно написать о немъ, какъ о негодяѣ, сказать, что разогналъ рекрутъ, что перевозить контрабанду изъ Венгріи, что бьетъ сторожей....

мандатарій. Насмѣхается надъ предписаніями начальства....

прокопъ. Не слушается начальства....

мандатарій. Что всё слушаются его, а не Мандатарія....

прокопъ. Не прикажете-ли, господинъ Мандатарій, еще пива?

мандатарій. Давай, давай, пива, давай, а Антона бери. Я ужъ напишу реляцію.

прокопъ. Слушаю, господинъ Мандатарій. Надобно половче схватить его. Съ нимъ, что съ медвѣдемъ: того и смотри, что почешетъ по головѣ когтями, противъ шерсти.

мандатарій. Ступай и дѣлай какъ можно осторожнѣе; а я между тѣмъ пойду отдохнуть немножко. Замучила меня эта служба!

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Перебѣна декорацій. Театръ представляетъ комнату въ избѣ Антона.

ЯВЛЕНИЕ I.

МАРОА (Стоитъ въ дверяхъ, встричая Антона).

МАРОА. Антоша!...

АНТОНЪ (входитъ). Матушка!

МАРОА (цѣлуя его). Какъ давно ужъ я не видала тебя?

АНТОНЪ. Пять дней, матушка.

МАРОА. Для матери тяжелы и пять дней разлуки.

АНТОНЪ. Матушка! я люблю васъ больше самого-себя, вы мнѣ милѣ жизни, — милѣ Параша....

МАРОА. Другъ ты мой, — мое золото! Вѣрю тебѣ, ты знаешь самъ, тошно-бы мнѣ было безъ тебя на этомъ свѣтѣ. Что это у тебя такъ горяча голова? Сядь подлѣ меня. Усталъ ты? Не боленъ-ли?

АНТОНЪ. Нѣтъ, матушка, я только усталъ; спѣшилъ къ вамъ

послѣ пяти дней разлуки. Не видать васъ и Парашу — пять дней, не бездѣльца.

МАРОА (снимая съ него плащъ). Параша... добрая она дѣвушка! Да благословитъ васъ Отецъ небесный!... Сними съ себя писто-леты; они тяготятъ тебя.

(Вынимаетъ у него изъ-за пояса пистолеты, и кла-детъ ихъ не подалеку на лавкѣ).

АНТОНЪ. Нѣтъ матушка; оружіе не тяготитъ горца; топоръ сросся съ его рукой.

МАРОА (снимаетъ съ руки топоръ и кладетъ его къ пистоле-тамъ). По-крайней-мѣрѣ, теперь здѣсь оружіе не нужно тебѣ. Садись поближе ко мнѣ, Антонъ, — лягъ тутъ; положи ко мнѣ на колѣни свою голову, — вотъ такъ. (Антонъ садится на низ-кой скамейкѣ спиной къ дверямъ; — ложится на колѣни къ ма-тери и скоро засыпаетъ). Видишь, какой ты проказникъ: пять дней бѣгалъ въ горахъ, и возвратившись, прежде чѣмъ домой, побѣжалъ въ корчму, чтобъ взглянуть на свою Парашу. Вспо-мнилъ объ ней прежде, чѣмъ обо мнѣ, о твоей матери. А ужъ я такъ давно не чесала волосъ твоихъ, такъ давно не цѣловала ихъ. (Греетъ его кудрями. Въ это время Прокопъ съ другими стражниками показывается въ открытыхъ дверяхъ и прячется за ними, ожидая удобной минуты). Милая ты моя головушка! я выколола-бы глаза тому, кто осмѣлился-бы снять съ нея хоть волосокъ — не только прекрасныя твои кудри. Я дала тебѣ, моему дядяти, сильную руку и смѣлое сердце. Знаютъ люди, ка-кая мать родила тебя. Кто только взглянетъ тебѣ въ очи, кто слышитъ твой голосъ, тотъ непременно назоветъ тебя орломъ карпатскимъ. (Прислушивается) Успуль!... Спи, дитя мое! Дай тебѣ Боже счастье, какого можетъ пожелать тебѣ мать твоя! (Наклоняетъ въ задумчивости свою голову. Въ это время под-крадываются къ нимъ стражники, — бросаются на Антона, связываютъ ему руки. Одинъ изъ нихъ беретъ топоръ и писто-леты).

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРОА (вскакиваетъ съ крикомъ). Разбойники вы! грабители!

АНТОНЪ (уже съ связанными руками вырывается отъ стра-жниковъ, но тѣ снова схватываютъ его). Чего вамъ отъ меня надобно? Чего вы хотите отъ меня?

прокопъ. Нойдешъ, любезный, носить карабинъ; больше мы ничего не хотимъ отъ тебя.

мароа. Что?... Карабинъ?... Идти въ солдаты моему сыну?... Не дождетесь этого, разбойники! За нимъ стоитъ законъ. Одинъ онъ у меня, у матери, какъ солнце на небѣ! О, проклятый пещь! давно ужъ ты на него лаялъ, давно скалили зубы.

прокопъ. За то теперь ужъ не стану. Теперь связали медвѣдя, какъ барана. Не хлопочи за него, старуха: выйдетъ изъ него лхлой солдатъ.

антонъ. Подлецъ! Напрасно радуешься заранѣе. Не бойся за меня, матушка! Законъ равенъ для всѣхъ; его они не свяжутъ и не проглотятъ!... Я одинъ сынъ у матери, говорю я вамъ, — я не долженъ идти въ рекруты, — слышите-ли? *(Вырывается у стражениковъ, но тѣ окружаютъ его)*

прокопъ. Ого!... вишь, хочеть еще учить насъ, какъ Мандатарій. А того не знаетъ, что его велѣно взять въ рекруты, какъ негодяя, какъ буптовщика; велѣно взять за то, что разогналъ рекрутъ, что проносилъ контрабанду изъ-за границы.

антонъ. Развязаны-бы у меня были руки, послушалъ-бы я тебѣ, мерзавецъ!

прокопъ. А!... въ томъ-то и штука, что они у тебя завязаны.

антонъ. Ахъ, матушка!... Зачѣмъ сняла ты съ меня оружіе?...

мароа. Ахъ я бѣдная! Боже, сжапись надо мной!

прокопъ. Ну, — маршь въ дорогу! Да держать его крѣиче, — не то ускользнетъ.

мароа *(бросается къ Антону)*. Никто не вырветъ его изъ моихъ рукъ! Развѣ вы забыли, что безъ него нѣтъ для меня бѣлаго дня, чистаго неба?... Попробуйте-ка оторвать его отъ меня; — я утоплю мои пальцы въ подлыхъ глазахъ вашихъ... Пустите его!... Слышите-ли? пустите его!... О!... будьте вы прокляты, — душегубцы — злодѣи!

прокопъ. Прочь отъ него, вѣдьма, не то мы упрячемъ тебя туда, гдѣ не отыщеть и самъ дьяволь. — Оставь его; теперь ужъ онъ не твой!

мароа. Не мой?... Скорѣй рука твоя, которой ты прозишь мнѣ, не твоя, вражій сынъ! Скорѣй змѣиный языкъ, которымъ смѣешь ты стращать мнѣ, не твой! Антонъ! держись за меня, не оставляй меня, мой Антонъ! Держись за меня такъ, какъ держался ты въ утробѣ моей! Пусть берутъ обоихъ насъ вмѣстѣ; мы дойдемъ до правды, — до закона, — онъ оправдаетъ

насъ. Не вездѣ они, подобны этимъ; — есть и люди, Антонъ: есть Богъ, защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ!

ПРОКОПЪ. Э!... что съ ней толковать! Прочь ее, старую вѣдьму! (*Отрываетъ ее отъ Антона, она падаетъ безъ чувствъ на полъ*). Ну же, проворно!

АНТОНЪ (*въ отчаяніи*). А!... Матушка! будь здорова! Жди меня! (*Прокопу*). И ты — предатель, жди меня, — къ тебѣ вернусь еще скорѣе!... Бѣда тебѣ!

ПРОКОПЪ. Ладно; увидимъ... (*Прокопъ и стражники уводятъ Антона*).

МАРГА (*приходитъ въ чувство и поднимается на колыняхъ*). Что со мной случилось?... Гдѣ я?... Какъ темно въ глазахъ моихъ! (*Оглядывается*). О!... Они взяли его!... Что стану я теперь дѣлать? Бѣжать за ними, — вырвать его у нихъ изъ рукъ?... Искать защиты, кричать: отдайте мнѣ сына! — кричать тамъ, чтобъ крикъ дошелъ до неба, и смягчилъ-бы сердца ихъ?... Напрасно; сердце ихъ холоднѣе и тверже камня!... Боже мой! Никто не сжадется теперь надъ бѣдной женщиной! Охъ, помогите мнѣ, помогите!... (*Падаетъ на землю въ безсиліи*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ПАРАША (*сбѣгая*). Матушка!... гдѣ онъ?

МАРГА (*поднимая голову*). Они его взяли, — они связали его, — увели въ рекруты!...

ПАРАША. Ахъ я бѣдная!

МАРГА (*вставая*). Мы потеряли въ немъ все, Параша! Боже! Ты за-что карашь насъ!

ПАРАША (*отирая слезы*). Успокойся, матушка! Богъ не оставляетъ беззащитныхъ. Одинакова наша потеря, но не одинаковы наши силы!... Я возвращу тебѣ твоего сына — и пусть Богъ накажетъ меня, если я вилету въ свою косу ленту, если возьму въ ротъ хоть крошку воды, прежде, чѣмъ не возвращусь съ нимъ, — не отдамъ тебѣ его!...

МАРГА (*цѣлуя*). Иди, — спѣши за нимъ, милая дочь моя, и да папугуетъ тебя Господь!

ЯВЛЕНИЕ IV.

МАКСИМЪ (входя). Бѣдная Марѳа!... Они заковали Антона, — повели въ Куть.

МАРѢ. Какъ!... Заковали? Заковали моего Антона?... О, пустите меня, пустите; я догоню злодѣевъ; я вырву у нихъ моего сына!...

МАКСИМЪ. Поздно. Онъ ужъ, вѣрно, теперь въ Криворовни, а вечеромъ будутъ въ Кошовѣ. А какъ переправятся за бурный Черемошъ — ищи ихъ! Не станешь-же бороться съ его волнами! Успокойся, мать... Не приведутъ тебя ни къ чему всѣ твои усилія. Не упростишь тебѣ Черемоша оскановиться въ своемъ быстромъ теченіи, — не умолишь тебѣ жестокыхъ людей — святя съ сына оковы.

ПАРАША. Матушка! Дядюшка! Выслушайте меня... Я хоть молодая и неопытная; хоть, кромѣ горъ нашихъ, ничего не видала на свѣтѣ, но я люблю его!... Безъ него мнѣ и тебѣ, матушка, не житье на свѣтѣ; послушайся меня. Клянусь, что возвращу тебѣ его, клянусь, что вырву его изъ рукъ враговъ, только пустите меня, и не говорите о томъ никому. Если станутъ спрашивать, скажите, что убѣжала въ горы, что бросилась со скалы и разбилась объ острые камни. Люди повѣрятъ этому; они знаютъ, какъ я его любила... Я пойду, матушка. Широка ихъ земля, но и мои ноги прытки, и мои глаза быстры. Я сыщу его хоть на концѣ свѣта; — я возвращу, я приведу тебѣ его, матушка!

МАРѢ. Параша, радость моя, мое сокровище! — Иди, — бѣги скорѣе, — ипаче они уведутъ его далеко. (*Параша бросается на шею Марѣ, и хочетъ бѣжать*).

МАКСИМЪ (*останавливая ее*). Послушай меня, Параша... Сердце у тебя доброе, но разумъ коротокъ... Куда тебѣ угнаться за ними, гдѣ тебѣ отыскать Антона! Развѣ знаешь, куда они пошлютъ его. Въ какой сторонукѣ станетъ онъ тосковать по тебѣ и по родной матери? И гдѣ тебѣ различить его отъ тысячи другихъ? Пойдешь и пропадешь, и ноги исходишь, и глаза высмотришь, и все напрасно! — Я знаю ихъ землю, прошелъ я по ней и вдоль и поперекъ, и знаю, какъ трудно въ арміи ихъ отыскать солдата. Пойдемъ вмѣстѣ, я провожу тебя!...

МАРѢ (*плача*). Богъ тебѣ заплатитъ, добрый Максимъ, за добрые совѣты твои, за добрую твою душу.

ПАРАША. Дядюшка! Такъ ты хочешь идти со мною...

МАКСИМЪ. Пойду.

ПАРАША (*бросается ему на шею*). Дядюшка! Дорогой мой дядюшка!. . О пойдемъ, пойдемъ скорѣе.

МАКСИМЪ. Пойдемъ, Параша. Прощай, Мароа! Будь терпѣлива; молись за насъ Богу; надѣйся на него!

ПАРАША (*бросаясь къ ногамъ Мароа*). Матушка! благослови меня!
(*Во время благословенія занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Вечеръ. (Комната въ корчмѣ подъ Львовымъ. Входитъ Гершко со свѣчой въ рукѣ; за нимъ Максимъ и Параша, переодѣтая въ простое платье, съ котомками за плечами. У Максима за поясомъ топоръ).

ЯВЛЕНІЕ I.

ГЕРШКО. Ну, отъ чего-жъ не можно.... Нѣ вы одни у меня ночуете; у меня всѣ ночуютъ, и большіе паны ночуютъ, какъ ѣдутъ въ Львовъ.

МАКСИМЪ. Спасибо, господинъ арендаторъ. Вѣдь намъ много не нужно: дай какой-нибудь уголокъ, гдѣ-бы можно-было прилечь и отдохнуть.

ГЕРШКО. Присядьте себѣ вотъ хоть здѣсь. А если пріѣдетъ какой-нибудь господинъ, такъ перейдете въ другую избу. Третьяго дня почеваль у меня одинъ господинъ: ѣхаль онъ на именины къ нашему Пану, и обѣщаль сегодня ночью воротиться. Ну, а слышали вы о нашемъ Панѣ?...

МАКСИМЪ. Нѣтъ, г. арендаторъ, ничего не слышали.....

ГЕРШКО. Ну, какъ-же это вы не слышали? Стало, вы не здѣшніе. Откуда-же вы?

МАКСИМЪ. Я плотникъ, изъ Берестовки, а это дочь моя. Идемъ въ городъ за работою.

ГЕРШКО. За-чѣмъ такъ далеко ходить? и у насъ найдется работа. Кто ищетъ работы, тотъ найдетъ ее вездѣ; кто захочетъ ударить собаку, тотъ вездѣ найдетъ палку.

МАКСИМЪ. Правда, г. арендаторъ. Мы лѣннятся не любимъ, и готовы вездѣ братья за работу.

ГЕРШКО. Ну, кто не лѣнится, къ тому идутъ и талеры, какъ на добраго ловца звѣрь.

МАКСИМЪ. Голоду, слава Богу, не боимся. Что Господь далъ, то и наше. Вотъ, примѣромъ сказать, дайте-ка и намъ что-нибудь перекусить; — мнѣ доброй водки, а моей дѣвкѣ молока съ хлѣбомъ.

ГЕРШКО. Готовить для васъ ужъ поздно; десятый часъ. *(Ставитъ на столъ молоко и хлѣбъ, и наливаетъ Максиму водки).*

МАКСИМЪ. А что, стоятъ у васъ солдаты, г. арендаторъ?

ГЕРШКО. А какъ-же не стоятъ! Совсѣмъ со свѣту выжили, ой вей!... Крадутъ такъ, что упаси Боже — ничего отъ нихъ не удержишь!

МАКСИМЪ. Не у васъ-ли стоитъ батальйонъ изъ полка Князя Лихтенштейна.

ГЕРШКО. У насъ майоръ еще добрый человекъ, — а капитанъ и поручикъ — толучше-бы ихъ черти взяли! Пфай! *(плюетъ и мотаетъ головой).* Нехорошіе люди!

ПАРАША *(Максиму)*. Дядюшка! Ужъ не здѣсь-ли и онъ?

ГЕРШКО. Кто?

МАКСИМЪ. Да наша роденька; — недавно взяли былъ въ солдаты. Не здѣсь-ли онъ, г. арендаторъ?

ГЕРШКО. Ну, — а мнѣ почему знать, здѣсь-ли онъ, или нѣтъ? *(Входитъ фельдфебель).* Спросите вонъ у него; онъ фельдфебель, и долженъ знать, чего вамъ надобно.

ПАРАША *(тихо)*. Дядюшка! Мнѣ страшно! Не быть-бы бѣдъ! Что, если насъ узнаютъ? *(Садится).*

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ *(сутулый и краснощекый, съ ружьемъ и тростью. Ружье ставитъ у дверей)*. Reb' Hersch! wi gee habacht, — gib Schnabs!

ГЕРШКО. Ну, ну, сейчасъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Geschwind!... А что это за люди?

ГЕРШКО. Работникъ изъ Берестовки. Онъ здѣсь ночуетъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (*подходитъ къ Парашь, и треплетъ ее по щекъ*). А эта клубничка?

МАКСИМЪ (*становясь между Парашей и фельдфебелемъ*). Моя дочь!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Saperment! Кровь съ молокомъ! Славная у тебя дочка, кумъ!

МАКСИМЪ. Такъ-себѣ; ужъ какую Богъ далъ, г. фельдфебель.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Ja, ist richtig!

МАКСИМЪ. Дайте-ка мнѣ, г. арендаторъ, на этотъ цванцигеръ хорошей водки. Мы разопьемъ ее съ г. фельдфебелемъ. Вѣдь и я когда-то былъ солдатомъ. Таскался по Италиі, по Тиролю, по Венгріи, — чуть-ли не по всему свѣту.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (*подавая ему руку*). Дай руку, товарищъ.

МАКСИМЪ (*подавая ему руку*). Времена-то перемѣнчивы, г. фельдфебель. Теперь вотъ этимъ топоромъ ставлю хаты, а прежде разбиралъ ихъ штыкомъ на дрова.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (*указывая на ружье*). Такъ и это старыи знакомый?

МАКСИМЪ. Не только знакомый, но и роденька. (*Беретъ ружье и ставитъ его, по-солдатски, къ ногъ*). Попробуемъ-ка, ужъ не забылъ-ли артикулъ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Hab acht! Ins Gewehr!... (*Максимъ исполняетъ по его командѣ*). Славно, славно, товарищъ! Хотя сейчасъ во фрунтъ. Saperment! Садись, старикъ, — потолкуемъ о прежнемъ житье-бытьѣ, и выпьемъ. Давно-ли ты въ отставкѣ? (*Садятся за столъ и пьютъ*).

МАКСИМЪ. Да вотъ ужъ скоро будетъ пять лѣтъ. (*Пьетъ*). Ваше здоровье, г. фельдфебель! Смѣю спросить, въ какомъ вы изволитѣ служить полку?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Въ полку князя Лихтенштейна, въ карабинерномъ батальионѣ.

МАКСИМЪ. Вѣрно вы знаете, г. фельдфебель, всѣхъ солдатъ въ своей ротѣ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Saperment! Какой-же я былъ-бы фельдфебель, если-бъ не зналъ всѣхъ солдатъ моей роты? Знаю всѣхъ, какъ свои пять пальцевъ, отъ головы до ногъ.

МАКСИМЪ. А что, пѣтъ-ли въ вашей ротѣ... Ваше здоровье, г. фельдфебель! (*Пьетъ и наливаетъ фельдфебелю*).

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Спасибо, товарищъ?... О комъ ты хочешь сказать?

МАКСИМЪ. Объ одномъ молодомъ солдатѣ...

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Да у насъ всё молодые. Поручику, правда, вчера минуло шестьдесятъ лѣтъ, за то остальные хваты. Какъ вытянутся въ струнку, такъ есть на что посмотреть. А какъ его зовуть?

ПАРАША (*съ-стороны*). Я вся дрожу....

МАКСИМЪ. Антошъ Ревизорчукъ.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Есть.

ПАРАША (*слабѣетъ и опускаетъ голову на столъ*). Ахъ!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (*смиѣется*). Вѣрно съ родня! О-го! готовъ заложиться, что близкой родной. Saperment!

МАКСИМЪ (*Парашъ*). Не забывайся, Параша; будь осторожниѣе.

ПАРАША. Буду, буду, дядюшка. Сама не знаю, что со мною дѣлалось.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Potz tausend!.... Онъ будетъ твоимъ зятемъ, ручаюсь тебѣ.

МАКСИМЪ. О! давно-бы онъ былъ моимъ зятемъ, если-бъ его не взяли въ рекруты. А теперь надобно ждать; нечего дѣлать. А хорошо-ли онъ ведетъ себя, г. фельдфебель?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Да чуть-ли онъ не изъ лучшихъ во всемъ батальонѣ. Парень чистый, ровный, какъ молодая береза. Что ни прикажешь ему, въ-мигъ исполнено. Черезъ недѣлю по вступленіи въ службу, онъ ужъ дѣлалъ ружьемъ не хуже меня, а это, saperment! — не бездѣлица! — За одно только онъ мнѣ не нравится.

МАКСИМЪ. Не дай Боже, за что-нибудь дурное. Ужъ не пьетъ ли?

ПАРАША. Ахъ, батюшка, не стыдно-ли вамъ и думать объ этомъ!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Этого за нимъ не водится. За-то не нравится онъ мнѣ, что всегда скученъ, — никуда не выходитъ изъ казармы, кромѣ какъ на службу, — а уже на службу всегда первый.

ПАРАША. Бѣдный Антоша! Батюшка! Спросите, гдѣ его квартира?

МАКСИМЪ. Ваше здоровье, г. фельдфебель! (*Пьетъ и наливаетъ фельдфебелю*). Позвольте поблагодарить васъ за добрыя вѣсти о будущемъ моемъ зятѣ. Дай-ка намъ, г. арендаторъ, вонъ тотъ штофикъ, что съ надписью. Что онъ стоитъ?

ГЕРШКО. Два цванцигера. Это знатная водка, fein!... Ее всегда берутъ у меня господа, когда останавливаются на почлегъ.

МАКСИМЪ. Ладно, ладно, — на вотъ тебѣ два цванцигера. (*Даетъ ему деньги*). Прошу откушать, г. фельдфебаль. Да возьмите съ собою: пригодится когда-нибудь и гостей попотчивать.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Беру только отъ-того, что товарищъ мнѣ. А отъ кого другаго... Saperment! (Кладетъ штофъ съ карманъ.)

МАКСИМЪ. Пора намъ собираться, Параша. (Беретъ котомку на плечи). А что, г. фельдфебель, не можете-ли вы намъ показать его квартиры?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Съ удовольствіемъ. Она не далеко отъ моей, и по дорогѣ. Но теперь его нѣтъ дома.

ПАРАША (со страхомъ). Гдѣ-жъ онъ!

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ (смѣясь). Видишь, какъ испугалась, какъ-было бы за пятьдесятъ миль откомандировали. Эхъ! знатное дѣло быть молодымъ! (Ударяетъ себя по брюху). Мнѣ ужъ не дожидаться этого! Не бойся, моя малинка! Онъ не далеко. Я только что развелъ часовыхъ, а его поставилъ у магазина, за-городомъ.

МАКСИМЪ. А далеко этотъ магазинъ?

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Какъ пойдешь по большой улицѣ за-городъ, такъ шагахъ въ пятьдесятъ отъ валау. — Увидишь самъ: огромное строеніе, по лѣвую руку.

МАКСИМЪ. Пойдемъ, пойдемъ Параша.

ГЕРШКО. Ну, а какъ-же почевать-то? Такъ ужъ, вѣрно, не будете?

МАКСИМЪ. Не будемъ, г. арендаторъ.

ГЕРШКО. Ну такъ заплатите-же мнѣ? Безъ васъ ко мнѣ заѣхали-бы господа... Не изъ чего мнѣ терять деньги; я человекъ бѣдный.

МАКСИМЪ (бросаетъ ему деньги). На, возьми, жидъ!

ГЕРШКО. Ну, — ну, не за что сердиться.... Я вѣдь своего требую.

ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ. Reb' Hersch! Gute Nacht! (Выходитъ, вслѣдъ за нимъ выходитъ и Максимъ съ Парашей).

ГЕРШКО (залирая за ними дверь). Пфай, какой щедрый папъ! (тушитъ свѣчу).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Ночь. (За-городомъ, — посреди поля. Вдали видны городскіе огни. По лѣвой сторонѣ дороги огромное строеніе магазина. Подлѣ него будка часового)

АНТОНЪ (на часахъ; ходитъ взадъ и впередъ. Останавливается и опирается на ружье). Темно! холодно!... Бррръ.... Вѣтеръ

принимаетъ насквозь, точь-въ-точь, какъ въ родныхъ горахъ, которыхъ уже не суждено мнѣ увидѣть.... Гдѣ они?.... Ихъ слѣдъ изглаженъ для меня. Не знаю даже, далеко-ли отсюда Черемошъ; тамъ, на берегахъ его, сидитъ Параша, груститъ, прислушивается къ шуму водъ его, и ждетъ меня. О! не жди меня, милая.... Скорѣе тѣ волны, которыя принесли меня сюда, потекутъ назадъ, чѣмъ я вернусь къ тебѣ. (*Прохаживается и потомъ останавливается снова*). Столько дней, столько мѣсяцевъ, и ни вѣсточки о нихъ! И кому-же принести ко мнѣ вѣсть объ нихъ? Какъ дойдетъ до меня привѣтствіе, поклонъ матери и моеѣ милой?.... Земля ихъ такъ широка! Войска такъ много, а я одинъ среди этихъ многихъ тысячъ!.... Напрасно думать объ этомъ.... Придется служить, терпѣть до конца, воротиться наконецъ на родину и найти — мать — въ сырой землѣ, суженую женой другого! (*Трясетъ ружье*). Тяжело!.... (*Задумывается*). Земля здѣсь богата, пивы зеленѣются, на деревьяхъ румяныя яблоки, на широкихъ поляхъ волнуется пшеница и жито; — а мнѣ здѣсь грустно, душно и тѣсно! Бывало, когда я становалъ на вершинѣ Черной-горы, — когда открывался передо мною доли и поля на десять миль въ окружности, когда подъ погами моими носились тучи, и огромныя горы представлялись зелеными стогами сѣна, а выше меня не было никого, кромѣ карпатскаго орла, который шумѣлъ въ воздухѣ крыльями; — о, какъ мнѣ было весело тогда, какъ хорошо, какъ просторно... Нѣтъ! Не видать ужъ мнѣ родныхъ моихъ елей, не пить чистой воды Черемоша! Не дышать воздухомъ родныхъ горъ!.... (*Задумывается*). А если я увижу еще мои родныя горы, родныя ели, если?.... (*Пауза*). Но бѣжать — бросить оружіе — опозорить себя — погубить?... Меня поймаютъ, разстрѣляютъ, какъ дезертера, — и не увидать мнѣ родной земли!.... Нѣтъ!.... видно Богу надобно оставить мщеніе: Онъ накажетъ ихъ за оскорбленіе бѣдной матери, — Онъ осушитъ слезы моеѣ Парашы!.... Ты вѣчно ходи взадъ и впередъ около поста, и сторожи его, какъ собака, до-тѣхъ-поръ, пока не смѣнятъ тебя!... (*Окликаетъ, закликаетъ приближающихся*). Кто идетъ?

максимъ (*перемльнивши голосъ*). Свой, служивый! Добрый вечеръ! Желаю тебѣ скорой смѣны.

антонъ. Спасибо. За-чѣмъ ты идешь сюда? Здѣсь нѣтъ никакой дороги.

максимъ. Мнѣ говорили, что тутъ, около магазина, идетъ дорога въ Берестовку.

антопъ. Неправда. Тутъ нѣтъ никакой дороги. Ступайте себѣ съ Богомъ назадъ. Въ такую пору здѣсь ходить не приказано.

максимъ. Не бойся, служивый. Мы не изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ то, чего не приказано. И тебѣ не страшно стоять тутъ одному, въ такомъ глухомъ мѣстѣ?

антопъ. Хорошъ-бы я былъ солдатъ, если-бъ боялся. Да и чего-же тутъ бояться?

максимъ. А что, я думаю пошли въ солдаты сами, по своей охотѣ? Нѣмцы, говорятъ, мастера вербовать? Я самъ это испыталь на себѣ.

антопъ. Такъ ты служилъ?

максимъ. О!.. Съ этимъ пріателемъ (*указывая на ружье*) я давно знакомъ.

антопъ. Если такъ, то тебѣ должно быть извѣстно, что съ чѣсовымъ разговаривать не позволено.

максимъ. На гауптвахтѣ, такъ, — но въ мирное время и на отдаленномъ постѣ, отъ-чего не поговорить съ добрымъ человѣкомъ, — съ бывалымъ человѣкомъ, который видалъ и горы, и долины, бывалъ за морями, въ чужихъ земляхъ? Три часа протоять одному, не сказавши ни слова. — Это вѣдь не шутка.

антопъ (*опираясь на ружье*). Какія-же ты видалъ горы?

максимъ. Спроси лучше, какихъ горъ я не видалъ? Кто ихъ тамъ припомнитъ, какъ онѣ называются! Одни только у меня не вышли изъ памяти.

антопъ. Какія-же это?

максимъ. За-чѣмъ тебѣ знать, когда ты никогда не бывалъ въ горахъ.

антопъ. Я не бывалъ? О, если-бъ ты зналъ...

максимъ. Что съ тобою, служивый?

антопъ. Ничего... ты показалъ голодному кусокъ хлѣба, а подѣлаться съ нимъ не хочешь. Давно-ли былъ ты въ горахъ?

максимъ. Давно. Вотъ тамъ-то такъ настоящее житье.

антопъ. Здорово и весело.

максимъ. Когда стоишь въ долинѣ, гдѣ шумитъ и скачетъ по камнямъ рѣка, кажется, что этихъ горъ вокругъ тебя столько-же, какъ и деревьевъ, которыми обросли бока ихъ. А поднимись-ка повыше — увидишь, какъ вырастаютъ одна изъ другой эти горы; — взберись еще выше — конца имъ нѣтъ; а какъ взлезешь на самый верхъ крутой горы, да помотришь на Черную...

антопъ (*бросаетъ ружье и, быстро подходя къ Максиму, всма-*

приваается въ него). Послушай, кто ты?... Твой голосъ мнѣ что-то знакомъ.

МАКСИМЪ (показывая ему свой топоръ). Я плотникъ изъ Берестовки.

АНТОНЪ (вырываетъ топоръ и, поднимая его надъ головой). О! знакомъ онъ мнѣ; — это родной топоръ! (Цѣлуетъ его и потомъ отдаетъ). На, возьми его, — возьми и ступай съ Богомъ! не пскушай меня! Если-бъ я не зналъ этой страны, если-бъ не сжималъ меня этотъ бѣлый мундиръ, — если-бъ не блестялъ въ рукахъ моихъ этотъ карабинъ, то я подумалъ-бы, что нахожусь на роднѣ, такъ знакомымъ голосомъ отозвался ты къ моему сердцу. Ступай, старикъ, не дразни меня; — и безъ этого тоска гложетъ меня. (Закрываетъ глаза руками. Параша подходитъ въ это время и становится передъ нимъ).

МАКСИМЪ (натуральнымъ голосомъ). Не полагай, что ты только одинъ помнишь о родныхъ своихъ, и что они забыли о тебѣ. Развѣ въ горахъ не пайдется добрыхъ людей, которые вспомнили-бы о тебѣ, Антоша!

ПАРАША. Антоша!

(Антонъ отнимаетъ руки отъ глазъ; — всматривается пристально въ Максима и Парашу и бросается на шею послѣдней).

ПАРАША. Милый Антонъ! безъ тебя не было для меня свѣту Божьяго... Насилу отыскала я тебя. О! какъ теперь весела я, какъ счастлива!

АНТОНЪ. Не сонъ-ли это? Васъ-ли я вижу, мои млые, мои родные?

ПАРАША. Это не сонъ, Антоша. Мы, я и Максимъ, съ тобою. Мать велѣла поцѣловатьъ тебя. (Цѣлуетъ его).

АНТОНЪ. Мать?.. Такъ она жива еще. Благодарю Тебя, Господи! И ты, ты со мною, моя чернобровая, моя Параша?.. О! положи ко мнѣ на сердце руку: послушай, посмотри, какъ оно бьется отъ радости! Такъ ты меня любишь, любишь по-прежнему, — не правда-ли? Иначе вѣдь ты не шла-бы такъ далеко! Богъ наградитьъ тебя за любовь твою, Параша! И ты, и ты, старикъ, не забылъ обо мнѣ, и ты пришелъ ко мнѣ, — не побоялся такой дальней дороги? Чѣмъ я вамъ заплачу за все это?

МАКСИМЪ. Мать ждетъ тебя.

АНТОНЪ. Она дождется меня, — пусть Богъ будетъ свидѣтель словамъ моимъ! Смерть только, одна смерть, могла-бы задержать меня здѣсь... (Задумывается).

ПАРАША. О чемъ ты задумался, Антоша?

АНТОНЪ. О чемъ?.. Я знаю, что ожидаетъ меня, Параша. Знаешь-ли ты? я бѣгу съ поста, съ мѣста, на которое поставили меня власть и законъ; — бросаю оружіе, данное мнѣ подъ присягою, — я дѣлаю преступленіе, — такое преступленіе, Параша, за которое ждетъ меня смерть, позорная смерть измѣнника. Я знаю все это — и бѣгу. — Я не могу оставаться здѣсь, бѣгу туда, куда зоветъ меня голосъ матери, — куда зоветъ меня мщеніе, — тамъ ждутъ меня объятія матери, — тамъ ждутъ меня шумъ родныхъ лѣсовъ, свистъ горнаго вѣтра. Идемте, — идемъ туда!....

ПАРАША. Боже, помилуй его!

АНТОНЪ (*увлекая Максима и Парашу*). Идемъ, — бѣжимъ скорѣе!

МАКСИМЪ. Ты хочешь бѣжать въ этомъ мундирѣ, Антонъ? Въ умѣ-ли ты? тебя узнаютъ, схватятъ... Прочь его, вмѣстѣ съ ружьемъ; и надѣвай вотъ это платье. (*Развязываетъ котомку и вынимаетъ платье, широкой плащъ и шляпу*).

АНТОНЪ. О, спасибо, спасибо тебѣ, добрый Максимъ. (*Сбрасываетъ мундиръ и переодевается*). Прощай на-вѣки, бѣлая скорлупа! ты оттянула мнѣ плечи, сжала сердце и разумъ, отняла свободу! Сорвать тебя съ плечъ нельзя безъ крови — пусть-же течетъ эта кровь, только не здѣсь, а на родинѣ, для которой я не жалѣю жизни! (*Бросаетъ ружье*). Прощай и ты, старый пріятель! Не боюсь тебя, хоть и знаю, что за преждевременную разлуку, плюнешь ты мнѣ въ лице свинцомъ и смертью!..

МАКСИМЪ. Вотъ тебѣ вмѣсто ружья. (*Подаетъ ему заряженные пистолеты*).

АНТОНЪ (*смотритъ на нихъ съ умиленіемъ и прижимаетъ къ груди*). А!.. Мои знакомцы! старые друзья мои! Максимъ! Богъ тебя наградитъ за это (*Кладетъ ихъ за поясъ*).

МАКСИМЪ (*подавая ему топоръ*). Возьми ужъ и этого стараго друга!

АНТОНЪ. Топоръ! и мой еще, — третья рука моя! Ну, идемте-же теперь, до свѣта еще далеко.

МАКСИМЪ. Не забудь, Антонъ, что мы плотники, а она (*указывая на Парашу*) — дочь моя!

АНТОНЪ. Знаю, знаю; а кто-бы не повѣрилъ намъ, такъ того мы убѣдимъ по своему. (*Трясетъ топоръ*). Въ дорогу, друзья! время намъ теперь дороже всего! (*Уходятъ всѣ трое*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Деревья Жабь. Площадь передъ колодезъ. Анна, съ ведрами на плечахъ, идетъ за водою, и ведетъ за собою маленькую дочь свою. Марфа сидитъ на дорогѣ, глубокая горестъ видна въ лицѣ ея.

дитя (плачетъ) Мама, мама!

анна. Чего тебѣ?

дитя. Вернется-ли сегодня изъ Кошова тятя?

анна. Вернется. Мы будемъ ждать его.

дитя. А привезетъ онъ мнѣ гостинцу, мама?

анна. Привезетъ, душа моя.

марфа (поднимая голову). Не ошибись, Анна. Не всегда возвращается домой тотъ, кто оставилъ его.

анна. Богъ съ тобой, Марфа! Охота тебѣ страшать меня. Что я тебѣ сдѣлала?

марфа. Ты — жена Прокопа, — и смѣешь спрашивать меня, что мнѣ сдѣлала? (Анна ставитъ коромысло съ ведрами на землю и ласкаетъ дочь свою). Ласкай! ласкай! Лучше-бы сдѣлала, если-бъ привязала ей камень на шею, да и въ воду!

дитя. Мама! я боюсь Марфы. Она такая злая, такая страшная!

анна. Чѣмъ-же виноватъ этотъ ребенокъ, Марфа, если мать ея виновата только тѣмъ, что она жена Прокопа?

марфа. Проклятъ весь родъ его! Взгляни на меня; взгляни, какъ изрыли слезы старое лицо мое; взгляни, какъ переменялась, какъ похудѣла я отъ этихъ слезъ!... Никого нѣтъ у меня на свѣтѣ, у меня, дряхлой старухи; кто будетъ кормить и поить меня?.. Придется съѣсть на дорогѣ, и просить Христа-ради милостыню. О! сто разъ лучше было-бы, если-бъ мать моя привязала мнѣ камень на шею и бросила въ воду!..

дитя. Какъ мнѣ жаль ее, мама! Дай ей напиться! Она хочетъ пить, мама!

марфа. Будетъ такъ и съ твоей дочерью, Анна. Теперь она весела и румяна, — протягиваетъ къ тебѣ руки, цѣлуетъ тебя, а вотъ, подожди, вырастетъ, захочетъ поцѣловать молодого парня, который понравится ей... Ты позволишь, позовешь въ праздникъ пона и сватовъ; соберешь дружекъ... они уберутъ ее, расплетутъ косу, надѣнутъ вѣнокъ на голову, — а тутъ, вдругъ, какъ черная туча на ясное небо, набѣжитъ такой-же разбойникъ, какъ мужъ твой; схватитъ жениха и отправитъ его въ

въ Куть... Тогда что, а? хорошо тебѣ будетъ? а?.. Не упрекнуть развѣ тогда твоя дочь, за то, что теперь не надѣла ты ей на шею камень и не бросила въ воду?..

ЛННА. Перестань, Мароа, перестань. Богъ на тебя прогнѣвается за недобрыя мысли.

МАРОА. А если и выйдетъ за мужъ дочь твоя, если Богъ дастъ ей сына, а она выкормитъ его молокомъ своимъ, вымоетъ своими слезами, — и согрѣетъ своимъ дыханіемъ, если сынъ ее вырастетъ, станетъ красою Карпатовъ, — единственной подпорой старой матери, — и вдругъ придетъ такой-же разбойникъ, какъ мужъ твой, — схватитъ его, свяжетъ въ глазахъ твоихъ, — оторветъ отъ него бѣдную мать, и потомъ оставитъ ее сиротой, безъ помощи, безъ хлѣба, безъ капли воды — одну, одну одишешеньку на этомъ свѣтѣ, — тогда что? а?.. Не упрекнуть развѣ тогда твоя дочь, за то, что теперь не надѣла ты ей на шею камень и не бросила въ воду?..

ЛННА. Мама, пойдемъ отсюда прочь; мнѣ страшно.

ЛННА. Ты разрываешь мнѣ душу, Мароа. Пусть Господь проститъ тебѣ это на томъ свѣтѣ. Что я, бѣдная, тебѣ сдѣлала?

МАРОА (*вставая*). Я раздираю тебѣ душу? — а кто-же разодралъ мою душу, — кто облилъ кровью мое сердце?.. Развѣ не заслужила ты моего проклятiя? О! не пожалѣю я его для цѣлаго рода Прокопова. Жена разбойника Прокопа! пророчу тебѣ: ты овдовѣешь, а дѣти твои останутся безъ куска хлѣба, безъ рубашки на тѣлѣ!..

ЛННА (*поспѣшно беретъ ведра на плечи и увлекаетъ ребенка*). Пойдемъ, пойдемъ отсюда.

МАРОА (*идя за ней*). Бѣги, бѣги отсюда! Ступай къ себѣ домой — и чтобъ найти тебѣ тамъ пожаръ, чтобъ найти тебѣ въ колыбели трупъ твоего ребенка, — чтобъ все бѣды разразились надъ головой твоей!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дикое мѣсто въ горахъ. Густой лѣсъ.

АНТОНЪ (*въ одеждѣ горца, лежитъ подъ деревомъ; — часть встаетъ и смотритъ въ даль съ нетерпѣніемъ*). До-сихъ-поръ нѣтъ его! Дождусь, не дождусь! Что-то долго копаются тамъ старый Максимъ; — видно, что ему не такъ нужно, какъ мнѣ.

(По минутномъ размысленіи). Боже мой! А я бѣжалъ сюда съ такой радостью, — такъ билось у меня сердце, когда переступилъ я Прутъ и завидѣлъ вдали верхи родныхъ горъ... Теперь же, почти передъ глазами у меня родная деревня, — домъ отчій, — а мнѣ не весело... сижу и жду... жду смертельнаго врага. Свинцомъ смою я грѣхъ его... Тсъ!.. Кто-то идетъ; — вѣрно, Максимъ. (Входитъ Максимъ. Антонъ бѣжитъ къ нему и беретъ его за руку). Что? дома?

максимъ. Нѣтъ; ушелъ въ Кошово.

антонъ. Когда вернется?

максимъ. Сегодня.

антонъ. Надобно подождать. (Проходяживается. Максимъ смотритъ на него съ безпокойствомъ). Максимъ! Параша у матушки.

максимъ. У матушки.

антонъ. Ступай и ты туда, добрый Максимъ. Приготовь ее къ свиданію со мной. Увидѣвши меня внезапно, она, можетъ быть, не выдержитъ, не перенесетъ своей радости.

максимъ. Послушай, Антонъ, я хотѣлъ-бы тебѣ сказать кое-что.

антонъ. Ни слова. Развѣ я ребенокъ и не знаю, чего мнѣ хочется и что долженъ я дѣлать? Я далъ себѣ слово — и сдержу его. Ступай, Максимъ, ступай, прошу тебя. Я останусь здѣсь. Отсюда видна дорога, по которой онъ будетъ возвращаться. О! пусть его примирится теперь съ совѣстью; завтрашняго солнца ему не видать!

максимъ. Воля твоя, Антонъ. По-моему, гораздо-бы лучше ты сдѣлалъ, еслибъ оставилъ его въ покоѣ. Не стоить онъ твоей пули.

антонъ. Я свее-бы терпѣливо судьбу мою, я не смѣлъ-бы обвинять его, если-бъ онъ лишилъ меня свободы по волѣ старшихъ, по волѣ закона. Рука всегда должна слушать и дѣлать то, что приказываетъ голова... Но ты знаешь, какъ виноватъ Проконъ. Меня убила его злоба, — она выгнала меня изъ деревни, наложила на меня оковы, — сдѣлала дезертиромъ, отняла мать, Парашу, все, все на свѣтъ! Законъ освобождаетъ отъ рекрутства одного сына у отца, или матери, которымъ онъ долженъ служить подпорою... Они уничтожили это право. Богъ приказалъ почитать старыхъ, а онъ схватилъ за волосы бѣдную старуху и бросилъ ее на полъ!.. О! пусть мирится онъ съ совѣстью. Последній часъ насталъ для него. (Смотритъ на дорогу; — схватываетъ пистолеть и затыкаетъ ихъ за поясъ, беретъ топоръ). А! вотъ онъ! Въ самую пору!.. Спиши, спиши, — поцѣлуй дома

жену и дѣтей — поцѣлуй въ послѣдній разъ! (*Выбѣгаетъ. Максимъ слѣдуетъ за нимъ въ отдаленіи.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Изда Прокопа.

ПРОКОПЪ (*входитъ, ставитъ въ уголъ ружье, вѣшаетъ на стѣну пистолеты и снимаетъ плащъ*). Ну, слава Богу, вернулся домой. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. А гдѣ моя баба? Эй, Анна! дѣти.. Нѣтъ никого. Вѣрно, она пошла за водой и взяла съ собою дѣтей. Колодезь не близко, ведра не легки, — не мудрено, что присѣла гдѣ-нибудь отдохнуть. А! да вотъ и она.

АННА (*входитъ блѣдная и встревоженная*). Ахъ, ты ужъ вернулся Прокопъ? (*Обнимаетъ его и плачетъ*).

ПРОКОПЪ. Что съ тобой, Анна?.. О чемъ ты плачешь?

АННА. Ни о чемъ, Прокопъ; такъ. Сгрустнулось что-то.

ПРОКОПЪ. Ужъ нѣтъ-ли какой бѣды у насъ дома? Здоровы-ли дѣти?

АННА. Не виновать-ли ты передъ кѣмъ-нибудь Прокопъ? Не согрѣшилъ-ли ты передъ кѣмъ-нибудь?

ПРОКОПЪ. Что это значить, Анна?

АННА. Ахъ! это значить то, что надъ головой нашей виситъ бѣда. Я только что повстрѣчалась съ Марою. Страшно и взглянуть на нее, а слова ея ложатся на сердце, какъ камень. Зачѣмъ тебѣ было вмѣшиваться въ дѣло ея сына? Это дѣло не-правое, Прокопъ. Ты можешь за него отвѣчать и передъ Богомъ и передъ людьми. Марья прокляла меня и дѣтей твоихъ.

ПРОКОПЪ. Только-то! (*Смѣется*). Было чего бояться! Стума, что-ли сошла ты, Анна?

АННА. Проклятiе—Прокопъ—проклятiе матери! Это не шутка!

ПРОКОПЪ. Пустыя слова, повѣрь мнѣ, Анна. Если бъ проклятiе старой бабы могло превратиться въ порохъ и пулю, тогда бы я сказалъ самому себѣ: Плохо; берегись;—а теперь я, просто, смѣюсь надъ ея проклятiемъ. Если тебѣ жаль этой старухи, такъ плачь себѣ сколько хочешь, — а покуда дай-ка мнѣ пообѣдать: я усталъ и голоденъ.

АННА (*накрывая на столъ въ томъ углу, гдѣ стоитъ ружье Прокопа*). Вѣдь это проклятiе матери, Прокопъ, а проклятiе ма-

терп страшище пуль и пороха. Я сама мать; я сама не перестала-бы молить Бога, до-тѣхъ-поръ, покуда Онъ не наказалъ-бы того, кто оскорбилъ меня.

прокопъ (*садясь за столъ*). Ну, довольно; давай обѣдать... Есть-чему порадоваться: все удалось мнѣ, какъ нельзя-лучше: шерсть и кожи продалъ дороже другихъ. Для г. Мандатарія привезъ боченочекъ вина, который мнѣ обошелся въ бездѣлицу. За него заплатили наши люди, а я отдамъ ему отъ себя. Вотъ, что называется, умѣть обдѣлывать дѣла свои! Мандатаріи настоящій осель, хоть и говоритъ иногда по-латыни. Куда ему поймать меня въ чемъ-нибудь! Хозяиномъ здѣсь я, а онъ у меня какъ метла, которою вымету отсюда, какъ соръ со двора, каждаго, кого мнѣ вздумается... Что же ты повѣсила носъ, Анна? а?

анна. Ничего; такъ, слушаю тебя, что ты говоришь, а на сердцѣ что-то тяжело, и плакать хочется.

прокопъ. Глупенькая!.. Поди-ка лучше ко мнѣ, поцѣлуй меня, да принеси смѣтаны.

анна. Сей-часъ, — смѣтана свѣжая. (*Беретъ съ полки миску съ ложкою и выходитъ изъ избы въ боковыя двери*).

прокопъ. Чортъ-бы побралъ скверную старуху! Старая вѣдьма! Будетъ она у меня стращать жену! Скоро выкурю я ее изъ деревни, какъ и сына. (*Антонъ входитъ въ среднія двери и оставившись на срединѣ избы*). Кто тамъ?.. Что-жъ не откликаешься? Кто тутъ? (*оглядывается*) А! это ты?.. (*Вскакиваетъ съ скамьи и хочетъ снять пистолеты. Антонъ стрѣляетъ, Прокопъ шатается и падаетъ, облитый кровью*)

анна (*вбѣгая*). Кто ты?.. что случилось? (*Увидя трупъ мужа, вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувства*).

антонъ. Кто я?... Я сынъ Мары! (*Хочетъ выйти, но въ дверяхъ встрѣчаетъ Максима; вслѣдъ за нимъ входятъ Марѳа и Параша*).

максимъ (*увидя трупъ*). Опоздали!

марѳа. Сынъ мой! Антонъ мой!...

антонъ. Матушка! мщеніе привело меня сюда прежде, чѣмъ къ тебѣ.

марѳа. Убить?

антонъ. Да, тотъ, кто оскорбилъ тебя—убить мною.

марѳа. Исполнилось мое предсказаніе! Богъ выслушалъ просьбу матери,—возвратилъ мнѣ сына, который отомстилъ за меня. Поди ко мнѣ, обними меня, дитя мое! Если-бы ты зналъ, какъ они мучили меня, прежде, чѣмъ сказали о твоёмъ возвращеніи.

Они знали, что сердце матери не выдержало-бы внезапной радости! А оно уже усохло съ тоски, — увяло отъ слезъ! Ты только, одинъ ты можешь возвратитъ мнѣ радость и жизнь. О, поди ко мнѣ.

АНТОНЪ. Нѣтъ, матушка, не на радость, не на утѣшеніе тебѣ вернулся я... Видишь-ли? (*Указывая на трупъ Прокোпа*). Мщеніе привело меня.... Бѣда!

МАРОА. Что ты говоришь, Антонъ

АНТОНЪ. Такъ, матушка. Местъ палила меня. Она не давала мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью... Теперь я дезертеръ и убійца, теперь у тебя нѣтъ сына. Меня будутъ искать, — меня казнятъ, какъ преступника. Богу извѣстно, кто сдѣлалъ меня преступникомъ! (*Беретъ за руку Парашу*). Вотъ единственное дитя твое... Она замѣнитъ тебѣ меня. Она будетъ беречь тебя до послѣдней минуты жизни.

МАРОА. А ты! а ты?

АНТОНЪ. Я долженъ бѣжать, матушка.

МАРОА. Бѣжать!

АНТОНЪ. Такъ, матушка. Отнынѣ нѣтъ для меня дому, нѣтъ пристанища. Домъ мой — лѣса и горы; — родные мои — разбойники! — невѣста моя — висѣлица! (*Выбѣгаетъ*).

МАРОА. Боже мой!

ПАРАША (*падаетъ*). Матушка! Бѣда намъ!

АННА (*приходя въ чувства, слабымъ голосомъ*). Бѣда!

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Иаба Антоны. Ночь. Параша сидитъ подъ деревомъ. Подлѣ нея Антоны.

АНТОНЪ. Не плачь, Параша!

ПАРАША. Я погубила тебя.

АНТОНЪ. Успокойся, Параша. Я вернулся не для тебя одной. Тутъ была другая причина, болѣе сильная, страсть сильнѣе любви,—страсть, о которой ты не знаешь, и дай Боже, чтобъ никогда не знала!.. Матушка спитъ.

ПАРАША. Только-что уснула. Она долго ждала тебя. Съ-утра до вечера сидитъ бѣдная подлѣ окошкѣмъ, — ждетъ тебя, смотритъ, не идешь ли ты, — смотритъ до-тѣхъ поръ, пока не оставитъ ее силы, пока не сомкнетъ глазъ сонъ.

АНТОНЪ. Бѣдная матушка! На-то-ли выросила она меня, чтобъ я, вмѣсто того, чтобъ быть ей подпорою, — сдѣлался разбойникѣмъ!

ПАРАША. Сердце твое чисто, Антоны! Ты виноватъ передъ людьми, — не передъ Богомъ.

АНТОНЪ. Не виноватъ передъ Богомъ. — говоришь ты? А эта рука, омбитая въ чужой крови — занятная чужимъ добромъ... Богъ не приметъ отъ нея чистой жертвы, Параша.

ПАРАША. Мы все тебя любимъ, Антоны!

АНТОНЪ. Не повѣришь, какъ жжетъ меня, какъ терзаетъ эта чистая любовь ваша! Лучше-бъ, если-бъ не дознавалъ я любви этой, лучше-бъ, если-бъ не было васъ на свѣтѣ! Тогда я былъ-бы свободенъ; изъ однихъ горъ переходилъ-бы въ другія, изъ одного края въ другой; я не милосердно метилъ-бы людямъ за ихъ неправду и злобу; я метилъ-бы этимъ милосердымъ богачамъ, которые смѣются надъ нищетою, зарытые въ своемъ золотѣ. О! они дрожали-бы передъ разбойникѣмъ, осужденнымъ на висѣлицу; они — разбойники, для которыхъ законъ еще не поставилъ висѣлицы!

Параша (*рыдаеъ*). Такъ мы не милы тебѣ, Антонъ? Ты желаешь нашей смерти?

Антонъ. Я желаю вашего спокойствія; я такъ хотѣлъ-бы видѣть васъ счастливыми!... Гдѣ-же теперь ваше счастье, ваше спокойствіе?... Однако-жъ, мнѣ надобно епѣшить. Прощай, Параша, прощай, моя радость! Каждый разъ, какъ я прощаюсь съ тобой, мнѣ кажется, что прощаніе это послѣднее. Теперь каждая минута моей жизни полна опасности. Меня ищутъ, слѣдятъ за каждымъ шагомъ моимъ. Вчера я слышалъ разговоръ Мандатарія съ стражникомъ. Я лежалъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ за колодою и не проронилъ ни одного слова. Отрядъ линейнаго войска посланъ поймать насъ. Имъ уже извѣстно наше пристанище; мы должны искать другаго мѣста.

Параша. Ахъ! если-бъ не матушка, я пошла-бы за тобою, Антонъ; я раздѣлила-бы твою участь.

Антонъ. Нѣтъ, Параша! Не на то рождена ты, чтобы быть женою разбойника! Каждый разъ, какъ я смотрю на твою хату, вспоминаю я прошлое, вспоминаю первое время любви моей. О, какъ различны отъ теперешнихъ были мои тогдашнія мысли и чувства! Я представлялъ тебя хозяйкою; — на порогѣ этой избы должна ты была каждый день провожать меня на работу, — встрѣчать меня, когда я возвращался съ нея. Я сталъ-бы учить твоего сына бѣгать по горамъ, взбираться на крутизны, гоняться за дикими козами, срубать топоромъ высокія вѣтки, — сталъ-бы учить его быть трудолюбивымъ и честнымъ, — любить добро и правду, бояться закона и Бога, — и вотъ все мечты мои разсыпались прахомъ — все пропало.... и нѣтъ слѣда моего счастья!

Параша. О, какъ больно мнѣ слышать это, Антонъ! Слова твои жгутъ мое сердце! Антонъ! возьми меня съ собою; я раздѣлю твою горькую долю, пойду вмѣстѣ съ тобою на животь и на смерть. Возьми меня, возьми, Антонъ!

(*Падаеъ передъ нимъ на колѣни*).

Антонъ (*поднимая ее*). Нѣтъ, Параша! Ты должна жить для бѣдной моей матери, для себя-самой. Счастье твое еще не ушло отъ тебя: ты съ другимъ можешь найти его. Возврати мнѣ кольцо, которымъ я обручился съ тобою. Не нужны теперь тебѣ эти узы. Сними его съ пальца, — брось далеко отъ себя. (*Снимаетъ кольцо съ ея пальца*). Брошу въ быстрыя волны родной Черемоши. Другая у меня есть невѣста, — другая суженая. Скоро она обойметъ мою шею; — скоро подаритъ она меня вѣчнымъ, кровавымъ своимъ поцѣлуемъ. Она обовѣсть меня своими

тонкими пеньковыми пальцами — и не оторвется от меня, покуда тѣло мое не разсыплется прахомъ, покуда хищный воронъ не выключетъ глаза мои!...

МАРФА (изъ избы). Параша!

АНТОНЪ. Слышишь? она зоветъ тебя. (Обнимаетъ Парашу). Живи, живи, Параша, покуда не умолкнетъ на-вѣки этотъ дорогой мнѣ голосъ... Не въ послѣдніе-ли слышу я его! (Марфа кличетъ Парашу, Антонъ держитъ ее въ своихъ объятіяхъ и долго, жадно прислушивается къ голосу матери; наконецъ вырывается и убѣгаетъ).

ПАРАША. Сама не знаю, что со мною!... Гдѣ онъ? Ушелъ!... (Дико оглядывается). Его связали, — надѣли оковы... О, какъ ужасно звенятъ эти цѣпи! Какъ страшно отзывается этотъ звукъ... тутъ... (Указывая на голову) здѣсь... (Указывая на сердце. — Всматривается). Кровь?... (Глядитъ на руки). И тутъ кровь... (Слышится постепенно слабнущій голосъ Марфы: Параша! Параша!) Зоветъ меня... Бѣгу... бѣгу...

(Бѣжитъ въ избу).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Вечеръ. Видны послѣдніе отблески вечерней зари. Дикое мѣсто среди скалъ. Разбойники лежатъ живописными группами у разведеннаго огня.

(Одинъ изъ разбойниковъ стоитъ, прислонясь къ скаль, съ гитарой въ рукъ и поетъ, прочіе вторятъ ему).

Наливайте, наполняйте,

Чары звонкія виномъ,

День веселый проводайте

Не устаннымъ чередомъ.

Заводите круговую,

Становитесь дружно въ рядъ,

Гряньте пѣсню удалую, —

Пусть фюрири загремятъ.

Скоро, скоро мѣсяцъ встанетъ,

Звѣзды на небѣ взойдутъ.

Часъ заботъ для насъ настанетъ,

Мы покинемъ нашъ приютъ.

И какъ снѣжныя лавины,
 Испадемъ мы съ высей горы,
 Наводнимъ собой долины,
 Будеть каждому просторъ.

Наплавяте, наполняте
 Чары звонкія виномъ,
 День веселый провожайте
 Неустаннымъ чередомъ!

(Ночь. Млесьцъ выходитъ изъ-за горъ).

1-й разбойникъ. Тысяча миллионѡвъ чертей!... Мы носемъ себѣ, да пощѣваемъ, а того и гляди нагрянетъ зима, съ своимъ снѣгомъ, чтобъ ему ни дна, ни покрывки! Не люблю я этой мокрой пудры... И снѣгъ бѣлый, и Нѣмецъ бѣлый — въ обоихъ нѣтъ проку! По бѣлому снѣгу и не примѣтишь бѣлаго Нѣмца; — того и гляди, что выслѣдятъ насъ, какъ медвѣдей.

2-й разбойникъ. Э! далеко еще имъ до этого! Успѣемъ еще до того нагуляться, потѣшимся вдоволь. Вина въ-волю, — чернобровыхъ гуцулокъ не пересчитаешь въ околицѣ, — пей и веселись. Ну, а придетъ пора — пощѣуемся и съ весѣлицею, какъ съ гуцулкою.

3-й разбойникъ. Не облизнешься послѣ этого пощѣлуя. Горекъ, каналья!

4-й разбойникъ. Не вѣчно-же жить. Когда-нибудь да надо въ сырую землю.

5-й разбойникъ. Лучше летать орломъ одно лѣто, чѣмъ таскаться, какъ барану, десять! Тутъ, хоть и пуля догонеть тебя — упалъ между скалъ, и баста; но по-крайней-мѣрѣ, не будутъ тебя каждый годъ связывать и стричь, какъ барана.

6-й разбойникъ. Здѣсь можешь гулять, сколько душѣ угодно. Никто не скажетъ тебѣ здѣсь: Дѣлай это, а того не дѣлай; то твое, а это сосѣда. Сто миллионѡвъ чертей! У насъ все наше, и нѣтъ ничего чужаго.

4-й разбойникъ. Чтѡ взялъ, то и твое. Какъ полонъ карманъ — берешь мало; — пусть — берешь все — и баста!

3-й разбойникъ. А иногда и посмѣешься вдоволь. Назадъ тому три дня, вотъ съ нимъ, (*указывая на одного изъ разбойниковъ*), лежали мы въ травѣ, у самой венгерской границы. Смотримъ — ѣдетъ жидъ, ѣдетъ и шепечтъ чтѡ-то подь-посѣ, и осматривается на всѣ стороны. А насъ изъ травы не видно. Вотъ, какъ порвнялся жидъ, онъ и крикнулъ, что ни есть духу: Стой, бестія!

жидъ какъ кулекъ съ мукой — бухъ съ возу на землю. Товаришь за клячу, а я жиды за пейсы: А что ты везешь? Подай-ка намъ цвацигеры? — Жидъ зубъ на зубъ не попадетъ, словно въ лихорадкѣ, а я ему топоръ къ горлу.

5-й разбойникъ. И на тотъ свѣтъ!

3-й разбойникъ. Совсѣмъ нѣтъ. Къ какому чорту отправлять мнѣ на тотъ свѣтъ труса, когда его собственный страхъ приколетъ его лучше ножа разбойника. Ему плюнь въ глаза, такъ онъ и подумаетъ, что пуля, и издохнетъ со страху, какъ собака.

2-й разбойникъ. Что-жъ ты съ нимъ сдѣлалъ?

3-й разбойникъ. Что?... Насмѣялся вдоволь, какъ жидъ принялся бранить меня: Ай, вай! ты, гагане, разбойникъ, душегубецъ, на что меня рѣжешь. Ай вай!

(Всѣ смѣются).

1-й разбойникъ. И пустилъ его?

3-й разбойникъ. Опъ взялъ товары, а я деньги, да въ добавокъ обрѣзалъ ему пейсы, — и съ Богомъ!

1-й разбойникъ. Такъ деньги его у тебя. А много ихъ взялъ?

3-й разбойникъ. А тебѣ за-чѣмъ знать?

1-й разбойникъ. За-чѣмъ? Милльионъ чертей! Вотъ, то-то и дурно, что каждый изъ насъ грабитъ про-себя.

3-й разбойникъ. Дурно? А кто тебѣ запретить выйти на дорогу, если пусто въ карманѣ. Дорога широка: для всѣхъ насъ достанетъ.

1-й разбойникъ. Если-бъ я былъ атаманомъ, то велѣлъ-бы повѣсить тебя, если-бъ ты не захотѣлъ подѣлиться добычей со всѣми.

3-й разбойникъ. Прежде, чѣмъ ты подумалъ-бы объ этомъ, я отрубилъ-бы тебѣ уши.

максимъ (*сидѣвшій до-сихъ-поръ съ глубины, встаетъ*). Молчать собаки, — или я прикажу повѣсить васъ обоихъ. Эй!... всѣ-ли здѣсь?

3-й разбойникъ. Нѣтъ Кузьмы и Михайла.

максимъ. А гдѣ цыганъ?

5-й разбойникъ. Бестія, спитъ отъ стыда.

(Максимъ идетъ въ глубину сцены).

2-й разбойникъ. Что съ нимъ сдѣлалось?

5-й разбойникъ. На дорогѣ къ Буркату встрѣтилъ онъ гуцулку съ Криворотни. Славная дѣвка: ростомъ съ меня, — румяная и чернобровая. Мы оба лежали на пригоркѣ и сторожили проезжихъ. Глядимъ, идетъ дѣвка и распѣваетъ веселую пѣсенку. От-

куда ни возьмись нашъ цыганъ, подскочилъ къ ней и давай просить, чтобы его поцѣловала

нѣсколько голосовъ. Вишь куда потянулъ, нехристь!

5-й разбойникъ. Вотъ дѣвка и притворись, будто и въ правду хочеть поцѣловать его. Опъ къ ней, а она выхватила у него топоръ изъ руки, а пистолеть изъ-за пояса, — отскочила, взяла курокъ, да и давай прицѣливаться. Цыганъ, натурально, давай Богъ ноги, — а мы — хохотать.... (*Разбойники смѣются*).

6-й разбойникъ. Чтѣ-же дѣвка?

5-й разбойникъ. Плюнула вслѣдъ за нимъ, да и пошла своей дорогой.

4-й разбойникъ. Хвать баба! Вотъ ужъ такихъ люблю. Чтѣ-же вы ее къ намъ не завербовали?

(*Слышенъ выстрѣлъ. Тревога между разбойниками*).

максимъ. Чтѣ это?

1-й разбойникъ (*взводя курки у пистолетовъ*). Ужъ не Нѣмцы-ли?

2-й разбойникъ. Тебѣ только и снятся, что Нѣмцы. Подожди до зимы: увидишь ихъ на яву. Сядутъ они тебѣ на шею. Я вотъ по слуху отгадалъ: это выстрѣлъ нашего Антона.

(*За кулисами слышны голоса*).

3-й разбойникъ. Это наши. (*Два разбойника ведутъ связаннаго Мандатарія. На глазахъ его повязка*). А это какая птица?

максимъ. Отвязать ему глаза... А! Старый знакомый, господинъ Мандатарій!

мандатарій (*дрожитъ и заикаясь*). Это... я... я... Ма...а...а... gnanimi opriscones!... mi.. mi.. misereamini... (*Всѣ хохочутъ*).

1-й разбойникъ. Чтѣ онъ тамъ болтаетъ?

мандатарій (*складывая руки*). Пятая заповѣдь: не... не... убій; — шестая: не прелюбоудѣйствуй; седьмая: не укради...

максимъ. Не бойсь, не повторялъ этихъ заповѣдей тамъ у себя, въ своей канцеляріи, а?

мандатарій. Повторялъ, повторялъ, — видитъ Богъ, повторялъ, повторялъ каждый день утромъ и вечеромъ.

максимъ. Лжешь!

мандатарій (*падая на колѣни*). Mea culpa!

максимъ. А какимъ образомъ ты попался сюда?

мандатарій. Самымъ незаконнымъ, несправедливымъ образомъ: среди бѣлаго дня. Отдыхалъ на крутой горѣ, — я и со мной было четыре гуцула проводниками.

3-й разбойникъ. А взяли тебя двое.

мандатарій. Измѣной, вѣроломствомъ. Двое изъ моего конвоя пошли къ рѣкѣ — пить, а остальные двое заснули.... Въ это-то время злодѣй, раз.....

кузьма. Что?....

мандатарій. Виновать.... виновать.... Голова моя идетъ кругомъ. Вотъ видите: я, было, кричать — не просыпаются; меня связали — а они спать себя преспокойно; — меня увели — а они все спали, бездѣльники.....

максимъ. Ты стоилъ этого.

мандатарій. Стою? Стою? А знаете-ли вы, что это вовсе не шутка? Поднимать руку на Мандатарія, назначеннаго правительствомъ? А Мандаты? А Штадрехтъ?..... (*Всѣ хохочутъ*).

максимъ. Показать ему штадрехтъ.

нѣсколько разбойниковъ. Веревку! веревку!

мандатарій. Помилосердитесь!.... Веревку для Мандатарія—слыханное-ли это дѣло!

3-й разбойникъ. Ну такъ не хочешь-ли попробовать топора?

мандатарій (*плачетъ*). Сжальтесь надо мной! Пощадите меня! Не отпустите души безъ покаянія! Я васъ всегда такъ любилъ!

4-й разбойникъ. За это мы и хотимъ поблагодарить тебя, какъ слѣдуетъ. (*Приставляетъ ему къ груди пистолетъ*).

мандатарій. Пропалъ я... (*Шепчетъ*). Pater noster, qui es in coelis... Господи! въ руки Твои предаю...

антонъ (*входя*). Что это значитъ?

максимъ. Кузьма и Михайло поймали на Буркутской дорогѣ вотъ этого молодца. Вглядись-ка въ него хорошенько; не узнаешь-ли въ немъ стараго знакома? (*Антонъ всматривается*).

мандатарій (*глядитъ на него со страхомъ*). Ну, теперь со-всѣмъ пропалъ!... Dominus Antonius Ревизорчукъ!

антонъ. Котораго ты осудилъ, какъ нарушителя спокойствія, какъ контрабандиста, какъ бунтовщика, — и за это меня, въ противность закону, отдалъ въ рекруты, — сдѣлалъ дезертеромъ и наконецъ разбойникомъ! — Собирай теперь, что посылалъ, — пей пиво, которое наварилъ. — Вздернуть его на сукъ!

мандатарій. Позвольте отдать Богу душу — помолиться...

антонъ. А! помолиться?... И я прежде умѣлъ молиться, а кто у меня отнял и это послѣднее утѣшеніе, какъ не ты? Теперь я не могу молиться, рука моя не смѣетъ подняться для крестна-

го знаменія. На ней кровь, и кровь эта по твоей милости!....
(Обращаясь къ разбойникамъ). Повѣсите его!

(Мандатарій падаетъ безъ чувствъ.)

максимъ. Видно, придется обойтись безъ веревки. Я думаю онъ ужъ и теперь издохъ отъ страха.

антонъ. Нѣтъ, онъ только обезпамятѣлъ. Видишь, какъ дрожить, бездѣльникъ?... Поднять его! Завязать глаза и отвести куда-нибудь въ тущобу. Пусть выбирается оттуда, какъ умѣетъ. Не стоить онъ веревки, на которой умираетъ отважный разбойникъ. (Двое разбойниковъ завязываютъ Мандатарію глаза и уведутъ его). Эй! сюда, ко мнѣ... (Разбойники собираются и окружаютъ Антона). Наточить топоры, каждому имѣть подъ рукой свинецъ и порохъ. Наше сборное мѣсто открыто!

1-й разбойникъ. Чортъ возьми! Не говорилъ-ли я этого?

2-й разбойникъ. Молчи. Не мѣшай атаману.

антонъ. Я самъ слышалъ о томъ. Триста человекъ солдатъ послано отыскивать насъ, въ разныя стороны. Стражники, какъ гончіе псы, отыскиваютъ слѣды наши. Въ отрядѣ находится самъ комиссаръ изъ Кутъ. Онъ имѣетъ полномочіе повѣсить каждого изъ насъ, кто попадется ему въ руки.— Слышите-ли?... Быть осторожными! А встрѣтитесь съ ними — бейся на смерть, живемъ не давать себя: лучше пуля, чѣмъ висѣлица!

1 разбойникъ. Не худо-бы погулять хорошенько! Вели дать водки, атаманъ

нѣсколько разбойниковъ. Водки! водки!

антонъ. Молчать!.... Ни капли водки! Первому, кто дотронется до фляжки, разможжу лобъ. Сейчас-же выбираться отсюда! Пусть каждый возьметъ съ собою по-ровну запасовъ и хлѣба; остальное въ огонь. Идти за венгерскую границу и тамъ попрячьтесь куда кто можетъ, до перваго сбора. Слышите-ли?

все. Слышимъ! слышимъ!

антонъ. На четвертый день въ полночь, кто останется въ живыхъ, — долженъ-быть на Черной-горѣ, около озера, — тамъ, гдѣ торчатъ двѣ сосны.

нѣсколько голосовъ. Знаемъ! знаемъ!

антонъ. Противъ сосенъ, отъ Венгерской границы, идетъ подъ гору тропинка между скалами. Пройдя по ней двѣсти шаговъ, увидите камень, камнемъ этимъ закрыто отверстіе въ пещеру, гдѣ я буду ждать васъ. Ну, — собираться теперь въ дорогу! (Разбойники собираются. На авансценѣ остаются Антонъ и Максимъ). Довели меня до крайности... Надобно обороняться

по-неволю. Послушай, Максимъ, если, черезъ четыре дня, намъ удастся собраться...

максимъ. То что же?...

антонъ. То, что Нѣмцы будутъ искать насъ здѣсь, а мы появимся тамъ, у нихъ, за плечами... *(Слышенъ выстрѣлъ. Антонъ и Максимъ прислушиваются въ недоульнии).*

максимъ. Вѣрно кто-нибудь изъ нашихъ поподчивалъ Мандатарія.

(Слышно еще нѣсколько выстрѣловъ).

антонъ. Это ружейные выстрѣлы, — не наши. Эй! сюда! сюда, братцы!

3-й разбойникъ *(возвращается раненный)*. Нѣмцы! Нѣмцы! Они окружили насъ! Бѣги, кто можетъ! Спасайтесь!

(Падаютъ и умираютъ. Новый выстрѣлъ убиваетъ другаго разбойника, вышедшаго изъ-за скалы).

антонъ. Бросай все — и въ разныя стороны! *(Новый выстрѣлъ ранитъ Антона)*. Максимъ!... я погибъ. Бѣги, сѣйши къ моей матери, къ Парашѣ! скажи имъ послѣднее мое слово!

(Шатается и падаетъ на колѣна. Выстрѣлы учащаются. Слышенъ вдали глухой звукъ барабана, и видно пламя отъ зажженной смоляной бочки. Разбойники изрядка перебегаютъ черезъ сцену. Показываются австрійскіе карабинеры. Они окружаютъ Антона, который убиваетъ двухъ изъ нихъ, и потомъ падаетъ отъ ослабленія. Спустя нѣсколько минутъ появляются комиссаръ, начальникъ отряда и Мандатарій. Солдаты приводятъ нѣсколько пойманныхъ разбойниковъ).

коммисаръ *(къ офицеру)*. Прикажите, поручикъ, осмотрѣть хорошенько все мѣста, обшарить все ихъ заячи норы. Знаю я ихъ! Не одинъ изъ нихъ прицѣпился къ скалѣ, или къ дереву.

поручикъ *(фельдфебелю)*. Возьми двадцать человекъ, и обшарить здѣсь все углы! Убрать отсюда трупы!

(Солдаты уносятъ убитыхъ).

коммисаръ. Много-ли поймано?

офицеръ *(считая)*. Одинъ.... два.... три.... пятеро.

коммисаръ *(къ связанному разбойнику)*. Кто у васъ былъ начальникомъ?

(Все молчатъ).

мандатарій *(указывая на Антона)*. Нис est — вотъ ихъ начальникъ, о! я его знаю хорошо!

КОММИССАРЪ. Осмотрѣть его рану и перевязать ее.

(Солдаты перевязываютъ Антону рану).

МАНДАТАРІЙ (подходитъ къ нему). А! попался теперь, разбойникъ, душегубецъ!... Не уйдешь теперь отъ той веревки, на которой не удалось меня повѣсить.... На висѣлицу злодѣя, на висѣлицу! Возмущалъ молодыхъ противъ старшихъ, переносилъ контрабанду, билъ стражу, бѣжалъ изъ полка, и собралъ шайку разбойниковъ.... На воловьей шкурѣ не выписать всѣхъ его подвиговъ. Постой, мошенникъ, разбойникъ! Будешь ты теперь знать Мандатарія!

АНТОНЪ. Презрѣнный!... Такъ-то платишь ты мнѣ за то, что я спасъ тебя отъ смерти?...

МАНДАТАРІЙ (коммиссару). Г. коммиссаръ! новый доводъ дерзости....

КОММИССАРЪ. (Грозно Мандатарію). Ни слова! (Мандатарій, сконфуженный отходитъ. Обращаясь къ Антону). Ты былъ ихъ начальникомъ?

АНТОНЪ. Я.

КОММИССАРЪ. Много-ли было людей въ твоей шайкѣ?

АНТОНЪ. Не знаю. Я буду отвѣчать только на тѣ вопросы, которые относятся прямо ко мнѣ.

КОММИССАРЪ. Какъ зовутъ тебя?

АНТОНЪ. Антонъ Ревизорчукъ.

КОММИССАРЪ. Ты убилъ стражника Прокопа?

АНТОНЪ. Я.

КОММИССАРЪ. Что побудило тебя къ убійству?

АНТОНЪ. Онъ оскорбилъ мать мою.

КОММИССАРЪ. За-чѣмъ ты убѣжалъ изъ полка?

АНТОНЪ. Чтобъ убить его.

КОММИССАРЪ. Какимъ-образомъ ты попалъ въ разбойники?

АНТОНЪ. Мнѣ больше нечего было дѣлать.

КОММИССАРЪ. Развѣ ты надѣялся избѣгнуть этимъ наказанія.

АНТОНЪ. Нимало. Мнѣ хотѣлось продлить свою жизнь, чтобы помогать бѣдной матери, которая осталась-бы безъ куска хлѣба. По смерти ея, я самъ отдался-бы вамъ въ руки.

КОММИССАРЪ. Не учинилъ-ли ты еще убійства?

АНТОНЪ. Нѣтъ, господинъ коммиссаръ. Другой чужой крови нѣтъ на моей душѣ.... Вчера, въ полдень ваша лошадь, г. коммиссаръ, споткнулась, выходя на берегъ изъ Черемоша....

КОММИССАРЪ (удивленный). Ну, и что-же дальше?

АНТОНЪ. Выѣхавши на тропинку, вы сошли съ лошади, сѣли на камень, и велѣли стражнику поправить сѣдло.

КОММИСАРЪ. И ты былъ тутъ въ это время?

АНТОНЪ. Да, я былъ въ десяти шагахъ отъ васъ, г. комиссаръ и слышалъ все, что вы говорили. Если я не убилъ васъ тогда, зная, что вы имѣли при себѣ повелѣніе повѣсить меня, то можете ли сомнѣваться въ томъ, что я не убилъ никого, кромѣ Прокона.

КОММИСАРЪ (съ участіемъ). Какія ты можешь представить доводы къ своему оправданію?

АНТОНЪ. Никакихъ, г. комиссаръ, кромѣ того, что мною было вамъ сказано. Я убійца, дезертеръ и разбойникъ.

КОММИСАРЪ. Знаешь ли, что ожидаетъ тебя?

АНТОНЪ. Знаю....

КОММИСАРЪ. Не имѣешь ли попросить меня о чемъ-нибудь? Говори.

АНТОНЪ. Если позволите, то я буду просить васъ объ одномъ, г. комиссаръ. Дорога въ Куть идетъ мимо моей избы. Позвольте мнѣ отдохнуть тамъ, взглянуть въ послѣдній разъ на ту крышу, подъ которой родился...

КОММИСАРЪ (тронутый). О, охотно! (Въ сторону). Чего-бы я не далъ, чтобъ спасти отъ смерти этого человѣка! (Къ офицеру). Поидемте.

ОФИЦЕРЪ (солдатамъ). Окружить ихъ и идти другъ отъ друга на дистанцію. Быть осторожными. (Солдаты строятся и окружаютъ связанныхъ разбойниковъ и Антона). На плечо! Маршъ! (Уходятъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Крутой берегъ Черемоша. Вдали видна деревня. Входитъ Максимъ и садится на камень. Одинъ изъ разбойниковъ прокрадывается съ противоположной стороны и беретъ Максима за руку.

РАЗБОЙНИКЪ. Максимъ! тебя не поймали они?

МАКСИМЪ. И дурно сдѣлали.

РАЗБОЙНИКЪ. А я пробираюсь въ Валахию.

МАКСИМЪ. Ступай себѣ съ Богомъ; я остаюсь тутъ.

РАЗБОЙНИКЪ. Нашихъ плѣнныхъ уже привели сюда. Солдатъ, что сбѣгу. Бѣги, Максимъ; тебя какъ разъ здѣсь поймаютъ.

максимъ. Что-жь за бѣда! Не такова, братъ, наша жизнь, чтобъ беречь ее.

разбойникъ. Охъ, бѣда, бѣда!... Взгляни-ка, Максимъ! Никакъ это безумная идетъ къ намъ? Ухъ, какая страшная!

максимъ. Да, это она, бѣдная наша Параша. Полюбила его, какъ душу, бѣжала за нимъ цѣлыхъ шестьдесятъ миль, привела его къ старухѣ матери; была для нея дочерью, слугой; — кормила ее.... Вчера я пришелъ къ ней и сказалъ: Параша! твоего Антопа поймали Нѣмцы. Бѣдняжка вкрикнула, да такъ, что сердце у меня чуть не лопнуло, — сжала руками голову, — поблѣднѣла, какъ уцыръ, — и не сказала ни слова! Спокойна, какъ мертвецъ, — не плачетъ и не смѣется.... Живетъ, а души въ тѣлѣ какъ не бывало. Ужъ лучше-бы умерла, бѣдвенькая, отъ этой вѣсти, какъ Мароа.

разбойникъ. Куда это она теперь идетъ? *(Параша медленно приближается къ нимъ — смотритъ на нихъ — потомъ отварачивается, и идетъ далье).*

максимъ *(кличетъ ее)*. Параша! Параша!

параша *(останавливается)*. Меня зовутъ не Парашей... Я не Параша, Параша другая, а не я... Я кость — меня унесъ съ кладбища орелъ и положилъ на Черную-гору, — вѣтеръ вывѣялъ меня, снѣгъ меня выбѣлил... Я не Параша. Не зовите меня Парашей.... Что-жь вы нейдете на праздникъ къ Мароѣ? Васъ просили туда, и меня просили туда, и я была тамъ... Гостей не перечесть... видимо не видимо... и всѣ въ бѣлыхъ саванахъ... Мароа ждетъ васъ.... Она лежитъ тамъ на столѣ, посрединѣ избы... Въ головѣхъ у ней свѣчки, — а въ ногахъ старая кума плачетъ и воетъ. А въ церкви звонять — ухъ какъ страшно звонять! — А когда въ церкви звонять и стоитъ гробовщикъ съ заступомъ, то люди смѣются, а когда убираютъ къ вѣнцу дѣвушку, то и она плачетъ, и мать плачетъ, и дружки плачутъ... Ступайте туда, ступайте; вамъ будетъ тамъ весело! И я сейчасъ приду туда... Вотъ только нарву цвѣтотъ. Я ужъ много нарвала ихъ... Рубашка у меня бѣлая, какъ снѣгъ, а платье красное, какъ кровь. — Вотъ нарву еще польши и сплету себѣ вѣнокъ... славный вѣнокъ.

разбойникъ. Бѣдная Параша!

максимъ. Несчастная!

параша. Что вы все говорите о Парашѣ. Параша нѣтъ на свѣтѣ... Она любила Антопа, — его повѣсили, а она умерла съ тоски. Давно, давно умерла.

максимъ. Оставить ее въ этомъ положеніи на насмѣшки и презрѣніе людей?... Нѣтъ! Нѣтъ!

параша. Параша была бѣдная дѣвушка... Она его такъ любила... любила... любила... За-чѣмъ ей было жить на свѣтѣ! Ей, не то, что мнѣ. Мнѣ здѣсь такъ хорошо, такъ весело... Когда я была на томъ свѣтѣ, мнѣ говорили тамъ, что здѣсь не хорошо, что здѣсь плачь и скрежетъ зубовъ... Антона повѣсили... Чтѣжъ? Это ужъ было такъ давно; теперь этого нѣтъ... Теперь играютъ на флейтѣ, да, такъ играютъ, что всѣ рыбки скачутъ и пляшутъ въ Черемошѣ... И я пойду туда.. въ Черемошу... я тамъ буду рѣзвиться и плясать съ рыбками... А вы знаете!.. Когда онъ прощался, то снялъ у ней съ пальца кольцо и сказалъ, что бросить его въ Черемошѣ... Я найду его кольцо; оно пригодится мнѣ къ свадьбѣ... У меня вѣдь нѣтъ кольца.. взгляните.. нѣтъ... а то колечко чудесное... другаго такого колечка не пайти мнѣ.

максимъ. Боже отпусти мнѣ этотъ послѣдній грѣхъ (*Вертъ Парашу за руку*). Послушай,—пойдемъ со мной?. Вѣдь ты пойдешь со мной? ты уменькая... (*Подходитъ съ ней на край берега*).

параша. Тамъ, тамъ мое колечко!... Тамъ лучше жить, чѣмъ здѣсь.. Здѣсь люди поймали его и повѣсили. А развѣ они не знали о томъ, что вѣтеръ будетъ качать его и выдирать его черныя кудри, — что дождь будетъ бить въ лицо его, какъ въ окошка хаты осенью, а потомъ прилетитъ воронъ, сядетъ къ нему на голову, уцѣпится своими когтями въ его волосы и выклюетъ ему ясныя его очи. Вы не знали о томъ? А я знала... знала...

максимъ. Пойдемъ туда, Параша.

разбойникъ. Чтѣ ты хочешь съ ней дѣлать? Ты съ ума сошелъ, Максимъ!

максимъ (*дико*). Поди прочь! прочь! Не мѣшай мнѣ! (*Параша*). Пойдемъ... пойдемъ....

параша. Иду... иду... Мнѣ надобно спѣшить... Меня тамъ всѣ ждуть (*Наклоняется и смотритъ*). А глубоко тамъ — тамъ? (*Указываетъ внизъ*).

максимъ (*сталкиваетъ ее въ воду*). Туда — туда — бѣги отъ людей туда, Параша;—нѣтъ для тебя на землѣ жизни.

разбойникъ. Максимъ! Чтѣ ты сдѣлалъ, Максимъ?

максимъ (*хватаетъ его за горло*). Молчи, или я задушю тебя. (*Отталкиваетъ его*). Ступай, куда поведутъ тебя глаза, куда

повесуть ноги... а я пойду и отдамся Нѣмцамъ.. (Выходитъ. Разбойникъ смотритъ на рѣку, — дѣлаетъ знакъ рукою, что Параша уже нѣтъ, и уходитъ)

СЦЕНА ПОСЛѢДНЯЯ.

Внутренность избы Антона. Въ глубинѣ сцены, виденъ на столѣ трупъ Марыи. На лѣвой сторонѣ, опершись на стѣну, стоитъ Антонъ, комиссаръ, офицеръ, солдаты.

комиссаръ (офицеру). Какъ часто мы ошибаемся, предполагая только въ насъ однихъ глубокія и благородныя чувства! Напротивъ, въ насъ они менѣ замѣтны, подъ лакомъ свѣтской или общественной жизни.—Наши радость и горе мѣшаются и сливаются одни съ другими, какъ на хорошей картинѣ свѣтъ съ тѣнью, и все-таки они ничего не значатъ въ сравненіи съ вспышками горя или радости въ этой простой, необдѣланной природѣ.

офицеръ. Одной вѣстью о поимкѣ несчастнаго убиты мать его и невѣста. Не могъ быть дурнымъ человѣкомъ тотъ, кого такъ всѣ любили.

комиссаръ. Взгляните, какая благородная горестъ видна въ лицѣ его! О, если-бъ можно было спасти его?.. Нѣтъ! нечего и думать объ этомъ: законъ не имѣетъ жалости.

офицеръ. Его погубилъ одинъ Мандатарій.

комиссаръ. Я донесу о поступкахъ этого негодая. Его предадутъ суду. Такой чиновникъ, какъ онъ, хуже убійцы.

(Входитъ солдатъ и говоритъ офицеру нѣсколько словъ).

офицеръ. Какой-то старый разбойникъ отдался въ наши руки и проситъ позволенія выйти сюда.

комиссаръ. Пусть войдетъ. (Солдатъ выпускаетъ Максима, который идетъ прямо къ Антону).

максимъ. Антонъ!

антонъ! А! это ты, Максимъ? Гдѣ Параша? Она не узнала меня.

максимъ. Знаю... знаю.

антонъ. Гдѣ она?

максимъ. Параша?.. На двѣ Черемоша.

антонъ. Утопилась?..

максимъ. Нѣтъ, я самъ столкнулъ ее въ воду. Сердце у меня разрывалось на частн глядя на нее.

антонъ (обнимаетъ его). Благодарю тебя, Максимъ! Ей здѣсь нечего было дѣлать.... Мы съ ней скоро увидимся.... Тамъ.... (Въ эту минуту слышится съ поля пѣнь Коломыйки. Антонъ вслушивается, закрываетъ лицо руками). Въ послѣдній разъ доходятъ до насъ звукъ родной пѣсни!... (Звуки постепенно замираютъ. Обращаясь къ комиссару). Я, готовъ, господинъ комиссаръ!...

АТЕНА
(Запавъ падаетъ. Слышенъ сборъ).

ДВА СОНЕТА.

1.

Привѣтъ тебѣ, послѣдній лучъ денницы,
Дитя зари, — привѣтъ прощальный мой!
Чиста, какъ свѣтъ, легка, какъ Божьи птицы,
Ты не сестра душѣ моей больной.
Душа моя въ тебѣ искала жрицы
Святыхъ страданій, волн роковой,
И въ чудныхъ грезахъ гордостью царицы
Твой дѣтскій ликъ сиялъ передо мной.
То былъ лишь сонъ... Съ насмѣшливой улыбкой,
Отмѣченъ въ книгѣ жизни новый листъ,
Еще одной печальною ошибкой...
Но я, дитя, передъ тобою чистъ!
Я былъ жрецомъ, я былъ пророкомъ Бога,
И, жертва самъ, страдалъ я слишкомъ-много.

2.

О помани, когда тебя обманетъ
Довѣрье снамъ и призракамъ крылатымъ,
И по устамъ, невольной грустью сжатымъ,
Змѣя насмѣшки злобно витясь станетъ!...
О, пусть тогда душа твоя помянетъ
Того, чьи рѣчи буйствомъ и развратомъ
Тебѣ звучали, пусть онъ старшимъ братомъ, —
Передъ тобой, оправданный, возстанетъ.
О помани... онъ вѣрнѣ въ оправданье,
Ему дано въ твоемъ грядущемъ видѣть,
И знаетъ онъ, что ты поймешь страданье,
Что будешь ты какъ онъ-же ненавидѣть,
Хоть небеса къ любви тебя создали, —
Что вспомнишь ты пророка въ часъ печали.

1845. Дек. 1.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

ФИЛОСОФІЯ И ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ,

ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ГЕРМАНИИ,

Виктора Кажинскаго.

(Notalky z podrozy muzikalney po Niemzech, odbytoy w roku 1844 przez Wiktora Każyńskiego.)

Въ 12-й книжкѣ *Репертуара и Пантеона* 1845-го года мы общались познакомить читателей нашихъ съ любопытной книгой талантливаго композитора и писателя В. А. Кажинскаго, заглавіе которой выставлено въ началѣ статьи. Сообщаемъ нѣкоторыя отрывки изъ писемъ его.

Берлинъ 11/23 Мая.

Вместо утра, какъ мы рассчитывали, мы приѣхали въ Берлинъ только вечеромъ, измученные отъ дороги. Мы остановились въ *Hôtel de l'Europe*, и подкрѣпившись добрымъ обѣдомъ, отправились на давно-желанный покой. Только наше музыкальное трио, Генеральша Львова, сестра Генерала, Марія Федоровна Львова и я; давъ себѣ еще въ Петербургѣ слово, во все время путешествія не упускать ни одного случая, все видѣть и слышать, хотя-бы цѣною покоя, поспѣшили въ театръ, который былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Давали оперу Моцарта, *Вол-*

шебную флейту на Маломъ-театрѣ (Schauspielhaus) потому-что, какъ извѣстно, большой оперный-театрѣ въ прошломъ году сгорѣлъ, и до-сихъ-поръ еще не совѣмъ отстроены.

Когда мы вошли въ ложу, и я увидалъ небольшую, темную залу, биткомъ набитую зрителями, и услышалъ оглушительный говоръ толпы, все это меня страшно раздосадовало; но скоро я извлеченъ былъ изъ моихъ грустныхъ думъ, тремя сильными и долгими есъ-дурными аккордами, которые возвѣстили публикѣ начало увертюры. Въ тоже мгновеніе водворилась такая тишина, публика съ такимъ религіознымъ благоговѣніемъ слушала эту превосходную музыку, каждый такъ спокойно сидѣлъ въ своихъ креслахъ, что можно-бы подумать, что находишься въ кабинетѣ восковыхъ фигуръ, еслибъ не видать улыбки удовольствія, безпрестанно пробѣгавшей по важнымъ, холоднымъ лицамъ Нѣмцовъ. Не разъ уже мы разбирали достоинство этого произведенія. Что мнѣ еще сказать о немъ? — Эта чудная увертюра — мастерское произведеніе, съ какой стороны ее ни разматривать; говорить-ли объ искусномъ ея планѣ, о замысловатой и живой инструментовкѣ, или смотрѣть на нее, какъ на дѣло искусства, потому-что она вся основана на одной тактѣ. Она всегда будетъ возбуждать удивленіе всѣхъ цѣтійныхъ знатоковъ, и будетъ предметомъ всѣхъ желаній композиторовъ. Здѣшній оркестръ очень хорошъ, многочисленъ и хорошо-составленъ. Шестнадцать первыхъ скрипокъ, 14 вторыхъ, 12 віолончелей, 8 контрабасовъ. Деревянные духовые инструменты, мнѣ кажется, слѣдовало-бы усилить; они слишкомъ-слабы въ сравненіи съ мѣдными.

Поднимается занавѣсъ; крики несчастнаго Тампно «*Zu Hülfe, zu Hülfe, sonst bin ich verloren*» оглашаютъ всю сцену; и въ тоже время, съ ужаснымъ шумомъ и шипѣніемъ, выползаетъ изъ за кулисъ, на какой-то доскѣ, уродливая чучела фантастическо-зеленаго цвѣта, которая, своими судорожными движеніями и страннымъ сложеніемъ тѣла, напомнила мнѣ змѣй, которыя борются съ Индѣйцами въ Вильнѣ. Чудовище открываетъ пасть и хочетъ пожрать несчастную жертву, но въ то-же самое время, копье, кинутое одною изъ трехъ женщинъ, показывающихся на обрывѣ скалы, повергаетъ на землю врага, который долго-бы еще смѣшилъ насъ своимъ предсмертнымъ дерганьемъ, еслибъ дивное тріо «*Triumph, Triumph*», на три женскіе голоса, превосходно-выполненное г-жами Фейтъ, Грюнбаумъ и Гельвигъ, не отвлекло совершенно нашего вниманія отъ этого образца искусства машиниста.

За то декорации прекрасны, въ-самомъ-дѣлѣ прекрасны; особенно понравилась мнѣ декорация втораго акта, изображающая отдаленную часть садовъ Зороастровыхъ. Луна, отражаясь въ водѣ, освѣщала лучами своими огромнаго каменнаго сфинкса, лежащаго на оградѣ. Гропиусъ отличный декораторъ.

Костюмы хороши и сообразны съ духомъ пьесы.

Г-жа Тучекъ, въ роли Пампы, заслужила всеобщее одобреніе; она молода и хороша собою, голосъ у нея хорошъ, хотя нѣсколько слабъ. Во французской комической оперѣ она была-бы вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Игра ея свободна и естественна, интонація голоса чиста, много мягкости въ фіоритурахъ; со временемъ можетъ изъ нея образоваться великая пѣвица. Г-жа Марксъ, въ роли Царицы ночи, не менѣе понравилась публикѣ; у нея голосъ высокій, доходитъ безъ труда до высокаго *D*, но не одинаково звученъ и силенъ во всемъ своемъ регистрѣ; среднія ноты, особенно *a*, *h*, *c*, и *d*, нѣсколько слабы и нецрїятны; однакоже голосъ ея хорошо-обработанъ. Двѣ свои арии, правда, пониженныя на цѣлый тонъ, она спѣла чисто и отчетливо; жаль, что голосъ ея, хотя чистый и высокій, не довольно силенъ.

Въ роли Сарастро дебютировалъ какой-то г. Пеллегрини, изъ Мюнхенской оперы. У него сильный и чистый басъ, хотя не слишкомъ-обработанный. Желательно-бы, по-крайней-мѣрѣ, въ этой роли болѣе плавности, болѣе мягкости въ *долче*, болѣе ровности, протяжности и величія въ *адажіо*. Для такого рода нѣмецкаго пѣнія прекрасенъ петербургскій басъ Ферзигъ. Пеллегрини привялъ публикою довольно-благоклонно.

Тамино, Папагено и Моностагосъ, такъ-себѣ, не слишкомъ-дурны и неслишкомъ-хороши, не испортили ввѣренныхъ имъ ролей, и не сдѣлали изъ нихъ ничего чрезвычайнаго. — Ужасно досадно мнѣ было на араба; въ ту минуту, когда Сарастро находитъ его съ кинжаломъ въ рукѣ надъ полумертвою отъ страха Пампою, и говоритъ ему грознымъ голосомъ: «Моностагосъ, вижу теперь, что душа твоя также черна, какъ и лицо», Арабъ, лежа у ногъ своего господина и прося у него прощенія, вздумалъ чихнуть для возбужденія смѣха въ публикѣ. — Что за мысль? Какъ это можно допустить на Берлинскомъ королевскомъ театрѣ?

Но чѣмъ я былъ вполнѣ доволенъ, что шло въ-самомъ-дѣлѣ мастерски, это партіи *трехъ женщинъ*, *трехъ духовъ*, и также всѣ хоры.

Три женщины отлично знали свои трудныя партіи, и передали ихъ съ удивительною отчетливостію. Хоры превосходны,

врядъ ли гдѣ найдется лучше. Надо отдать справедливость и двумъ хористамъ, выполняющимъ партіи *чёрныхъ рыцарей* (Zwei geharnischte Männer), стерегущихъ огонь и воду, въ финалѣ второго дѣйствія. Квартетъ (F.) въ томъ-же финалѣ (Памяны, Тампино и двухъ рыцарей) шель превосходно; не знаю только, зачѣмъ дирижёръ, г. Геннингъ, измѣнилъ это чудное апданте въ аллегро? Въ оперѣ такъ хорошо-извѣстной каждому, нельзя позволять подобныхъ промаховъ, особенно на одномъ изъ первыхъ театровъ Германіи.

Мы живемъ здѣсь очень-весело, почти безпрестанно въ обществѣ артистовъ. Мейербертъ нѣсколько разъ уже былъ у насъ. Онъ человекъ небольшого росту, лѣтъ 40 или 45-ти. У него прекрасные глаза, полные жизни и выраженія; говоритъ онъ скоро, безъ остановки, и хватается за первое выраженіе, какое ему приходитъ въ голову. Когда онъ говоритъ съ жаромъ, онъ рѣдко дѣлаетъ жесты, но удивительна игра его глазъ; въ нихъ живо и ясно пишется мысль, которую онъ хочетъ высказать словами. На лицѣ его видѣнъ необыкновенный умъ, но оно носитъ на себѣ явную печать израильскаго поколѣнія. Его общество очень-приятно и занимательно. Онъ просилъ меня почаще навѣщать его, и обѣщаль самъ цѣсать мнѣ въ Дрезденъ, когда въ Берлинѣ будутъ давать его Гугенотовъ. Изъ Дрездена въ Берлинъ можно прѣхать въ одинъ день, по желѣзной дорогѣ...

Прѣхалъ сюда изъ Парижа Спортини; и думаетъ провести въ Германіи все лѣто. Сегодня былъ онъ у насъ; онъ старикъ лѣтъ 65 или 70-ти. Лицо у него прекрасное, но холодное и суровое, глаза малы и почти закрыты, когда онъ молчитъ; когда же говорить глаза его блестятъ; они полны огня и выраженія; онъ говоритъ свободно и степенно; рѣдко улыбка оживляетъ его мертвую, но величавую фізіономію. Я долго съ нимъ разговаривалъ, и тотчасъ узналъ, что онъ терпѣть не можетъ нынѣшнихъ итальянскихъ композиторовъ, а очень уважаетъ Чимарозу, Сальери и Керубини; но ничего не знаетъ онъ выше Глюка...

Онъ мнѣ показывалъ перстень Моцарта, который носитъ на лѣвой рукѣ; это славный перстень, подаренный Моцарту въ дѣтствѣ Императрицею Маріею-Терезіею. Небольшой перстень, украшенный мелкими алмазами. Его подарилъ ему недавно вдова Моцарта, въ благодарность за его старанія о воздвиженіи памятника Моцарту въ Зальцбургѣ. Спонтини намѣренъ помѣстить этотъ перстень подъ замкомъ въ ногахъ памятника.

На слѣдующій день поѣхалъ я съ визитомъ къ Спонтини; онъ принялъ меня очень ласково и долго разговаривалъ со мною о музыкѣ. Я навелъ разговоръ на *Весталку* и *Кортеса*; онъ внимательно слушалъ выраженіе моего уваженія къ этимъ произведеніямъ его гения; но сказалъ мнѣ, что изъ всѣхъ своихъ оперъ всѣхъ выше цѣнить *Агнесу фонъ-Гогенштауфенъ*, а потомъ *Олимпію* и *Нурмагалъ*. Я возразилъ ему, что не знаю его *Агнесы*, потому что она еще не печатана. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Ее будутъ печатать развѣ только по смерти моей; теперь ее, можетъ-быть, не поймутъ. Я не пишу, какъ торговцы, изъ-за-денегъ и временной славы; въ *Агнесѣ* я развилъ только *свою* мысль, мысль гигантскую; это опытъ величественной оперы, огромныхъ размѣровъ, такой оперы, о какой я всегда мечталъ, какою-бы я желалъ ее видѣть. Надо вамъ непременно просмотрѣть эту партитуру, виикнуть въ духъ ея, и вы, можетъ-быть, найдете, что она не такъ несовершенна, какъ прочія мои оперы.»

Онъ далъ мнѣ записку къ библіотекарю, въ которой позволялъ мнѣ просмотрѣть его партитуры *Агнесы фонъ-Гогенштауфенъ*, *Альсидора* и *Нурмагалъ*; я на это употребилъ два дня. Когда я послѣ того пришелъ къ Спонтини, онъ спросилъ мое мнѣніе объ операхъ. Я упомянулъ о лучшихъ мѣстахъ, которыя старался удержать въ памяти, иногда приводилъ ему цѣлыя фразы и даже инструментовку болѣе замѣчательныхъ мѣстъ. Онъ очень удивлялся моей памяти и былъ чрезвычайно доволенъ моимъ мнѣніемъ. На слѣдующій день онъ прислалъ мнѣ на память свой портретъ съ собственноручною подписью.

Берлинъ, 16го/₂₈ мая.

Есть здѣсь и итальянская опера; она даетъ свои представленія въ Königstädtisches-Theater. Я былъ сегодня; ви-

дѣль «Севильскаго Цирюльника». Сколько очаровательныхъ, свѣтлыхъ и неизгладимыхъ воспоминаній оставила во мнѣ эта опера, съ прошлой зимы! Тамбурини! истинный *barbieri di qualità*, какъ онъ самъ себя называетъ въ первой аріи; гдѣ найти другаго Тамбурини?....

Я пошелъ посмотрѣть на Цирюльника, не для сравненій... нѣтъ, избави меня Богъ отъ сравненія какихъ-бы то ни было артистовъ! никогда истинный знатокъ не станетъ сравнивать между собою артистовъ; часто то, чего мы напрасно ищемъ въ одномъ, находимъ мы въ другомъ, въ прочемъ гораздо-ниже, и на оборотъ. Пошелъ я такъ, чтобы только посмотрѣть, позабавиться; забылъ и Петербургъ, и Рубини, и Гарціо; забылъ даже, что я въ Берлицъ; пошелъ какъ Гофманъ на представленіе Довт-Жуана, котораго давала какая то кочующая труппа въ театрѣ, примыкавшемъ къ его гостинницѣ; пошелъ, сѣлъ въ кресла и сталъ терпѣливо ждать появленія на сценѣ исполиновъ, Бомарше и Россини.

Разберемъ по порядку всѣ лица:

Розина, Г-жа Бендини, которая мнѣ уже отчасти была знакома изъ оперы *Le cantatrice villane*, которую я видѣлъ вчера. Она хороша собою, немного кокетлива.... впрочемъ, это не бѣда, ужъ такъ водится у молодыхъ и притомъ педурныхъ актрисъ, и если кто отъ этого въ накладѣ, то уже, вѣрно, не публика. — У нея сильный, звучный и довольно-обширный голосъ, но не довольно-обработанный; желательно, чтобы ее взялъ въ руки кто-либо изъ хорошихъ музыкантовъ, — тогда изъ нея въ непродолжительномъ времени могла-бы образоваться очень-хорошая пѣвица. Голосъ ея прекрасный *mezzo-soprano*, какой именно требуется для роли Розины. Низкія ноты довольно-сильны, и звучатъ какъ контральто; вверху доходитъ она безъ усилія до *Gis* и даже до *A*. Жаль, что интонація у нея не совсѣмъ чиста; много надо старанія и упражненія, чтобы исправить этотъ важный недостатокъ; Мейерберъ говорилъ мнѣ, что, къ-несчастью, она часто фальшитъ; однако-же онъ намѣренъ ее немного поучить, и ангажировать ее на зиму въ нѣмецкую оперу.

Графъ Альмавива, синьоръ Стелла. Онъ отъ природы одаренъ хорошимъ и сильнымъ голосомъ, и довольно-хорошо имъ владѣетъ; онъ хорошій актеръ, что рѣдко между оперными пѣвцами, и сверхъ того, хорошо знаетъ музыку, что еще рѣже между итальянскими пѣвцами; къ тому-же онъ молодъ и хорошъ собою; въ этой роли онъ совершенно на своемъ мѣстѣ; Г. Стелла, съ

своимъ талантомъ, могъ бы занимать первыя партіи въ каждой итальянской труппѣ.

Докторъ Бартоло, синьйоръ Гранди. Если пѣть ноты, написанныя въ роли, значитъ быть пѣвцомъ, а шутки и кривлянія лица могутъ дать право на названіе комика, то Гранди вполне удовлетворилъ этимъ условіямъ. Впрочемъ въ игрѣ его пѣть ни какой мысли, въ изображеніи характера пѣть никакихъ оттѣнковъ; гдѣ тутъ увидите стараго испанскаго дворянина, который за одно искаженіе своего имени приходитъ въ бѣшенство? Куда дѣвался этотъ хитрый, гордый и подозрительный старикъ? Я видѣлъ передъ собою только стараго шута въ парикѣ, коего лицо, странно-печерченное углемъ, не возбудило смѣха даже въ райковой публикѣ!

Донъ-Базиліо — смотри *Донъ-Бартоло*.

Остается — *Фигаро*. Въ этой роли дебютировалъ какой-то Джузеппе Пальтриниери, прибывшій изъ Неаполя. Онъ лучше всѣхъ, кого я видѣлъ до поѣздки въ Петербургъ, т. е. до Тамбурины. Но гдѣ некая Фигаро послѣ Тамбурины? Объ игрѣ Г. Пальтриниери и говорить нечего; онъ тяжелъ и неловокъ; въ комизмѣ его пѣть ни остроумія, ни понятливости; голосъ чистый, довольно-хорошій, пѣлъ онъ ровно, въ тактъ — и всё тутъ. — Кто не видалъ Тамбурины, тому, не мудрено, сегодняшній дебютантъ можетъ понравиться. Надо однако-же отдать ему справедливость: всѣ речитативы онъ пѣлъ, или скорѣе, говорилъ, съ удивительною скоростью и легкостью, что необходимо въ итальянскихъ операхъ-буффахъ.

Часто жалуемся мы, что на провинціальныхъ театрахъ декорации и костюмы не всегда сообразны съ требованіями играемой пьесы; сегодня-же комната Бартоло явно принадлежала къ какому-то царскому дворцу: вездѣ гербы и богатыя порфиры съ горностаемъ. Что это значить? откуда это? — Просто небрежность режиссёровъ, и излишняя надежда на снисходительность и невниманіе публики. А если гдѣ довольно выбора въ декорацияхъ, то имено въ Берлинѣ. Вчера также въ нѣмецкой оперѣ (*Свадьба Фигаро*) Пеллегрини въ роли графа Альмавива, у себя въ помѣстьяхъ, нарядился въ какую-то царскую горностаевую мантию! Правда, что актерамъ горностан не дорого обходится, но это не причина; какъ-же можно позволять все, что имъ вздумается? Къ чему-же дирекція, къ чему режиссёры?...

Я тебя подчую одною музыкаю, да музыкаю, и пишу объ однихъ актерахъ и театральныхъ представлѣніяхъ, а ни слова о самомъ Берлинѣ. Это очень понятно; я предпринялъ свою прогулку не за тѣмъ, чтобы осмотрѣть давно извѣстныя, изъ тысячъ описаній, мѣстности и строения Германіи, а для изученія этой страны въ отношеніи музыкальномъ и артистическомъ. Меня теперь занимаетъ одна музыка, и потому я не могу не упомянуть объ извѣстѣйшемъ въ Германіи музыкальномъ заведеніи, о Берлинской *Пѣвческой Академіи*, *Sing-Akademie*. Какъ и всѣ почти учрежденія такого рода, она составлена по большей части изъ любителей. Лица высшихъ сословій сходятся съ артистами театра въ этомъ храмѣ музыки. Пѣсколько сотъ голосовъ, подъ искуснымъ руководствомъ *Руингенгагена*, выполняютъ извѣстѣйшія творенія классическихъ композиторовъ, Баха, Генделя, Керубини, и проч. — Каждый годъ также выполняютъ Фауста, гениальное произведеніе князя Антонія Радзивила. Я другихъ академій не знаю, не могу сравнивать, но Берлиозъ всѣмъ говорилъ здѣсь, что никогда не слыхивалъ ничего подобнаго въ Парижѣ. Нѣмцы по преимуществу музыкальный народъ. Чтобы имѣть понятіе объ энтузіазмѣ этого народа къ истинной музыкѣ, къ произведеніямъ великихъ композиторовъ, надо быть свидѣтелемъ вниманія, почтенія, благоговѣнія, съ которыми публика слушаетъ эти великія творенія. Это не концертная зала, не театръ, а храмъ, въ которомъ слушатель присутствуетъ при религиозныхъ обрядахъ. Кругомъ тишина, каждый удерживаетъ духъ. Вниравъ глаза въ либретто, слушатель пристально слѣдитъ за выполненіемъ; не услышишь ни шороха ногамп, ни знаковъ одобренія; ни одно восклицаніе не нарушитъ торжественной тишины; это не пустая забава, не средство убивать время, это всенародная дань почтенія и благоговѣнія къ великому дѣлу! Только такъ, гдѣ такъ понимаютъ искусство и такъ цѣнятъ его произведенія, только тамъ хранится святой огонь во всей чистотѣ, въ которой поддерживали его великіе жрецы-поэты!

Дрезденъ. $\frac{20}{1}$ Мая 1844 г.

..... Пробывъ въ Берлинѣ не болѣе десяти дней, я по-

ѣхалъ въ Дрезденъ, въ прекрасную столицу Саксоніи, въ столицу музыки и живописи. Приѣхавши сюда, я немедленно отправился къ старинному своему другу Карлу Лицинскому, который занимаетъ здѣсь мѣсто перваго скрипача въ канцелъ Короля Саксонскаго. Онъ очень былъ радъ неожиданному свиданію, а еще болѣе извѣстію, что я проведу съ нимъ нѣсколько мѣсяцовъ. — Мы долго разговаривали о музыкѣ и о нынѣшнихъ композиторахъ. «Мы одни во всей Германіи», сказала мнѣ Лицинскій, «сохранили преданія о настоящемъ выполненіи твореній Баха, Глюка, Бетховена, Гейделя, Гайдна и Моцарта. Только здѣсь услышите ихъ выполненными, какъ слѣдуетъ, и тогда скажете, что Саксонцы живутъ только для сохраненія остатковъ истинной музыки»...

Разбирая нынѣшнихъ драматическихъ композиторовъ, мы разумѣется, заговорили и о Доницетти. Мнѣ хотѣлось знать, каково о немъ мнѣніи Лицинскій; я уже замѣчалъ, что въ Германіи не слишкомъ его жалеютъ. «Кромѣ Вѣны», сказала мнѣ Лицинскій: «можетъ быть, нигдѣ въ Германіи такъ хорошо не знаютъ итальянской музыки, какъ въ Саксоніи, ибо со времени Фридриха Августа, всегда давалась въ Дрезденѣ итальянская опера. Привыкнувъ къ хорошимъ композиторамъ прошлаго вѣка, мы теперь уже не можемъ любить Доницетти и Пачини; они насъ забавляютъ, занимаютъ насъ на мгновеніе, но не даютъ пищи нашему уму и сердцу». Я замѣтилъ, что нынѣшніе итальянскіе маэстро пишутъ единственно для удовлетворенія вкусу публики, которая, можетъ быть, не была бы въ состояніи слушать и понимать классическія произведенія (*).

На это опять мнѣ
 (*) Итальянцамъ чрезвычайно трудно понимать симфоніи Бетховена, квартеты Гайдна и Моцарта, и вообще, нѣмецкую инструментальную музыку. Они привыкли къ слабому оркестру, не играющему въ ихъ операхъ почти никакой роли, и находятъ слишкомъ труднымъ слѣдить за комбинаціею сложныхъ тоновъ, составляющихъ цѣпь прекраснѣйшихъ и самыхъ смѣлыхъ мыслей, но понятныхъ только для уха, образованнаго долгимъ и основательнымъ изученіемъ. — Рейссагеръ разсказывалъ мнѣ, что когда въ Вѣнской Музыкальной Академіи играли пасторальную симфонію Бетховена, бывшіе при томъ Итальянцы, видя, какъ трудятся двадцать контрабасовъ, въ послѣднемъ *presto*, показывали на нихъ пальцами, и говорили: *I roveri controbassi!* Вотъ впечатлѣніе, которое эта божественная симфонія произвела на необразованныхъ слушателей! — Лицинскій разсказывалъ

отвѣчалъ: «Композиторъ долженъ образовать вкусъ своей публики, а не идти за ея вкусомъ и духомъ, потому что онъ безпрестанно измѣняется. Если высшіе Итальянцы не могутъ слушать и понимать другой музыки, сами композиторы этому виноваты, за чѣмъ довели ихъ до того. Толпа должна развиваться постепенно, по хорошимъ образцамъ, иначе вкусъ ея навсегда останется въ состояніи дѣтства. — Дѣло публики покупать кресла, и спокойно сидѣть въ театрѣ, слушать музыку, и хоть этимъ образовать вкусъ свой, если не можетъ и не хочетъ образовать его надлежащимъ изученіемъ искусства. Обязанность композитора, продолжая онъ далѣе, развивать и образовывать ея вкусъ; тотъ же, кто продаетъ себя публикѣ, никогда ничего не сдѣлаетъ для искусства, и не можетъ его подвинуть впередъ».

Какъ радостно было мнѣ видѣть, что есть еще люди, понимающіе истинное значеніе этого прекраснаго, божественнаго искусства! — Признаюсь, что съ той самой поры, какъ я сталъ чувствовать и понимать драматическую музыку, и размышлять о ней, я всегда былъ одного мнѣнія съ своимъ знаменитымъ землякомъ, всегда чувствовалъ недостатокъ драматической истины въ музыкѣ новѣйшей итальянской школы. Высшіе композиторы, (хотя между ними есть люди одаренные огромнымъ талантомъ и непостижимою способностію писать скоро), обратились отъ вѣры отцовъ своихъ, потеряли изъ виду безсмертныхъ своихъ учителей (Чимарозу, Сальери, Паззіелло, Фиораванти, и т. п.), и изъ угожденія временному пресыщенію публики, принаровляясь, такъ сказать, къ настоящему нравственному сну Итальянцевъ, стали писать не музыкальныя драмы, но музыкальныя пѣсы, очень-пріятныя для слуха, и иногда содержащія въ себѣ необыкновенныя красоты, но нисколько несообразныя съ сценическимъ представленіемъ, съ характеромъ и положеніемъ поющихъ (*). Въ сценическихъ сочиненіяхъ музыка должна бы

мнѣ, что пѣвецъ Моріани, слышавъ въ Дрезденѣ, какъ онъ игралъ квартеты Бетговеи и Моцарта, на вопросъ, какъ они ему кажутся, отвѣчалъ робко: «Мнѣ кажется, это должно-быть очень-хорошо, но оно слишкомъ трудно для моего ума; всѣ четыре инструмента играютъ каждый по-своему, и будто-бы врозь». — Это была простая fuga....

(*) К. М. Веберъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоритъ: «Кто не прислушивается съ восхищеніемъ къ бурнымъ идеямъ Россіи, къ его роскошнымъ мелодіямъ; но кто скажетъ, что въ немъ есть драматическая истина».

совершенно сливаться съ словами, для большаго и яснѣйшаго ихъ выраженія. Всегда смотрѣлъ я на оперу съ этой точки зрѣнія. Но нынче въ Италіи опера стала концертомъ въ костюмахъ: музыка часто не имѣетъ нисколько связи со словами. Такъ-ли понимали ее Глюкъ, Моцартъ, Керубини, Сальери, Мегюль и Спонтини?..

Давно уже начали замѣчать недостатокъ драматической истинны въ музыкѣ. Помнится, Буало еще писалъ къ Распну. «Никогда нельзя написать порядочной оперы: музыка не можетъ разсказывать.» Не понимали въ то время, и не воображали, что музыка можетъ лучше описывать, лучше говорить чувствительному сердцу, нежели ихъ стихотворныя декламации, называвшіяся въ то время трагедіями. Даже, въ письмахъ Вольтера, не разъ встрѣчаемъ мы жалобы на скуку, холодность и бессмысленность французскихъ оперъ; онъ понималъ что ласкать ухо пріятными мелодіями не значитъ еще написать оперу, что назначеніе музыкальной оперы гораздо-выше. Тоже говорилъ еще до него Ла-Брюйеръ.

Всѣ эти люди, такъ равнодушные и холодные къ музыкѣ, говорили въ то время, что чувствовали, и были совершенно-правы. Оперы Люлли и Рамо, хотя полныя необыкновенныхъ красотъ, ни строго драматическимъ характеромъ музыки, ни формою и стилемъ, ни слишкомъ-ограниченными въ то время средствами инструментовки, не соответствовали настоящему назначенію оперы, той великой лирической драмы, которую, немного позднѣе, поставилъ на такую высокую степень совершенства безсмертный авторъ «Ифигеніи» и «Армиды». Часто повторялъ онъ: *«la nostra opera puzza di musica»*, ибо понималъ, что драматическая музыка, какъ и драматическая поэзія, должна только выражать чувства и слова лицъ, выходящихъ на сцену. *)

на? Или думаютъ, драматическій композиторъ можетъ безъ нея обойтись? Это очень-лестно старымъ итальянскимъ композиторамъ, Сальери, Чимарозѣ, Паэзіелло, и проч.... Знаю, что въ Италіи, въ отечествѣ италіи и страсти, отличныя головы сохранили такой-же чистый и строгій вкусъ, какъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ и Мюнхенѣ; но нельзя не согласиться, что вездѣ, въ Италіи, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, толпа предпочитаетъ фейерверкъ картинѣ Рафаэля... Дрезденъ. 13 февраля 1820 г.

*) Вотъ что говоритъ гениальный Бомарше: «Если композиторъ одаренъ истиннымъ драматическимъ талантомъ, если онъ подумаетъ прежде, чѣмъ примется за оперу, онъ пойметъ, что долженъ стараться передать мысли

Въ нынѣшнихъ итальянскихъ операхъ видимъ тоже самое, что было во французской трагедіи. Никто не оспариваетъ генія у Расина и другихъ французскихъ трагиковъ, но тѣмъ не менѣе произведенія ихъ не трагедіи, а только прекрасныя декламации. Форма, которая сковывала ихъ, и которой они не смѣли съ себя сбросить, погубила ихъ. — Форма же взяла верхъ въ нынѣшнихъ итальянскихъ операхъ. Всѣ оперы Доницетти, Риччи и Пачини будто вылиты въ одну форму; всѣ они такъ схожи между собою, что слушатель долженъ быть съ ними очень знакомъ, а въ особенности долженъ быть одаренъ удивительною памятью, чтобы различить двѣ оперы одного и того же композитора. Скажу болѣе, дайте мнѣ новую, вѣдѣ неигранную, совершенно-новую арію работы Доницетти, покажите мнѣ половину; я вамъ доищу остальную, до послѣдней фразы, до послѣдней такты: доказательство, какъ истасканы формы нынѣшней итальянской оперы, когда въ некоторыхъ нумерахъ болѣе или менѣе можно опредѣлить число тактъ. — А между тѣмъ, что за счастливыя мелодіи, что за свѣжіе мотивы, что за прекрасныя мысли мы въ нихъ иногда встрѣчаемъ! Кого не трогалъ фиваль 2-го акта «Лючия ди Ламмермуръ»? Кто не заплачетъ съ Эдгаромъ въ послѣдней его аріи: «*Tombe dell' avi miei!*» Кто выслушаетъ равнодушно чудное тріо въ «Лукреціи Борджіи»: «*Quai se ti sfugge un nota?*» Кто изъ насъ не таятъ отъ очаровательной мелодіи несчастнаго Неморино, въ «Любовномъ Напиткѣ». «*Una festiva lagrima?*» Авторъ — человѣкъ съ огромнымъ талантомъ, но только съ талантомъ; а если мы не можемъ каждый день имѣть гениевъ, которымъ однимъ дано идти всегда новою, имъ однимъ извѣстною дорогою, то для талантливыхъ людей, разумѣется, надо переобразовать нынѣшнюю итальянскую школу. Церковная музыка въ Италіи уже совершенно упала; Россіи замолкъ, ничего не пишетъ, почти умеръ для искусства. Доницетти теперь одно свѣтило на музыкальномъ горизонтѣ, но и тотъ уже сходить съ поприща.

сочинителя драмы, но на болѣе гармоническомъ языкѣ, выразить ихъ съ болѣею силою, а вовсе не писать *вокальный концертъ, дѣло независимое отъ текста...* Безумецъ, который захочетъ отличиться одинъ, самъ по себѣ, блеснуть, какъ блудящій огонь; это нелѣпое самолюбіе убьетъ драму, разлучитъ музыку съ словами, и опера уже не будетъ оперою, драмою, положенною на музыку, а просто, камерною музыкою, произведетъ мимолетное впечатлѣніе, и исчезнетъ съ послѣднимъ ударомъ смычка.

Послѣдователи его и преемники, Риччи, Пачини, Верди, съ компанією, куда далеко отъ него! Хороша перспектива для искусства! De profundis clavicill!

Мы пошли съ Липинскимъ къ послѣдней обѣдѣ въ католическую церковь. Онъ увѣрялъ меня, что ни въ одной католической странѣ церковная музыка не стоитъ на такой высокой степени совершенства, какъ въ Дрезденѣ. — Трудно себѣ представить что-либо прекраснѣе этой церкви. Она принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ остаткамъ готической архитектуры. Въ главномъ алтарѣ находится прекрасная картина Вознесенія Господня, писанная однимъ изъ знаменитѣйшихъ живописцевъ нѣмецкой школы, Рафаэлемъ Менгсомъ. Липинскій говорилъ мнѣ, что за нее заплачено 10,000 червонцевъ. Въ церкви мужчины сидятъ по правую сторону, женщины по лѣвую; въ ней не только нельзя разговаривать, нельзя даже смотрѣть по сторонамъ, ни опираться на лавки: швейцары безпрестанно наблюдаютъ за порядкомъ. Для королевской фамиліи есть четыре ложи на верху; эти ложи съ окнами, которые отворяются во время службы. На одной лѣвѣ съ ложами, вдоль обѣихъ сторонъ церкви, идетъ галерея, назначенная для Двора и королевской свиты. Церковь внутри также темна и мрачна, какъ снаружи, что, разумѣется, производитъ самое религіозное впечатлѣніе.

Все, что Липинскій говорилъ мнѣ о превосходствѣ церковной музыки въ Дрезденѣ, оказалось совершенно-справедливымъ. Нельзя слышать лучшаго и болѣе согласнаго оркестра. Скрипки и въ особенности контробасы — верхъ совершенства! Духовые инструменты могутъ поспорить со всею Европою. Котте (кларнетистъ), Куммеръ (отличный гобойистъ; братъ его — первостепенный виолончелистъ), Фюрстенау (флейтистъ), и Леви (первый валторнистъ), не много найдутъ себѣ соперниковъ. Съ-давнихъ-поръ введенъ обычай, чтобъ каждый артистъ, поступаая въ Дрезденскій оркестръ, по выдержаніи строгаго экзамена, публично давалъ присягу въ церкви въ томъ, что всю жизнь будетъ всѣми силами стараться поддерживать превосходство и давнишнюю славу Саксонской Королевской Капеллы. Все они считаютъ за честь принадлежать къ этому заведенію, составленному изъ лучшихъ артистовъ Германіи. Все они дышатъ истинною любовью къ искусству, и принадлежать къ числу извѣстнѣйшихъ артистовъ. Сегодня было болѣе восьмидесяти человекъ музыкантовъ и пѣвчихъ. Литургія Наумана выполнена мастерски. Липинскій игралъ первую скрипку. Его широкій смычокъ и полный тонъ можно

было тотчасъ узнать среди множества скрипачей. Старый, строгій стиль церковной музыки, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Какое превосходное выполненіе, какая точность и ясность въ выраженіи всѣхъ отбѣнокъ, какая старательность въ соблюденіи всѣхъ знаковъ!.. Мнѣ очень понравилось *Kyrie* (H-moll), *Sanctus* (A-dur) и *Agnus* (C-dur). Какая античная простота, какой благородный и возвышенный стиль въ этомъ великомъ произведеніи, не рѣдко напоминающемъ дивную простоту *Семи рѣчей Господнихъ*, Гайдна! — Кто хочетъ жить для одного искусства, слышать одни прекрасные образцы, долженъ остаться здѣсь на всю жизнь!

Часть вокальная въ Дрезденской Королевской Капеллѣ также хороша, какъ и инструментальная. Особенно обратилъ на себя мое вниманіе итальянскій кастрато, Тарквини, поющій дискантовыя партіи. Если бы я не зналъ, что поетъ кастрато, я бы подумалъ, что поетъ молодая дѣвушка, съ самымъ пѣжнымъ голосомъ. Онъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, но голосъ его, безъ труда доходящій до высокаго *C.* (на второй прибавочной линіи), сохранилъ до-сихъ-поръ непостижимую свѣжесть и силу. Надо бы, по-крайней-мѣрѣ, три женскіе голоса, чтобы произвести тотъ-же эффектъ въ такой огромной церкви.

Вѣна. 1844.

Слышалъ я сегодня ораторію Гайдна «Сотвореніе міра». Это колоссальное произведеніе исполнено *con amore*, — съ усердіемъ и съ точностью, принадлежащею только пѣмцамъ артистамъ. Это былъ истинный музыкальный пиръ для моего сердца. Вообрази болѣе 800 человѣкъ музыкантовъ и пѣвцовъ, которые съ самою добросовѣтливою и истинно-религіозною тщательностію отбѣняли каждую мысль, каждую фразу мысли... и ты поймешь, какимъ восторгомъ я наслаждался въ эти немногіе часы. Какъ прекрасно это сыновнее почтеніе пѣмецкихъ артистовъ къ произведеніямъ великихъ композиторовъ! Каждый пѣвецъ, каждый музыкантъ забылъ свою артистическую индивидуальность, всѣ думали только объ общности, цѣлости сочиненія, помнили одного Гайдна и его безсмертное твореніе! И публика умѣла оцѣнить превосходное исполненіе. Не стану описывать восторга, съ

которымъ встрѣчено это колоссальное произведеніе, — довольно сказать, что это было въ Вѣнѣ, въ самомъ музыкальномъ городѣ въ Европѣ.

Ораторія родилась въ Италіи. Это высшая точка церковной музыки. Ораторія въ музыкѣ то-же, что эпопея въ поэзи; этотъ родъ доступенъ только для глубокихъ знатоковъ, обладающихъ наукою музыки, которыхъ вкусъ еще неиспорченъ и образовался по высокимъ и прекраснымъ образцамъ.

Церковная музыка нынче уже не то, что она была въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ. Литургіи Перголезе, Лео, Дуранте и Юмелли отличаются необыкновенною возвышенностью мыслей и недостигаемою въ наше время простотою стиля. Псалмы Марчелло, *Stabat mater* Перголезе и «Плачь Іереміевъ» Дуранте, всегда будутъ бессмертнымъ и прекраснѣйшимъ памятникомъ церковной музыки того времени. Я нашелъ въ берлинской королевской библиотекѣ множество вечерень старыхъ итальянскихъ композиторовъ, и не могъ надивиться ихъ дивной красотѣ. Въ тѣ времена, и утромъ и вечеромъ, церкви наполнялись самымъ знатнымъ обществомъ; всѣ умы были настроены къ религиознымъ чувствамъ. То было прекрасное, чудное время, когда религиозный духъ живилъ все общество; поэты, живописцы и музыканты находили въ немъ высокое вдохновеніе! Композиторъ видѣлъ передъ собою толпу сердецъ, готовыхъ понять его! Подъ вліяніемъ этого сочувствія развивались прекрасныя, высокія религиозныя мысли, являлись литургіи, вечерни, гимны, мотеты, литаніи, — прекрасныя, чудныя, достойныя высокаго своего предмета!...

...Съ упадкомъ этого религиознаго рвенія, упалъ и творческій духъ. Въ строгій стиль церковной музыки начала понемногу вкрадываться испорченность вкуса. Композиторамъ не доставало отваги и твердости, чтобы писать независимо отъ требованій и желаній слушателей, пресыщенныхъ и томимыхъ скукою, — никто не хотѣлъ и не умѣлъ цѣнить и поддерживать рвенія художника. . . . скоро некому стало и писать!... Церковный стиль сталъ поддѣлываться подъ духъ и формы драматической музыки, но держался еще нѣкоторое время... Въ началѣ-же XIX-го столѣтія пришелъ уже въ такое жалкое и плачевное состояніе, что часто, даже во-время литургіи, вмѣсто *Credo* или *Agnus Dei* пѣвались отрывки изъ оперъ, имѣющихъ нѣкоторый успѣхъ въ общемъ мнѣніи. Чтобы имѣть понятіе о состояніи церковной музыки въ Италіи въ настоящее время, стоить только взглянуть на *Stabat Mater* Россини, или на *Miserere* Дойндзетти.

Нѣмцы всегда старались охранять церковную музыку отъ порчи и упадка. Правда, въ литургіяхъ и ораторіяхъ нѣмецкихъ композиторовъ не было того нѣжнаго величія, той чистой, серафимской возвышенности, которыми дышуть почти всѣ произведенія итальянскихъ композиторовъ 17-го и 18-го вѣка, но зато мысли ихъ гораздо-смѣлѣе, болѣе развиты, стиль всегда строгій и въ то-же время прекрасный и высокій. Органныя сочиненія Іоганна Себастіана Баха, прелюдій и мотетты Альбрехтсбергера и Ринка, литургіи Гассе, Моцарта, Наумана, Шустера, ораторіи Ганделя и Гайдна, вѣчно будутъ возбуждать восторгъ и удивленіе истинныхъ знатоковъ. Къ-несчастью, въ произведеніяхъ нѣмецкихъ церковныхъ писателей (за исключеніемъ только, можетъ-быть, Ганделя, Баха, Гайдна и Моцарта), часто видѣнъ умъ и ученость, а рѣдко встрѣчается вдохновеніе, нмѣющее свой источникъ въ глубокомъ религіозномъ чувствѣ; рѣдко видимъ у нихъ ту дѣтскую простоту, ту чистую поэзію сердца, которую находимъ почти во всѣхъ произведеніяхъ Марчелло, Палестрины, Перголезе, Дуранте, Лео, и проч. (*). Нынче нигдѣ церковная музыка не стоитъ на такой высокой степені, какъ въ Германіи, въ особенности въ Австріи и Саксоніи; всѣ лучшія творенія старинныхъ церковныхъ композиторовъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ, сохраняются тамъ съ чрезвычайною старательностію, и исполняются всегда съ сочувствіемъ, заслуживающимъ уваженіе всѣхъ истинныхъ любителей искусства.

Я не разъ говорилъ, что прекрасный эффектъ производитъ въ церковной музыкѣ ктати приведенная *фуга*. — Ея строгая форма можетъ показаться принужденною и однообразною тогда только, когда она не есть дѣло мастера; фуга же хорошо-развитая и съ умѣншемъ употребляемая всегда производитъ огромный эффектъ, особенно въ твореніяхъ гениальныхъ людей, каковы Гандель, Бахъ или Керубини. По мнѣнію знатоковъ, это самая прекрасная, самая совершенная и самая счастливая форма, въ нѣкоторыхъ

(*) Надо однакоже сознаться, что церковная пѣснь Лютера: «Eine feste Burg ist unser Gott», этотъ чудный хоралъ, полный энергіи и вдохновенія, которымъ Мейерберъ такъ счастливо воспользовался въ Гугенотахъ, ни въ чемъ не уступаетъ прекрасѣйшимъ хораламъ старой итальянской школы. Лютеръ былъ замѣчательный музыкантъ въ свое время. Его церковныя пѣсни, по большей части писанныя собственною рукою, находятся въ берлинской королевской библиотекѣ.

мѣстахъ, въ церковной музыкѣ, но форма, которую вовсе нельзя или, по крайней мѣрѣ, весьма рѣдко можно употреблять въ музыкѣ драматической, потому что вполне-развитая fuga на сценѣ была-бы принужденна, холодна, и, слѣдовательно, вредила-бы драматическому интересу, — но въ инструментальной музыкѣ, въ квартетахъ и симфоніи, и въ особенности въ музыкѣ церковной, она превосходна, когда употребляется у мѣста. Превосходный *Аллилуйя* въ Ганделевомъ Мессіи, чудное «*Qui passus est pro nobis*» (№ 12) въ ораторіи Эльснера, или fuga въ литургіи Керубини (*B-dur*), лучшіе образцы этого рода красоты. Надо притомъ замѣтить, что эта форма музыки не для всякаго слушателя доступна: почувствовать ея красоту и понять все ея достоинство можетъ только человѣкъ, получившій высокое музыкальное образование.

Недавно слышалъ я въ Лейпцигѣ ораторію Ганделя, *Мессію*, которая, не смотря на слишкомъ ограниченное число струнныхъ инструментовъ, выполнена съ огнемъ и рѣдкимъ въ оркестрныхъ музыкантахъ одушевленіемъ, которое можетъ появиться только въ людяхъ, глубоко чувствующихъ величіе своего художческаго званія, и понимающихъ, какое великое твореніе они передаютъ; она выполнена съ такою точностію, что самый строгій судья не могъ-бы требовать болѣе.

Не мало содѣйствуетъ къ сильному впечатлѣнію, которое ораторіи производятъ здѣсь на слушателей, и то, что Нѣмцы всегда даютъ ихъ въ церкви, т. е. мѣстѣ, преимущественно назначенномъ для выполненія этого рода музыки. — Когда Юсифъ Эльснеръ, въ 1839-мъ году, въ первый разъ давалъ свою превосходную ораторію: *Торжество Евангелія и Смерть Господа Иисуса Христа*, на Виленскомъ театрѣ, она не произвела никакого впечатлѣнія на слушателей, правда, вовсе неспособныхъ цѣнить такихъ высокихъ произведеній, и вовсе незнакомыхъ съ этимъ родомъ музыки. Когда-же, черезъ два года, я давалъ ту же ораторію въ Великую-пятницу въ церкви Св. Іоанна, — хотя, разумѣется, виленская публика въ два года не могла много подвинуться впередъ въ музыкѣ, однако же святость мѣста и хорошо-выбранное время сдѣлали то, что она на этотъ разъ терпѣливо и даже съ благоговѣніемъ выслушала всѣ четыре части огромной ораторіи.

Говоря о церковной музыкѣ, надо упомянуть объ извѣстномъ

Дрезденскомъ органистѣ Фр. Шнейдерѣ (*), котораго удалось мнѣ слышать передъ отъѣздомъ моимъ изъ Дрездена. Онъ человѣкъ рѣдкаго таланта, и очень уважается Нѣмцами. Въ игрѣ его на органѣ есть что-то необыкновенное, чего нельзя описать. Ноги его такъ свыклись съ педальной клавиатурою, что онъ играетъ самыя трудныя фуги Баха въ такомъ скоромъ темпѣ, что мнѣ казалось, будто слышу огромный оркестръ, движимый одною пружиною. Замѣчательный талантъ! Тотъ только можетъ имѣть о немъ понятіе, кто слышалъ, какъ онъ импровизируетъ на органѣ двойныя фуги.

Надо знать этотъ инструментъ и чрезвычайныя трудности, которыя встрѣчаютъ искуснѣйшіе органисты. Эта именно трудность причиною того, что исторія искусства отъ 16-го до 19-го вѣка представляетъ намъ такое небольшое число великихъ органистовъ. У Нѣмцовъ однако-же ихъ больше, нежели у другихъ народовъ. — У нихъ были Букстегудъ, Фробергеръ, Керль, Ринкъ, Пасхельбель, и, наконецъ, величайшій изъ органистовъ въ свѣтѣ, *Иоганнъ Себастьянъ Бахъ*. — Бахъ былъ истиннымъ феноменомъ, однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ гениевъ, которые вѣками являются на землю. (**). Какъ композиторъ онъ не имѣетъ соперниковъ, и привелъ бы въ отчаяніе каждаго, кто-бы вздумалъ идти по его слѣдамъ. Его высокія и сложныя мысли такъ хорошо, такъ искусно, такъ логически и мастерски между собою связаны, что нужно глубокое изученіе, а еще болѣе привычки въ читателѣ, чтобы ихъ легко понимать. Какъ исполнитель, былъ онъ такъ великъ, что часто игралъ свои фуги безъ помощи ногъ, на органахъ безъ педальной клавиатуры, и даже на тогдашнихъ клавикордахъ. Кто въ настоящее время отважится играть его фуги? Изъ живущихъ фортепианистовъ, знаю одного Листа, который играетъ ихъ превосходно, и знаетъ все на-память; но и Шнейдеръ чудесно играетъ ихъ, такъ, что со всей Германіи съѣзжаются послушать, какъ онъ оживаютъ подъ его искусною рукою.

(*) Шнейдеровъ два брата; одинъ, также славный органистъ и композиторъ, живетъ въ Дессау; другой, Фр. Шнейдеръ, о которомъ я говорю, органистъ при церкви Св. Софіи въ Дрезденѣ.

(**) Иоганнъ Себастьянъ Бахъ родился въ Эйзенахѣ въ 1685 г.; умеръ въ Лейпцигѣ, гдѣ долго былъ органистомъ. Тутъ воздвигнутъ ему памятникъ.

Есть въ Дрезденѣ и другой органистъ, неменѣе искусный въ своемъ родѣ. Это Кленгель, человекъ съ замѣчательнымъ талантомъ и огромными музыкальными свѣдѣніями. (*)

(*) Кленгель органистъ при придворной католической церкви.

(До слѣдующей книжки).

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

=

ВОСПОМИНАНІЕ

0

Н. Н. ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Имя Николая Ивановича Хмельницкаго не мелькало постоянно передъ глазами читающей публики, какъ имя литератора ex professo, исключительно посвятившаго жизнь свою мысли и перу; но всегда однако-жъ, при появленіи своемъ, на сценѣ или въ печати, привлекало къ себѣ вниманіе читателей, пользовалось заслуженнымъ уваженіемъ въ литературномъ мірѣ; продолжительныя промежутки времени, отъ одного произведенія Хмельницкаго до другаго, не только не охлаждали къ нему образованной публики, не только не изглаживали его изъ ея памяти, но скорѣе усиливали интересъ, удвоивали любопытство. Публика знала навѣрное, что изъ-подъ пера Хмельницкаго не выйдетъ ничего такого, что-бы не носило на себѣ печать сильнаго таланта, и Хмельницкій съ своей стороны, любя литературу, какъ литературу, и уважая публику, его уважавшую, не торопился выпускать въ свѣтъ свои новыя произведенія, никогда не представлялъ на судъ произведенія незрѣлыя или скороспѣлыя. Отъ этого имя Хмельницкаго никогда не было въ литературѣ громко, но за-то всегда было уважаемо.

Литература была любимымъ, хотя не исключительнымъ занятіемъ Хмельницкаго; посвятивъ жизнь свою на служеніе отечеству, онъ употреблялъ досуги на занятія литературою: это былъ его благородный отдыхъ, его тихая, домашняя забава. Вотъ почему, говоря о литературномъ поприщѣ Н. И. Хмельницкаго, я не могу умолчать о его поприщѣ гражданскомъ: безъ этого мои воспоминанія были-бы не полны, односторонни. Предваряю впрочемъ читателей, что я не намѣренъ писать подробной біографіи Хмельницкаго — для этого еще не пришло время, — и, тѣмъ менѣе, дѣлать критическую оцѣнку его литературнымъ произведеніямъ, предоставляя это *строгимъ цѣнителямъ и судьямъ*. Я излагаю здѣсь мои *воспоминанія* о человѣкѣ, котораго зналъ довольно-близко, котораго любилъ и уважалъ глубоко...

Николай Ивановичъ Хмельницкій родился въ Петербургѣ, 11 августа 1789 года (*), и, получивъ первоначальное образованіе въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ просвѣщеннаго родственника своего, Николая Федоровича Эмина, поступилъ пансіонеромъ въ Горный Корпусъ. Окончивъ тутъ курсъ наукъ, Николай Ивановичъ началъ служебное поприще въ Иностранной Коллегіи, гдѣ, своими способностями и дѣятельностію, въ короткое время успѣлъ обратитъ на себя вниманіе начальства. Въ 1808 году, онъ былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ званіи переводчика для иностранной переписки, къ Главнокомандовавшему нашею арміею въ Финляндіи, Графу Буксгевдену; въ 1811 году перешелъ въ Министерство Юстиціи, гдѣ, въ чинѣ Коллежскаго Ассессора, засталъ его 1812 годъ. Н. И. Хмельницкій, пламенно любившій отечество, увлекся общимъ порывомъ, и на 24-мъ году возраста, сталъ штабъ-офицеромъ въ ряды С. Пе-

(*) Отецъ его, Статскій Совѣтникъ Иванъ Паросеньевичъ Хмельницкій, воспитывался въ Кенигсбергскомъ университетѣ, и достигъ тамъ степени Доктора Философіи. Въ «Гамбургскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ», 1762 года, напечатаны писанныя имъ на латинскомъ языкѣ: «Разсужденіе объ основаніяхъ философіи», и «Возраженія на разсужденія Шлегеля». На русскомъ языкѣ издана Иваномъ Паросеньевичемъ переведенная имъ съ нѣмецкаго книга: «Свѣтъ, зримый въ лицахъ, или величіе и многообразность Звѣздныхъ намѣреній, открывающіяся въ природѣ и въ правахъ, объясненныя физическими и нравственными изображеніями, украшенными достойнымъ сплѣтомъ предметовъ словомъ». Книга эта имѣла четыре изданія; последнее сдѣлано было въ С. Петербургѣ, въ 1817 г. (Въ тип. Ак. Наукъ, въ 4-ю д. л.)

тербургскаго ополченія. Умный, образованный штабъ-офицеръ, съ характеромъ любезнымъ, милымъ, — не могъ остаться незамѣченнымъ; онъ поступилъ въ адъютанты къ командовавшему тогда ополченіемъ генералу Кутузову (въ послѣдствіи бывшему Княземъ Смоленскимъ), а потомъ къ преемнику его, генералу отъ артиллеріи Барону Миллеру-Закомельскому. Въ компаніи 1813 года Н. И. Хмельницкій состоялъ при начальникѣ штаба одной изъ дѣйствовавшихъ тогда армій, графѣ К. И. Опперманѣ, и за отличіе въ сраженіяхъ подъ Лейпцигомъ, Дрездепомъ и Гамбургомъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и Св. Анны 2-й степени. Тутъ узналъ его покойный графъ Милорадовичъ. 19-е Марта 1814 года положило конецъ борьбѣ Русскихъ съ Французами; войска наши отдохнули въ Парижѣ, — за взятіе коего Н. И. Хмельницкій, вмѣстѣ съ прочими ратными товарищами, получилъ установленную серебряную медаль, — и возвратились на родину, вѣнчанные побѣднымъ лавромъ. Милорадовичъ назначенный сперва главнокомандующимъ, а послѣ генералъ-губернаторомъ С. Петербурга, пригласилъ Николая Ивановича служить при себѣ. Николай Ивановичъ поступилъ къ графу Милорадовичу, сперва чиновникомъ для особыхъ порученій, потомъ занялъ многотрудную должность правителя его канцеляріи. Въ числѣ особыхъ заслугъ Н. И. въ это время, заслугъ, за которыя должны почтить память его недостаточные гражданскіе чиновники, ихъ вдовы и сироты, — по всей справедливости долженъ занять первое мѣсто проектъ его о частныхъ суммахъ, остававшихся съ разныхъ присутственныхъ-мѣстахъ болѣе десяти лѣтъ, и никѣмъ не требованныхъ въ продолженіе этого срока.

Приведеніемъ проекта Н. И. Хмельницкаго въ исполненіе, Казна приобрѣла болѣе 700,000 р. ассигн., и правительство обратило ихъ на новый благотворительный подвигъ: деньги сіи послужили основаніемъ капиталу Комитета, Высочайше-утвержденнаго для призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ.

Въ концѣ 1824 года Н. И. Хмельницкій перешелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ, исполненіемъ нѣсколькихъ щекотливыхъ порученій въ губерніяхъ, выказалъ весь свой умъ, всю опытность и знаніе дѣла. — Въ 1829 году его назначили Губернаторомъ въ Смоленскъ.

Смоленскъ!... въ одномъ этомъ имени — сколько достопамятныхъ страницъ нашей исторіи!... послѣднія изъ нихъ еще въ свѣжей у всѣхъ памяти: Смоленскъ — первый изъ городовъ

русскихъ встрѣтилъ, въ 1812 году, незванныхъ гостей; Смоленскъ былъ участникомъ и въ проводахъ ихъ; немудрено, что встрѣча и проводы обошлись ему слишкомъ-дорого — и онъ долго не могъ поправиться!

Н. И. Хмельницкій, со всей энергіей своего добраго характера, принялся за дѣло; въ короткое время онъ успѣлъ обратить заботливое о благѣ общемъ вниманіе Государя Императора на бѣдствовавшій еще Смоленскъ. Этого было достаточно: Всемилоствѣйшее дарованною городу ссудою и особыми отъ Монаршихъ щедротъ милостями, Смоленскъ вскорѣ возникъ *изъ пепла* (*) — и сталъ въ разрядъ красивыхъ и благоустроенныхъ губернскихъ городовъ, чему, кромѣ приведенныхъ мною общихъ мѣръ, много способствовали и частныя распоряженія начальника губерніи, на-примѣръ: сооруженіе, на добротныя пожертвованія, церкви Благовѣщенія Господня, при вѣздѣ въ Смоленскъ, устройство городского сада на *Облонь*, срубка соборной горы, препятствовавшей съ незапамятныхъ временъ свободному сообщенію на горной стороны съ задѣпровскою, — отличное устройство мостовыхъ, городской полиціи съ пожарною командою, — поощреніе мануфактурной и ремесленной промышленности. Честь учрежденія для сего губернскихъ выставокъ принадлежитъ Н. И. Хмельницкому, потому-что первая выставка мануфактурно-ремесленныхъ издѣлій была въ Смоленскѣ.

Скажемъ и то, что Н. И. Хмельницкій, при такой сложности и разнообразности занятій официальныхъ, не ограничивалъ однако-же имъ трудовъ своихъ. Онъ, какъ ученый и литераторъ, составилъ еще статистическое описаніе 12-ти городовъ и нѣсколькихъ уѣздовъ Смоленской губерніи, описаніе земледѣльской, ремесленной и торговой ея промышленности, агрономическую карту губерніи, и опытъ нравственной ея статистики, что все имѣлъ счастье поднести лично Государю Наслѣднику Цесаревичу, въ проѣздъ Его Высочества чрезъ Смоленскъ, въ июль 1837 года.

За то и Смоленскъ любилъ и уважалъ добраго, внимательнаго, справедливаго своего начальника. Въ доказательство приведу здѣсь нѣсколько стиховъ неизвѣстнаго автора, называю-

(*) Высочайшій рескриптъ, 3 сентября 1832 г. За устройство Смоленска, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Хмельницкій награжденъ орденомъ Св. Станислава 1-й степени.

шаго себя благодарнымъ обывателемъ г. Смоленска, и найденныхъ въ бумагахъ Н. И. Хмельницкаго; а подобныхъ изъявленій благодарности ему, я читалъ много.

«Но долго пелась разрушенья,
Страхнуть съ главы своей съдой
Не могъ Смоленскъ. — Онъ, какъ больной,
Всечасно жаждалъ изцѣленья.
И долго, долго ожидалъ,
Едва надежды не терялъ...
Но вдругъ, какъ геній утѣшенья
Въ судьбинѣ тягостной его,
Какъ вѣстникъ съ рокомъ примиренья
Къ нему явился тотъ, кого
Монарха мулрость предугнала,
И для возстанья твоего,
Смоленскъ, — какъ ангела послала.
Явился онъ, и надъ тобой
Звѣзда привѣтная блеснула,
И цепль съ груди твоей больной
Дотоль угрюмая страхнула!
.....
.....
Пятти-жъ, Смоленскъ, и благоденствуй,
Рукой Всевышняго хранимъ,
И каждый всходъ зарп привѣстувуй
Мольбою теплой за того,
Кто, для возстанья твоего,
Охотно жертвовалъ трудами,
Своимъ покомъ презиралъ,
И, озабоченный дѣлами,
Часы у ночи похищаль; —
Съ зарею ранней кто являлся
Въ послѣдней хижинѣ твоей,
И свѣтлой въ ней зарей казался
Твоихъ, Смоленскъ, счастливыхъ дней!»

Стихи не отличаются поэтическимъ достоинствомъ, но за то проникнуты чувствомъ непритворной признательности.

Въ послѣдствіи времени Н. И. Хмельницкій за труды по управленію Смоленскою губерніею получилъ орденъ св. Анны 1-й степени, и на послѣдокъ разстался съ Смоленскомъ. Въ 1837 г.

онъ былъ назначенъ губернаторомъ-же въ нашъ исторической-же Архангельскъ; но разстроенное здоровье не позволяло Николаю Ивановичу оставаться долго на службѣ; онъ вышелъ въ отставку.

Живя въ кругу близкихъ родныхъ, которыхъ онъ любилъ и которые равно любили его и уважали, Николай Ивановичъ чуждался свѣтскаго шума, но не чуждался людей, съ которыми былъ знакомъ прежде, хотя давно и время, и отношенія отдали ихъ отъ него; онъ первый протягивалъ руку старому знакомцу, и съ неподдѣльнымъ участіемъ осматривалъ его вопросы о случайностяхъ жизни, съ-тѣхъ-поръ, какъ разстались они, радовался его радостямъ, и дѣлилъ съ нимъ горе! Ни лѣта, ни обстоятельства не измѣнили *млага* характера Николая Ивановича; называю снова этотъ характеръ *милымъ*, потому-что не нахожу другаго слова для выраженія доброты, простоты, какого-то душевнаго сочувствія ко всему прекрасному, той скромности и того сладкозвучія, какими сопровождался всѣ слова, всѣ дѣйствія Николая Ивановича; я не льщу ему, — какая лесть за гробомъ! — слова мои подтвердить всякій, кто хоть сколько-нибудь зналъ его. Болѣзнь, медленная, изнурительная, видимо подтачивала между-тѣмъ здоровье Николая Ивановича, которое поддерживалось лишь совѣтами опытнѣйшихъ врачей столицы; поѣздка его, въ 1844-мъ году, за границу, казалось, помогла ему; надѣялись, что здоровье его поправится, что еще долго-долго поживетъ онъ и для родныхъ, и для литературы, которую любилъ онъ любовью чистою, безкорыстною, — но, къ-сожалѣнію, эта надежда обманула насъ. Въ августѣ нынѣшняго года, Николай Ивановичъ слегъ въ постель, и 8-го сентября скончался на рукахъ родныхъ своихъ, 54-хъ лѣтъ и 8-ми дней отъ рожденія. Бренные останки его погребены, 11-го сентября, на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ. — Николай Ивановичъ былъ холостъ; довольно-значительное родовое состояніе (благопріобрѣтеннаго у него не было) онъ завѣщалъ дѣтямъ сестры своей.

Вотъ краткій біографическій очеркъ служебной и домашней жизни Николая Ивановича Хмельницкаго; я избѣгалъ, по возможности, ссылокъ на годы, мѣсяцы и числа, полагая, что біографическій очеркъ, каковъ-бы ни былъ онъ, не формулярный-же списокъ чиновника. Въ литературѣ свои чины, свои степени, достоинствъ и, выражаясь словами Николая Ивановича:

Поразудить, да разобрать коль строго

Литературный нашъ причотъ:

Превосходительныхъ въ немъ много,

А въ превосходныхъ — недочотъ!

Обратимся теперь къ литературнымъ трудамъ Н. И. Хмельницкаго. Большая часть ихъ принадлежала сценѣ, была и долго-долго еще могла-бъ быть лучшимъ украшеніемъ ея. Отъ чего же была и была-бъ, а не есть?... спросятъ читатели. Положительно отвѣчать на это трудно, не задѣвъ чьего-нибудь самолюбія. А впрочемъ, зачѣмъ-же и молчать о томъ, что очевидно для всякаго, хотя не всякій сознается въ очевидности.

Вспомнимъ прошедшее, даже недавно время: кто писалъ и переводилъ для театра? Грибобѣдовъ, Хмельницкій, Жандръ, Князь Шаховской, Катенинъ, Загоскинъ и еще нѣсколько писателей, грамотныхъ, изучившихъ и свой родной языкъ, и тѣ, съ которыхъ они переводили, или передѣлывали для театра; притомъ, эти люди хорошо знали свѣтъ и общество въ его разнородныхъ слояхъ, и смѣялись надъ дѣйствительно смѣшнымъ, надъ чѣмъ смѣяться негрѣшно, какъ говоритъ пословица; эти люди знали тонъ высшаго слоя общества, знали приличіе,— и потому остроты, каламбуры ихъ не оскорбляли ничьего слуха, были остры, забавны, смѣшны натурально, безъ натяжекъ и фарсовъ;—эти люди не черпали для райка эффектовъ изъ заднихъ дворовъ и другихъ нечистыхъ мѣсть; потому и публика высшаго слоя охотно посѣщала Большой и Малый театры въ русскіе спектакли, не-смотря на то, что и тогда у насъ была итальянская опера, что и тогда балеты въ эту оперу стоили не дешевле, чѣмъ теперь! — А теперь кто наши драматурги, наши комики, наши водевилисты?... Изрѣдка мелькнетъ на сценѣ отрадное произведеніе Полеваго, Кукольника, Ободовскаго -- еще двухъ—трехъ писателей съ талантомъ, по-крайней-мѣрѣ съ образованіемъ. Комедій нѣтъ пока, ибо Гоголь давно уже ничего не пишетъ для театра, по-крайней-мѣрѣ, ничего не отдаетъ на сцену; за то водевилей не оберешься; кто въ наше время не пишетъ, не переводитъ, не передѣлываетъ водевилей? За то, что за водевили!.. Кромѣ водевилей Д. Т. Ленскаго, П. С. Федорова, и многихъ П. А. Каратыгина, и еще меньшаго числа П. И. Григорьева 1-го остальные что это такое? верхъ безграмотности, пошлости. Мудрено-ли, что порядочная публика совѣстится смотрѣть на нихъ, а мы обвиняемъ публику въ невниманіи, въ нелюбви къ русскому

театру! Мудрено-ли что среди этого хлама, миленькія, прелестныя піески Хмельницкаго не находятъ себѣ мѣста! Только изрѣдка гениальный трудъ Грибоѣдова. «Горе отъ ума», съ горемъ пополамъ являются на сценѣ. Только изрѣдка безсмертная комедія Гоголя заманить въ театрѣ истиннаго любителя театра. Да и то грустно и тяжело бываетъ сердцу, когда падаетъ завѣсъ, и *Горе отъ ума* или *Ревизоръ* смѣняются *Полькой* или *Преферансомъ*, *Вицъ-Мундиромъ* или *Заколдованнымъ Принцемъ*...

Надо сказать и то, что Хмельницкій, Грибоѣдовъ, Жандръ, Князь Шаховской, Катенинъ, Загоскинъ и прочіе писали свои комедіи и водевили подъ самымъ счастливымъ созвѣздіемъ; отличную въ то время комическую труппу, составляли: А. М. Колосова (Каратыгина 1-я), М. И. Валберхова, Л. О. Дюръ (Каратыгина 2-я), Е. Я. Сосницкая, А. Е. Асенкова (мать), Е. О. Бобровъ, И. П. Сосницкій — неподражаемый типъ молодаго свѣтскаго вертопраха, — А. Н. Рамазановъ — Мольеровъ Кристинъ, въ высшей степени совершенства, — и В. В. Рязанцовъ, замѣнившій потомъ Рамазанова... И, Боже мой! какъ тогда разыгрывались комедіи! Какое согласіе! Какой ансамбль! Какъ шло все твердо, стройно! Театръ въ то время былъ истинною школой для молодаго свѣтскаго человѣка, школой въ отношеніи къ приѣмамъ, къ обращенію, свѣтскимъ манерамъ, языку са́мому.

Но обратимся къ литературно-сценическимъ трудамъ Н. И. Хмельницкаго. Онъ началъ свои поприще «Говорупомъ», комедіей въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, передѣланною, какъ и всѣ почти піесы его, съ французскаго; но дай Богъ всѣмъ сценическимъ писателямъ кончать такъ, какъ началъ Николай Ивановичъ! «Говоруна» давали въ первый разъ въ Петербургѣ, на Большомъ-театрѣ, 7 мая 1817. Главную роль графа Звонова занималъ Сосницкій, чудный въ то время молодой свѣтскій человѣкъ; да и вся комедія была обставлена хорошо; можете вообразить теперь, каково была принята она! Сосницкій былъ неподражаемъ, въ особенности, рассказывая Лизѣ (горничной вдовы Прелестивой), какъ онъ рыскалъ по Петербургу:

Вчера я точно такъ кружился по-неволь:

Съ разсвѣтомъ поскакалъ къ обѣднѣ я къ Николѣ,

Обѣдня кончилась, поѣхалъ я въ Сенать,

Оттуда во дворецъ, оттуда въ Лѣтній-садъ;

Изъ сада къ Знаменью, отъ Знаменья въ Морскую,
 Съ Морской въ Фурштадтскую, съ Фурштадтской на Сѣнную,
 Съ Сѣнной въ Литейную, съ Литейной на Пески,
 Съ Песковъ въ Садовую — какіе все скачки!
 Съ Садовой къ Гавани, изъ Гавани къ Почтамтской,
 Съ Почтамтской къ Невскому, изъ Невскаго къ Казанской;
 Оттуда поскакаль объѣхать острова, —
 Отъ мысли ужъ одной кружится голова!
 Я мигомъ облетатѣль Васильевскій, Петровскій,
 Елагинъ, Каменный, Аптекарьскій, Петровскій,
 Съ Крестовскаго...

Тутъ Лиза прерываетъ графа Звонова... Какъ превосходна была эта Лиза въ лицѣ А. Е. Асенковой!

Прелестна сцена, когда Звоновъ, въ обществѣ Споркиной, Вздоркиной, Громовой, Свахиной, Вѣстиной и Чвановой, забывается условіе — говорить всѣмъ по-очереди, и въ спорѣ съ словоохотливыми болтушками о какомъ-то Пустьяковѣ, перебиваетъ ихъ:

Божусь, божусь, божусь! Я знаю весь ихъ родъ:
 Мнѣ всѣ они родня, — ихъ предокъ былъ Федотъ;
 Федотъ родилъ Оому, Оома родилъ Ивана,
 Иванъ родилъ Кузьму, Кузьма родилъ Демьяна,
 Демьянъ — у этого родился сынъ Борисъ,
 У этого Егоръ, — у этого Денисъ, —
 Денисъ родилъ Илью, Илья родилъ Сергѣя,
 Сергѣй родилъ Луку, Лука родилъ Андрея,
 Андрей.... и пр.

Почти тридцать лѣтъ назадъ написана эта комедія; а что за языкъ, что за стихи! Наслажденіе! Нѣтъ; воля ваша, произведенія таланта не старѣются. Замѣтите еще въ «Говорунѣ» мѣстоимѣніе *этойъ*: оно вездѣ кетати; слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи честь преобразования русскаго языка принадлежитъ не недавнимъ гонителямъ добрыхъ, въ своемъ мѣстѣ, нашихъ мѣстоимѣній: *сей и оный!*

Николай Ивановичъ не увлекся первымъ успѣхомъ; онъ не торопился отдавать свои піесы на сцену, и выжидалъ... «Говорунъ» слѣдился любимцемъ публики, его давали нѣсколько разъ въ недѣлю, — на него смотрѣли, его слушали, всегда съ новымъ наслажденіемъ. Убѣдясь, напоследокъ, въ своихъ силахъ, Ни-

колай Ивановичъ, въ 1818 году, сдѣлалъ публикѣ два новыхъ подарка: то были Ренъярова трехъ-актная комедія: «Шалости влюбленныхъ» и премиленькая комедійка въ одномъ дѣйствіи «Воздушные замки»; послѣдняя представлена въ первый разъ на Большомъ-театрѣ 29 Іюля. Аглаева — молодая вдова (Валберхова), отставной мичманъ Аленаскаровъ (Сосницкій), Викторъ его слуга (Рамазановъ) и Саша, горничная Аглаевой (Асенкова) — вотъ главные персонажи; завязка основана на томъ, что Аленаскаровъ спѣшитъ въ Петербургъ, чтобы на отправлявшемся тогда въ ученую экспедицію фрегатѣ проѣхаться вокругъ свѣта, Аленаскаровъ — страстный охотникъ строить воздушные замки; онъ думаетъ открыть безвѣстный островокъ, построить городокъ и сдѣлаться Царемъ; — Викторъ пошелъ по барину; онъ взялъ лоттерейный билетъ и хочетъ непременно выиграть сто тысячъ!.. Дорогою у нихъ ломается экипажъ, они принуждены остановиться въ домѣ Аглаевой, гдѣ Аленаскарова принимаютъ за жениха, графа Лестова, котораго Аглаева никогда не видала и который, по письму тетюшки, хотѣлъ пріѣхать подъ чужимъ именемъ. — Какъ мило разсуждаетъ Викторъ про фантазіи своего барина, какъ мило фантазируетъ самъ!

Ну, баринъ мой проказитъ не путемъ:

Онъ хочетъ сдѣлаться — бездѣлица — царемъ!..

Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!

Тогда-бъ не грѣхъ царя просить мнѣ о прибавкѣ

Сотняги лишней въ годъ. Но что не говори,

А, вѣрно, не прыгнешь изъ мичмановъ въ царя.

Какъ въ голову войдетъ дурачество такое!

Вотъ я такъ, на-примѣръ, оно совсѣмъ другое:

Я лотерейный взялъ дорогою билетъ,

И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,

Что скоро разыграть хотять часы съ лихими

Курантами, ну такъ, что не разстался-бъ съ ними!

Рискнулъ и за билетъ внесъ кровныхъ пять рублей.

Въ сто тысячъ выигрышь!.. Да кто-жъ себѣ злодѣй?

Сто тысячъ! Боже мой, въ Твоей все это воля;

Пусть баринъ мой храбрится на престолѣ,

Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!

А подлинно-бъ они пришли мнѣ по-рукѣ.

Что если-бъ мнѣ... хоть часть досталася на долю...

Что сдѣлаю?.. тотчасъ я выкуплюсь на волю,

Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ разъ
 Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
 О, честолюбіе! оставь меня въ покоѣ!
 Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣля ты пустое,
 Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышомъ;
 Такъ лучше... рѣшено! Я дѣлаюсь купцомъ:
 Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
 Съ имѣнія платить мнѣ въ Городскую Думу.
 Тутъ я, благословаясь, пушусь тотчасъ въ торги,
 По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
 Потомъ куплю себѣ я домикъ презатейной,
 Сперва въ Полку, а тамъ пожалуй на Литейной,
 Обзаведусь, и самъ — жениуся наконецъ...
 И Саша мнѣ жена! И Викторъ ужъ отецъ!
 И вотъ вокругъ меня цыпляточки, малютки...
 Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
 И въ счастья проживу, конечно, до-ста лѣтъ!..

Читатель не посяуетъ на насъ за долгую выписку хоть и слыш-
 комъ извѣстныхъ стиховъ: право, они такъ хороши, что мы утер-
 пѣть не могли, чтобъ ихъ не вспомнить. Многіе-ли теперь пишутъ
 такимъ живымъ, легкимъ, разговорнымъ языкомъ? Да, вы ны-
 нышніе, нутка!

Въ 1819 году на Большомъ-театрѣ появились двѣ новыя ко-
 медіи и первый водевиль Н. П. Хмельницкаго: «Нерѣшитель-
 ный, или семь пятницъ на недѣлѣ», комедія въ одномъ дѣй-
 ствіи, 21-го іюля; «Взаимныя испытанія», комедія въ одномъ
 дѣйствіи — 18-го ноября, и «Бабушкины попуганъ», водевиль въ
 одномъ дѣйствіи (музыка Верстовскаго) 29-го іюля. Всѣ они
 имѣли успѣхъ огромный, особенно «Нерѣшительный» и «Бабуш-
 кины попуганъ». Характеръ Армишина, молодаго человѣка съ со-
 стояніемъ, но нерѣшительнаго до-крайности (роль эту занималъ
 Сосницкій) обрисованъ превосходно. Вотъ что говоритъ объ Ар-
 мидинѣ его камердинеръ Романъ (Рамазановъ):

Прекрасный нравъ! Божусь, что много въ полчаса
 Онъ камердинеру всѣ ноги отколотить.

Разъ двадцать васъ пошлетъ и сорокъ поворотить!

За все хватается, чтобъ кончить и начать,

То ѣдетъ, то идетъ, и словомъ вамъ сказать,

Такъ нерѣшительнъ, что истинно нѣтъ средства!

Онъ ѣздилъ къ батюшкѣ, по случаю наслѣдства,

А главное за тѣмъ, чтобъ, сладивши съ родней,
 Жениться по любви на дѣвушкѣ одной.
 Вопросъ отца: «На комъ?» насъ сильно озадачилъ!
 Мой баринъ двухъ невѣстъ въ умѣ своемъ назначилъ,
 А изъ хорошевыкихъ страхъ трудно браковать!
 Отецъ, хоть не любилъ насъ сильно баловать,
 Но, къ счастью, будучи старинный другъ съ отцами
 Двухъ нашихъ прелестей, и, сжалившись надъ нами,
 Тотчасъ-же написалъ къ обоямъ по письму,
 Чтобъ нужное отдать — Богъ знаетъ ужъ кому!
 Денешни получа, мы съ батюшкой разстались,
 Въ Валдай по-пути отчаянно примчались,
 Но здѣсь-то насъ судьба рѣшила пугнуть:
 Въ Москву и Петербургъ отсюда равный путь, —
 Невѣсты тутъ и тамъ, — гдѣ лучше — не рѣшили;
 Куда-жъ прикажете, чтобъ мы поворотили?
 И чья-же тутъ въ тупикъ не станетъ голова!
 Поѣдемъ въ Петербургъ, — разсердится Москва,
 Въ Москву, такъ Невская взволнуется столица....

Въ такомъ раздумьѣ Арминдъ живетъ въ Валдаѣ около недѣли. Къ счастью, проѣздомъ въ Петербургъ, останавливается въ той-же гостинницѣ полковникъ Зборскій, одинъ изъ тѣхъ двухъ отцовъ, къ которымъ Арминдъ везъ письма. Они встрѣчаются; — Арминдъ, смущенный разпросами Зборскаго, проговаривается, что онъ везетъ письмо къ нему отъ отца, пѣкается отдать его, напоследокъ отдаетъ.... Зборскій радъ породниться съ старымъ другомъ и сослуживцемъ, радъ выдать за его сына свою дочь.... но опять бѣда! Вопросъ: «За которую-жъ изъ дочерей Зборскаго сватается Арминдъ?» снова озадачилъ молодого нерѣшительнаго человѣка, озадачилъ тѣмъ-болѣе, что обѣ дочери Зборскаго, Людмила и Наташа, пріѣхали съ отцомъ, съ обѣими видится Арминдъ, говоритъ съ обѣими.... Онъ не знаетъ, что дѣлать, хочетъ даже уѣхать потихоньку, — его останавливаютъ, — и, напоследокъ, при помощи узелка на платкѣ, онъ объявляетъ Зборскому, что влюбленъ въ старшую дочь его Людмилу, которая была тутъ-же. Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Наташа, и Арминдъ говоритъ про себя:

«Напрасно, кажется, не выбралъ я меньшую!»

Комедія «Взаимныя испытанія» хоть и не можетъ равняться съ «Нерѣшительнымъ», но презанимательная пѣска.

197 «Бабушкины попугаи», — едвали не первый водевиль, пересаженный въ нынѣшнемъ вѣкѣ изъ Франціи на нашу холодную — враждебную, будто-бы, водевилю почву; нѣтъ, не почва наша враждебна водевилю, этому нѣжному, веселому цвѣтку; изъ теплицы игривой фантазіи; враждебны водевилю дѣлатели нашей почвы (за исключеніемъ немногихъ): — у нихъ, отъ излишняго позема, цвѣтки гложутъ, перевитые лебедой и чертополохомъ.... Причина очевидна: дѣло мастера боится, а первымъ образчикомъ мастерства Н. И. Хмельницкаго въ водевильномъ дѣлѣ были «Бабушкины попугаи». Сколько въ нихъ экивоковъ, намековъ, но все это мило, скромно, благородно... все забавляетъ васъ, смѣшить, не оскорбляя однакоже самаго взыскательнаго слуха свѣтской дамы или дѣвицы. Прочтите, на-примѣръ, разговоръ Терезы или Жоржеты, прелестныхъ, наивныхъ созданій, воспитанныхъ бабушкою Курмонъ, въ удаленіи отъ свѣта, — незнавшихъ, что такое свѣтъ, непомышлявшихъ даже о томъ, что въ этомъ свѣтѣ есть мужчины! (Бабушка-Курмонъ, изволите видѣть, ужасно злилась на мужчинъ, потому-что была за-мужемъ только три раза, напоследокъ рѣшилась быть твердою и сказала, что ей не нуженъ мужъ четвертый!!)

ЖОРЖЕТА.

Я это страхъ узнать желаю,

Я многого не понимаю...

Позвольте-жъ мнѣ спросить у васъ:

За-чѣмъ есть матушка у васъ?

ТЕРЕЗА.

О! матушка!... это потому, потому...

Нѣтъ, нѣтъ, я этого не знаю!

Однако-жъ, Жоржета, ты заставляешь меня думать.... Я даже очень-помню, что одинъ разъ, смотря на меня, она тихонько сказала бабушкѣ: это живой портретъ ея отца. *(Задумывается)*. Отца!... Что, Жоржета?...

Я это страхъ узнать желаю,

Я многого не понимаю...

Но растолкуй мнѣ наконецъ,

Что значить, на-примѣръ, отецъ?...

Вотъ вамъ наивность, вотъ вамъ прелесть, грація! Вотъ вамъ образецъ легкаго, остроумнаго куплета водевильнаго!

26 июля 1820 года — на Большомъ-театрѣ, данъ въ первый разъ новый водевиль Н. И. Хмельницкаго: «Карантинъ» (музыка Верстовскаго, увертюра Майера). — Приведу здѣсь одинъ изъ хорошенькихъ куплетовъ этого водевиля, куплетъ карантиннаго надзирателя Шляхтенко, весьма-скромно-разсуждавшаго о своей опасной должности:

Иной изъ рыцарей у насъ,
Въ своихъ воинскихъ изъясненяхъ,
Кричитъ, что въ жизни тридцать разъ
Онъ уцѣлѣлъ во всѣхъ сраженяхъ!
Что-жь это?... это вздоръ для насъ!
Когда правительству угодно,
Мы триста-шестьдесятъ-пять разъ
Рискуемъ жизнью ежегодно!

Вѣдь это чуть не правда!

18 ноября того-же года давали въ первый разъ, на Большомъ-театрѣ, Мольерову «Школу женщинъ». Переводъ Хмельницкаго вполне достоинъ подлинника; Бобровъ — Арнольдъ, Сосницкая — Агнеса, Рамазановъ — Алинь и Асенкова — Жоржета — были превосходны. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дебютировала, въ роль Агнесы, незабвенная Л. О. Дюръ-Каратыгина, — и эта роль оставалась за нею до кончины ея, къ-сожалѣнію, слишкомъ-ранней.

Вскорѣ послѣ перваго представленія «Школы женщинъ», — именно 3-го января 1823 г. на Большомъ-театрѣ давали въ первый разъ новый игривый водевиль Н. И. Хмельницкаго: «Актеры между-собою, или первый дебютъ актрисы Троепольской». Въ немъ только четыре персонажа: Троепольскій — Величкинъ, Троепольская — Сосницкая, Поповъ — Климовскій, и Шумской — Рамазановъ. Нельзя желать лучшей обстановки! Изъ множества хорошенькихъ куплетовъ приведу одинъ, которымъ Поповъ объяснял г-жѣ Троепольской значеніе бенефиса:

Что бенефисъ? Я очень-радъ,
Его увидя назначенье;
Хорошимъ онъ актерамъ — кладъ,
Дурнымъ — такъ пуше разоренье!

28 сентября 1823-го-же года, въ бенефисъ Ежовой, появился на сценѣ Большаго-Театра водевиль: «Суженаго конемъ не объѣдешь, или нѣтъ худа безъ добра», съ прелестною музыкою Маурера. Сколько остротъ, сколько каламбуровъ, и въ прозѣ водевиля, и въ его куплетахъ! Вотъ, на-примѣръ, какъ говоритъ Лора, дочь барона Дирсана, ожидая ветрѣчи съ незнакомымъ ей женихомъ:

«О, батюшка, вѣрно, не выбралъ мнѣ дурнаго!

«Онъ веселъ, милъ, хорошъ собою, —

На-встрѣчу къ намъ теперь летить!

Его я вижу — онъ со мною,

И мнѣ со вздохомъ говорить:

Ты, Лора, будешь мной счастлива;

Теперь покажемся мы въ свѣтъ!...

Я, право, очень-терпѣлива...

А все его однако-жъ нѣтъ!..

Тѣтка Лоры старается ее успокоить, говоритъ ей, что наканунѣ свадьбы у жениха много хлопотъ, что его, вѣрно, задержали....

Лора продолжаетъ мечтать:

«Насъ обвѣчаютъ! Тутъ-то станемъ

Мы веселиться, танцовать!

И наконецъ, когда устанемъ,

Мы будемъ дома отдыхать.

О, я заранѣе счастлива...

Вхожу я къ мужу въ кабинетъ...

Тетка, шутя, прерываетъ Лору: «Къ чему такъ спѣшить! Не входи, погоди немножко».

Лора отвѣчаетъ: «Все дожидаться!... Ахъ, тетенька!

«Я, право, очень-терпѣлива...

А все его однакожъ нѣтъ!

Для контраста съ этою наивною скромностью молодой милой дѣвушки, вышшу самый вольный куплетъ управителя Гримардо:

«Я самъ съ супругою моею

Сначала дѣлать что не зналъ:

Всѣ волочился за нею...

И я все видѣлъ и — молчалъ!
 Теперь весь штатъ ея разстроень,
 Всѣ говорятъ: она стара!
 Положимъ такъ, но мужъ спокоень;
 Итакъ — нѣтъ худа безъ добра!»

Н. И. Хмельницкій, какъ я сказалъ уже, не увлекался успѣхами, не торопился писать, а написанное не торопился отдавать на сцену, по тому простому правилу, что истинный талантъ всегда скромнень, недовѣрчивъ къ самому-себѣ. Отъ-того онъ никогда не былъ щедръ для театра; а съ 1822 года сталъ даже скупиться. Въ этомъ году онъ отдалъ на сцену только оперу-водевиль въ одномъ дѣйствіи: «Новая шалость, или театральное сраженіе». Музыка написана Мауреромъ, Верстовскимъ и Алябьевымъ. Въ первый разъ, эта примелькая «шалость» разыграна на Большомъ-театрѣ, 12 февраля. Хотѣлось-бы выписать что-нибудь получше изъ «Новой шалости; — но для этого надо переписать весь водевиль! Возьмемъ-же что-нибудь на выдержку; сперва хоть условія Форстмейстера, который, схоронивъ четырехъ женъ, собирается жениться на молоденькой Бабеттѣ, племянницѣ арендатора *Кого*: Вотъ мои предложенія (говоритъ Форстмейстеръ г-жѣ Кого): я надѣюсь, вы ихъ апробуете.

Во-первыхъ, чтобъ моя жена
 Съ почтеньемъ мнѣ повиновалась,
 И во-вторыхъ, чтобы она
 Нарядами не занималась!

Г-ЖА КОГО.

Вотъ стыдъ! И какъ не наряжать
 Жену такую молодую?

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

Конечно, долгъ мой угождать,
 Итакъ я это апробую!

Г-ЖА КОГО.

Вотъ это съ вашей стороны очень-мило!

ФОРСТМЕЙСТЕРЪ.

О, на этотъ счетъ... мы... мы пожили, г-жа Кого!

Это видно.

Г-ЖА КОГО.

Пунктъ третій составляетъ то,

Чтобъ на жену мнѣ не сердиться —

Я требую, чтобы никто

Не смѣлъ за нею волочиться!

Г-ЖА КОГО.

Но это запретить нельзя!

Смѣшно включить статью такую!

ФОРСТМЕЙСТЕРЬ.

Когда нельзя.... такъ даже я,

Для васъ, и это апробую!

Г-ЖА КОГО.

Ну, что-жъ далѣе?

ФОРСТМЕЙСТЕРЬ.

Чтобы меня лишь одного

Она любила, обожала, —

И лучше-бъ мужа своего

Нигдѣ-бъ мужчнинъ не замѣчала!

Г-ЖА КОГО.

Помилуйте! Ну, что за вздоръ,

Считать Бабету за слѣбую!

ФОРСТМЕЙСТЕРЬ.

Ужъ такъ и быть, чтобъ кончить споръ,

Я все формально апробую!

Или вотъ разекавъ миленкой Бабеты — ея Алипу, какъ опасно ходить дѣвушкамъ въ лѣсъ; разекавъ, слышанный ею отъ тетухки:

Фаншета въ лѣсъ пошла съ утра, —

Она была жива, скоро —

Забыла взять съ собой Алина...

Какъ вдругъ на встрѣчу ей мужична!

АЛИНЪ.

Трала-дери-дери!

Трала-дери-дери!

БАБЕТА.

— Куда идешь ты, ангель мой?...

— Я въ лѣсъ пду. — И я съ тобой. —

— Къ чему? вѣдь я дорогу знаю-сь. —

— Нѣтъ ничего; я прогуляюсь...

АЛИНЪ.

Трала-дери-дери!

Трала-дери-дери!

БАБЕТА.

Въ лѣсу, гуляючи вдводемъ,

Они шутили.. и потомъ —

Назадъ отправиться спѣшили,

Однакожь все не уходили.

АЛИНЪ.

Трала-дери-дери!

Трала-дери-дери!

БАБЕТА.

Пришелши вечеромъ домой,

Ей сдѣланъ выговоръ большой!...

Съ-тѣхъ-поръ она хоть въ лѣсъ и ходитъ,

Однако раньше ужъ приходитъ.

АЛИНЪ.

Трала-дери-дери!

Трала-дери-дери!

А вотъ и угроза Форстмейстера шалунамъ ученикомъ, которые зашли изъ города, и разсердили Форстмейстера, разсердили г-жу Кого:

Я былъ въ военной службѣ самъ,
И съ честью занимался фрунтомъ —
И такъ былъ храбръ, что по ночамъ
Ходилъ я даже главнымъ рундомъ!
И атестатъ мой подтвердилъ,
Что я, какъ значится по справкѣ,
Во время мирное служилъ,
И былъ въ военное — въ отставкѣ.

Въ это время обязанности службы отвлекли на-долго Николая Ивановича отъ литературы. Слишкомъ четыре года онъ ничѣмъ новенькимъ не порадовалъ публику, будучи ея любимымъ писателемъ. Напослѣдокъ, 2-го ноября 1826 года, на Большомъ-театрѣ, дана въ первый разъ его комедія: «Свѣтскій случай» — и опять надолго умолкъ Николай Ивановичъ. Онъ не покинулъ однакоже литературныхъ занятій, служившихъ ему отдохновеніемъ отъ трудовъ тяжкихъ, утомительныхъ; онъ писалъ и переводилъ много, но всегда скромный, всегда недовѣрявшій даже испытаннымъ своимъ силамъ, не рѣшался выказываться передъ публикою. Чѣмъ болѣе публика восхищалась его произведеніями, тѣмъ болѣе былъ онъ къ нимъ взыскателемъ. Послѣдняя піеса, которую онъ отдалъ на сцену, была — водевиль: «Новый Парисъ» (музыка Маурера), представленный въ первый разъ на московскомъ Большомъ-театрѣ 7 іюля 1829 года, въ бенефисъ посѣтившаго тогда Москву И. И. Сосницкаго. Какъ натурально-хороши всѣ лица этого водевиля! какъ смѣшны арендаторъ Мишо и Балли, съ ихъ толстою сосѣдкою Рондо! какъ милы три сестрички, воспитанницы г. Мишо, въ-особенности плутовка Фаншета!... Вотъ, на-примѣръ, что напѣваетъ она про-себя:

«Лишь только я туда пойду,
Тотчасъ ужъ кто-нибудь на-встрѣчу!
Я убѣгу, когда примѣчу, —
Не то отвѣтовъ не найду.
— Какъ милы вы! Куда-жъ? Пойдите-съ! —»

Но я всегда имъ говорю:
 Покорно васъ благодарю,
 Не беспокойтесь, не беспокойтесь!

Мой опекуи въ меня влюбленъ

И паровитъ на мнѣ жениться;

Но какъ на это согласиться?....

Когда-жъ заговорить и онъ:

— Какъ милы вы! Куда-жъ? Постоите-съ! —

То и ему я повторю:

Покорно васъ благодарю, —

Не беспокойтесь, не беспокойтесь!

А что за молодецъ волонтеръ Лионель!... ему довелось рѣшить преказуемое дѣло, именно, рѣшить, которая изъ трехъ хорошенькихъ и умненькихъ сестрицъ дуршѣ или глупшѣ, для того, чтобъ, въ силу завѣщанія чудака дядюшки, присудить богатое наслѣдство безобразю или глупости (оно въ порядкѣ вещей!) — и Лионель чудесно рѣшилъ это дѣло. Вотъ характеръ судьи Париса:

«Если-бъ сдѣлаться судьей

Довелось мнѣ, въ-самомъ-дѣлѣ,

Канцелярскій штатъ-бы мой

Шесть дней праздновалъ въ недѣлѣ,

А присутствовалъ въ седьмой.

Чтобъ дѣламъ лежать нетѣсно,

Я рѣшалъ-бы ихъ словесно, —

Справедливость-бы любилъ,

Виноватыхъ-бы тузилъ,

Говоря: вотъ вамъ награда!

И ни перьевъ, ни чернилъ,

Ни бумаги мнѣ ненадо!

Не мѣшало-бъ такихъ судей побольше! Впрочемъ это мое частное мнѣнiе, съ которымъ согласятся развѣ весьма-весьма-немногие; — и г. Балли тотчасъ замѣтилъ, что Лионель «не имѣетъ никакого понятiя о гражданскомъ дѣлопроизводствѣ», доказывая потомъ, что

На свѣтѣ управляетъ сплошь

Людьми одно предубѣжденье!

И какъ судья ни будь хороше,

А все имѣють подозрѣнье!
 А къ этому вести должно
 Вотъ обстоятельство какое:
 Что правда говорить одно, —
 А судьи говорить другое!..

Изъ всёхъ этихъ піесъ напечатаны только: «Говоруцъ» и «Воздушные замки». — Въ 1829 году, Николай Ивановичъ всегда готовый на добро ближнему, позволилъ мнѣ издать въ свѣтъ, съ доброю цѣлію, его сценическія произведенія, и они изданы мною, подъ названіемъ: «Театръ Хмельницкаго», въ двухъ томахъ, гдѣ, кромѣ игранныхъ піесъ, помѣщена презабавная пародія водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ: «Греческія бредни, или Ифигенія въ Тавридѣ — на изнанку.»

Н. И. Хмельницкій, вмѣстѣ съ Княземъ А. А. Шаховскимъ и А. С. Грибоѣдовымъ, составили планъ комедіи (для бенефиса М. И. Валберховой) «Своя семья, или замужня невѣста»; нѣсколько сценъ въ ней, въ томъ числѣ прелестная сцена экзамена Наташи, писаны Николаемъ Ивановичемъ, который вскорѣ потомъ началъ-было писать новую комедію: «Арзамасскіе гуси,» но, къ сожалѣнію, только что началъ! Написанныя сцены были напечатаны въ моемъ театральномъ альманахѣ (Букетъ) 1829 года. Вотъ одна изъ этихъ сценъ, въ домѣ арзамассакаго судьи Лихвина, дочь коего Любушка только-что пріѣхала изъ Петербурга, гдѣ воспитывалась въ Институтѣ:

ПОВРОДАЖКИНЪ (*ходячая газета, Любушкѣ*).

Великодушнаго прошу прощенья.
 Но мнѣ, сударыня, позвольте васъ спросить,
 Не въ Петербургѣ ли позволили вы быть
 Седьмого ноября, во-время наводненья?

ЛЮБУШКА.

Была, сударь.

ПОВРОДАЖКИНЪ.

Вотъ страсть! Сто тысячъ, говорятъ,

Погнбло въ этотъ день.

ЛИХВИНЪ.

Сказали, пятьдесятъ!

Г-ЖА ЛИХВИНА.

Не правда, двадцать-пять!

ЛЮБУШКА.

Небольше тысячи, могу уверить в этомъ.

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Да, можетъ статья, по газетамъ;

Но въ этихъ новостяхъ не безъ прорухъ.

Г-ЖА ЛИХВИНА.

А почему-жь?

ПОБРОДЯЖКИНЪ (тихо).

Не говорите вслухъ.

ЛИХВИНЪ.

Вотъ хорошо! Вѣдь, сей извѣстно, это близко.

ПОБРОДЯЖКИНЪ (еще тише).

Ахъ, вы не знаете: на этотъ счетъ молчать

Онъ обязаны строжайшею подпиской!

ЛЮБУШКА.

У насъ въ несчастіи никто роптать не могъ:

Самъ добрый Государь былъ полонъ сокрушенья,

Онъ дѣйствовалъ, какъ Богъ—

И расточалъ благотворенья!

Что долго чувствовать могли мы безъ него,

При немъ мы скоро позабыли.

Что, если-бъ такъ вездѣ Царей любили,

Какъ мы любили своего!

ПОБРОДЯЖКИНЪ.

Никто непрекословитъ вамъ:

Великъ душой, великъ и по дѣламъ;

А все.... ужасная была картина!

ЛЮБУШКА.

Да, признаюсь.

ПОВРОДЯЖКИНЪ.

А кто несчастію причина?

Блаженной памяти покойный Государь,
Петръ Алексѣвичъ! Былъ умный Царь,

Да къ морю черезъ-чуръ подѣхалъ близко;

Какъ въ ямъ строиться, когда есть материкъ?

Вотъ то-то, матушка, и былъ великъ,

А выстроился низко!

Въ третьемъ томѣ «Ста русскихъ литераторовъ» Хмельницкій послѣ долгаго молчанія, снова порадовалъ образованную публику, милую юмористическою статьею: «Мундиръ», — порадовалъ и угасъ навсегда!

Въ бумагахъ его найдены однакожъ еще неизвѣстные публикѣ литературные труды его, въ рукописяхъ: 1) *Зельмира*, трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, изъ театра Белау (едва ли не первая драматическая попытка его); 2) *Зиновій Богданъ Хмельницкій*, историческое представленіе въ 5-ти картинахъ, согрѣтое теплымъ чувствомъ любви къ родинѣ, — любви и уваженія къ знаменитому предку автора; 3) *Тартюфъ*, Мольерова комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ (отрывки изъ нея были напечатаны въ «Невскомъ Альманахѣ»); 4) *Царское слово или сватовство Румянцева*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ; 5) *Русскій Фаустъ*, или *Брюсовъ кабинетъ*, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ; 6) *Оберъ-Кохмейстеръ Фельдтенъ*, комедія водевилъ, въ трехъ дѣйствіяхъ; 7) *Оберъ-Кохмейстеръ Фельдтенъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи; 8) Нѣсколько сценъ изъ неконченной комедіи *Индіана*; 9) Планъ и нѣсколько сценъ пятиактной комедіи: *Наши за границей*; 10) Планъ и сцены изъ комедіи-водевилъ: *Фонѣ Большаго театра* (въ то время, когда на немъ давались драматическія представленія русской труппы); 11) *Мой мячикъ*, сатирическая игра избранными словами. (Этимъ милымъ мячикомъ играетъ теперь третья часть «Новоселья» А. Ф. Смирдина, которая, какъ слышно, печатается); 12) *Письма изъ Парижа*, письма и записки о Германіи, Англии, Франціи, Италіи и Испаніи.

Сверхъ-того онъ передѣлалъ на русскіе нравы комедію Дежубѣ «*Les femmes*», но ея не отыскано въ бумагахъ покойнаго, а многія сцены изъ нея были имъ читаны въ кругу его знакомыхъ.

Будемъ-же надѣяться, — нѣтъ, останемся въ полной увѣренности, что тѣ, кому покойный Николай Ивановичъ Хмельницкій

предоставилъ право располагать плодами его свѣтлаго ума, его образованности и вкуса, едва-ли не впервые познакомившими насъ съ живымъ, легкимъ, игривымъ языкомъ благородной комедіи и остроумнаго водевиля, — не сохранять ихъ въ-тайнѣ, какъ драго цѣнное семейное воспоминаніе. Труды Хмельницкаго принадлежать всей русской публикѣ, которая всегда цѣнила ихъ съ любовію и уваженіемъ: доказательствомъ тому служить изданный мною «Театръ Н. И. Хмельницкаго»: этой книги давнымъ-давно нѣтъ въ продажѣ; въ короткое время она сдѣлалась, можно сказать, литературною рѣдкостью....

Е. АЛАДЬИНЪ.

СОНЪ ДИТЯТИ.

(Из В. Гюго.)

Поздно. У постелп
Огонекъ горитъ;
Мирно въ колыбели
Свѣтлый ангелъ спитъ.
Въ снѣ горять лампты,
Ясныя-жъ глаза,
Дня земли закрыты,
Видать небеса.

Сонъ надъ нимъ летаетъ....
Видитъ онъ потокъ,
Искрами сверкаетъ
Золотой песокъ;
Женщины съ лучами
Вкругъ него стоять,
Ясными очами
На него глядятъ.

Онъ во снѣ смѣется:
Видитъ ручейки,
Голось раздается
Въ глубинѣ рѣки,
И въ цвѣтахъ сестрицы,
И отецъ близъ нихъ,
Мать его, какъ птицы,
Въ крыльяхъ золотыхъ.

И еще милѣе
Видитъ много грезъ:

Полная аллея
 Ландышей и розъ,
 Озеро струится,
 На янтарномъ днѣ
 Рыбка шевелится
 Въ розовой волнѣ.

Спи еще, младенецъ,
 Спи моя любовь,
 Въ мірѣ поселенецъ!
 Путь твой въ жизни новъ.
 Какъ трава морская
 Ты все въ даль летить....
 Токъ несетъ, качая,
 Ты же крѣпко спишь.

Опыта не зная,
 Спишь ты на пути,
 И забота злая
 Съ холодомъ въ груди,
 Тронувшись красою
 Твоего чела,
 Огненной рукою
 Слѣдъ не провела.

На устахъ съ молениемъ
 Ангелы въ лучахъ
 Смотрятъ съ изумлениемъ
 На него, въ слезахъ...
 Видя, что ребенокъ
 Безоруженъ, тихъ,
 Пухленькихъ ручонокъ
 Сонмъ коснулся ихъ.

Съ губокъ — какъ двѣ розы —
 Каждый нектаръ пилъ.
 Видитъ онъ ихъ слезы,
 Молвить: «Гаврииль!»
 Ангель-же, смежая
 Сонному глаза,
 Кольбель качая,
 Смотритъ въ небеса.

Только мать сквозь слезы
 На него глядя,
 Думает, что грезы
 Сна лишать дитя,
 И целуя глазки
 Смотрит — тих-ли сонь....
 Ей во снѣ за ласки
 Улыбнулся [онъ....

В. ЗОЛОТНИЦКОЙ.

ГРАФИНЯ ДЕ-МОНРІОНЪ.

Повѣсть Фредерика Сульэ *).

I.

ВСТРѢЧА ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ.

Въ одно прекрасное майское утро два человѣка ѣхали верхомъ по каменистой тропинкѣ, змѣвившейся вдоль холма. Изъ отношеній всадниковъ одного къ другому, тотчасъ можно было заключить, что одинъ изъ нихъ — господинъ, а другой слуга; судя-же по ихъ паружности, они оба были военные. Первому, который ѣхалъ на прекрасной арабской лошади, было не болѣе тридцати лѣтъ. Онъ былъ блондинъ, но огромные усы и борода, почти рыжаго цвѣта, придавали нѣсколько свирѣпое выраженіе его физиономіи; сѣро-голубоватые глаза и орлиный носъ еще болѣе усиливали это выраженіе, и только особенная грація и тонкость губъ умѣряли его. Африканское солнце покрыло лицо всадника темнымъ цвѣтомъ, къ которому Французы, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, совершенно привыкли. На этомъ человѣкѣ былъ рендеготъ, застегнутый до подбородка съ особеннымъ стараніемъ, изобличавшимъ привычку къ мундиру. Маленькая красная ленточка видна въ петлицѣ.

Товарищъ его, или скорѣе, деньщикъ, также какъ и господинъ его, былъ съ усами и бородой. Это былъ маленькій, чер-

*) Въ 10-й и 11-й книжкахъ «Репертуара и Пантеона» прошедшаго года помѣщенъ былъ превосходный рассказъ Ф. Сульэ, подъ названіемъ *Львица*. Нынѣ предлагаемая повѣсть — *Графиня де-Монріонъ*, составляя отдѣльный рассказъ, можетъ съ тѣмъ вмѣстѣ служить и продолженіемъ прежней повѣсти. *Ред.*

ный человекъ, худой и тощій, безпрестанно вертѣвшійся на сѣдлѣ и мучимый охотою говорить нѣмновѣрно, потому-что ни одного прохожаго не пропустилъ онъ безъ того, чтобы не освѣдомиться о разстояніи отъ мѣста до фермы Лавордннѣ. Что касается до его господина, тотъ, казалось, весь былъ погруженъ въ печальныя размышленія, и едва отвѣчалъ на поклоны крестьянъ, которые тѣмъ не менѣе продолжали кланяться его красивой лошади и красной ленточкѣ.

Наконецъ они вѣхали на самую вершину холма. Въ этомъ мѣстѣ дорога сжималась между почти перпендикулярнымъ утесомъ съ-лѣва и замкомъ съ-права.

Этотъ проходъ былъ, такъ сказать, ключомъ къ долинѣ, которую они проѣхали, и къ другой, которая великолѣпно раскидывалась передъ глазами путешественниковъ. Хотѣлъ-ли господинъ полюбоваться этимъ видомъ, или, просто, дать отдохнуть лошади, — онъ остановился и бросилъ на раскрывавшійся передъ нимъ пейзажъ любопытный и почти грозной взглядъ. Потомъ горькая улыбка проскользнула по его губамъ, и онъ хотѣлъ уже продолжать путь, когда вдругъ веселый голосъ раздался почти надъ его головою.

Голосъ этотъ послышался изъ стараго замка съ-права. Дѣйствительно, когда наши путешественники вѣзжали на холмъ, какой-то молодой человекъ прогуливался по террасѣ, соединяющей двѣ главныя башни этого четырехъ-угольнаго замка; онъ былъ въ бархатномъ шафрокѣ, въ греческихъ панталонахъ, и курилъ сигару. Ему также было двадцать-восемь или тридцать лѣтъ; у него было чудесное лицо, удивительная талія; манеры его отличались изяществомъ, нѣсколько даже аффектированнымъ, но которое чудесно шло къ его почти женственной наружности; онъ былъ брюнетъ, и отъ этого нѣжная блѣдность его лица становилась еще замѣтнѣе. Прохаживаясь по террасѣ, онъ еще издали увидалъ двухъ всадниковъ, но сначала не обратилъ на нихъ большаго вниманія: такъ онъ самъ, казалось, занятъ былъ какою-то безотвязною мыслию. Но, вѣроятно, видъ ѣдущихъ поразилъ его чѣмъ-нибудь, и онъ вошелъ въ одну изъ башенъ, стоявшихъ на обоихъ концахъ террасы. Онъ взялъ зрительную трубку и сталъ смотрѣть на всадниковъ. По удивленію, которое выразилось на его физиономіи, легко было понять, что онъ узналъ ихъ, но не могъ объяснить себѣ причины ихъ появленія. Онъ закурилъ опять сигару и сталъ по-прежнему прохаживаться по террасѣ, поджидая, чтобы два всадника подѣхали къ проходу, о которомъ мы го-

ворили; — когда онъ дождался этого, то прислонился къ стѣнѣ террасы и закричалъ изъ всѣхъ силъ своимъ тихимъ и звучнымъ голосомъ:

— Эй, полковникъ...

Всадникъ не слыжалъ.

— Мой храбрый Томасъ Рьенъ!

Тотъ, кого кликали такимъ образомъ, поднялъ голову, чтобы взглянуть, откуда раздавался этотъ голосъ.

— Здѣсь, мой левъ пустыни, началъ опять молодой человекъ.

— Г. де-Бриасъ, кажется?.. сказалъ полковникъ.

— Я самъ. Какого чорта дѣлаете вы здѣсь, въ этой проклятой сторонѣ, въ этомъ дикомъ Морванѣ?

— Что?

— Послушайте, — продолжалъ г. де-Бриасъ, — выѣзжайте изъ этого прохода, поворотите на право и въ сорока шагахъ остюда вы найдете рѣшотку à la Louis XV, которая заключила древніе зубцы этого готическаго замка, и вамъ будетъ вовсе ненужно трубить въ рогъ. Али-Мулей, потому-что я узнаю вашего вѣрнаго Спага, поставитъ въ копыти Мигадора и Пенно, ибо я тоже узналъ и вашихъ знаменитыхъ бѣгуновъ, — и если вамъ не куда торопиться, ни къ дѣлу, ни къ удовольствію, если вы ѣдете не къ любовницѣ, или не за наслѣдствомъ, мы отобѣдаемъ вмѣстѣ: у меня приготовленъ отличный кабакъ и мы будемъ поливать его старой мадерой, которую я выигралъ на пари у одного джентельмена, утверждавшаго, что Французы бьютъ немѣтко; я бился съ нимъ объ-закладъ на это вино, что, въ пятидесяти шагахъ, попаду ему въ лѣвую руку, что я и сдѣлалъ.

Полковникъ, дружески улыбаясь, слушалъ молодого человека.

— Вы говорите на-право... рѣшотка... очень-хорошо.

Онъ пришпорилъ лошадь, и въ минуту былъ уже у рѣшотки; онъ соскочилъ на землю, пока Али-Мулей говорилъ ему съ-весьма замѣтнымъ гасконскимъ произношеніемъ:

— Мы здѣсь будемъ завтракать?

— Да, — сказалъ ему полковникъ, — но — не напиваться!

— Напиваться не станемъ, отвѣчалъ Али.

Черезъ минуту потомъ, полковникъ Томасъ Рьенъ былъ уже подлѣ своего пріятели, на другой террасѣ.

— Я, просто, не вѣрилъ моеи вѣрной трубкѣ, сказалъ ему Бриасъ: я зналъ, что вы въ Парижѣ, но никогда-бы не подумалъ, что имѣя возможность только мѣсяцъ провести во Франціи, придете губить хоть нѣсколько дней въ эту проклятую сторону.

— Сторона чудесная, отвѣчалъ ему полковникъ.... Эти холмы, оперенные лѣсомъ и усѣянные прекрасными домами, эта рѣчка, перерѣзанная островками, эти прекрасныя мельницы, исчезающія за гвами, эти большіе и свѣжіе луга съ зелеными аллеями тополей, — все это представляетъ видъ, успокоительный для глазъ солдата, который, около пятнадцати лѣтъ, не видалъ ничего, кромѣ знойнаго неба и песчаныхъ степей Африки.

— У всякаго свой вкусъ, полковникъ. Я дипломатъ; я ненавижу прекрасныя виды моей родины, потому-что они слишкомъ ясно говорятъ мнѣ...

— Что вы безъ мѣста.

— Именно.

— Я слышалъ объ этомъ въ Парижѣ.

— Ну, что-же тамъ говорятъ?

— Что вы въ долгахъ.

— Все знаютъ! И потому!

— Что министръ *покорнѣе проситъ* васъ привести въ порядокъ дѣла ваши.

— Онъ, стало-быть, все рассказываетъ: въ такомъ случаѣ, мнѣ нечего объяснять вамъ причины моего пребыванія здѣсь. И теперь, полковникъ, если вамъ угодно, мы сядемъ за столъ въ этой башенкѣ.

— Нельзя-ли намъ обѣдать на террасѣ?

— Пожалуй; вы можете наслаждаться вполнѣ этой глупѣйшей родной зеленью. А я, смотря на васъ, буду думать, что я на бивуакѣ въ Исли. У васъ великолѣпный цвѣтъ лица полковникъ: вы, должно быть, сводили съума весь Парижъ.

— Маршалъ Сультъ меня очень-хорошо принялъ, и король изъяснилъ мнѣ свое полное благоволеніе.

— Хорошо! очень-хорошо! сказалъ Бриссъ, угощая полковника, всегда одинаковаго, всегда таинственнаго и непроницаемаго; изъ этого слѣдуетъ, что я беру назадъ мой вопросъ о томъ, зачѣмъ вы приѣхали въ эту проклятую сторону?

— Я готовъ вамъ отвѣчать. Но прежде, чѣмъ я буду отвѣчать категорически, я-бы хотѣлъ имѣть кое-какія свѣдѣнія...

— Военная привычка, — вы не начинаете сраженія, не изучивши карты непріятельской земли. Итакъ, мой милый Томасъ Респъ! я вамъ сдѣлаю историческое, топографическое и психологическое описаніе этой земли. Мы для этого удивительно расположились. Если глаза ваши не такъ хороши — вотъ моя трубка, которая

поможетъ вамъ распознавать позиціи; угодно-ли вамъ; чтобы я началъ, или вы сами станете спрашивать?

— Я васъ слушаю.

— Ну такъ, — началъ Бриасъ, поворачиваясь къ долигѣ, — видите-ли вы на-право, на другой сторонѣ холма, что противъ насъ, этотъ замокъ, съ его остроконечными башнями, флюгерами, голубятнею?

— Вижу и башню, и голубятню.

— Это жилище г. Виллета Гектора де-Монтаё.

— А! сказалъ полковникъ, котораго, казалось, поразило это имя.

— Это сынъ младшаго брата г. маркиза де-Монтаё, пера Франціи, президента совѣта въ Неврѣ, котораго жилище я вамъ покажу сейчасъ.

— Этотъ Гекторъ де-Монтаё — что онъ за человѣкъ?

— Человѣкъ высокаго роста, блондинъ, сильный, какъ покойный Саксонскій Маршалъ, пьетъ какъ губка, ѣсть, какъ клеркъ за столомъ у своего патрона, страшный охотникъ, глушь для васъ и для меня, но очень-умень съ мужиками, которыхъ надуваетъ всегда въ подрядахъ. Ему тридцать-пять-лѣтъ, и онъ получилъ превосходное образованіе въ коллегіи Жюльи. Думаютъ, что онъ способенъ убить кулакомъ человѣка, который помѣшалъ-бы его планамъ.

— Опъ, безъ сомнѣнія, очень-хорошъ съ своимъ дядей, перомъ Франціи.

— Вы спрашиваете или слушаете?

— Слушаю.

— Хорошо-же, — будете продолжать и пойдете по холму, что противъ насъ. Взгляните, пожалуйста, на это огромное строеніе, котораго фундаментъ исчезаетъ въ жасминахъ и гіацинтахъ, и котораго большія окна смотрятъ на насъ съ такимъ любопытнымъ видомъ.

— А! сказалъ полковникъ, взявъ зрительную трубу: что это за домъ?

— Замокъ, хотите вы сказать?... Здѣсь, вотъ уже два столѣтія, живетъ семейство де-Рюджанъ. Г. Аннибаль-Сезаръ де-Рюджанъ былъ нажемъ Людовика XVI, потомъ эмигрантомъ, потомъ капитаномъ въ арміи Конде, потомъ капитаномъ австрійской службы, потомъ, наконецъ, въ 1813 женился на мадмуазель фонъ-Меркенъ, дочери откупщика. Прекрасная Артемиза фонъ-Меркенъ принесла своему обольстителю, — потому-что здѣсь была цѣлая исторія обольщенія, — въ приданое четыре милліона, съ ко-

торымъ приданымъ г. де Рюджанъ выкупилъ замокъ своихъ предковъ, и сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ въ окрестности.

Черезъ нѣсколько дней назначенъ праздникъ въ замкѣ, и такъ какъ я намѣренъ васъ представить, то долженъ рассказать, съ кѣмъ вы будете имѣть дѣло. Старый маркизъ нѣчто въ родѣ карлика, который рассказываетъ, что онъ былъ чудесно-хорошъ, что онъ восхитительно танцевалъ, что онъ бился на шпагахъ, какъ Сень-Жоржъ, и успѣвалъ въ волокитствѣ, какъ Лозёнъ. Повѣрите ему, такъ въ немъ остается еще много этихъ качествъ, — отъ-чего со стороны г-жи де Рюджанъ происходятъ уморительныя сцены ревности. Она — высокая Нѣмка, длинная, сухая, съ масляными глазами и съ сорока-пятью годами страданій отъ разныхъ невѣрностей мужа, — женщина, которая и теперь въ состояніи отмстить за нихъ, если-бы кому пришла страсть къ ея старымъ костямъ.

— И на праздникъ-то этихъ двухъ почтенныхъ развалинь прошлаго вѣка хотите вы меня ввести?

— Потому только, что, кромѣ этихъ двухъ готическихъ мебели, есть въ замкѣ дочь и зять г. де-Рюджанъ, и г-жа де-Шаммортенъ.

— А! есть, стало-быть, молодая женщина?

— Хороша, какъ ангелъ, умна, прежде чѣмъ родилась на свѣтъ, потому что она получила отъ отца все, чѣмъ онъ хвастается и отъ матери все, въ чемъ она не признается, — оставивши безъ сомнѣнія все ихъ смѣшныя стороны.

— Стало-быть, это — совершенство?

— Увы! нѣтъ; у ней неумолимо-строгія правила и экзальтированная пубожность, что и позволяетъ Шаммортену предаваться всемъ возможнымъ глупостямъ. Она смотритъ только въ свой молитвеникъ.

— Не блондинка ль она?

— Да.

— Прическа à la Louis XVI?

— Да.

— Ну, такъ! мой милый Бріасъ: если она не смотритъ на то, что у ней самой дѣлается, то охотно смотритъ на то, что дѣлается у другихъ, и если трубка, которая была въ ея рукахъ, такъ же хороша, какъ ваша, то она должна была видѣть, какъ мы завтракали.

— Вы думаете, сказалъ Бріасъ съ смущеннымъ видомъ.

— Посмотри-ка самъ.... потому-что я и простыми глазами вижу женщину у угольнаго окна.

— Может-быть, сказалъ Бріасъ: она, может-быть, поджидаетъ возвращенія мужа, который, подъ предлогомъ того, что заблудился на охотѣ въ лѣсу, не всегда аккуратно возвращается домой.

Полковникъ кивнулъ головою, и предупреждая смущеніе своего хозяина, сказалъ ему:

— Г. де Шаммортеъ, стало-быть, не такъ, какъ-бы слѣдовало, цѣнить прелести г-жи де Шаммортеъ?

— Графъ, отвѣчалъ Бріасъ: достигши лѣтъ, когда толстота начинаетъ мѣшать волокитству, графъ, говорю я, женился для того, чтобы заразъ проститься съ Жокей-клубомъ, съ Оперою, съ Пуританскимъ-кафе и проч. Онъ выдерживалъ три года. Но въ одинъ прекрасный день, за два года почти, онъ встрѣтился съ одной госпожою Викторъ Амабъ...

— Викторъ Амабъ! сказалъ полковникъ, съ едва замѣтнымъ измѣненіемъ въ голосѣ: вы, мнѣ кажется, говорили объ этомъ въ Африкѣ; это кажется одинъ живописецъ, который женился на одной г-жѣ де-Камбюръ.

— Именно; посмотрите на холмъ на-лѣво; взгляните на этотъ замокъ во вкусѣ возрожденія, съ его свинцовою крышею; тамъ-то живутъ г-нъ и г-жа Викторъ Амабъ. Это старый замокъ Монріона, который перешелъ въ ея руки, въ-слѣдствіе....

— Вы мнѣ рассказывали все это въ Африкѣ, сказалъ холодно полковникъ: вы мнѣ рассказывали также о странномъ бракѣ, in extremis послѣдняго Монріона съ дочерью фарфорщика.

— Молчите, полковникъ, или я разсержусь. Почтеніе, любовь, удивленіе къ совершенству красоты ума, изящества, граціи, самой увлекательной, добродѣтели, самой чистой и всему, что только есть прекраснаго и божественнаго вмѣстѣ, — графиня Жюлі де-Монріонъ....

Полковникъ насунилъ брови, но отвѣчалъ довольно-спокойнымъ голосомъ:

— Стало-быть, это женщина чудо?

— И прежде всего, чудо — въ ея положеніи: она вдова, и если вы припомните исторію, которую я вамъ рассказывалъ, она могла-бы выдти за-мужъ вторично, съ тѣмъ-же дѣвственнымъ вѣнкомъ, какъ въ первый разъ. Это — молодая, невинная дѣвушка, съ титуломъ, званіемъ и свободою, предполагающими опытность, которой нѣтъ вовсе. О! полковникъ, если-бы вы видали ее въ салонѣ стараго маркиза де-Монталё, принимающую гостей съ

этой свободною непринужденностью высшаго тона, съ этимъ вкусомъ, котораго вовсе ничто не можетъ удивить — и если-бъ вы видѣли, въ тоже самое время, ея удивленіе, ея смущеніе при иныхъ вопросахъ, если-бъ вы видѣли этотъ умъ молодой дѣвушки, это тѣло молодой дѣвушки, этотъ взглядъ молодой дѣвушки, которая свободно и непринужденно носитъ блестящій нарядъ дамы, угадывая, и часто вовсе не понимая, маленькія тайны, которыя ее окружаютъ.... Ахъ! полковникъ, я не могу вамъ даже передать, какъ много во всемъ этомъ особеннаго, оригинальнаго очарованія.

— Она здѣсь съ маркизомъ де-Монталё ?

— Вотъ уже съ мѣсяць.

— И безъ сомнѣнія, она привезла съ собою кого-нибудь изъ своего почтеннаго семейства ?

— Чтò дѣлаетъ ее совершеннымъ чудомъ полковникъ, такъ это то, что, когда я, назадъ тому тригода, рассказывалъ вамъ ея исторію, ея отецъ и мать погибли во-время страшной катастрофы на желѣзной Версальской дорогѣ, — она сирота. Тогда-то г. де-Монталё взялъ ее къ себѣ; онъ въ ней, какъ говорится, души не слышитъ, и совершенно правъ. Но она не хочетъ и слышать о второмъ бракѣ. Вотъ уже второй разъ привозитъ онъ ее сюда, и, какъ я думаю, для того, чтобы избавить ее отъ парижскихъ преслѣдованій, потому-что онъ ревнивъ, онъ боится за нее, какъ скупой за свое сокровище.

— И это сокровище, мой милый Фредерикъ де Бриасъ, не есть-ли одна изъ причинъ вашего пребыванія здѣсь ?

Молодой дипломатъ тяжело вздохнулъ.

— Вы человѣкъ честный, полковникъ, и вамъ я могу сказать, что я надѣялся послѣдовать добрымъ совѣтамъ министра и устроить здѣсь мои дѣла. Графиня получила въ наслѣдство сама двадцать-пять-тысячъ ливровъ дохода, — почти столько-же осталось ей послѣ Монпріона, чтò дѣлало ее уже превосходной партіей, — но она будетъ еще наслѣдницей старика Монталё, я въ этомъ увѣренъ.

— Вы думаете? сказалъ полковникъ, горько улыбаясь.

— По этому она — завосаніе очень-завидное. У Монталё болѣе трехъ-сотъ тысячь ливровъ дохода.

— Но у него есть племянникъ, Гекторъ де-Монталё.

— Который, если-бы только зналъ, что его дядя сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу графини, въ состояніи былъ-бы задушить бѣднаго дитя, чтобы уничтожить это завѣщаніе; и съ другой

стороны, если-бъ былъ увѣренъ въ несуществованіи завѣщанія, то способенъ хлопотать объ ускореніи смерти маркиза.

— Невозможно, сказалъ полковникъ.

— Я васъ увѣряю, что это — нѣчто въ родѣ дикаго животного, въ которомъ нѣтъ на столько сердца, чтобы бояться Бога, и нѣтъ на столько ума, чтобы бояться королевскаго прокурора... Это бѣшеный вепрь, котораго до-сихъ-поръ оковываетъ одна неувѣренность.

— Что-же онъ дѣлаетъ?

— Что онъ дѣлаетъ! онъ вообразилъ, что можетъ добиться наслѣдства наслѣдницей.

— И онъ влюбленъ?

— Не скверните этого слова, полковникъ. . Г. Гекторъ де-Монталё никогда не простиралъ своихъ желаній далѣе круга своей двори, до дна, когда ему удалось вскружить голову бѣдной молодой женѣ одного фермера, котораго домъ вы можете видѣть въ концѣ долины, подлѣ замка г. Гектора де-Монталё.

— Что это за женщина?

— О! это цѣлый романъ, полковникъ. Молодая дѣвушка, съ безумною головою, которая была воспитана въ консерваторіи и потомъ вообразила себѣ, что можетъ быть женою богатаго фермера. Она бросила всѣ свои салонныя успѣхи, всѣ свои блестящія артистическія надежды, всѣ свои мечты о славѣ для деревенской жизни. Вы можете предположить полковникъ, что-такое деревенская жизнь въ какомъ-нибудь Ньеврѣ; дворъ, полный навоза съ разными домашними животными, домъ, чуть не вросшій въ землю, грязная прислуга, грязные бараны, назидательный разговоръ мужиковъ, длинныя зимніе вечера, кухня... все это, разумѣется, слишкомъ скоро разочаровало прекрасную Леду.. Тогда-то она встрѣтилась съ этимъ дикимъ Гекторомъ. — Какъ онъ ни скотовать, но все-таки пріобрѣтенный имъ въ свѣтѣ навикъ, его манеры, его языкъ, дали возможность прекрасной Ледѣ (потому что имя ея Леда), сдѣлать изъ него героя, въ родѣ Мопра — и у нашей Парижанки явился Гекторъ именно въ ту минуту, когда она потеряла добродѣтели Андромахи.

— Это, по-крайней-мѣрѣ, должно васъ успокоивать на-счетъ наувѣреній вашего соперника.

— Ахъ, pardieu! — не онъ мнѣ мѣшаетъ, и безъ пріѣзда Шаммортена....

— Шаммортенъ, женатый человѣкъ? перебилъ полковникъ, наблюдая за Бриасомъ.

— Онъ чортъ знаетъ какой болтуня сказалъ смущенный Фредрикъ.

— И г-жа де Шамортень также очень-любопытна...

— Полковникъ, клянусь вамъ честію!...

— Простите мнѣ эту шутку; я не хочу знать препятствій вашимъ намѣреніямъ, — только-бы эти препятствія не находились въ замкѣ на-право.

— Тамъ? сказалъ Бриасъ, пожавъ плечами: нѣтъ, это замокъ Монтеклена.

— Маркиза Монтеклена, перервалъ полковникъ: того, который, лѣтъ десять назадъ, былъ волонтеромъ при осадѣ Константины?

— Его самого. Вы его знаете?

— Онъ былъ раненъ подлѣ меня, и оказалъ мнѣ услугу тѣмъ, что избавилъ отъ одного Араба, который цѣлился въ меня изъ пистолета.... Что съ нимъ послѣ этого случилось?

— Ничего, — онъ дѣлалъ все-тоже, что прежде, — содержалъ актрисъ, давалъ праздники, дѣлалъ скачки, игралъ въ ландкне, ѣздилъ на воды, увезъ двухъ посланницъ, убилъ трехъ или четырехъ человекъ на дуэли, и со всѣми этими превосходными рекомендаціями, въ прошедшемъ году доискивался быть депутатомъ. Г. де-Монталё былъ, просто, оскорбленъ этимъ, и въ предуготовительномъ засѣданіи сдѣлалъ полное нечисленіе рѣдкихъ заслугъ г. Артюра де Монтеклена, и разумѣется, ему отказали навсегда. По этому, они смертельные враги.

— У него, кажется, огромныя владѣнія въ этой сторонѣ?

— Да.

— Онъ здѣсь живетъ?

— Нѣтъ.

— Что-же онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Ничего, потому-что онъ былъ отвергнутъ даже на выборахъ общаго совѣта, и все благодаря старому маркизу. Теперь онъ охотится въ лѣсахъ съ Гекторомъ и фермеромъ Брикоромъ, другимъ Нимвродомъ, въ родѣ молодаго Монталё.

— А! сказалъ полковникъ, бросая на г. Бриаса взглядъ любопытства: что это за Брикоръ?

— Рагдieu! фермеръ, мужъ этой парижской Леды.

— Вѣрно, сказалъ полковникъ измѣнившимся голосомъ: этотъ несчастный Брикоръ — жертва мерзавца Монталё.

— Развѣ вы его также знаете? сказалъ Бріасъ, удивленный тономъ гнѣва и угрозы, съ которымъ полковникъ произнесъ послѣднія слова.

— Я къ нему-то и ѣду, Бріасъ, и клянусь Богомъ, не позволю, чтобы этотъ славный малой былъ куклою недостойной женщины и мерзавца.

— Полковникъ, полковникъ, полковникъ, — сказалъ Бріасъ, возвышая голосъ: я предложилъ вамъ гостепріимство, вы его приняли, вы желали свѣдѣній, я вамъ далъ ихъ для вашей пользы... но все, что было здѣсь сказано, здѣсь должно и умереть..... Иначе, полковникъ....

— Вы будете со мною драться, Бріасъ, не правда-ли?

— Да.

— Страшно, вы дипломатъ и имѣете особенную страсть къ крайнимъ средствамъ.

— Опять моя вина, если я теперь принужденъ буду къ нимъ прибѣгнуть. Виновата моя довѣрчивость; если-бъ я былъ твердо закованъ, какъ вы, я не былъ-бы вынужденъ силою требовать отъ васъ скромности.

— И вы увѣрены что добьетесь этимъ средствомъ?...

— Сомнѣваюсь.... Вы храбры и ловки, но если я васъ убью, я увѣрепъ, что вы тогда не будете говорить, — если вы меня убьете, никто не будетъ обвинять меня въ нескромности, за которую я заплатилъ жизнью.

— Итакъ, Бріасъ.... Я буду молчать.... Но увѣрены-ли вы въ томъ, что говорите?

— Мнѣ разсказывалъ самъ этотъ скотъ Гекторъ. Но вы, какое вы участіе принимаете въ этомъ Брикорѣ? за-чѣмъ хотите сказать ему неприятную истину?

Полковникъ молчалъ.

— Послушайте, мой гость, сказалъ Бріасъ съ веселостію: — знаете-ли вы, что вы здѣсь въ землѣ моихъ предковъ? знаете-ли вы, что съ высоты этихъ стѣнъ, на которыя я пригласилъ васъ завтракать, одинъ изъ моихъ благородныхъ предковъ не позволилъ-бы вамъ сойти, пока вы не отвѣчали-бы на его вопросы. Ахъ, то было славное время: тогда стоило чего-нибудь быть благороднымъ, имѣть крѣпкій замокъ; тогда грабили, воровали, не платили долговъ и пытали людей, которые не хотѣли отвѣчать....

— Вамъ этого ничего пужно чтобы узнать то, что вы хотите знать.... Я пріѣхалъ для свиданія съ Брикоромъ.

— Вы? Но что-же общаго между вами и этимъ честнымъ крестьяниномъ?

— Знаете-ли вы мою исторію, Бріасъ?

— Да, знаю, что вы явились въ Африку, пятнадцати лѣтъ около 1830 года, что вы вступили трубачемъ въ егерскій полкъ, что восемнадцати лѣтъ вы были сержантомъ, девятнадцати получили крестъ, двадцати чинъ подпоручика, двадцати-четырехъ капитана и офицера Почетнаго-Легіона, и что теперь, въ тридцати лѣтъ, вы командоръ и полковникъ. Думаю и знаю, что вы изъ числа тѣхъ людей, которые дѣлаются маршалами и генералами.

— Надѣюсь, холодно сказалъ полковникъ: — но вы не знаете, что моя блестящая карьера три раза могла окончиться; въ первый разъ въ Маскарѣ, гдѣ я упалъ подъ двумя ружейными выстрѣлами, въ толпѣ Арабовъ, которые готовились отрѣзать мнѣ голову, когда одинъ храбрый солдатъ освободилъ меня и отнесъ въ госпиталь; второй разъ это было, когда мы ретировались отъ Константины; у насъ не было больше лошадей, и на погѣ у меня была рана, которая мѣшала мнѣ идти. Тотъ-же солдатъ взялъ меня на плеча и несъ цѣлыхъ семь часовъ, что не мѣшало ему драться. Этотъ солдатъ, Бріасъ, былъ Брикоръ. Въ третій разъ, какъ я вамъ сказывалъ, спасъ меня Монтекленъ.

— Чортъ меня возьми! вскричалъ Бріасъ. Этотъ Брикоръ славный человекъ, и въ первый разъ, что я встрѣчу этого мерзавца Монталё, я съ нимъ поссорюсь и убью его.

— Не думаете-ли вы, что это хорошее средство помириться съ мишнетромъ.

— Къ чорту министра, и въ особенности мои долги.... Но, скажите мнѣ, сиръ Томасъ Рьенъ... какъ это, съ такимъ характеромъ, Брикоръ оставилъ службу, чтобъ сдѣлаться... увы, увы!

Въ свою очередь, я вамъ скажу секретъ, и надѣюсь, что это останется между нами. Этотъ славный малый никогда не умѣлъ ни читать, ни писать. Я просилъ его, приказывалъ ему выучиться: все было тщетно. Между его разумѣніемъ и самымъ обыкновеннымъ образованіемъ были преграды невозможности. Онъ пробовалъ, но чуть было не сошелъ съ ума. Тогда, видя, что онъ никогда и ничего не достигнетъ, онъ оставилъ службу, и по моей рекомендаціи, Монтекленъ поручилъ ему одну изъ своихъ фермъ.

— Вы не видали Монтеклена въ Парижѣ.

— Нѣтъ, мнѣ сказали въ его отели, что онъ въ Лондонѣ.

— Можетъ-быть, потому-что онъ недѣли двѣ, какъ пріѣхалъ. Но что мнѣ кажется изумительнымъ, такъ это то, что вашъ

Брикоръ, съ его первобытной простотою, вздумалъ влюбиться по уши въ женщину, которая только и бредила романами и стихами.

— Это отъ-того, что онъ такъ стыдится своего невѣжества, что въ состояніи не признаться въ немъ даже своей жепѣ; Монтекленъ не знаетъ объ этомъ, и Брикоръ никогда-бы мнѣ не простилъ, если-бъ узналъ, что я разсказалъ вамъ.

— Но вѣдь онъ долженъ же былъ подписать актъ своего брака.

— О! что касается до этого, онъ могъ сдѣлать; я выучилъ его подписывать имя; это мнѣ стоило двухъ мѣсяцовъ терпѣнія... писать имя свое онъ выучился, а ужъ прочесть его — извините!...

— Странно, сказалъ Бриасъ безпечнымъ тономъ. И вы мимоходомъ хотите навѣстить своего избавителя?

— Прощаясь со мною, онъ взялъ съ меня обѣщаніе, что если я когда-либо буду въ этой сторонѣ, то заѣду къ нему. Я пріѣхалъ нарочно, чтобы сдержать обѣщаніе.

— Безъ всякой другой цѣли? сказалъ Бриасъ, испытующимъ взглядомъ смотря на полковника.

— Безъ всякой другой цѣли, холодно отвѣчалъ тотъ.

— Ждутъ-ли васъ у Брикора?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ я обѣдаю нынче у г-жи Амабъ, Монтекленъ тамъ будетъ.. вѣроятно, пріѣдетъ также Шаммортенъ, и, можетъ быть, даже кабанъ Монтагё. Угодно, я васъ представлю?

— Прямо?

— Человѣка, какъ вы, полковникъ! Меня будутъ благодарить; вы не только левъ пустыни, но даже модный левъ. Поѣдте.

Полковникъ согласился. Другой, не столько вѣтренный, какъ Бриасъ, удивился-бы этому согласію со стороны человѣка, обыкновенно такъ осторожнаго, какъ полковникъ, и въ особенности замѣтилъ-бы невольно-вырвавшуюся у него насмѣшливую улыбку.

II.

МУЖЪ ЛЬВИЦЫ.

Отправимся теперь въ замокъ, во вкусъ возраженія, который, по разсказу Бриаса полковнику Томасу Рьену, былъ жили-

щемъ г-жи Леоны Амабъ. Отворимъ великолѣпную рѣшетку, пойдемъ по широкой аллѣ, и наконецъ дойдемъ такимъ образомъ до самого замка, украшеннаго самыми затѣйливыми изваяніями, сохранившимися или реставрированными съ такимъ стараніемъ, что этотъ старый замокъ, какъ-будто наканунѣ только вышелъ изъ рукъ архитектора, хотя время, этотъ великій артистъ, положило на немъ свою темноватую тушь.

Войдемте теперь въ великолѣпную столовую. Столъ былъ накрытъ и на немъ стояли два прибора, одинъ противъ другаго. Викторъ Амабъ былъ одинъ и прохаживался съ безпокойнымъ видомъ, пока лакей высокаго роста, въ утреннемъ костюмѣ, приготовлялъ завтракъ.

Викторъ Амабъ не былъ уже болѣе молодой человекъ, честолюбивый и гордый, начавшій такъ блистательно свое поприще. Нѣсколькихъ лѣтъ было достаточно для того, чтобы провести по его почти голому челу слѣды какой-то пожирающей мысли. Преждевременныя морщины говорили, что страданіе губило его молодость, что-то мрачное и безпокойное было въ его взглядѣ, и ясно показывало, что довѣрчивость совершенно исчезла изъ его души.

Проехавши нѣсколько разъ взадъ и впередъ, онъ обратился къ слугѣ.

— Франсуа, — сказалъ онъ ему: доложили-ли барынѣ, что завтракъ готовъ.

— Звонили, а они не приказываютъ никогда докладывать.

Амабъ тяжело вздохнулъ, но продолжалъ прохаживаться и наконецъ остановился передъ отворенными дверями въ паркъ; онъ былъ прямо противъ замка г-на де Монталѣ. Глаза его сначала старались не смотрѣть туда, — но какъ-бы неотразимымъ очарованіемъ привлекаемый къ этому виду, онъ неподвижно устремилъ на него взоръ. Сколько сожалѣній, сколько опасенія было въ этомъ взорѣ, прикованномъ къ далекому дому!

— Тамъ, — говорилъ этотъ меланхолическій взоръ, — живетъ невинность, кротость, добродѣтель, преданность, — все достоинства, которыхъ я не хотѣлъ видѣть. Здѣсь напротивъ...

Амабъ боялся обратиться къ своему собственному дому. Не многіе въ состояніи смотрѣть прямо на несчастіе, ими самими созданное, но это несчастіе само напоминаетъ о себѣ безпрестанными, хотя, по-видимому, незначительными непріятностями.

— Журналы и письма, вѣроятно, уже принесены, сказалъ Амабъ сухимъ тономъ, — ступай за ними.

— Ихъ отнесли къ барынѣ.

— Хорошо, сказалъ Амабъ съ досадою,— ступай.

Слуга вышелъ и Амабъ простоналъ глухо, но страшно.

Онъ опять началъ прохаживаться, но быстро и безпокойно. Прошло еще нѣсколько минутъ, — явился опять слуга, взялъ одинъ изъ приборовъ и поставилъ его на поднось.

— Что это? спросилъ Амабъ.

— Барыня завтракаетъ у себя въ комнатѣ, отвѣчалъ лакей, унося поднось.

Терпѣніе Амаба истошилось.

Онъ зазвонилъ съ бѣшенствомъ, но никто не являлся; онъ еще позвонилъ, но никого не было. Наконецъ пришелъ слуга съ дерзкимъ видомъ всякаго лакея, который можетъ показать этотъ дерзкій видъ.

— Да, что же, наконецъ, не слышать, что-ли меня? сказалъ Амабъ съ гнѣвомъ.

— Я носилъ завтракъ и не могъ быть за-разъ на-верху и внизу.

— Гдѣ Луи?

— Барыня послала его съ порученіемъ; вотъ уже съ часъ, какъ онъ уѣхалъ верхомъ.

— Гдѣ Пьеръ?

— Барыня усала его на цѣлый день помогать садовнику.

— Подавай мнѣ завтракать!

— Барыня приказала мнѣ сейчасъ идти на ферму Брикора за кланеромъ.

— Это дѣло кучера.

— Барыня уѣзжаетъ послѣ завтрака, и кучеру некогда.

— Это, наконецъ, забавно! сказалъ Амабъ, стиснувъ зубы: пошелъ!

Онъ сѣлъ за столъ и началъ ѣсть съ видимымъ неудовольствіемъ; потомъ, кончивши, онъ вышелъ изъ столовой и съ рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ большой лѣстницѣ. Взошедши въ бель-этажъ и подойдя къ комнатѣ Леоны, онъ, казалось, хотѣлъ войти туда, но, остановясь на минуту, колебался отъ слабости или отъ гнѣва, и наконецъ быстро взошелъ во второй этажъ, въ огромную мастерскую, бросился тамъ на диванъ. Оставшись одинъ, Амабъ вполне предался ярости, которую онъ съ трудомъ въ себѣ удерживалъ. Глухія восклицанія вырвались изъ его груди.

— О! несчастный! несчастный! вскричалъ онъ наконецъ, съ от-

чаяніемъ сжимаю голову: надобно положить конецъ этому, непременно надобно!

Въ двадцатый разъ уже Амабъ прибѣгалъ къ рѣшимости. Жизнь, которую ему создали, была несносна, — онъ чувствовалъ необходимость переменѣннй се.

Въ минуту, когда онъ произносилъ слова: «Непремѣнно надобно!» двери его мастерской отворились и явилась Леона въ великолѣпномъ нарядѣ, всегда прекрасная, всегда юная и гордая, величавая, стройная. Въ рукахъ у нея были журналы и письма.

— Право, Викторъ, сказала она ему съ самымъ граціознымъ видомъ: вы вовсе не любезны, — я буду умирать и вы не удостоите взойти на-верхъ узнать обо мнѣ.

— Вы мнѣ позволите не принять этого упрека, Леона, сказалъ Викторъ съ горькою улыбкою: вы довольно часто напоминали мнѣ, что входъ въ вашу комнату не дозволяется мнѣ дотѣхъ-поръ, когда вамъ самимъ угодно будетъ выйти.

— Какъ, сударь, — сказала Леона печально: вы сердитесь за упрекъ, который когда-то показался-бы вамъ очень-милымъ? Вы раздосадованы, — я ухожу.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Амабъ съ живостью: намъ нужно поговорить съ вами серьезно.

— Ахъ да, возразила Леона: вы напомнили мнѣ... вотъ нѣсколько писемъ, которыя касаются до васъ и на которыя прошу васъ отвѣчать.

— Что это за письма? сказалъ Амабъ, взявъ ихъ изъ рукъ Леоны и читая, пока она прохаживалась по мастерской и разсматривала эскизы, начатыя ея мужемъ.

Письма, которыя Амабъ пробѣжалъ быстро, были вовсе не таковы, чтобы могли успокоить его раздраженіе; это были требованія денегъ отъ поставщиковъ и кредиторовъ, по бѣльшей части очень сухія, пыныя даже написанныя тѣмъ дерзкимъ языкомъ, который показываетъ, что терпѣніе перешло за границы. Амабъ съ досадою бросилъ ихъ на столъ и вскричалъ:

— Пусть-же они описываютъ имѣніе и продаютъ! Лучше ужъ это, чѣмъ безпрестанныя тревоги и терзанія!

— Берегитесь!.. спокойно замѣтила Леона: это будетъ для васъ очень-непріятно, и я съ своей стороны не захочу такого позора.

— Леона, сказалъ ей Амабъ: кажется, вы-бы могли меня избавить отъ него. Благодаря свадебному контракту, ваше собственное имѣніе совершенно обезпечено ото всякаго иска.

— Не находите-ли вы сами, что я это очень-хорошо сдѣлала?

— Я никогда не осуждаю того, что разъ мною принято, сухо отвѣчалъ Амабъ: но наконецъ, вы могли-бы мнѣ помочь въ этомъ случаѣ, потому-что, — прибавилъ онъ съ нервическою дрожью и взявши опять письма, брошенные имъ на столъ, — вотъ счетъ ювелира, а я не пошу брилліантовъ.

— Да, — сказала Леона, — это тѣ, которые вы мнѣ подарили въ мои именины; они очень-хороши.

— Этотъ другой счетъ — началъ опять Амабъ, — счетъ каретника!

— Вы хотѣли имѣть карету для себя собственно, я сдѣлала эту покупку для васъ.

— Наконецъ, продолжалъ Амабъ, съ большою досадою: вотъ счетъ золотыхъ-дѣлъ мастера, который долженъ касаться, по крайней-мѣрѣ, обоихъ насъ?

— Можетъ-быть, сказала Леона, взявши счетъ... посмотримъ.

Она прочла письмо и передала его Амабу, сказавши:

— Вы не дочли до конца; посмотрите, онъ пишетъ, что въ февралѣ получилъ отъ меня половину суммы.... то, что на мою долю приходилось....

Амабъ вздохнулъ съ бѣшенствомъ... Леона продолжала:

— Вы хотѣли говорить со мною серьезно, Викторъ, — ну, и я также хотѣла этого; но, вы вашимъ вѣчнымъ гнѣвомъ такъ заставили меня бояться всякаго объясненія между нами, что я, право, не рѣшаюсь дать вамъ добраго совѣта. Неужели вы думаете что я не страдаю жестоко, видя, что вы прямо идете къ вашему и моему разоренію если вы меня до того не знаете, что въ состояніи думать, что я васъ оставляю въ нуждѣ, то знайте, я такъ дорожу именемъ, которое теперь стало мнѣ, что не могу не помочь вамъ. У васъ нѣтъ порядка предусмотрительности.

— Мнѣ кажется впрочемъ, сказалъ Амабъ, что мои личные издержки слишкомъ мало входятъ во все безумные расходы дома.

— Я не хочу сердиться на тонъ, какимъ вы мнѣ говорите, возразила Леона, съ презрительнымъ спокойствіемъ: — вы страдаете, а я жалѣю всякаго, кто-страдаетъ. Вы жалуетесь на безумные расходы? Не было-ли между нами условлено, что наши расходы всегда будутъ опредѣлены, — половину изъ опредѣленнаго числа беру на себя я, — половину — вы. Я никогда не просила больше положеннаго. Моя-ли вина, что, кромѣ опредѣленныхъ издержекъ, ваши капризы заставляютъ васъ бросать

деньги съ невѣроятнымъ неблагоразуміемъ? За-чѣмъ эти брилліанты къ моимъ имяннамъ. Развѣ я ихъ просила? За-чѣмъ эта карета, когда у насъ была уже одна? За-чѣмъ серебряный сервизъ, котораго вамъ такъ хотѣлось? Все это отъ-того, что вы видѣли, что товарищъ вашъ Л^{***} подарилъ своей женѣ брилліантъ, что у Ж^{***} двѣ кареты...

— Эхъ, Боже мой — перебилъ Амабъ: не вы-ли сами двадцать разъ говорили мнѣ о брилліантахъ г-жи Л^{***}? не сдѣлались ли вы нездоровы, проѣхавши разъ въ фіакрѣ, когда я случайно взялъ вашу карету? Наконецъ вы такъ вооружились на простоту нашихъ сервизовъ, что я хотѣлъ удовлетворить вашимъ желаніямъ, а не моимъ капризамъ, какъ вы говорите. И ваша признательность удивительно вознаграждаетъ меня за разныя муки, которыя я терплю для вашего удовольствія.

— Упреки! отвѣчала Леона: я ждала этого! — Но скажите мнѣ, сударь, не очень-ли просто, что женщина желаетъ всего, что можетъ ее возвысить въ глазахъ свѣта? Я желала того, что видѣла у другихъ, у кого, на мои глаза менѣе, таланта и достоинства, чѣмъ у васъ. То, что они дѣлали для своихъ женъ, я думала, что и вы можете дѣлать для вашей, и видя, что вы такъ приставали ко мнѣ съ этими подарками, не въ правѣ ли была я думать, что все это не выше вашихъ средствъ? Неужели я обманулась? Любовь, да, сударь, любовь, которая заставила меня жертвовать для васъ моею свободою, неужели только ослѣпила меня? Ужели въ васъ не столько таланта, сколько я думала? Должна-ли я признаться, что двадцать артистовъ, о которыхъ вы говорите съ презрѣніемъ, знаменитѣе васъ? Сердце мое отказывается сознать это, но, разумѣется, я должна буду покориться доказательствамъ... что же дѣлать?

Нельзя описать пытки Амаба, при этихъ словахъ, которыя говорились самымъ тихимъ и серьезнымъ тономъ. Оскорбленная гордость и глубокое убѣжденіе въ томъ, что онъ игрушка хитрости, совершенно-неуловимый, мучили Амаба.

— Вы правы, сказалъ онъ, стиснувъ зубы: у меня только посредственный талантъ, талантъ, котораго недостаточно для издержекъ такого дома, какъ вашъ.

— Издержки эти мы уменьшимъ, когда вамъ угодно, сказала Леона: но покаместъ должно-же отвѣчать что-нибудь кредиторами.

— У меня нѣтъ денегъ, и я не знаю, гдѣ найти ихъ.

— Эти четыре начатыя картины могутъ быть кончены въ

пятнадцать дней, если только вы приметесь за нихъ съ жаромъ.

— Онѣ проданы.... и если нужно все говорить, я получилъ уже за нихъ деньги.

— Очень-неприятно, потому-что г. де-Шаммортеиъ купилъ-бы ихъ, и далъ за нихъ столько, что вы-бы, по-крайней-мѣрѣ, были спокойны и могли заняться работами.

— Г. де Шаммортеиъ! сказалъ Амабъ, мрачнымъ тономъ: мнѣ кажется, что не у этого человѣка должны-бы вы были совѣтывать мнѣ искать помощи.

— Я понимаю вашу справедливую досаду. По прѣздѣ сюда, я была съ визитомъ у г-жи де-Шаммортеиъ, и она мнѣ до-сихъ-поръ еще не отвѣчала. Черезъ нѣсколько дней у нихъ праздникъ, и туда приглашены все, кромѣ васъ: это обида, которую я должна снести.

— И которая не мѣшаетъ вамъ принимать г-жу Шаммортеиъ.

— Время гордости для меня прошло, Викторъ, — я ваша жена. Я не хочу, я не могу сеорить васъ съ человѣкомъ, имѣющимъ вліяніе на репутацію артиста. При томъ-же г. де-Шаммортеиъ самъ оскорбленъ поведеніемъ своего семейства въ отношеніи къ вамъ.

— Въ отношеніи ко мнѣ, глухо прошепталъ Амабъ. Все-я! Леона не слыхала, или не хотѣла слышать этого шопота, и продолжала:

— Мнѣ кажется, во всякомъ случаѣ, что моею учтивостію съ человѣкомъ порядочнаго общества, я васъ избавила отъ скандала. Г. Шаммортеиъ влюбленъ въ эти картины, продайте ему ихъ.

— Я вамъ сказалъ уже, что напередъ получилъ за нихъ деньги.

— Вы обязаны поставить ихъ въ срокъ?

— Да, какъ только кончу.

— Въ такомъ-случаѣ, это можетъ быть черезъ шесть мѣсяцовъ; вы напишете другія.

— Но я не могу-же ихъ предложить г. Шаммортеиу, отказавши ему нѣсколько разъ.

— Г. де-Шаммортеиъ будетъ сегодня у насъ обѣдать; легко будетъ заговорить съ нимъ.

— Какъ! г. де-Шаммортеиъ.... обѣдаетъ здѣсь!... опять сегодня. Но это уже слишкомъ-часто.

— Такъ онъ не будетъ, холодно отвѣчала Леона: я ему напишу, что болѣзнь не дозволяетъ вамъ принять его сегодня. Тоже самое напишу я гг. Бріасу, Монталѣ и Монтекленъ, — потому-что, конечно, вы хотите исключить не одного г. Шаммортена.

— Боже мой! Леона, я не хочу никого исключить, но лучше было-бы, если-бы посѣщенія г. де Шаммортена были не такъ часты.

— Вы ревнуете? сказала Леона.

Амабъ не отвѣчалъ.

— Отвѣчайте прямо: вы ревнуете?

— Я, разумѣется, не подозреваю васъ.... по злословію.... можетъ представить и дружескія отношенія въ очень-невыгодномъ свѣтѣ.

— О мой Боже! прошптала Леона: до чего мы дошли? подозрѣнія и скоро разореніе! Довольно, сударь; я не буду принимать никого, я не буду выѣзжать, я откажусь даже отъ прогулокъ, которыя были моимъ единственнымъ утѣшеніемъ.... могутъ думать....

— Но я не говорю этого... сказала Амабъ съ нетерпѣніемъ: я дѣлаю только замѣчаніе.

— Сказала-ли я, что-нибудь похожее на жалобу?

Амабъ удержался отъ гнѣва, и потомъ вскричалъ черезъ минуту:

— Послушайте, Леона, я недоволенъ:

— Думаете-ли вы, что мнѣ очень-весело?

— Леона, вы меня не любите.

— Чтѣ-жъ вы не говорите, что я васъ никогда не любила?

— Это, можетъ-быть, правда.

— Продолжайте, сударь.

— Но наконецъ, я страдаю, вы это видите, — я въ ужасномъ положеніи, и вмѣсто того, чтобы мнѣ совѣтывать, чтобы ободрять меня, вы мнѣ дѣлаете сцены.

— Прощайте, сударь, сказала Леона, вставая: когда къ вамъ возвратится разсудокъ, когда вы будете спокойнѣе, я возвращусь...

— Боже мой! я безумецъ — куда вы, Леона?

— Къ себѣ, въ свою комнату.

— За-чѣмъ берете вы письма?

— Чтобы отвѣчать вашимъ кредиторамъ, чтобы успокоить ихъ, чтобы выиграть время, и потомъ расплатиться съ ними, заложивъ какое-нибудь имѣніе.

— Но я не хочу этого, сказалъ Амабъ: я заплачу, я напишу....

Леона пожала плечами.

— Разумѣется, опять началъ Амабъ, съ гордостью: цѣны этихъ картинъ слишкомъ-достаточно.

— Вамъ за нихъ заплачено.

— Я послѣдую вашему совѣту, я продамъ ихъ.

— Гдѣ же?

— Въ Парижѣ....

— Гдѣтѣ самые люди, которые вамъ ихъ заказали, увидятъ ихъ, можетъ-быть, у покупателя. Это возможно только въ этой сторонѣ, гдѣ онѣ останутся навсегда въ замкѣ того, кто ихъ купитъ. Но вы не хотите и видѣть единственнаго человѣка, который можетъ васъ спасти.

Въ эту минуту Амабъ упалъ духомъ, и, оборотившись къ Леонѣ, сказалъ ей:

— Леона, любите-ли вы меня?

— Ахъ, Викторъ, Викторъ! вамъ-ли въ этомъ сомнѣваться?

— Когда любятъ, тогда боятся.

— Ахъ, сказала Леона: вы меня любите уже не столько, чтобы ревновать!

— Я! вскричалъ Амабъ: о! Леона, Леона! ты знаешь, принадлежить-ли тебѣ моя жизнь? Можно-ли не любить тебя? Но ты, ты....

— Я? да, я васъ люблю и очень-жаль, потому-что вы меня подозрѣваете.

— Нѣтъ, нѣтъ, Леона, я послѣдую твоимъ совѣтамъ, я продамъ эти картины г. Шаммортену, потому-что ты меня любишь, не правда-ли? Онъ прѣдетъ, ну, тѣмъ лучше; мы нынче-же кончимъ это дѣло.

— Прекрасно, вотъ вы, наконецъ, стали разсудительны... и я остаюсь съ вами.

— Нѣтъ... я не хочу этого. Вы больны, побѣжайте прогуляться, я буду работать усерднѣе, зная, что вы хоть нѣсколько развлечены.

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія.

Леона оставила мужа. Когда она садилась въ карету, ея вѣрная горничная, мнимая глухо-нѣмая, никогда ее не оставлявшая, спросила ее:

— Чтѣ-же? Обѣдъ состоялся?

— Г. де-Шаммортенъ покупаетъ право входа.

— А баринъ бѣсится по-прежнему?

Леона улыбулась съ презрительнымъ сожалѣніемъ.

— Нѣтъ, сказала она: бѣдняжка не можетъ больше сердиться.

Леона была права; нѣсколькихъ лѣтъ было ей довольно для того, чтобы разбить эту горячую, упорную, сильную натуру. Она свела его честолюбіе съ высоты славы до мелочности спекуляцій, она утомила его энергію, заставляя ее гнаться за богатствомъ и покоемъ, которыхъ никогда не было суждено ему достигнуть, потому-что, благодаря роскоши, царствовавшей въ домѣ, нужды раждались вслѣдъ за самыми отчаянными усиліями. Она сдѣлала хуже: она погубила, въ этой непрерывной борьбѣ, честность артиста, она втокнула его въ неисходный лабиринтъ сомнительныхъ дѣлъ и положеній, которыя иногда прощаются таланту, но всегда влекутъ за собою безпокойства, заботы и, въ особенности, недобольство самимъ-собою.

Одно только пережило въ Амабѣ это нечувствительно-совершившееся паденіе... любовь къ прекрасному, любовь, которая составляла весь его гений. Но и отъ этого культа должно было отказаться, ибо Амабъ не имѣлъ мужества прогнать торжниковъ изъ храма; онъ съ отчаяніемъ видѣлъ, какъ его талантъ тратился на произведенія, которыхъ не уважалъ самъ онъ, хотя ему за нихъ платили дорого. Въместо того, чтобы быть однимъ изъ людей, на которыхъ цѣлая страна обращаетъ очи въ ожиданіи, онъ сдѣлался однимъ изъ модныхъ артистовъ. Итакъ, единственное чувство, оставшееся въ сильной натурѣ артиста, было для него несчастіемъ и страданіемъ.

Онъ остался одинъ, за работою — но это видимое примиреніе не возвратило его сердцу энергіи. Амабъ высказалъ не весь свой гнѣвъ, не все подозрѣніе, не все отчаяніе. Въ числѣ горестей, которыя онъ испыталъ по пріѣздѣ въ эту сторону, былъ родъ изгнанія, которымъ онъ былъ пораженъ. Онъ не сомнѣвался, что г. де-Монталѣ виновникъ этого, но уже не имѣлъ въ себѣ довольно энергіи, чтобы потребовать отчета, и выносилъ съ бессильнымъ гнѣвомъ тѣнь неуваженія, которую бросилъ на него бракъ съ женщиною, слишкомъ извѣстною, не зная, что есть люди, которыхъ имя можетъ закрыть все прошедшее женщины, если они только заставятъ женщину быть достойною этого имени.

III.

ДВА СЕМЕЙСТВА ВЪ ЗАМКѢ

Это было въ залѣ, обитой зелеными обоями, съ фантастическими птицами, съ бѣлою позолоченною мебелью. Г. де Рюджанъ, въ шлафрокѣ, лежалъ на бержерѣ, съ гребнемъ въ рукахъ; онъ заботливо причесывалъ остатки волосъ, сохранившіеся отъ бурь волокитетвъ и страстей. Онъ, казалось, не слыхалъ болѣе чѣмъ одушевленнаго разговора между своей дражайшей супругой и своимъ зятемъ, г. де Шаммортенемъ. Г-жа де-Рюджанъ, съ журналомъ въ рукахъ, съ очками на носу, сидѣла на стулѣ прямо; въ чертахъ ея выражалось слишкомъ-явное разстройство. Шаммортенъ, человѣкъ лѣтъ сорока, съ манерами высшаго тона, ходилъ взадъ и впередъ, съ худоскрываемымъ нетерпѣніемъ, [а прекрасная, бѣлокурая Сильвія, его жена, не поднимала глазъ съ шитья.

— Этого не будетъ, сударь, этого не будетъ — говорила г-жа де Рюджанъ, сухимъ и рѣзкимъ тономъ.

— И очень дурно, сударыня, отвѣчалъ ей Шаммортенъ, подражая тону своей тѣщи.

— Я не шлю приглашенія къ г. и г-жѣ Амабъ; вы можете видѣть подобнаго роду людей у нихъ, и у себя даже, если это угодно моей дочери, но пога ихъ у меня не будетъ. Я думаю, это тоже и ваше мнѣніе, Аннибалъ? прибавила она, оборачиваясь къ мужу.

— Гм! Гм! — сказалъ тотъ, неожиданно остановленный среди своего занятія: гм! они сосѣди.

— Скотникъ тоже нашъ сосѣдъ, — что-же вы его не приглашаете? У васъ иногда бываютъ странные отвѣты, Аннибалъ!

— Но, сударыня, началъ опять Шаммортенъ: г. Амабъ человѣкъ самого лучшаго общества, котораго я встрѣчалъ во всѣхъ парижскихъ салонахъ. Онъ бываетъ у короля.

— У какого короля? вскричала г-жа де Рюджанъ, голосомъ разсерженнаго попугая.

— Эхъ, сударыня, сказалъ Шаммортенъ, неужели вамъ опять угодно начать споръ объ этомъ предметѣ? Я знаю, что

вы также не хотѣли признавать Людовика-Филиппа, какъ вашъ батюшка не признавалъ Наполеона.

— Что вы хотите сказать? вскричала г-жа де Рюджанъ, быстро снимая очки.... Что вы хотите сказать? Аннибалъ, это оскорбленіе памяти моего отца, погибшаго жертвой тиранніи Бонапарта. Аннибалъ, что же вы не отвѣчаете?

— Гм! гм! — сказалъ г. де Рюджанъ, слегка почесывая носъ: мнѣ кажется, г. де Шаммортенъ не сказалъ ничего противнаго политическимъ убѣжденіямъ покойнаго г. фонъ-Мейдена.

— Умоляю васъ, сказалъ Шаммортенъ: оставьте королей и мертвыхъ въ покоѣ. Въ послѣдній разъ я васъ прошу пригласить г. и г-жу Амабъ.

— Въ послѣдній разъ я вамъ отказываю въ вашей просьбѣ.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, сказалъ Шаммортенъ, я прошу у васъ чести поговорить съ вами пединѣ.

— Сколько вамъ угодно, сударь, отвѣчала сухо г-жа де Рюджанъ.

— Позвольте-ли вы, Сильви...

Г-жа де Шаммортенъ наклонила голову, и оставила салонъ, не сказавши ни слова, пока г. де Рюджанъ, подошедши къ Шаммортену, сказалъ ему:

— Вы ничего не добьетесь, мой милый, — она никогда не могла выносить въ своемъ салонѣ присутствія хорошенькой женщины.

— Что вы тамъ говорите о хорошенькихъ женщинахъ? сказала съ досадою г-жа де Рюджанъ.

— Вы обослышались, милая Артемиза, — сказалъ г. де Рюджанъ, встревоженный вопросомъ, и принимая покорный тонъ, — я говорилъ объ васъ.

— Очень-благодарна, отвѣчала г-жа де Рюджанъ, горько улыбувшись: я вижу, что г-жа Амабъ очень-близка къ вашему сердцу. Мужчинамъ нравятся только подобныя твари.

— Сударыня, съ живостью возразилъ Шаммортенъ: умѣрьте ваши выраженія.

— Шаммортенъ правъ, замѣтилъ г. де Рюджанъ: — въ-самомъ-дѣлѣ, это прекрасная женщина.

— А развѣ вы ее знаете, Аннибалъ? спросила Артемиза съ сердитымъ взглядомъ.

— Встрѣчаясь съ нею, я ей кланяюсь, и она мнѣ улыбается, вотъ и все, и — Аннибалъ вышелъ, насвистывая арію.

Шаммортепъ не могъ удержаться, чтобъ не пожать плечами, когда г-жа де-Рюджанъ шептала про себя:

— Онъ меня обманываетъ, я увѣрена, что онъ меня обманываетъ.

— Ну, добрая маменька, сказалъ Шаммортепъ, оставшись наединѣ съ тѣщею: поговоримте по-дружески.

— Анвиваль за это заплатится, продолжала г-жа де-Рюджанъ, не слушая зятя.

— О г. де-Рюджанъ здѣсь нѣтъ и помини.

— Онъ вѣтренникъ, сударь; да, слово это еще не совсѣмъ-сильно, сказала старая супруга слезливымъ тономъ: — и вы, видя все, что я терплю отъ его вѣтренности, вы хотите вводить въ мой домъ женщину, отъ которой у него и такъ уже кружится голова.

— Если вы боитесь г-жи Амабъ, потому только, что она прекрасна, то какъ-же вы приглашаете г-жу де-Монрионъ, которая не хуже ея.

— Позвольте, позвольте, любезный зять, — г-жа де-Монрионъ защищена отъ обольщеній своей добродѣтью, когда ваша г-жа Амабъ приобрѣла себѣ очень-скандальную репутацію.

— Да, на нее много клеветуютъ, и между нами, если-бы она хотѣла завести интригу, то ужъ, конечно, не съ г. де Рюджанъ.

— Почему же это, позвольте узнать? съ живостью возразила г-жа де-Рюджанъ.

— Ему, кажется, семьдесятъ лѣтъ?

— Но онъ, кажется, не старше многихъ сорока-лѣтнихъ, отвѣчала Артемиза, значительно напирая на послѣднія слова.

Шаммортепъ закусилъ губу, но продолжалъ.

— Я отвѣчаю вамъ, что добродѣтель г-жи Амабъ защищаетъ еще отъ семидесятилѣтнихъ прелестей вашего супруга.

— У него двѣсти тысячъ дохода, любезный зять, и это имѣнiе, которое нѣкогда будетъ ваше — самая лучшая рекомендація для такихъ тварей.

Шаммортепъ поблѣднѣлъ; онъ тѣмъ болѣе былъ униженъ, что не могъ не признаться внутренно въ справедливости этого замѣчанія, но онъ удержался и сказалъ:

— Вы не заставите меня, добрая маменька, прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ. Прошу васъ, поймите меня хорошенько и пригласите г. и г-жу Амабъ.

Г-жа де-Рюджанъ посмотрѣла на своего зятя.

— Извините, г. де Шаммортеъ, но такая настойчивость можетъ меня заставить думать, что вы сами...

— Такъ-то? отвѣчалъ Шаммортеъ, сухимъ тономъ. Ну, такъ я начну: Однажды, когда у меня обѣдалъ кардиналъ де....

— Опять, сударь, вскричала г-жа де Рюджанъ съ ужасомъ: опять эта гнусная исторія... и вы смѣете мнѣ ее рассказывать.

— И, клянусь честію, расскажу ее при людяхъ въ салонѣ, если вы будете продолжать мнѣ отказывать.

Г-жа де Рюджанъ опустила голову и вздохнула трижды.

— Вы неблагородны, любезный зять.

— Вы несколько неснисходительны, добрая маменька.

— Ну такъ эти люди будутъ приглашены.

— И не будетъ сказано ни одного слова, которое могло-бы дать Сильви другія понятія о вещахъ.

— Прекрасно! но умоляю васъ, чтобы я въ послѣдній разъ слышала объ этомъ ужасномъ воспоминаніи.

— Въ послѣдній, если вамъ угодно.

Черезъ минуту потомъ Шаммортеъ догналъ жену и тестя въ паркѣ.

— Ну! вскричалъ г. де Рюджанъ.

— Я съ ней сладилъ.

— Итакъ, мы торжествуемъ, сказалъ старый дворянинъ съ радостью. Холодный и строгій взглядъ дочери остановилъ его.

— Я хочу сказать, вы торжествуете, — поправился г. де Рюджанъ.

Насмѣшливая, и презрительная улыбка г-жи де-Шаммортеъ опять пояснила ему, что онъ сказалъ не въ-попадъ.

— Я хочу сказать, что жена моя, наконецъ, уступаетъ...

— Я тотчасъ-же отправлю письмо, сказалъ Шаммортеъ.

— Я такъ была увѣрена въ успѣхѣхъ вашемъ, что уже послала его, сказала Сильви сухимъ тономъ.

— Вы всегда милы, отвѣчалъ ей мужъ, съ самымъ довольнымъ видомъ.

— Нужно-бы извиниться въ томъ, что приглашаютъ такъ поздно, сказалъ г. де Рюджанъ.

— Г. де Шаммортеъ постарается насъ извинить, сказала Сильви, потому-что онъ, кажется, обѣдаетъ сегодня у г. Амаба.

— Ба! съ удивленіемъ замѣтилъ г. де Рюджанъ.

— Да, отвѣчалъ Шаммортеъ небрежно: я и забудь вамъ объ этомъ сказать.

Вы ошибаетесь, холодно сказала Сильви: вы мнѣ говорили.

— Я?...

— Да, вы сударь, потому-что вы неспособны нарушить долгъ почтенія въ отношеніи къ моей матери и къ моему отцу, уѣхавши изъ дому и не предупредивши объ этомъ. Я виновата, что забыла сказать имъ.

Все это было сказано тономъ сухимъ и строгимъ, и тотчасъ-же г-жа де Шаммортевъ ушла.

— Откуда она это знаетъ, чортъ возьми? сказалъ Шаммортевъ: я увѣренъ, что не говорилъ ей ни слова.

— Жены знаютъ все, отвѣчалъ г. де Рюджанъ... моя, на-примѣръ.... Нынче, я едва произнесъ имя г-жи Амабъ — чуть не произошла сцена! Нѣтъ возможности вести ни какой интриги съ такими ревнивицами!

Продолжая слушать болтовню тестя, Шаммортевъ дошелъ до калитки парка.

— Вы идете? сказааъ г. де Рюджанъ.

— Да, я отяжелѣлъ: хочется пройтись немного.

— Но вы кажется ѣдете; я вижу за кустомъ вашего грума съ лошадьми.

— Право? ну такъ я этимъ воспользуюсь, и вмѣсто прогулки пѣшкомъ, проѣду, можетъ-быть, къ виконту Гектору де-Монтаё, котораго я сегодня представляю Леонъ.

При этомъ имени, г. де Рюджанъ поднялъ на зятя испуганный взглядъ.

— По этому, продолжалъ Шаммортевъ, я, вѣроятно, не буду къ обѣду и возвращусь поздно ночью.

Г. де Рюджанъ не спускалъ глазъ съ своего зятя.

— Леона, сказали вы, Леона? Но послушайте, г. де Шаммортевъ, ужъ вы не обманываете-ли мою дочь?

— Я! обманывать мою жену! отвѣчалъ Шаммортевъ насмѣшливымъ тономъ. Это дѣлали только мужа вашихъ временъ, потому-что вы-же сами говорили мнѣ нѣсколько разъ: — нынче не умѣютъ вовсе жить, нынче никого не обманываютъ.

— Берегитесь, Шаммортевъ, сказалъ г. де Рюджанъ, принимая на себя воинственный видъ: если это правда, если вы обманываете Сильви, я за нее отомщу.

— Не трудитесь по-напрасну.

— Все-таки берегитесь, продолжалъ г. де Рюджанъ; я у васъ отобью Леону.

Крикъ дикой кошки раздался за калиткою парка. Шаммортенъ сѣлъ на лошадь со смѣхомъ, г. де Рюджанъ очутился передъ своей Артемизой. Черезъ минуту потомъ Шаммортенъ остановилъ лошадь у Лаворданнской фермы, куда невзвѣстный слуга велъ пару отличной породы лошадей. Шаммортенъ, какъ знатокъ, хотѣлъ сѣзъать и освѣдомиться, не принадлежитъ-ли эта пара Бриктору, который торговалъ лошадьми, какъ вдругъ карета появилась вдали и въѣхала въ лѣсъ. Шаммортенъ тотчасъ-же поскакалъ за нею.

НА ФЕРМѢ.

Леда только что вошла въ большую залу фермы, залу, которую Брикоръ убралъ для своей супруги обоими и занавѣсами изъ краснаго коленкора. Брикоръ сидѣлъ за столомъ, на которомъ стояли двѣ бутылки и два стакана; одна изъ бутылокъ была уже пуста; противъ него сидѣлъ Али-Мулей, слуга или, лучше, солдатъ полковника Томаса Рьенъ. Когда Леда вошла, она была блѣдна, взволнована и дрожала. Она сбросила съ себя маленькую суконную мантилью и, вѣроятно, прошла-бы черезъ залу не останавливаясь, если-бы мужъ ея не вскричалъ самымъ веселымъ тономъ.

— Леда! — чудесная, славная новость! Мой полковникъ, полковникъ Томасъ, приѣхалъ сюда и прислалъ съ чемоданами Али-Мулея, моего стараго товарища.

— А! сказала Леда, съ разсѣяннымъ видомъ: вашъ полковникъ приѣхалъ, тѣмъ лучше для васъ.

— Но что всего лучше-то, Леда, такъ то, что онъ вовсе не мнѣждомъ, онъ приѣхалъ нарочно ко мнѣ. Чортъ возьми! знаешь-ли Али, я за эту новость отдалъ-бы свою правую руку, хоть, правду сказать, она вовсе ни къ чему негодна послѣ сабельнаго удара, и я не могу даже писать.

Пока онъ говорилъ, Али-Мулей всталъ и, держа въ рукахъ стаканъ, обратился къ фермершѣ.

— Не для того, чтобы пить, а только за ваше здоровье!

— Благодарю, сударь, сухо сказала Леда.

— Хозяйка встала, кажется, съ постели лѣвой ногою, сказалъ Али, садясь опять подлѣ Брикора.

— Вѣрно, она дурно спала, сказалъ тотъ тихимъ голосомъ; или, можетъ-быть, разстроена первами.

Али взглянулъ на Брикора съ выразительной гримасой, и разомъ осушилъ свой стаканъ.

Леда сѣла въ уголь; во взглядѣ ея было что-то мутное; все ея тѣло дрожало. Мужъ ея, веселый и гордый отъ приѣзда своего полковника, не замѣтилъ этого волненія и подошелъ къ ней.

— Леда, сказалъ онъ ей: я имѣю къ тебѣ одну просьбу; приѣхалъ полковникъ, и ты знаешь, что только одна твоя комната порядочна убрана въ нашемъ домѣ. Нельзя-ли ее уступить ему на нѣсколько времени?

— Мою комнату? отвѣчала она: вы просите у меня моей комнаты.

— Да.

— О! — сказала она, быстро вставая: вы можете взять и ее, остальныя.

Али смотрѣлъ на мужа и жену и шепталъ про себя.

— Разстройство нервъ... бѣдный Брикоръ!

— Но ты не разсердилась-ли? сказалъ Брикоръ: о! вѣдь полковникъ не прихотливъ: въ Африкѣ мы съ нимъ спали и на голой землѣ, — я дамъ ему другую комнату.

— Я вамъ говорю, что вы можете взять мою, возразила Леда.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Али Брикору: сведи меня въ комнату, чтобы я могъ приготовить тамъ все, какъ нужно.

— Миѣ нужно кое-что убрать въ этой комнатѣ, проговорила Леда: черезъ часъ, она будетъ къ вашимъ услугамъ.

Она тотчасъ-же вышла. Али-Мудей сѣлъ на свое мѣсто и наполнилъ себѣ стаканъ вина. Брикоръ, недовольный и сконфуженный, сѣлъ подлѣ него.

— Она больна уже нѣсколько времени, сказалъ онъ: но чудесная женщина!... такъ образована, такъ умна.

— А дѣла-то идутъ хорошо, кажется, замѣтилъ Али: ферма славная.

— Впрочемъ, продолжалъ Брикоръ: если для нея будетъ непріятно оставить свою комнату, полковнику будетъ недурно и въ моей.

Али опять взглянулъ на Брикора и сказалъ:

— Ну, а лошади? Какъ идетъ торговля?

— Съ Ледой рѣшительно случилось что-то необыкновенное, сказалъ Брикоръ вставая: надобно мнѣ съ ней поговорить — подожди минуту.

Онъ вышелъ, и Али-Мулей скоро услышалъ стукъ въ дверь, которая не отворялась. Брикоръ звалъ Леду, она не отвѣчала; онъ просилъ, но безъ-успѣха, казалось, разсердился, но скоро успокоился и, наконецъ, получилъ отъ Леды отвѣтъ, что она проситъ оставить ее на минуту въ покоѣ. Мулей, который внимательно слушалъ, разразился наконецъ страшною бранью и выраженіями презрѣнія, которыя въ переводѣ на благопристойный языкъ значили:

— Дурачина, фитюкъ, — если-бы у меня была такая жена, я бы ей переломалъ кости!

Брикоръ возвратился во-время этого грознаго монолога.

— Что ты? спросилъ онъ.

— Ничего, я думалъ о красавицахъ жидовкахъ улицы Бабъ-Азунъ.

— Моя жена тотчасъ возвратится, сказалъ Брикоръ съ тяжелымъ вздохомъ.

Два пріятеля сѣли опять за столъ, и съ минуту молчали, Брикоръ съ сердцемъ переполненнымъ и готовый къ полной довѣрчивости при малѣйшемъ вопросѣ, — Али-Мулей, твердо рѣшившійся не сказать ни одного слова, которое повело-бы за собою подобную довѣренность. Оба были въ неловкомъ положеніи, но изъ него вывело ихъ явленіе новаго лица.

Колоссъ, который вошелъ въ эту минуту, разразился смѣхомъ, и подошелъ къ столу съ словами:

— Чортъ возьми! я былъ увѣренъ, Брикоръ, что найду тебя за стаканомъ, потому-что не встрѣтилъ въ полѣ, откуда принесъ тебѣ славную новость. Попино открылъ вчера въ Лушскомъ за-лѣсѣ кабана: надобно подать его завтра-же, если только господинъ твой позволитъ намъ охотиться въ его лѣсахъ; я слышалъ вчера отъ Лалуэта, моего добъжачаго, что Монтеклень важничаетъ. Но кого чорта хочетъ онъ дѣлать, этотъ Парижанинъ? Онъ за тридцать шаговъ не попадетъ въ двери Отѣнскаго собора.

— Я этого не слышалъ, отвѣчалъ Брикоръ: но во всякомъ случаѣ поговорю нынче съ г. маркизомъ. Онъ сказалъ, что будетъ на фермѣ для сведенія счетовъ.

— А! сказалъ виконтъ Гекторъ де-Монталѣ: должно-быть, это я и видѣлъ, еще съ другимъ, въ каретѣ Бриаса.

— Это должно быть полковникъ, сказалъ Али-Мулей: потому что я оставилъ его у г. Бриаса, который взялся проводить его сюда.

— Мой полковникъ! мой полковникъ! вскричалъ Брикоръ, котораго имя это заставило позабыть и о досадѣ Леды и о присутствіи Монталэ: я побѣгу къ нему на-встрѣчу, прибавилъ онъ, выходя изъ комнаты.

— Что это за полковникъ? сказалъ Гекторъ, оставшись одинъ съ Мульемъ.

— Мой полковникъ, отвѣчалъ тотъ, уставяя бутылки и стаканы, стоявшіе на столѣ.

— Да имя-то его? сказалъ Гекторъ, хватаясь за бутылку, которая не вовсе еще была пуста, и выливая ее въ стаканъ, который онъ взялъ въ буфетъ, какъ человекъ, привыкшій къ дому Брикора.

Али-Мулей вытанулся, взглянулъ прямо въ лицо огромному виконту и отвѣчалъ съ напыщенностью.

— Онъ называется полковникъ Томасъ Рьенъ.

— Вотъ странное имя, сказалъ Гекторъ, поставивши стаканъ и поворотившись на каблукахъ, вовсе, кажется, непораженный важностью лица, о которомъ говорили ему такъ торжественно. Тотчасъ-же за симъ онъ оставилъ залу и пошелъ къ комнатѣ, куда заперлась Леда и куда тщетно стучался Брикоръ.

Способъ, которымъ Гекторъ далъ знать о своемъ присутствіи, вѣроятно, былъ лучше, потому-что дверь отворилась въ ту-же минуту и непосредственно за тѣмъ заперлась. Али-Мулей взошелъ на двѣ ступеньки, которыя вели къ ней, съ явнымъ намѣреніемъ подслушивать, но тотчасъ-же возвратился назадъ и пробормоталъ по своему обыкновенію.

— У жены разстройство нервъ... у мужа и у нея особенныя комнаты, комната барыни не отворяется для мужа, а отворяется для другаго, когда мужа нѣтъ дома. Есть здѣсь чему понаучиться... но у меня нѣтъ на это ордера...

Онъ вынулъ кремень и огниво, и закуривъ трубку, которую набилъ въ то время, когда Монталэ говорилъ съ Брикоромъ, пошелъ посмотрѣть, ѣдятъ-ли Могадоръ и Пенни. Если-бы Али-Мулей былъ менѣе скроменъ, онъ могъ-бы слышать и понять слѣдующій разговоръ между огромнымъ Гекторомъ и красною Ледой.

— Я васъ ждала два часа, сказала она.

— Что дѣлать? небрежно отвѣчалъ Гекторъ: я заговорился съ Лалуэтомъ о кабанѣ.

— Для котораго вы меня забыли?

— Вы очень-хорошо видите, что нѣтъ, грубо отвѣчалъ Гекторъ: потому что я пришелъ.

— И можете уйти, потому-что мой мужъ возвращается.

Гекторъ вышелъ; онъ возвратился въ залу въ ту самую минуту, когда туда вошли Бриасъ, съ полковникомъ и съ молодымъ человѣкомъ, высокаго роста, чудной красоты и съ превосходными манерами: то былъ Монтекленъ.

— А! вскричалъ Бриасъ: вотъ и царь лѣсовъ, Гекторъ де-Монталё, котораго имѣю честь вамъ представить, полковникъ!... Г. полковникъ Томасъ Рьенъ, одинъ изъ моихъ добрыхъ друзей, котораго представляю вамъ въ свою очередь.

Полковникъ холодно поклонился Гектору, взглянувъ на него довольно-презрительно. Гекторъ съ своей стороны едва поклонился, и оба они сказали про себя:

«Вотъ животное, которое мнѣ-бы хотѣлось проучить.»

«Вотъ рубака, который мнѣ рѣшительно не нравится.»

Монтекленъ у дверей разговаривалъ съ виконтомъ, Монталё подошелъ къ нимъ, а Бриасъ сказалъ Томасу:

— Что скажете вы о нашемъ Нямвродѣ?

— Что это — животное?

— Говорилъ-ли вамъ Брикоръ о нашей завтрашней охотѣ? сказалъ Гекторъ Монтеклену.

— Говорилъ, но я не соглашаюсь.

— Какъ! сказалъ Гекторъ: вы не соглашаетесь!

— Рѣшительно и совершенно, сказалъ Монтекленъ, входя въ залу и говоря самымъ тихимъ и равнодушнымъ тономъ.

— Знаете-ли, Монтекленъ, что вы вовсе не любезны?

— За-чѣмъ мнѣ быть любезнымъ съ вами, мой милый Гекторъ?.. Мнѣ хотѣлось быть депутатомъ и членомъ Общаго Совѣта, — вы могли доставить мнѣ свой голосъ и голоса вашихъ друзей, но вы думали, что лучше слѣдовать внушеніямъ вашего дяди, который напалъ на меня умнѣе, чѣмъ я думалъ; вы подавали голосъ за моего соперника, и я вамъ не сдѣлалъ никакого упрека. Нынче вы имѣете ко мнѣ просьбу, и я на нее не соглашаюсь.

— Все одна исторія, сказалъ Гекторъ: и что за манія у васъ быть депутатомъ?

— Занятіе, какъ всякое другое, отвѣчалъ Монтекленъ: — мнѣ это было тоже, что вамъ десятирогій олень; вы не хотѣли до-

ставить мнѣ этого удовольствія, ну, и я также не хочу; кажется, это довольно-справедливо?

— Хорошо, хорошо, возразилъ Гекторъ: мы послѣ поговоримъ объ этомъ. Теперь же, господа, прощайте, потому что надобно же заняться немного туалетомъ для этой дамы, которой вы хотите меня представить, Бриасъ.

— Вы найдете насъ у нея, отвѣчалъ тотъ: употребите все средства вашего кокетства, мой милый Троянецъ; вы будете имѣть дѣло съ женщиной, которая знаетъ толкъ въ изяществѣ и красотѣ. Вотъ кокетка, которая васъ достойна.

— Чортъ ее возьми, сказалъ Монтале, пожимая плечами: если-бъ это было не для извѣстной вамъ дѣли, клянусь вамъ, я никогда-бы не поѣхалъ къ этой львицѣ, какъ вы ее называете.

Только-что Монтале окончилъ эту фразу, Али-Мулей вошелъ въ комнату.

При этомъ словѣ: львица — онъ остановился и вскричалъ съ гасконскимъ выговоромъ, еще болѣе обыкновеннаго замѣтнымъ.

— *Ventre-dieu!* развѣ въ этой сторонѣ есть львица?

— Какъ же! со смѣхомъ отвѣчалъ Моктекленъ.

— Въ такомъ-случаѣ, одолжи мнѣ свое ружье, Брикоръ, и если я въ три дни не избавлю отъ нея вашу страну, пусть я буду не Али-Мулей.

— А тебѣ случилось убивать львицъ? спросилъ Монтале.

— Нѣтъ, сказалъ Али-Мулей, но я убилъ четырехъ львовъ, которые были велики и толсты, какъ вы; — то-то мнѣ и хочется убить хоть одну львицу.

— Правда-ли это? спросилъ Монтале, смотря на полковника и на Моктеклена.

— Какъ, правда-ли? сказалъ Али-Мулей, съ видомъ оскорбленнаго достоинства.

— Ну, довольно, прервалъ его полковникъ: ступай и приготовь мнѣ одѣваться.

— Надобно узнать только, отвѣчалъ Али-Мулей, готова-ли комната.

— Вы можете идти туда, когда угодно, отвѣчала Леда, являясь неожиданно.

— Жена моя, полковникъ, — сказалъ Брикоръ: жена моя. Если она не вышла къ вамъ на встрѣчу, то потому только, что готовил все къ вашему принятію. Ну! зачѣмъ-же вы ей такъ кланяетесь? Обнимите ее, пожалуйста.

Не-смотря на рекомендацію Брикора, Томасъ удовольствовался

тѣмъ, что поклонился Ледъ съ холодною учтивостью, когда Гекторъ де Монталё съ гнѣвомъ смотрѣлъ на него и на Брикора.

Ему не нравились слова, — но, вѣроятно, еще болѣе не понравился отказъ гостя, потому-что онъ ушелъ тотчасъ-же, прошептавши про себя: Дерзкій!

Полковникъ пошелъ за своимъ слугою въ комнату, которую ему приготовили, а Брикоръ увелъ жену, чтобы она прочла ему нѣкоторыя бумаги, принесенныя Монтекленомъ, такъ, что этотъ послѣдній остался на-единѣ съ Бриасомъ.

— Какимъ это образомъ, сказалъ Монтекленъ: вы — человекъ ученый, въ дружбѣ съ этимъ дикимъ скотомъ Монталё?

— Что-жъ дѣлать, мой милый Монтекленъ? Я не въ такомъ положеніи, чтобы, какъ вы, сдѣлать изъ него себѣ врага.

— До, что, вы должны что-ли ему? спросилъ Монтекленъ.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Бриасъ: и признаюсь вамъ, ему менѣе всѣхъ другихъ хотѣлъ-бы я быть долженъ.

— Сколько вамъ нужно для устройства вашихъ дѣлъ? сказалъ Монтекленъ.

Бриасъ, казалось, думалъ и отвѣчалъ потомъ своимъ обыкновеннымъ вѣтреннымъ тономъ.

— Благодарю васъ, Монтекленъ, — но я буду квитъ съ Монталё, не беспокойтесь.

— Вы что-нибудь противъ него замышляете?

— Нисколько. Я объявляю вамъ, говоря его языкомъ, что буду гнаться за звѣремъ только тогда, когда онъ его упуститъ.

— Ахъ, да! сказалъ Монтекленъ, взглянувъ на Бриаса съ насмѣшливымъ видомъ: стало-быть, эта Жюли де Монрионъ, удивительная очаровательница?

— По какому поводу, сказалъ съ досадою Бриасъ: говорите вы о ней?

— Потому-что я знаю вашъ планъ заранее, отвѣчалъ Монтекленъ: вы займете тысячь сто франковъ у Монталё, этимъ приведете въ порядокъ свои дѣла, успокоите министра, и такъ какъ, выключая вашу манию дѣлать долги, вы одинъ изъ лучшихъ дипломатовъ, то вы получите обѣщанное вамъ мѣсто. И тотчасъ-же все это вы положите къ ногамъ г-на де Монталё; для того, чтобы онъ, въ свою очередь, предложилъ это г-жѣ де Монрионъ, мѣщанскому тщеславію которой будетъ очень-пріятно быть женой министра и посланника. Такимъ-образомъ, вы за-разъ купите и красавицу, и наслѣдство на деньги влюбленного на слѣдника. Дипломатія очень милая.

— Чортъ васъ возьми, съ вашими предположеніями! сказалъ Бріасъ: Надѣюсь, что вы ни слова не скажете объ этомъ при Монталѣ:

— Я разеказываю секреты другихъ только имъ самимъ; вы же не всегда это дѣлаете.

— Почему вы это мнѣ говорите?

— По-поводу Брикора. Полковникъ, на дорогѣ сюда, спрашивалъ меня объ этомъ честномъ-маломъ и, не смотря на всю его осторожность, я понялъ, что вы ему открыли кое-какіе...

— А! сказалъ Бріасъ: подобнаго рода люди...

— Подобнаго рода люди, возразилъ Монтекленъ сухо: имѣютъ привычку убивать людей, которые ихъ безчестятъ.

— Я не вижу большаго несчастія въ томъ, чтобы нашъ Гекторъ былъ убитъ новымъ Менелаемъ.

— Если вамъ нравится, чтобы Менелай убивали Парисовъ, разумѣется тутъ и говорить нечего.

Бріасъ закусилъ губу.

— Послушайте, Бріасъ, началъ опять Монтекленъ: — здѣсь произойдетъ нѣчто страшное.

— Что же такое? спросилъ Бріасъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Монтекленъ: но я въ этомъ увѣренъ.

— Почему это?

— Потому, что чортъ здѣсь.

Бріасъ захохоталъ.

— Кому же, спросилъ онъ: придаете вы это страшное имя?

Прежде чѣмъ Монтекленъ успѣлъ отвѣтить, полковникъ Томасъ вышелъ и сказалъ.

— Я готовъ, сударь, и если вамъ угодно, мы отправимся къ прекрасной г-жѣ Амабъ.

Его появленіе, какъ-бы замѣнившее отвѣтъ, котораго Монтекленъ не успѣлъ сдѣлать, живо поразило Бріаса, который не могъ удержаться отъ-того, чтобы внимательно не посмотрѣть на полковника, и было-ли въ лицѣ Томаса Рьена выраженіе, до-сихъ-поръ незамѣченное молодымъ дипломатомъ, или дѣйствовало въ этомъ случаѣ его воображеніе, но онъ открылъ въ этомъ лицѣ что-то роковое и сатанинское.

— Ну, такъ отправляйтесь, сказалъ Монтекленъ: и хотя еще очень рано, но, вѣроятно, мы прѣдемъ не первые.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

Когда они пріѣхали къ Амабу, имъ сказали, что Леона еще за туалетомъ, но въ тоже время предувѣдомили, что Викторъ въ мастерской.

— Пойдемте взглянуть, полковникъ, сказалъ Монтеклиенъ: этотъ Амабъ человекъ съ большимъ талантомъ. И право, мнѣ ужасно видѣть, какъ этотъ человекъ тратитъ изъ-за денегъ талантъ самый замѣчательный и самый серьезный въ наше время, — человекъ, на котораго надѣялся, и который не создастъ никогда ничего полного, не создастъ, отъ-того, что не понимаетъ, что искусство артиста, какъ искусство солдата — одна слава.

Бріасъ замѣтилъ, что Томасъ не отвѣчалъ, и что въ чертахъ его едва замѣтно выразилось движеніе гнѣва.

— О! о! сказалъ самъ-себѣ Бріасъ: ужъ и этотъ не гонятся ли за приданымъ или наслѣдствомъ? Не еще-ли соперникъ? Посмотримъ!

Когда они вошли въ мастерскую Амаба, то нашли его съ Шаммортенемъ, который, сказавъ нѣсколько обыкновенныхъ привѣтствій, и представивъ полковника, съ веселымъ видомъ объявилъ имъ, что наконецъ купилъ у г. Амаба четыре картины, которые были въ его мастерской.

Шутка Леоны удалась.

Амабъ казался не такъ счастливъ отъ этого, какъ г. Шаммортенъ. Послѣ всего, что произошло между Амабомъ и его женой, Викторъ долго былъ занятъ мыслию, какъ навести разговоръ на эти картины, и былъ не мало удивленъ, когда Шаммортенъ тотчасъ-же по пріѣздѣ вошелъ въ мастерскую, пришелъ въ восторгъ отъ картинъ, и снова предложилъ ему продать ихъ, хотя въ этомъ ему уже нѣсколько разъ было отказано.

Амабъ холодно слушалъ поздравленія и похвалы своему таланту.... Черезъ минуту потомъ доложили, что г-жа Амабъ ждетъ гостей въ салонѣ съ г. Гекторомъ де-Монталё, который уже пріѣхалъ, и который былъ принужденъ представиться самъ.

— Ну, сказалъ Бріасъ: я очень радъ этому; еслибъ мнѣ на-

добно было представить за-разъ Монталё и полковника, я-бы былъ въ очень-затруднительномъ положеніи. Представь я полковника на одной ногѣ съ Монталё, мой другъ, Томасъ, въ-правѣ былъ-бы разсердиться, — а скажи я о каждомъ изъ нихъ то, что я думаю, вѣроятно, Гекторъ остался бы не очень-доволенъ.

Всѣ сошли визитъ, и Бриасъ представилъ полковника.

— Довольно одного имени полковника, сказала Леона, для того, чтобы онъ былъ принятъ прекрасно всякимъ, кто неравнодушенъ къ молодымъ славнымъ именамъ нашей эпохи, и я благодарю г. де-Бриаса, что онъ представилъ полковника мнѣ прежде, чѣмъ другимъ. Надѣюсь, онъ не забудетъ, что мы будемъ имѣть право на его визиты, даже по одной давности.

— Сударыня, отвѣчалъ ей Томасъ съ самымъ граціознымъ видомъ: давность существуетъ только для тѣхъ, у кого нѣтъ другихъ правъ, и я желаю чего-нибудь болѣе положительнаго для позволенія являться къ вамъ часто.

Леона и полковникъ какъ-то странно обмѣнялись взглядами. Бриасъ замѣтилъ это и оборотился къ Монтеклену, который предупредилъ его, сказавъ ему тихо:

— Бриасъ, посмотрите хорошенько на это облако, которое чуть-чуть виднѣется на горизонтѣ; мнѣ кажется, это облако — предвѣстіе борьбы, крови, пожаровъ, всѣхъ несчастій вмѣстѣ.

— Но гдѣ-же оно? спросилъ Бриасъ.

— О! отвѣчалъ Монтекленъ: теперь уже поздно, — вѣтеръ совершенно перемѣнился, нушенъ слишкомъ-быстрый взглядъ, чтобы ловить эти предвѣстія, которыя иногда бросаетъ намъ небо.

Прежде обѣда отправились гулять. Леона была учтиво-холодна съ полковникомъ, любезно-фамиллярна съ Бриасомъ, утонченно-кокетлива съ Гекторомъ де-Монталё, серьезна до почтительности съ Шаммортемомъ. Съ Монтекленомъ она была разсѣянна и почти невѣжлива. Или Леона чувствовала къ Монтеклену глубочайшее презрѣніе, или она его боялась. Бриасъ, который зналъ, что Монтекленъ никому не позволялъ обходиться съ собою такимъ-образомъ, сказалъ ему, когда Леона шла рука-объ-руку съ Гекторомъ:

— Не правда-ли, что эта женщина восхитительна?

— Кто это? спросилъ Монтекленъ.

— Pardieu! г-жа Амабъ.

— Право, это меня нисколько не занимаетъ, отвѣчалъ Монтекленъ.

— За чѣмъ-же вы являетесь въ этотъ домъ?

— Могу васъ увѣрить, по-крайней-мѣрѣ, отвѣчалъ Монтекленъ съ обыкновенной безизящностію: вовсе не для того, чтобы покупать картины.

— Позвольте-ли передать эти слова Леонѣ? перерывалъ Бриасъ.

— Я васъ избавлю отъ этого труда. — и чтобы вы не передавали, перескажу ей самъ.

— Пойдите, пойдите, сказалъ Бриасъ.

— И прибавлю, продолжалъ Монтекленъ, что вамъ они показались злыми.

— Чортъ возьми вашу страсть, изъ всего дѣлать исторію!

— Я вовсе не дѣлаю исторій, я хочу только предупредить опасность, которой вы мнѣ угрожаете.

— Неужели-же я способенъ передать подобные слова?

— Вы? нѣтъ, вы неспособны передать ихъ ей, но она способна вырвать ихъ изъ васъ.

— Вы очень боитесь Леоны?

— Да, за васъ.

— Не здѣсь цѣль моихъ желаній.

— Но здѣсь рука, которая располагаетъ ваши планы сраженій.

— Вы меня считаете Шаммортею, мой милый, сказалъ Бриасъ съ маленькимъ фатовствомъ.

— Нисколько, мой милѣйшій — Шаммортенъ покупаетъ картины, а вы не имѣете этого права.

— Pardieu! вскричалъ Бриасъ, для котораго разговоръ начиналъ становиться затруднителенъ: посмотрите на Гектора, у котораго въ рукахъ вѣеръ г-жи Амабъ; онъ будто слонъ царя сіямскаго, несущій въ хоботѣ зонтикъ его фаворитки.

— Посмотрите лучше на Шаммортена, который говоритъ съ полковникомъ, и силится разгадать тайну взгляда, которымъ обмѣнялись они съ Леоной.

— А вы думаете, что полковникъ и Леона знали другъ-друга еще до нынѣшней встрѣчи.

— А развѣ вы знаете что-нибудь о жизни полковника, и развѣ вы можете узнать всѣ намѣренія Леоны? Взгляните лучше на г. Амаба, который хочетъ показать видъ, что любитъ своими деревьями, потому-что ему не съ кѣмъ говорить. Я пойду къ нему; онъ одинъ изъ всѣхъ насъ меня интересуеть.

— Вы правы, Монтекленъ; мы знаемъ, что вы всегда на сторонѣ жертвъ.

— Надѣйтесь на меня, сказалъ ему Монтекленъ съ пасмѣшливымъ видомъ.

— А знаете-ли что? остановилъ его Бріасъ: вѣдь вы наводите на меня страхъ.

— Одинъ вопросъ только, и если вы будете отвѣчать на него откровенно, я, можетъ-быть, скажу вамъ больше.

— Посмотримъ.

— Знаетъ-ли г-жа Амабъ ваши намѣренія на-счетъ г-жи Монрионъ?

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Я поостерегся говорить съ ней объ этомъ.

— Я не спрашиваю о томъ, говорили вы или нѣтъ, — я спрашиваю только, знаетъ-ли она?

— Если только не догадалась....

— Или, если не узнала отъ кого-нибудь изъ вашихъ кредиторовъ, которыхъ преслѣдованіе вы остановили, объявивъ имъ, что вы скоро все поправите великобѣпной партіей.

— Откуда вы все это знаете, чортъ возьми?

— Отъ одного изъ этихъ господъ.

— И вы думаете, что одинъ изъ этихъ господъ могъ увѣдомить и Леону?

— Я у васъ спрашиваю объ этомъ.

— О, сказалъ Бріасъ, что будетъ, то будетъ. Но что за бѣда, если г-жа Амабъ и узнаетъ мои намѣренія?

— Бѣда та, что, не смотря на всѣ ваши глупости, вы для нея не предметъ мщенія!

— Что вы хотите сказать?

— Съ какою цѣлю Леона заставляла васъ побуждать Монталё къ женитьбѣ, за-чѣмъ она внушала вамъ, чтобъ вы проинтересовали ему письмо, которое сегодня утромъ послало къ старому маркизу. Вы, разумѣется, ничего не знаете; ну, такъ вотъ для чего: или Монталё будетъ принятъ, или Монталё откажутъ.

— Дилемма совершенно-правильная.

— Если онъ будетъ принятъ, скажите, можно-ли вообразить себѣ что-нибудь хуже участи женщины, принадлежащей этому дикому звѣрю, котораго львица ласкаетъ въ эту минуту?

— Вы правы, но я увѣренъ, что онъ получитъ отказъ.

— И я вашего мнѣнія. Но въ такомъ-случаѣ, разочли-ли вы, до какихъ крайностей можетъ дойти это дикое животное, когда его будетъ подстрекать искусная рука львицы.

— Клянусь моею душою, вы на меня наводите ужасъ.... На-

конецъ, что-же она можетъ сдѣлать? Разсказать мои планы Гектору.... ну, изъ этого будетъ только дуэль.

— Мой милый Бріасъ, — вы погибли.... Какъ это вы, котораго считаютъ за искуснаго дипломата, видите одни только прямые удары. А нападенія съ боку?

— Что?

— Съ боку, говорю я, — съ чувствительной стороны.

— Съ какой чувствительной стороны?

— Со стороны Шаммортенъ.

— Пусть меня повѣсятъ, если только я васъ понимаю.

— Со стороны Сильвіи....

— Клянуть честію, Монтекленъ, — это мерзость. Сильвіи чиста.... Но, право, вы меня заставляете бояться.... Объяснитесь.

— Невозможно, вотъ Леона со всѣми гостями. Будьте хладнокровны, Бріасъ, насъ атакуютъ.

— Вы напрасно беспокоитесь о томъ, что говорятъ эти господа, говорила Леона Гектору: это, должно-быть, очень-интересно. Вѣроятно, они спорятъ о судьбѣ Европы.

— Вы забываете, сказалъ Монтекленъ, что нашъ знаменитый дипломатъ говорилъ со мною, а я вовсе не занимаюсь такими важными дѣлами. Мы говорили о нашихъ сосѣдяхъ.

— Что-же такое?

— Не знаю, отвѣчалъ Монтекленъ, спросите Бріаса: добро или худо? это смотря потому, какъ...

— Можемъ-ли мы быть въ этомъ судьями? сказалъ Томаъ Рьенъ.

— Слишкомъ много труда, замѣтила Леона, съ легкимъ нетерпѣніемъ, потому что въ концѣ аллеи явился слуга, который несъ, по-видимому, письмо, на серебряномъ подносѣ.

Взглядъ Шаммортена на Леону, казалось, говорилъ ей:

— Вотъ то, чего вы ожидали.

Леона поблагодарила его самой любезной улыбкой.

— Бріасъ, сказалъ Монтекленъ тихо, обратитесь совершенно въ-слухъ.

— За-чѣмъ?....

— Не знаю, но здѣсь готовится театральнй эффектъ.

Явился слуга. Дѣйствительно, на подносѣ лежало письмо. Леона взяла было его, но тотчасъ-же положила опять, сказавши:

— Это барину.

Амабъ принялъ письмо и распечаталъ его, но, едва только взглянувъ на него, онъ поблѣднѣлъ и сжалъ судорожно въ рукахъ.

Леона, которая увидѣла это движеніе, была не въ-силахъ совладѣть съ собою, и остановилась.

— Чтѣ такое? спросила она холодно: дурная новость?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Амабъ глухимъ голосомъ и подходя къ Леонѣ: обѣда.

— Вамъ? также тихо сказала Леона.

— Судите сами, отвѣчалъ Амабъ.

Онъ передалъ ей письмо. Леона прочла его.

Это былъ обыкновенный пригластельный билетъ, такого содержания:

«Г. графъ и г-жа графиня де-Шаммортенъ покорнѣйше просятъ господина Амаба удостоить ихъ, и проч.»

Не смотря на всю свою энергію, Леона поблѣднѣла, и съ минуту молчала.

— Ну, началъ Амабъ.

— Извините господа, обратилась Леона къ гостямъ, съ самою граціозною улыбкою: часъ обѣда, и намъ пора возвратиться.

— Какъ! сказалъ Амабъ, снова подходя къ женѣ: вы не говорите ни слова!

— Молчите, прошу васъ, отвѣчала Леона: и клянусь вамъ, что мщеніе будетъ сильнѣе обиды.

— И вы позволите г. де-Шаммортену сидѣть за вашимъ столомъ?

— Это, кажется, до меня касается.. . Оскорблена я — дайте же мнѣ дѣйствовать по своему.

Она отворотилась отъ Амаба, и подошла къ другимъ гостямъ, которые говорили о красотѣ неба, смотря каждый на а parte Леоны съ ея мужемъ. Шаммортенъ былъ на иголкахъ; онъ умолялъ взглядами Леону, но она не удостоивала обратить на него вниманія; она взяла за руку Бриаса, и незамѣтно отвела его въ сторону.

Мы передадимъ буквально ихъ разговоръ: онъ чрезвычайно важенъ.

— Бриасъ, мнѣ нужно поговорить съ вами, начала Леона.

— Когда вамъ угодно, я васъ слушаю.

— Нѣтъ, завтра.

— Извольте, — здѣсь?

— Нѣтъ, въ лѣсу.

— Въ лѣсу, гдѣ-же?

— У Лускаго перелѣся.

— Съ удовольствіемъ.

— Или лучше, въ гротъ фазановъ.

— Еще лучше.

— Итъ, я предпочитаю сторону лѣса къ парку г. де-Рюд-жанъ.

— Для секретнаго разговора, это неудобно; тамъ много гу-ляють.

— А! сказала Леона: ну, такъ у Лушекаго перелѣсья. Вашъ часъ Бриасъ?

— Вашъ?

Леона подумала.

— Утромъ въ десять.

— Извольте.

— Итъ, начала она опять: мнѣ нельзя уйти до завтрака.

— Такъ позже, если вамъ угодно.

— Въ полдень.

— Прекрасно.

— Или въ два часа.

— Какъ вамъ угодно.

— Я ни о чѣмъ не думаю, сказала Леона: все утро я занята съ нотаріусомъ г-на Амаба.... Пять часовъ, если вамъ все равно, продолжала она, наблюдая за нимъ. Или, если вы гдѣ-нибудь обѣдаете, между тремя и четырьмя.

— Вы мнѣ предложили въ пять, — и я-бы предпочелъ этотъ часъ, возразилъ Бриасъ.

— Прекрасно, отвѣчала Леона, торопясь: я сама предпочитаю этотъ часъ.

— И я не могу ничего узнать о причинѣ этого свиданія?

— Оно важнѣе, нежели вы думаете.

Бриасъ настанвалъ. Леона, смѣясь, уклонилась отъ отвѣта.

Обѣдъ шель чудесно; шутки и смѣхи не умолкали. Шам-мортенъ чрезвычайно безпокоился, и потому былъ разсѣянъ. Бриасъ никогда не бывалъ такъ блестящъ, полковникъ также имѣлъ успѣхъ, и таково было искусство Леоны, что даже изъ глупостей Монталё выходили остроты.

Одинъ Амабъ не имѣлъ искусства скрыть свою досаду.

Вечеромъ Шаммортенъ тщетно старался заговорить съ Леоной; она не удостоила его даже взглядомъ.

Ему сказали только, что онъ не получитъ аудіенціи. Леона, въ минуту общаго разѣзда обратилась къ Монтеклену.

— Какъ вы отправитесь домой?

— Въ каретѣ.

— Въ такомъ случаѣ г. Бриасъ возьметъ г. Шаммортена, а вы отвезете полковника.

— У меня есть лошадь, сказалъ Шаммортенъ.

— И у меня также, сказалъ полковникъ.

Прекрасно, вы можете ѣхать вмѣстѣ.

Послѣ этихъ словъ непременно надобно было отправиться. Полковникъ и Шаммортенъ поѣхали верхомъ по дорогѣ къ фермѣ Лаворданъ. Монталё повернулъ въ другую сторону, а Монтекленъ опередилъ Бриаса на дорогѣ; но вдругъ остановилъ карету и Бриасъ догналъ его.

— Что съ вами случилось, вскричалъ этотъ послѣдній.

— Ничего: я ѣду съ вами

— Садитесь.

— Бриасъ, что вамъ сказала Леона?

— Это переходитъ уже всѣ границы любопытства.

— Бриасъ, васъ хотятъ заставить сдѣлать какую-нибудь чудовищную глупость.

— Но послушайте, Монтекленъ, шутите вы или говорите серьёзно? Я вовсе не хочу быть ничьей куклой.

— Землетрясеніе, сказалъ Монтекленъ страннымъ тономъ: небо покрывается тучами, вѣтеръ свищетъ въ долине: бѣда всякому, кто ходитъ въ это время.

— Но Монтекленъ, не возвратились-ли вы илюминатомъ изъ вашего послѣдняго путешествія въ Германію, или не имѣете-ли вы претензій на роль Макъ Алава съ-тѣхъ-поръ, какъ побывали въ Шотландіи? Объяснитесь простѣе.

— Не могу, если вы не будете отвѣчать мнѣ откровенно... Что вамъ сказала Леона?

— Ну, если вамъ нужно непременно говорить все, она назначила мнѣ свиданіе завтра.

— И только?

— Только!

— Ну, я не знаю, что и подумать. Вы пойдете?

— Разумѣется.

— Хотите-ли вы, чтобъ я былъ тамъ?

— Опять любопытство!

— Знаете-ли вы, что это за письмо отъ котораго поблѣднѣлъ Амабъ и въ слѣдствіе котораго Шаммортенъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ нами?

— Нѣтъ.

— И понятія не имѣете?

— Нѣтъ, — но вы — ясновидящій, не угадали ли?

— Вполнѣ.

— Ахъ чортъ возьми! что же это было?

— Это будетъ моимъ секретомъ, пока вы будете сохранять вашу.

— Но у меня нѣтъ секрета, клянусь вамъ.

— Ну такъ, Бріасъ, въ этомъ письмѣ былъ вашъ смертный приговоръ!

Бріасъ вздрогнулъ.

— Вы сошли съ-ума или хотите свести меня.

— Угодно ли вамъ, чтобы я присутствовала при свиданіи?

— Я пойду вооруженный.

Монтекленъ захохоталъ

— Вы думаете, вѣроятно, что васъ хотятъ убить?

— Но что же за чертовщина?... если это мой смертный приговоръ... Вѣроятно, завтра же онъ будетъ и выполненъ.

— Нѣтъ еще, но пожалуйста, позвольте мнѣ быть тамъ и спрятаться.

— Знаете ли, сказалъ Бріасъ, желая развеселиться и будучи не въ силахъ однако сдѣлать это: вѣдь это можетъ-быть очень неприятно.

— Чортъ возьми, что за побѣдитель?

— Съ Леонидой-то? сказалъ Бріасъ тономъ фата!

— Мой милый, сказалъ Монтекленъ: Шаммортенъ хлопочетъ уже два года, и я вовсе не увѣренъ въ его побѣдѣ.

— Я не думалъ, чтобы онъ былъ такъ простъ.

— Вы вовсе не знаете Леониды.

Они разстались, и каждый воротился домой.

VI.

ЛЮБОВЬ.

Въ этотъ же самый день, г. де-Рюджанъ, жена его и дочь были съ визитомъ у г. де-Монталё, и остались тамъ обѣдать. Вечеромъ Сильви объявила, что она нездорова; мать предложила ей тотчасъ же удалиться, но она сказала, что отъ качанія ка-

реты, она еще болѣе заболѣеть, и потому рѣшено было, что она ночуетъ въ замкѣ Монталѣ.

Потому, графиня де-Монрионъ отвела г-жу де-Шаммортенъ въ комнату подлѣ своей спальни и, увѣрившись собственными глазами, что тамъ есть все, что нужно, ушла опять, оставивши г. де Рюджанъ за партіей виста съ его женой и г. де-Монталѣ.

Когда Жюлі осталась одна, выраженіе веселости и счастья, которое одушевляло обыкновенно ея лицо въ присутствіи незнакомыхъ, вдругъ исчезло, и замѣнилось выраженіемъ меланхоліи и отчаянія. Закутавшись въ длинный, бѣлый пелюаръ, она нѣсколько минутъ ходила по комнатѣ, отыскивая безуспѣшно что-нибудь, на чемъ-бы она могла сосредоточить вниманіе. Два или три раза она ступала своей обнаженной, бѣлой ножкой на первыя ступени эстрады, на которой стояла постель, но каждый разъ печально сходила назадъ. Она была слишкомъ-увѣрена. Сонъ не сложитъ глазъ ея.

Она сѣла на одно изъ большихъ готическихъ кресель. Счастливъ былъ-бы живописецъ, который увидаль-бы Жюлі на этомъ большомъ креслѣ, съ закинутою назадъ бѣлокурою головкой, съ руками, сжатыми на колѣнахъ, съ голубыми глазами, полными слезъ и устремленными къ небу. Какія мысли волновали ее? Какое несчастіе заставляло ее плакать такимъ образомъ. Можетъ-быть, самой себѣ не смѣла-бы она признаться въ этомъ, потому-что, казалось, она стыдилась движенія, которому предавалась. И дѣйствительно, она быстро встала, открыла окно и оперлась на перѣ, чтобы дышать тишиной и прохладой ночи.

Прямо противъ нея былъ замокъ ея мужа, теперь жилище той, которая хотѣла погубить ее, которой отравительное дыханіе погасило въ ея душѣ первый, чистый, дѣвственный пламень. Одно окно только было освѣщено въ цѣломъ домѣ.

— Можетъ-быть, это онъ еще не спитъ — подумала Жюлі. О! несчастный, какъ онъ долженъ страдать, если онъ только понять, до какой степени я его любила. О! да будетъ проклята женщина, которая осквернила его благородный геній, да будетъ проклята, хотя она и разорвала союзъ, который — я теперь это чувствую — едѣла-бы меня несчастною. Но лучше-ли тотъ, кто былъ мнѣ назначенъ рокомъ? Кто я теперь и какова моя будущность? Поддерживаемая старикомъ слабымъ, почти умирающимъ, я какъ слѣпая брожу въ мірѣ, съ имениемъ, которое мнѣ дали изъ милости, въ вознагражденіе за оскорбленіе, съ имениемъ

немъ, которое принадлежить мнѣ, такъ сказать, случайно.. Я одна въ жизни, и что я буду съ ней дѣлать?

И снова слезы потекли изъ глазъ Жюлі, но въ этотъ разъ она предалась имъ, предалась печальнымъ размышленіямъ, которыхъ онѣ были слѣдствіемъ.

— О! продолжала она: неужели должна я жить и умереть такъ, съ пустою душою, безъ надежды, безъ любви. О мой Боже, сжапись надо мною, утѣши волненіе моей души, утоли эту жажду любви, которая жжетъ меня. Кого буду я любить теперь? Кого посмѣю я любить, не опасаясь разбиться о какую нибудь эгоистическую страсть, о какой-нибудь мелочной, отвратительный разсчетъ? О! измѣна, отчаяніе, слезы, всё муки отвергнутой страсти лучше, во сто разъ лучше этой ужасной пустоты сердца! Не надѣяться ни на что, не вѣрить ничему, не ждать ничего... это страшно. Идти по жизни, не видя въ ней ни одного пріюта, гдѣ бы можно было отдохнуть сердцемъ, не боясь даже подводныхъ камней, — о! это не жизнь, это смерть.. О Боже! спаси меня, не оставь меня одну съ самой-собою... Я хочу любить. Но кто будетъ любить меня, мой Боже?... кого я буду любить?

Жюлі плакала, Жюлі молилась, когда вдругъ вблизи ея послышались рыданія и стоны. Она стала прислушиваться... Г-жа де-Шаммортенъ рыдала также, какъ она.

Жюлі подумала, что съ ней дурно, — быстро вышла изъ комнаты и вошла въ ту, гдѣ была Сильви. Г-жа де-Мопріонъ остановилась на порогѣ съ изумленіемъ и ужасомъ. Г-жа де-Шаммортенъ, полунагая, стояла на коленяхъ на коврѣ; волосы ея падали въ беспорядкѣ къ ногамъ ея, несчастная повторяла съ глухими рыданіями:

— Боже мой, Боже мой — сжапись надо мною!

Г-жа де-Мопріонъ бросилась къ г-жѣ де-Шаммортенъ. Та посмотрѣла на нее и снова зарыдала, сказавши:

— О! если васъ посылаетъ Онь ко мнѣ на помощь, сжадитесь надо мною.

— Успокойтесь, сказала ей Жюлі, садясь подлѣ нея и стараясь приподнять ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала Сильви: я должна быть на коленяхъ передъ вами, чистою и счастливою, — я, виновная и несчастная.

— Виновная! вы, сударыня, — сказала Жюлі — Нѣтъ, нѣтъ... вы больны, я утѣшу васъ, какъ могу.

Сильви скрыла чело на колѣняхъ Жюлі и оросила ихъ слезами; потомъ подняла вдругъ голову и сказала:

— О! послушайте, я должна все сказать вамъ, сердце мое должно высказаться, хотя-бы вы стали презирать меня, хотя-бы вы были способны выдать меня.

Жюлі, глубоко тронутая этимъ ужаснымъ страданіемъ, не знала впрочемъ какъ приступить къ разговору; она была такъ изумлена тѣмъ, что г-жа де-Шаммортенъ называла себя виновною, что страшилась малѣйшаго вопроса. Наконецъ, она рѣшилась сказать ей:

— Ужели г. де-Шаммортенъ виновникъ этого страданія?

— О! сказала ей Сильви: мой страданія не столько отъ него, сколько отъ самой меня, хотя первая причина ихъ въ немъ.

— Можетъ-быть, въ его вѣтрености?

Сильви тихо покачала головою.

— Но въ чемъ-же?

— Въ чемъ? сказала Сильви съ потеряннымъ видомъ: въ безумной любви, въ безумной ревности.... Да, я люблю, я потеряла рассудокъ.

— Бѣдная Сильви! сказала Жюлі, трепеща отъ энергическаго и пламеннаго выраженія словъ г-жи де-Шаммортенъ.

— Выслушайте меня, начала опять Сильви я хочу все сказать вамъ, все; вотъ уже два года, какъ я умираю, два года, какъ я сдавливаю сердце для того, чтобы оно молчало... Я должна говорить... лучше-же съ вами, чѣмъ съ нимъ...

— Чѣмъ съ нимъ... сказали вы, стало-быть, онъ не знаетъ...

— Нѣтъ, онъ знаетъ, или, лучше сказать, ничего не знаетъ... Вы сами не поняли-бы меня, если-бы я рассказала вамъ все безуміе моей страсти. Слушайте-же... Вы знаете, что вотъ пять лѣтъ уже, какъ я замужемъ за г. Шаммортею.

— Да.

— Я его не любила, я никого и ничего не любила... Воспитанная въ строгихъ монастырскихъ правилахъ, я подчинилась браку, какъ долгу къ моему семейству; во мнѣ не было къ г. де-Шаммортею ни любви, ни отвращенія. Его свѣтскость, его постоянная веселость, его умѣнье жить и особенно права брака, которыя предають всю женщину во власть мужчины, почтеніе, которымъ я ему была обязана, все это заставило меня увѣрить себя, что я его любила. Я сочла за любовь рабскую покорность моей души, которая заставляла меня подчиняться его волѣ, уступать его желаніямъ. Я иногда слыхала вокругъ себя разговоры

объ этихъ роковыхъ страстяхъ, которыя тѣснятъ грудь, разрываютъ ее, наполняютъ ее упоеніемъ, — но я смотрѣла какъ на безумцевъ или какъ на актеровъ, на тѣхъ, которые объ этомъ разсказывали. Притомъ же, я должна сказать вамъ Жюлі, что моя жизнь удаляла отъ меня даже возможность такихъ страстей. Я жила въ тишинѣ, среди религиозныхъ обязанностей и заботъ о домѣ, въ которомъ г. де-Шаммортенъ находилъ всегда строгость, совершенно противоположную его вѣтрости. Моя-ли это вина, его-ли... не знаю... я не обвиняю болѣе, я только жалѣю о падшихъ, — но какъ-бы то ни было, онъ рѣже и рѣже сталъ оставаться дома. Я не любила его, Жюлі, и его отсутствіе было для меня незаметно. Но наконецъ пришелъ день, когда я почувствовала жестокое мученіе: то былъ день, когда я узнала, что оставлена для недостойной соперницы, для женщины, которая кладетъ клеймо позора на всякаго, кто къ ней приближается, и которой роковое могущество знаете вы лучше меня, для г-жи Леоны Амабъ.

— Для нея! сказала Жюлі, съ движеніемъ ужаса. О! я понимаю теперь вашъ страхъ, ваше отчаяніе.... Я понимаю теперь, какъ должно было быть уязвлено ваше сердце.

— Нѣтъ, сказала г-жа де-Шаммортенъ, задыхающимся голосомъ. Мое сердце не страдало отъ этого. Тогда я увѣряла себя, что я страдаю, но теперь я знаю, что такое сердечная боль, и не обманусь болѣе. Мое самолюбіе было оскорблено, моя гордость возмущилась. Богъ наказалъ меня за это чувство, которое было причиною паденія верховнаго архангела; мои страданія — наказаніе неба, бездна, въ которую я свержена, огонь, который меня жжетъ.... О Господи, Господи! сказала Сильви, съ восторженнымъ благоговѣніемъ складывая руки: я довольно страдала; угаси этотъ огонь, въ которомъ гибнуть силы моей души и моего тѣла, уничтожь эту любовь въ моемъ сердцѣ или уничтожь меня вмѣстѣ съ нею.

— Но, сказала Жюлі, не въ-правѣ-ли были вы оскорбиты поступками г. де-Шаммортена?

— Безъ-сомнѣнія; но я не должна была слушать гордыхъ совѣтовъ этого справедливаго гнѣва. Они убѣдили меня.... о! избави васъ Боже отъ подобнаго искушенія.... они убѣдили меня наказывать моего мужа за эту невѣрность, заставить его бояться моей. Пріятельницы, для которыхъ кокетство игра, еще болѣе совѣтовали мнѣ возбудить ревность моего мужа.

— Неосторожныя! замѣтила Жюлі.

— Въ числѣ многихъ друзей г. де-Шаммортена, былъ одинъ молодой человѣкъ, который прославился своими побѣдами надъ женщинами; онъ являлся къ намъ рѣдко. Я ненавидѣла его именно за то, за что ласкали его другія женщины. Это былъ онъ... это былъ г. Бриасъ, ибо еслибы я и не сказала вамъ его имени, все равно, вы-бы его угадали.

— Г. де-Бриасъ! вскричала Жюли съ ужасомъ.

— Его-то, продолжала Сильви, выбрала я для того, чтобы разбудить соперникомъ ревность г. де-Шаммортена; теперь я уже погибла и могу все сказать вамъ. Я хотѣла быть справедливой. я не хотѣла обольщать надеждами сердца, для котораго потеря ихъ была-бы смертна... О! я была горда и безумна! Я думала, что въ силахъ внушить любовь, отъ которой можно умереть, и не предвидѣла, что сама испытаю такую любовь. Я играла мою роль такъ искусно, что г. де-Бриасъ это замѣтилъ. Онъ началъ ѣздить чаще, наконецъ, я стала видѣть его каждый день. Онъ говорилъ мнѣ о любви и я, всегда гордая, всегда увѣренная, я его слушала... О, Жюли! какой новый міръ раскрывался предо мною, когда я слушала эти страстные слова! мнѣ казалось, что, внимая имъ, мое сердце вырывалось изъ своей тюрьмы, — я слушала его жадно, трепеща, какъ въ лихорадкѣ... Я хотѣла вырваться изъ этого обаянія, но и наединѣ съ собою я шептала только слова любви, которыя отъ него слышала. Я осудила себя на то, чтобы никогда не видать его болѣе, и между-тѣмъ въ моихъ грезахъ онъ былъ всегда у ногъ моихъ, печальный, умоляющій. Я не могла совладѣть съ собою... я его снова увидѣла. О, Жюли! горе мнѣ. При взглядѣ его, при звукѣ его голоса, я почувствовала въ сердцѣ безпредѣльную радость, въ которой цѣлая жизнь исчезаетъ въ единомъ чувствѣ любви... Мнѣ опять стало страшно: и я опять удалила его. Но однажды... увидѣвши его раздраженнаго, готоваго бѣжать отъ меня, я сказала ему, что люблю его... Этому теперь три мѣсяца. Тогда-то, Жюли, началась для меня борьба, въ которой я гибну. Я бросила Парижъ, чтобы бѣжать отъ опасности: онъ послѣдовалъ за мною; онъ не умоляетъ болѣе на колѣнахъ, онъ повелѣваетъ, онъ хочетъ, онъ требуетъ, онъ грозитъ мнѣ своимъ удаленіемъ, грозитъ мнѣ соперницей... Жюли, Жюли! онъ говоритъ, что я его люблю... но я люблю его, люблю его, и если Ты оставишь меня, мой Боже, я, можетъ-быть, буду готова предпочесть угрызения совѣсти этой страшной борьбѣ.

— И вы называли себя виновною, вскричала Жюлі: вы, которая такъ отчаянно противитесь своей страсти!

— О да, я виновна, Жюлі; горе женщинѣ, которая дастъ прощкнуть въ свою грудь противозаконному чувству! Она идетъ тогда прямо къ погибели, потому что тщетна борьба, потому что я чувствую, что я погибла. Я боролась съ моею любовью, Жюлі, я боролась съ моимъ безуміемъ, но я не въ силахъ буду побѣдить ревности, я это чувствую... Знаете ли вы, Жюлі, что здѣсь есть одна женщина, отъ которой сходили съ ума самые равнодушные, и можетъ-быть, въ эту самую минуту, онъ съ этой женщиной. Что, если онъ полюбитъ ее, какъ любилъ ее г. де-Монреонъ и г. де-Шаммортенъ?

— Опять она! вскричала Жюлі.

— Да, она, всегда она! Она не побояется отвѣчать этой любви, она не побояется доказательствъ, безъ которыхъ любовь не любовь, по его словамъ, и тогда, Жюлі, тогда, когда я могу удержать его только потерю чести, я погибла.

— О, не говорите этого, Сильви, не говорите этого! Богъ васъ поддерживалъ, Богъ васъ спасетъ.

— Нѣтъ, Жюлі, я говорю вамъ, что я погибла.

— Призовите на помощь разсудокъ, сравните несчастіе, въ которое повергнетъ васъ преступленіе, съ тѣмъ, которое вы теперь испытываете; оно будетъ въ тысячу разъ ужаснѣе. Еслибъ вы знали, какое отчаяніе слѣдуетъ за проступкомъ! О! прибавила Жюлі съ глубокимъ вздохомъ: не узнавайте этого никогда.

— О! мрачно отвѣчала Сильви: есть въ преступленіи радость, которая все заставляетъ забывать.... Знаете ли вы, что я нынче сдѣлала?

— Нѣтъ, сказала Жюлі съ испугомъ.

— Эта женщина... эта Леона.... Г. де-Шаммортенъ требовалъ отъ моей матери, чтобы она пригласила ее на праздникъ.

— Она согласилась?

— Да.

— А вы?

— Я!

— Да, вы, вы, надѣюсь, не позволили ввести въ вашъ домъ недостойную соперницу!

— О! теперь уже не въ этомъ дѣло, сказала Сильви. Достоинство супруги не говоритъ уже въ моемъ сердцѣ. Я послала при-

глашеніе, но только г. Амабу... Говорять, она горда... я должна была жестоко оскорбить ее, она также должна страдать.

Жюлі, какъ могла, старалась успокоить волненіе г-жи де-Шаммортея, но все было тщетно. Слушая ее, Сильви говорила:

— О! она счастлива, она не любитъ.

А Жюлі шептала печально:

— Она страдаетъ... но она любитъ.»

На утро, г-жа де-Монрионъ старалась удержать у себя Сильви, но въ два часа, Сильви сказала ей:

— Въ три онъ ждетъ меня въ паркѣ... я должна его видѣть.

И она вырвалась изъ объятій Жюлі.

Въ три часа... читатели вспомнятъ, что изъ всѣхъ часовъ, предложенныхъ Леоною Бриасу для свиданія, это былъ единственный, отъ котораго онъ отказался.

ВІІ.

СВѢДАНІЕ.

Хотя Бриасъ старался показывать видъ, что очень-мало обращаетъ вниманія на совѣты Монтеклена, но таинственныя предостереженія сего послѣдняго на него подѣйствовали; онъ понималъ, какъ трудно ему вести вмѣстѣ и планы женитьбы, и связь съ г-жою де-Шаммортея. И вовсе не потому, конечно, чтобы любовь эта была такова, что для нея человѣкъ готовъ съжертвовать самыми драгоценными интересами; напротивъ, Бриасъ хладнокровно разсчиталъ, что она можетъ-быть тяжелою цѣпью для его будущаго. Страсть Сильви пугала его. Привыкши всегда курить опіямъ божествамъ, которымъ ровно ничего не значить перемѣна жрецовъ, — онъ былъ слишкомъ заинтересованъ сначала любовью Сильви, — любовью нескрѣпленною, безпредѣльною, пламенною, часто въ самомъ сопротивленіи болѣе, нежели другія въ полной преданности. Любопытство его подстрекнулось этой отчаянной борьбою: онъ съ жаромъ принялся добиваться побѣды надъ этой боязливой душою.

Среди этой борьбы, въ которой онъ холодно мучилъ отчаянное

сердце Сильви, Бріасъ понялъ наконецъ, что торжество не всегда бываетъ счастьемъ; онъ видѣлъ будущее, которое ему готовилось. Безпрестанныя требованія, вѣчное рабство, неистовая ревность — вотъ что предстояло для него послѣ побѣды надъ Сильви, кромѣ уже серьезныхъ и скандальныхъ опасностей, которые могли произойти отъ страсти, пылкой и, сдѣловательно, неосторожной.

Эти размышленія, которыя часто представлялись его уму, приняли еще большую силу, благодаря странному словомъ Монте-клена — и Бріасъ рѣшился разорвать пошенія свои съ г-жою де-Шаммортенъ, какъ для того, чтобы избѣгать опасностей подобной связи, такъ и для того, чтобы быть совершенно-свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ отношеніи къ г-жѣ де-Монрионъ.

Но человекъ порядочный не возьметъ на себя роль труса и предателя, и Бріасъ задумалъ употребить для разрыва средство очень-вульгарное, но такое, которое-бы сдѣлало виноватою г-жу де-Шаммортенъ.

Было уже болѣе трехъ часовъ, когда Бріасъ прибылъ на мѣсто свиданія къ парку г. де-Рюджанъ. Тотчасъ-же вышла изъ за кустовъ Сильви.

— Откуда вы? спросилъ онъ ее.

— Отъ г-жи де-Монрионъ, отвѣчала она холодно.

— Шаммортенъ, котораго я встрѣтилъ на дорогѣ къ г-жѣ Амабъ, сказалъ мнѣ, что вы ночевали у г-жи де-Монрионъ, и думаете остаться тамъ цѣлый день.

— Я вижу, что напрасно пришла.

— Развѣ я не явился? сказалъ Бріасъ, тономъ человека, который могъ себя отъ этого уволить.

— Г-нъ Бріасъ, отвѣчала Сильви, употребляя всевозможныя усилія для удержаанія своего волненія: нынѣшняя ночь была для меня спасительна... она объяснила мнѣ преступную неосторожность поступковъ, до которыхъ я позволила вамъ довести себя... Все это должно кончиться сегодня-же и навсегда.

Сильви отворотилась, чтобы скрыть свои слезы. Бріасъ не безъ неудовольствія однако услышалъ слова ея. Онъ хотѣлъ оставить Сильви, но вовсе не желалъ быть оставленнымъ. Но онъ заставилъ молчать самолюбіе, и отвѣчалъ съ искрено-поддѣльною печалію:

— Я долженъ былъ ожидать этого; это — награда за нескрѣпную любовь... Я буду повиноваться, сударыня.

— И, я думаю, съ радостію, перервала г-жа де-Шаммортенъ: по-

тому что тогда вамъ будетъ больше времени для вашихъ друзей.

Г-жа де Шаммортеъ сжимала въ рукахъ платокъ, которымъ отирала слезы.

— Вы меня не понимаете сударь, начала она опять... что же дѣлать? перестанемъ говорить объ этомъ; остается мнѣ поблагодарить васъ за то, что вамъ было угодно явиться на это послѣднее свиданіе.

— Сударыня...

— Правда, перервала горько Сильви: вамъ и нельзя было быть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; соперникъ, больше васъ счастливый, теперь у ногъ гордой красавицы, которая, вѣроятно, скоро впрочемъ вознаградитъ васъ за всю скуку смѣшной любви.

Бріасъ понялъ тогда, на кого падали подозрѣнія Сильви, и совершенно-успокоенный на счетъ своихъ плановъ, рѣшился сыграть сцену, которую приготовилъ заранее.

— Я не знаю, о чемъ вы говорите, сударыня, началъ онъ: но, можетъ-быть, я былъ-бы счастливъ, если-бъ это была правда. Да, клянусь вамъ, Сильви, я буду благословлять день, когда мое сердце, разбитое наконецъ вашимъ постояннымъ упорствомъ, найдетъ въ гордости или въ отчаяніи силу полюбить другую.

— О! отвѣчала г-жа де-Шаммортеъ, измѣнившимся голосомъ: вамъ нечего ожидать этого — счастья, оно достигнуто...

— Вы ошибаетесь, Сильви, сказалъ Бріасъ: но я употреблю все усилія.

— Какъ! сказала Сильви, съ сардоническою улыбкою: неужели такой человекъ, какъ вы, до-сихъ-поръ еще не побѣдилъ такой женщины. Вы меня, просто, удивляете. Какъ, пятнадцатидневное постоянство не восторжествовало еще надъ этой добродѣтелью!

— Нельзя успѣть тамъ, гдѣ ничего не ищешь.

— Да что же вы дѣлаете наконецъ, у нея по нѣлымъ днямъ? вскричала г-жа де-Шаммортеъ. Вы были тамъ вчера, были, можетъ-быть, еще сегодня утромъ, будете, вѣроятно, черезъ нѣсколько минутъ. О! вы меня обманываете, я увѣрена, что вы меня обманываете.

— Нѣтъ, сударыня, сказалъ Бріасъ съ притворною гордостью: нѣтъ, я васъ не обманываю, я не люблю г-жи Амабъ.

— А! вскричала г-жа де-Шаммортеъ съ гнѣвомъ: вы тотчасъ же ее узнали!

— Но если-бъ даже я и любилъ ее, продолжалъ Бріасъ: — не имѣлъ-ли-бы я на это права? Не долженъ-ли я некать всѣхъ средствъ выгнать изъ себя безумную страсть, которую вы лишаете всякихъ надеждъ? страсть, которую вы никогда не раздѣляли, страсть, которую вы отвергаете.

— И это вы, сударь, говорите мнѣ! Но для чего-же я здѣсь, о мой Боже? За-чѣмъ оставила г-жу де-Монпріонъ, за-чѣмъ я не воротилась домой? За-тѣмъ, чтобы явиться на свиданіе, рискуя моею честью!

— И сказать мнѣ, перерывъ Бріасъ съ живостью: что пора уже прекратить наши отношенія.

— И вы такъ спѣшили повиноваться.

— Думаете-ли вы, что я мало вытерпѣлъ униженій, сударыня? Я не жалуясь на то, что кажусь вамъ недостойнымъ моей взаимности, о которой умолялъ васъ на колѣнахъ; но вы позвольте, безъ сомнѣнія, человѣку страдающему освободиться отъ своихъ страданій.

— И пайти другое сердце, болѣе чувствительное?

— Да, сударыня, да, сказалъ Бріасъ, съ притворнымъ гнѣвомъ: если-бы та, кого вы обвиняете, приняла дань, отверженную вами, я бы благословилъ ее.

— И вы-бы любили ее, или лучше, вы ее и теперь уже любите

— Пусть такъ, сударыня, сказалъ Бріасъ, повѣривъ наконецъ въ возможность разрыва.

— Но что-же въ ней? вскричала вдругъ г-жа де-Шаммортенъ: — что-же въ ней, въ этой желщицѣ, которая всѣмъ вамъ такъ нравится? Чѣмъ она лучше меня? Тѣмъ-ли, что въ ней нѣтъ ни стыда, ни скромности? тѣмъ-ли, что безъ борьбы и безъ угрызеній предается она своимъ постыднымъ влеченіямъ?

— Если это и такъ, сударыня, то, по-крайней-мѣрѣ, не играетъ она роль ненавистной кокетки, которая жаждетъ любви, требуетъ ее, воспаляетъ, и потомъ, когда въ безуміи и съ моленіемъ падаютъ къ ея ногамъ, презрительно отвергаетъ безумца. Можетъ-быть, Леона виновна, но она любитъ—а въ любви, Сильви, виноватъ тотъ, кто не любитъ.

— Вѣчно! вскричала Сильви, дрожа отъ гнѣва и горести: вѣчно одинъ упрекъ, одна угроза. Я не люблю васъ, говорите вы, но Боже мой, что-же падобно дѣлать для этого?

Бріасъ уже видѣлъ прежде эти пароксизмы горести, и помнилъ, что Сильви выходила изъ нихъ всегда побѣдительницей. Онъ

предполагалъ, что также будетъ и въ этотъ разъ, и потому рѣшился на послѣдній, отчаянный ударъ.

— Что, сказалъ онъ ей тронутымъ голосомъ: отвѣчать моей страсти... Да, Сильви, или я не могу вѣрить этой любви.

— Нѣтъ, сказала она: нѣтъ, лучше умереть.. лучше даже видѣть, что вы будете любить другую.. нѣтъ, нѣтъ, никогда!

— Прощайте-же, сударыня, прощайте — и навсегда!

— Прощайте, отвѣчала она задыхающимся голосомъ.

Бріасъ видѣлъ, какъ она съ слезами и рыданіями упала на дерновую скамью; она была обаятельно-хороша; вся страсть, которую она такъ твердо въ себѣ сдвливала, дрожала въ ея чертахъ, въ неподвижномъ, полу-безумномъ взглядѣ. Бріасъ колебался. Странное желаніе полюбоваться еще разъ мученіями ея страсти, побѣдило въ немъ, наконецъ, благоразуміе; онъ подошелъ къ г-жѣ де-Шамортенъ и сказалъ ей.

— Итакъ, Сильви?

Она отворотилась не отвѣчая.

— Прощайте-же, началъ онъ опять.

— Куда вы? вскричала она вдругъ, останавливая его.

— Что вамъ за дѣло, сударыня?

— Куда ты, Фредерикъ? спросила она снова, съ увлеченіемъ страсти.

— Что вы сказали, Сильви?... сказалъ Бріасъ, противъ воли тронутый.

— Что я сказала... я не знаю... Но Фредерикъ, вы... чего вы хотите отъ меня? чего требуете?

— Если ваше сердце не говоритъ вамъ ничего, я не долженъ говорить.

— Вы меня любите, не правда-ли?

— Вамъ-ли въ этомъ сомнѣваться?

— И вы не будете больше у этой женщины?

— Никогда.

— Итакъ, Фредерикъ, сегодня вечеромъ, сегодня ночью, въ этомъ павильонѣ. — Нѣтъ, нѣтъ... вскричала она съ гнѣвнымъ порывомъ отчаянія: никогда... никогда! Нѣтъ, оставьте меня, бѣгите меня, я не люблю васъ...

Бріасъ думалъ, что благоприлично удовлетворилъ всѣмъ возможнымъ требованіямъ разрыва, и закрывши голову руками, удаллся, повторяя:

— Прощайте-же, сударыня, прощайте!

Онъ повернулъ по маленькой тропикѣ и былъ уже близокъ къ выходу, когда вдругъ увидѣлъ передъ собою г-жу де-Шаммортевъ, блѣдную, трепещущую, полубезумную, которая сказала ему прерывающимся голосомъ:

— О! если такъ, Фредерикъ.... если ты этого хочешь.... приходи сегодня почью въ этотъ навильйонъ ... я въ немъ буду.

Бріасъ, остановился изумленный, — а Сильви прибавила:

— Теперь, оставьте меня.

— До вечера! сказала Бріасъ, и быстро удалился, надѣясь въ глубинѣ души, что угрызения совѣсти помѣшаютъ г-жѣ де-Шаммортевъ явиться на свиданіе.

По уходѣ его, Сильви долго была неподвижна, и, можетъ-быть, еще долѣе осталась-бы въ этомъ положеніи, если-бъ ее не вывелъ изъ него легкій шумъ. Она подняла голову, какъ испуганная лань, и увидѣла передъ собою женщину, которая смотрѣла на нее съ выраженіемъ краткаго сожалѣнія. Эта женщина быстро подошла къ Сильви, и Сильви отступила съ ужасомъ:

— Кто вы, и чего вы отъ меня хотите? спросила она.

— Мое имя Леона Амабъ, и я хочу говорить съ вами.

— Я васъ не знаю, сударыня, отвѣчала г-жа де-Шаммортевъ съ гордымъ негодованіемъ.

— Это правда, сударыня, но я желаю, чтобъ вы меня узнали.

— Я этого вовсе не желаю, сказала г-жа де-Шаммортевъ, пытаясь удалиться.

— И между-тѣмъ, это для васъ единственное средство спасенія, сказала Леона, съ упорной рѣшительностью загоразивая ей дорогу.

— Насиліе, сударыня?

— Нѣтъ, не насиліе, а просьба.

— Вы забываете, что между нами не можетъ быть ничего общаго?

— Вы ошибаетесь, сударыня, сказала ей холодно Леона: вы высказали г. де-Бріасу нѣсколько подозрѣній, которыя до меня касаются.

— Какъ, сударыня, вскричала Сильви: вы были....

— Да, отвѣчала Леона: я была здѣсь.

— Милосердное Небо! вскричала Сильви съ отчаяніемъ: я погибла!

— Нѣтъ, сударыня, сказала Леона съ кротостію... Если-бъ я хотѣла погубить васъ, я привела-бы сюда г. де-Шаммортена.

Сильви, казалась, ея не слышала.

— Погибла!... повторяла она задыхающимся голосомъ: погибла! и отъ кого?

— Нѣтъ, сударыня, спасены — и спасены женщиною, которой вы нанесли кровавую обиду!

Къ Сильви возвратилась вся ея гордость.

— Очень-хорошо, сударыня, сказала она, съ повелительнымъ жестомъ: расскажите все г. де-Шаммортену... онъ вамъ повѣритъ... онъ привыкъ вамъ вѣрить...

— Нѣтъ, нѣтъ, сударыня, отвѣчала Леона: вы меня оскорбили, и если-бы причиною этого были частыя посѣщенія г. де-Шаммортена... я-бы вамъ никогда не простила — но я прощаю вамъ, потому-что вы искренно любите.

— Сударыня, я жду доноса и не хочу обидѣ.

Леона едва удерживала себя, но начала опять спокойнымъ видомъ.

— Я вынесла-же ваши, сударыня, и если мои слова кажутся вамъ обидами, вы, при вашемъ благочестіи, должны очень-хорошо понять превосходныя правила вашей религіи, которая повелѣваетъ не дѣлать другимъ того, чего себѣ не желаешь. Но, сударыня, лучше выслушайте меня терпѣливо.... Я пришла сюда не для угрозъ, и не для мщенія, — я пришла сюда для оправданія. Вы обвиняли г. де-Бриаса въ томъ, что онъ ищетъ моей любви; о, повѣрьте, ему некогда вести интригу съ замужнею женщиною; г. де-Бриасъ, сударыня, запутанный въ долгахъ, потерявшій карьеру, можетъ спасти себя только богатой женою. Онъ на это надѣется, онъ этого ищетъ, и если вы замѣтили въ немъ холодность, то потому, что онъ боится потерять руку и имѣніе г-жи де-Монріонъ.

Сильви слушала съ жаднымъ любопытствомъ.

— Г-жа де Монріонъ! повторила она задыхающимся голосомъ: онъ хочетъ жениться на г-жѣ де-Монріонъ!

— Повѣрьте этому, и такъ, какъ мое слово будетъ для васъ слишкомъ недѣйствительно, то я могу вамъ дать на это прямые доказательства.

— Доказательства, доказательства! вскричала Сильви: у васъ есть они! О! дайте мнѣ ихъ, сударыня, дайте мнѣ ихъ... и кланусь вамъ, но нѣтъ, это невозможно.... вы ненавидите г-жу де-Монріонъ, и вы меня обманываете.

— Я ненавижу г-жу де-Монрионъ, но я васъ не обманываю.
— Итакъ, доказательства... доказательства...
— Поѣзжайте со мною, сударыня, на свиданіе, которое я потребовала отъ г. де-Бріаса, чтобы говорить съ нимъ о его-же дѣлахъ — и вы будете имѣть эти доказательства.

Г-жа де-Шаммортенъ остановилась на минуту, но потомъ, увлеченная страстію, вскричала:

— Погибла — такъ погибла! Лучше-же узнать правду!

(До слѣдующей книжки).

ЮМОРИСТИКА.

КАКЪ ЖИВЕТЪ ПЕТЕРБУРГЪ И КТО ЖИВЕТЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

Муръ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, говоритъ, что «городъ создалъ человѣкъ, а деревню — Богъ!» Какъ идеалистъ, любитель природы, англійскій поэтъ отдаетъ преимущество деревнѣ и восхищается ею гораздо болѣе, чѣмъ городомъ. Признаемся, что дѣла рукъ человѣческихъ поражаютъ насъ гораздо болѣе, чѣмъ картины природы. Ей, считающей бытіе свое вѣками и тысячелѣтіями, имѣющей во власти своей страшныя, неуловимыя силы, легко производить чудныя явленія; но когда человѣкъ, существо слабое и беззащитное, въ теченіе его минутнаго существованія, оставляетъ послѣ себя вѣковѣчныя слѣды, борется смѣло съ грозными силами природы, покоряетъ ихъ себѣ, разгадавши ея законы, примѣняетъ ихъ къ своимъ нуждамъ и потребностямъ, — когда, однимъ словомъ, онъ *искусствомъ* побѣждаетъ *природу*, — не становится-ли онъ выше ея, не заслуживаетъ-ли онъ большаго удивленія? Скажемъ болѣе — человѣкъ *долженъ* быть выше природы. Когда-нибудь онъ покоритъ ее себѣ, сдѣлается ея полнымъ и неограниченнымъ владителемъ. Теперь онъ покаместъ рождается непримиримымъ врагомъ ея, и вѣчная борьба съ нею, — результатъ которой — усовершенствованіе, — есть одна изъ главныхъ цѣлей его бытія

и рожденія. Только тогда человекъ достигнетъ полнаго совершенства, когда разгадаетъ все тайны природы, искусствомъ побѣдитъ ее вполне, подчинитъ себѣ ея силы, со дня рожденія міра грозящія истребленіемъ человечеству. И въ ту эпоху — отдаленную или близкую — знаетъ одно Провидѣніе — когда для человека не будетъ ничего скрытаго или неразгаданнаго въ мірѣ, когда онъ опрокинетъ умомъ своимъ грань, поставленную между нимъ и Создателемъ всего сущаго въ мірѣ, — только въ ту эпоху настанетъ для человека то чудное состояніе, въ которомъ онъ будетъ вкушать безвременно и безраздѣльно въ лошѣ Отчемъ непонятное, неописанное блаженство, то восхительное, таинственное блаженство, которое, не смотря на многія заблужденія, отчасти предугадывали и понимали мистики.

И человекъ съ первыхъ лѣтъ своего историческаго существованія понял, какимъ страшнымъ врагомъ была для него эта природа, которую идиллики образованныхъ обществъ и материалисты сдѣлали какимъ-то благотворнымъ божествомъ, изливающимъ на смертныхъ одни благодѣянія. И чтобы противуборотвовать разрушительнымъ силамъ этой *матери*-природы, чтобы сохранить себя отъ ея тлетворнаго вліянія, человекъ соединился въ общества. Общими силами придумалъ онъ защищаться отъ благотворительной природы, отъ голода, зноя, стужи, переменъ погоды и атмосферы, и основалъ семейства, разросшія съ теченіемъ лѣтъ въ обширныя государства. Въ наше время даже смѣшно серьезно опровергать мнѣніе полу-помѣшаннаго мизантропа Руссо о томъ, что человекъ въ обществѣ теряетъ свое достоинство и что только человекъ первобытный, настоящій *сынъ природы*, достигаетъ вполне своего назначенія. Конечно, очень много зла сдѣлалъ человечеству самъ человекъ; соединеніе его въ общества развило въ немъ много порочныхъ наклонностей, неизвѣстныхъ дикарю, — но отдѣльные факты не опровергаютъ главной истины, и притомъ все страсти и пороки человека не относятся ли къ его матеріальной, физической природѣ, тогда какъ все произведенія ума его принадлежатъ его духовной, высшей, господствующей натурѣ?

Съ развѣтвленіемъ человечества на народы, націи, племена и державы, измѣнилась и первоначальная цѣль основанія общества. Различныя стороны домашняго быта, многообразныя потребности матеріальной и умственной жизни народовъ, историческія преданія и происшествія, свойства климата, почвы и географическаго положенія, — все это придало каждому обществу осо-

быи, самобытный характеръ, часто нѣсколько не похожій на характеръ сосѣдней страны, но даже противоположный и враждебный ему. Столкновение національныхъ и поземельныхъ интересовъ и личностей породило безконечныя войны; но никогда ни одна война не истребляла столько людей, сколько гибло ихъ въ минуты гнѣва природы, отъ чумы и заразы, отъ воды и огня, отъ голода и землетрясеній. Люди тогда стали врагами, когда позабыли свое родовое, первоначальное родство, и изъ *братьевъ* сдѣлались *народами*; но придетъ пора, — исчезнетъ между ними и это различіе, поймутъ они что только общими успѣхами, съ однимъ вѣроваемъ и подъ однимъ знаменемъ могутъ они достигнуть до совершенства, къ которому стремятся въ теченіи столькихъ тысячелѣтій. Отдѣльныя заблужденія цѣлыхъ націй ничего не значатъ въ общей исторіи человѣчества. Еще молодо оно, это человѣчество, которому предстоитъ такая блестящая будущность, судя по нынѣшнимъ успѣхамъ и открытіямъ. Мудрено-ли, что оно, какъ отдѣльный человѣкъ, увлекается порывами своей молодости? Однимъ разумомъ не можетъ жить ни человѣкъ, ни человѣчество; дайте перекипѣть ихъ страстямъ, дайте имъ пожить сердцемъ. Ошибки нужны для жизни, какъ гниеніе органическихъ тѣлъ для плодородія полей. При холодной молодости будетъ бесплодная старость. Проступки народовъ могутъ имѣть въ этомъ случаѣ даже благодѣтельное вліяніе на послѣдствія. Великій поэтъ Франціи выразилъ глубокую мысль двумя стихами:

Le peuple a sa colère et le volcan sa lave
Qui dévaste d'abord et qui féconde après.

Періодъ молодости человѣчества, какъ кажется, оканчивается. Наступаетъ зрѣлый возрастъ, полный надеждъ высокихъ и блестящихъ. Счастливы тотъ, кто будетъ свидѣтелемъ гордой и покойной старости человѣчества!

Теперь, когда намъ еще далеко до великаго *единства* народовъ, кажушагося многимъ даже утопическимъ и несбыточнымъ, любопытное зрѣлище представляютъ разнохарактерныя и разнообразныя общества, носящія на себѣ такіе странные типы и фizioноміи. Не только каждая страна, но и каждый городъ въ ней имѣютъ особый отпечатокъ, по которому иногда непростительно и ошибочно было-бы дѣлать заключеніе о народномъ характерѣ вообще. Такъ, на примѣръ, нельзя заключать о духѣ народа по столицѣ какого-нибудь государства, хотя въ ней болѣе или ме-

иѣе отражается вся жизнь державы. Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Мадридъ; конечно, представители государствъ, но тинь Француза, Англичанина, Прусака, Испанца недостаточно изслѣдовать только въ столицахъ, или, лучше сказать, въ столицахъ вы ихъ и не найдете, а встрѣтите только Мадридца, Берлинца, Парижанина. Странное понятіе о Россіи получилъ-бы тотъ, кто бы захотѣлъ судить объ ней по Петербургу, который, по своему географическому положенію на самой границѣ Имперіи, по своему недавнему существованію, составляетъ самое рѣзкое исключеніе изъ всѣхъ возможныхъ правилъ. Оставивъ въ сторонѣ его историческое, политическое и промышленное значеніе, посмотримъ на его внутренній, домашній бытъ, на то, какъ живетъ Петербургъ, и кто живетъ въ Петербургѣ, однимъ словомъ, на то, что у насъ обозначаютъ выраженіемъ: *петербургское общество*.

И во первыхъ, что такое *общество*? Какъ должны мы понимать это слово, которое слышимъ всякій день и о которомъ, какъ почти обо всѣхъ ежедневно встрѣчающихся словахъ, имѣемъ сбивчивое и разногласное понятіе?

Въ настоящее время подъ именемъ *общества* понимаютъ собраніе нѣсколькихъ семействъ, которыя сходятся между собою для того, чтобы пріятнѣе провести время. Въ древнемъ мірѣ слово *societas* имѣло совершенно-другое значеніе, и исторія древнихъ обществъ была-бы чрезвычайно-запимательна. Въ нынѣшнемъ мірѣ Французы общежительнѣе другихъ народовъ, и лучше поняли значеніе и цѣль общества. *Бюффонъ* говоритъ прямо, что человекъ могуществомъ своимъ обязанъ обществу, что оно образовало умъ его, дало пищу его воображенію, показало ему вполне все богатство силъ его. *Вольтеръ* публично печаталъ, что только во Франціи и существуетъ общество, хотя самъ въ то же время увѣрялъ, что въ Парижѣ общество живетъ только злословіемъ, насмѣшками и лукавствомъ. Одинъ *Руссо* увѣрялъ, что первое зло большихъ городовъ — общество, въ которомъ люди должны быть со всѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Теперь въ одномъ Парижѣ есть нѣсколько обществъ, совершенно различныхъ по ихъ идеямъ, поступкамъ, образу жизни, направленію и даже политической цѣли. Въ Петербургѣ особенности отдѣльныхъ классовъ не такъ рѣзки. Общій колоритъ приневской столицы легко подмѣтить каждому, кто прожилъ въ ней хоть нѣсколько дней. Два особенныя свойства отличаютъ этотъ городъ отъ другихъ: озабоченность и чиновность. Первое даже можетъ быть происходить отъ послѣдняго. Открытой фізіоно-

ми, веселаго лица, гомерическаго смѣха, вы никогда не встрѣтите въ Петербургѣ. Если Петербургъ смѣется, то принужденно, не отъ души, сквозь зубы, жолчнымъ смѣхомъ, если улыбается, то улыбкою саркастической, ѣдкой, насмѣшливой. Опъ ничего не дѣлаетъ съ прямою цѣлью посмѣяться. Самой удачной остротѣ, самому смѣшному пропешествію Петербургъ ни за что не разсмѣется, потому-что это *неприлично*. Остриковъ и весельчаковъ подобныхъ парижскимъ, здѣсь нѣтъ, а если-бы и были они, то городъ принялъ-бы мѣры для своего спокойствія, чтобы отъ нихъ избавиться. У насъ почти неизвѣстно слово *мистификація*. Если она и прорывается гдѣ-нибудь украдкою, между объявленіями о продажѣ дрожекъ и коровы, въ формѣ, положимъ, какого-нибудь отъѣзда за границу человѣка, недумавшаго переѣзжать даже изъ одного дома въ другой, то и это дѣлается вовсе не изъ простаго желанія пошутить и посмѣяться.... Въ Петербургѣ всѣ серьезны, важны, чѣмъ-то заняты, куда-то торопятся, что-то обдумываютъ, а такъ-какъ глупецъ и геній молчать одинаково, то трудно и угадать подъ этой однообразной форменной маской, какія мысли, способности, наклонности у попавшагося вамъ человѣка. Откровенности, довѣрчивости, увлеченія (*épanchement*) нѣтъ здѣсь даже по слухамъ. Доброй и простой глупости *une bonne et franche bêtise*, какъ говорятъ Французы, нѣтъ и въ поминѣ. Самые дураки здѣсь какъ-то утомительно-глупы, или, лучше сказать, настоящихъ дураковъ нѣтъ въ Петербургѣ. За-то есть въ немъ, и очень много, людей *пошлыхъ*. Пошлые люди составляютъ между собою особенный классъ, который имѣетъ своихъ представителей во всѣхъ слояхъ и сословіяхъ общества. Есть они во всѣхъ странахъ, но нигдѣ типъ ихъ не очерченъ такъ рѣзко и рельефно, какъ въ Россіи, которая исполненными шагами догоняетъ просвѣщеніе, и по неволѣ должна оставлять на пути этомъ множество *отсталыхъ*, которые, нахватавшись верхушекъ образованности, по-наружности принимаютъ обще-европейскій типъ, но въ глубинѣ ихъ быта остаются Татарами. Самое названіе этихъ людей составляетъ идиотизмъ Россіи. *Пошлый* человѣкъ не переводится ни на какой языкъ. Опъ неотемлемая принадлежность наша, произведеніе нашей почвы и нашего климата. Пошлый человѣкъ не то, что *l'homme commun*, напротивъ, какъ мы уже сказали, по-наружности его и не отличить отъ образованнаго человѣка, въ немъ нѣтъ ничего бросающагося въ глаза, неприличнаго, тривиальнаго. Опъ всегда одинаково держится и ведетъ себя, но въ

самой этой однообразной жизни есть что-то тяжелое, вьющее холодомъ, томящее душу, сжимающее сердце. Пушкинъ давно уже сказалъ, что

... даже глухости смѣшно!
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» критикъ, не помнимъ по поводу какой книги, прекрасно обрисовалъ этотъ убійственный классъ общества, наводняющій Петербургъ. Онъ разнообразенъ до безконечности, и уловить все его типы и оттенки рѣшительно невозможно. О пошлыхъ людяхъ можно написать цѣлые томы, но мы ограничимся нѣсколькими стихами, изъ одной *непечатной* и недоконченной комедіи, въ которой довольно удачно характеризованъ классъ людей, извѣстный подъ именемъ *пошлыхъ*:

Помилуй, чѣмъ они не люди?
Взгляни, какъ выставивъ съ отвагой гордой груди,
И голову поднявъ, идутъ они впередъ,
Довольные собой, не зная, что ихъ ждетъ.
Не думая, за чѣмъ ихъ сердце бьется,
Живя за тѣмъ лишь, что живется,
И умирая потому,
Что такъ ужъ изстари ведется.
Кого изъ нихъ я ни возьму,
У всехъ есть признаки достоинства и чувства,
И капелька ума, и искорка страстей,
И крошечка любви къ искусству —
Чего же и желать отъ такихъ людей?
Межъ ними не найдешь ты гениевъ, — согласенъ!
За то и не найдешь набитыхъ дураковъ.
И гений, и дуракъ равно для нихъ опасенъ!
Давно ужъ поняли они, безъ дальнихъ словъ,
Что межъ людей живя, невольно будешь съ ними
Наружно образованъ и уменъ
Какъ прочіе. Для нихъ самихъ смѣшенъ
Пустой идеальствъ съ мечтами неземными,
И байронистъ, и фанфаронъ.
Нѣтъ! дураки въ нашъ вѣкъ анахронизмъ, а гений
Унесся навсегда *въ свой край солтыхъ видный*,
Какъ говорятъ они, Теперь въ юдои *сей*
Есть люди *пошлые*. Они не безъ затѣй,
Не то, чтобъ были очень-глупы,

Не то, чтобъ были и умны;

Страхъ щелры на слова, и на дѣла ливнь скуны,

Скорѣе скучны, чѣмъ смѣшны.

Въ нихъ рѣзкихъ, странныхъ чувствъ и мыслей нѣтъ ни маго.

Напротивъ чинно все, спокойно и свѣтло,

Но что ни сдѣлають, ни скажутъ — все такъ вяло,

Такъ приторно, старо, несносно, тяжело.

Такую навелуть они тоску и скуку.

Такъ безотрадно истомлять,

Что дураку тогда-бъ какъ брату подаль руку,

И дикой глуности какъ счастью былъ-бы радъ.

Всѣмъ одиноковѣй на свѣтѣ жребій розданъ

И здѣсь себя мечтой напрасною мы льстимъ!

Миръ для посредственности созданъ

И пошлость гордо править имъ!

Пошлые люди встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ кругахъ и обществахъ, и потому мы упомянули о нихъ прежде всего. Посмотримъ теперь на самыя общества, или на то, что называютъ у насъ этимъ именемъ. Полная картина петербургскаго общества потребовала-бы долгихъ трудовъ и разнообразныхъ наблюдений, заняла-бы цѣлые томы, и потому мы ограничимся одними общими очерками, упомянемъ о самыхъ рѣзкихъ чертахъ типическаго различія, предоставивъ другимъ, болѣе опытнымъ наблюдателямъ, подробное изслѣдованіе этого любопытнаго предмета.

Обыкновенно всѣхъ жителей Петербурга раздѣляютъ на три общества: *высшее*, *среднее* и *нисшее*. Отличительная черта *высшаго* состоитъ въ томъ, что оно не подозреваетъ существованія двухъ послѣднихъ; *среднее* никакъ не хочетъ признаться въ томъ, что оно *среднее*, а *нисшее* считаетъ себя *среднимъ* и думаетъ, что оно манерами и умѣньемъ жить въ свѣтѣ несколько не рознится отъ большаго свѣта, и что все различіе состоитъ только въ доходахъ и салонахъ. Къ высшему кругу принадлежить вся такъ-называемая «аристократія», высшіе государственные сановники и владѣльцы недвижимыхъ имѣній разнаго рода. Къ *среднему* классу всѣ чиновники, занимающіе выгодныя, теплыя и почетныя мѣста, поставщики и откушники всякаго рода, юношество, существующее разными способами и имѣющее возможность являться во фракѣ, офицеры, пользующіеся какими-нибудь доходами, кромѣ жалованья. Къ *нисшему* кругу, на-

конецъ, относятся все мелкое чиновничество, купцы, актеры, даже достаточные фабриканты и ремесленники, люди ничего не имѣющіе, но между тѣмъ живущіе разными странными и непонятными средствами, но ходящіе безъ бороды и не пахнушіе сивухой. Ниже этого общества — стоятъ только разные мелкіе торговцы и продавцы, выслужившіеся цисаря и солдаты, весь разрядъ людей, принимающихъ съ благодарностью на чай и на водку, вся промышленность Петербурга, всѣ старыя вдовы, отставные служаки, перебивающіеся одному Богу извѣстными способами. Эти люди не составляютъ уже общества, а скорѣе пѣкотогаго рода цехи. Имъ нельзя и нѣгдѣ принимать гостей въ своихъ полуаршинныхъ каморкахъ, называемыхъ пышнымъ именемъ *квартиръ*. Они сходятся обыкновенно у какого-нибудь знакомаго дворника или лавочника, или, въ хорошую погоду, передъ воротами пріютившаго ихъ домишка, и подчуя другъ-друга грошевымъ табакомъ, говорятъ во всеуслышеніе о своихъ домашнихъ дѣлахъ или о городскихъ толкахъ. Ниже этихъ лицъ — есть еще чернь.

Высшее общество, или, какъ принято называть его, — *большой свѣтъ*, у насъ весьма-немногочисленъ. Древней, старинной аристократіи у насъ весьма-немного. Изъ людей, занимающихъ теперь важныя мѣста въ государствѣ, очень-многіе достигли этихъ мѣстъ своими заслугами, а не породю. Не служащихъ вельможъ чрезвычайно-мало. Молодой человекъ хорошей фамиліи долженъ быть непременно, по крайней-мѣрѣ, къ чему нибудь *приписанъ*, иначе онъ не будетъ имѣть никакаго вѣса объ обществѣ. Кромѣ службы, большой свѣтъ не допускаетъ никакихъ занятій. Званіе художника, живописца, музыканта, литератора — кажется ему чрезвычайно-дико; онъ допускаетъ въ свой кругъ лица, носящія подобное странное названіе, только какъ исключенія, и то эти исключенія должны быть подкрѣплены или европейской славюю или какою-нибудь протекціею. Не понимаемъ, съ чего взяли петербургскіе повѣстеписатели и водевилисты, что слово *чиновникъ* въ презрѣнн у большаго свѣта. Напротивъ, послѣ вопроса о состояніи человека, свѣтъ тотчасъ-же спрашиваетъ, какой у него чинъ, и по этому размѣрять даже степень своего уваженія. Жить въ Петербургѣ и не служить — также странно, какъ жить въ Римѣ и не сдѣлаться любителемъ изящныхъ искусствъ. Только немногіе богачи или люди въ лѣтахъ и семейные не считаются на службу.

Сколько не смѣялись надъ господствующею въ цѣлой Европѣ стра-

стью къ байронизму и разочарованію, но она и теперь царствуетъ въ ней, только подъ другимъ названіемъ. Въ наше время байронизмъ высказывается не презрѣніемъ, не ненавистью, не насмѣшками, а равнодушіемъ, безстрастіемъ, апатіею, недовѣрчивостью, — въ этомъ только вся и разница. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія юношество дерзко смѣялось надо-всѣмъ, теперь оно не обращаетъ ни на что вниманія, не споритъ ни о чемъ, не возстаетъ ни на что, не защищаетъ даже своихъ собственныхъ убѣжденій, не вѣритъ даже и тому, что ясно какъ дважды-два четыре, или, по-крайней-мѣрѣ, не хочетъ подумать о томъ, справедливо это или нѣтъ. *Артуръ*, въ романѣ Евгенія Сю, и *Печоринъ* Лермонтова — представители нынѣшняго молодаго поколѣнія. Эта апатія, эта мертвящая безжизненность составляютъ то, что у насъ называется *моднымъ тономъ*; герои нашего времени не ищутъ сильныхъ ощущеній, избѣгаютъ душевныхъ волненій, все требованія тѣла и природы исполняютъ только потому, что имъ не хочется побѣдить себя, что имъ равно лѣнь исполнить и не исполнить побужденій своихъ. Лермонтовъ въ своей гениальной *Душѣ* изобразилъ это состояніе духа такими красками, что послѣ него не остается ничего болѣе сказать о пагубномъ направленіи вѣка. Эта болѣзнь продолжается впрочемъ недолго; подобные господа преобразуются со-временемъ, какъ герои поэмы Майкова *Дѣль судьбы*, въ самыхъ положительныхъ людей, или, какъ говоритъ другой поэтъ:

И съ настоящимъ примирясь,

Ватага прежняя безумцевъ

Нисходитъ въ жизненную грязь...

Объ людяхъ зрѣлаго возраста и старикахъ, принадлежащихъ къ этому кругу, сказать нечего: они или служатъ или проживаютъ свой вѣкъ и свои имѣнія въ гастрономическихъ удовольствіяхъ, мѣшая ихъ, для разнообразія, съ высокими ощущеніями, доставляемыми преферансомъ, и приправляя иногда чтеніемъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. Старики вообще любятъ оказывать протекцію, точно-также, какъ молодые люди любятъ принимать ее. Должно замѣтить, что послѣ службы *протекція* есть основной и необходимѣйшій элементъ петербургской жизни. Безъ нея нельзя сдѣлать ни шагу. Протекція замѣняетъ у насъ часто умъ, знатность, богатство, образованность, составляетъ *ultima ratio* всякаго приговора и сужденія. Она сильнѣе всякаго аттѣстата

и свидѣтельства, и горе тому, когоне хочетъ знать эта всевластная богиня петербургскаго міра!

Петербургскія дамы вообще не славятся ни красотою, ни любовью. Въ нихъ есть что-то особенно-непріятное, отзывающееся Петербургомъ, чего вы нигдѣ не встрѣтите въ другомъ мѣстѣ. Петербургскую даму, мнѣ кажется, можно узнать тотчасъ-же, именно потому, что она очень-ясно напоминаетъ собою Петербургъ, отразившійся въ ея лицѣ, движеніяхъ, словахъ, походкѣ, тонѣ голоса, во всемъ, отъ прически волосъ до цвѣта башмаковъ включительно. Въ нашихъ дамахъ замѣтна та-же самая сонливость и безжизненность, которыми отличается вообще и мужское поколѣніе, нѣсколько въ меньшей степени, но тѣмъ не менѣе поражающія самымъ непріятнымъ образомъ. Конечно, есть между ними такія лица и характеры, которые составляютъ блестящее и яркое исключеніе, но, увы! блескомъ своимъ онѣ еще болѣе отбѣняютъ ту массу однообразныхъ лицъ, которыя остаются позади ихъ, на темномъ фонѣ. Только въ однихъ сказкахъ и преданіяхъ остались эти чудныя русскія красавицы съ очами сокольими, бровями соболями, грудью лебединою и поступью павлиною. Убилъ, навсегда убилъ красоту женщины вышшій естественный образъ свѣтской жизни, утомительныя балы, безсонныя ночи, отвратительныя корсеты, душная атмосфера балныхъ залъ, изнѣженный родъ жизни, безъ движенія, безъ дѣятельности, безъ чистаго воздуха. Въмѣсто прежнихъ сказочныхъ красавицъ, встрѣчаемъ мы блѣдно-желтыхъ, сизо-палевыхъ существъ, съ мутными безжизненными глазами, впавшею грудью, мертвенной худобою плечъ, болѣзненной прозрачностью и вялостью кожи, едва дышащихъ и движущихся. И грустно и жалко смотрѣть на нихъ, и какъ счастію радъ полному и свѣжему личику, на которомъ могли-бы отдохнуть взоры, утомленные длиннымъ рядомъ блѣдныхъ и туманныхъ призраковъ, какъ въ фантастическихъ картинахъ Казота и Жюнеса.

Воспитаніе свѣтскихъ дамъ чрезвычайно-странно и ограничено. Если молодая дѣвушка бѣгло болтаетъ по-французски, играетъ галопъ Листа и этюды Шопена, и танцуетъ мазурку, то этого и довольно. Конечно, кромѣ того, въ лѣта дѣтства имъ преподаются и другія науки: исторія, географія, ариметика, чистописаніе и разныя словесности; но все это, вбитое безъ всякой системы и въ искаженномъ видѣ въ молодыя головы, забывается ими тотчасъ-же по окончаніи ихъ учебныхъ занятій и при поступленіи въ свѣтъ. Въ-послѣдствіи времени онѣ мно-

тому научаются изъ романовъ, и свѣтская жизнь кладеть на нихъ свой ровный, гладкій лоскъ, подъ которымъ не размотришь ума, не добьешься до чувства. Знаніе географіи приобрѣтается путешествіемъ, исторіи — историческими романами, но едва-ли есть женщины въ свѣтѣ, которыя имѣли-бы хоть какое-нибудь понятіе о законахъ физическаго міра, о явленіяхъ природы, объ организмѣ цвѣтка, животнаго и челоуѣка, о чудесахъ астрономіи, химіи, геологіи! Мы впрочемъ и не обвиняемъ въ этомъ нашихъ женщинъ. Дикая система воспитанія, которой держится въ отношеніи къ нимъ весь образованный міръ, виновата въ этомъ гораздо-болѣе, чѣмъ онѣ сами. Послѣ воспитанія, въ этомъ еще болѣе виноваты свѣтскіе кавалеры. Не обладая саміи слишкомъ-разнородными познаніями, они не любятъ встрѣчать въ женщинѣ энциклопедическую образованность и начитанность; увѣряя, что болѣе всего идутъ къ ней наивность и простота. Женщины, разумѣется, вѣрятъ этому.

Свѣтская жизнь у насъ чрезвычайно-скромна и однообразна. «Скучны стали намъ роскошныя забавы предковъ», какъ говорить Лермонтовъ. Нѣтъ и помниа теперь о тѣхъ знаменитыхъ балахъ, о той упоительной жизни русскихъ вельможъ, которыми славился вѣкъ Екатерины II, и первые годы царствованія Александра I. Въ наше время большой балъ — эпоха въ Петербургѣ. Объ немъ говорятъ, какъ объ удивительномъ, рѣдкомъ, замѣчательномъ происшествіи. Степенность и важность заступили мѣсто прежней веселой жизни, въ которой, по-русскому выраженію, было *«море разливанное»*. Замѣчательно, что въ то, почти-сказочное время, когда всѣ жили на распаху, въ танцахъ царствовали степенные гавоты и важныя минуэты; теперь-же, въ наше холодное, сонливое шарканье, называемое нами безо всякой причины *танцами*, — вторглись бѣшеный галопъ и коувальсивная полька; но явленіе ихъ на какомъ-нибудь балу не производитъ оживленія и потрясенія, а напротивъ, кажется, также страннымъ, какъ пляска укушеннаго тарантулой, какъ гримасы и подергиванія труппа подь сильнымъ токомъ гальванической батарей. Мертвецомъ, оживленнымъ на-время магическими чарами, движется свѣтскій балъ съ его танцорами, шагающими съ разбѣреннымъ, автоматическимъ движеніемъ, съ его дамами, похожими, при дрожащемъ блескѣ свѣчей, на муміи, лица которыхъ съ злою насмѣшкою расписала какой-нибудь нескучный художникъ. И на эти машинные, маятниковые переходы надрилей смотрятъ съ улыбкою свинсковъ важныя лица и ста-

рухи, начавшія разрушаться еще при жизни. Войти въ этотъ кругъ нѣтъ никакого труда. Графъ Солмогубъ: «Для того, чтобы попасть въ свѣтъ, не надобно быть ни умнымъ, ни знатнымъ, ни богатымъ, — достаточно имѣть порядочный фракъ и бѣлыя перчатки». Вотъ почему многіе изъ тѣхъ лицъ, которыя могли-бы принадлежать къ большому свѣту не являются въ немъ...

Между высшимъ и среднимъ обществомъ нѣтъ рѣзкихъ границъ, какъ между царствами природы. Есть и въ томъ и другомъ лица, принадлежащія къ тому и къ другому. Есть и такія, которыя сами насильно причисляютъ себя къ большому свѣту, и которыхъ свѣтъ принимаетъ по своей врожденной апатіи, по нежеланію изслѣдовать права, предъявляемыя этими лицами на поступленіе въ большой свѣтъ. Но истинный человекъ *средняго* общества не ищетъ проникнуть въ высшій кругъ. Онъ осуждаетъ всѣхъ львовъ и львицъ, любитъ рассказывать, разумѣется, не безъ прикраесъ, обо всѣхъ скандальныхъ исторіяхъ, предсказываетъ заранѣе паденіе такому-то, рожденіе или окончаніе связи между такими-то. Бѣдный среднееобщественный человекъ! Онъ и не подозреваетъ, что въ этомъ участіи къ поступкамъ большаго свѣта невольно проглядываетъ злость на судьбу, поставившую его ступеню ниже этого заповѣднаго круга. Вообще, среднее общество знаетъ гораздо-лучше всѣ происшествія, случающіяся въ высшемъ, чѣмъ отдѣльные члены его. Есть семейства, которыя, не ѣздя въ большой свѣтъ, принимаютъ у себя одинаково многихъ изъ самыхъ замѣчательныхъ корифеевъ аристократіи. Образованность въ среднемъ кругѣ еще поверхностнѣе, чѣмъ въ высшемъ. Послѣдній имѣетъ еще иногда свободное время справиться съ настоящимъ положеніемъ науки и политикѣ, первому рѣшительно нѣкогда сдѣлать этого, за множествомъ служебныхъ занятій и хлопотъ неофициальныхъ. Большой свѣтъ составляетъ одну общую, сплошную массу извѣстныхъ лицъ, изъ которыхъ всѣ болѣе или менѣе знакомы другъ съ другомъ; въ среднемъ кругѣ есть множество совершенно-отдѣльныхъ кружковъ, изъ которыхъ одинъ часто даже не подозреваетъ существованія другаго. Въ каждомъ кружкѣ есть свои львы, царицы, гениі, души общества, но публичная жизнь въ этихъ кружкахъ еще скучнѣе, однообразнѣе, утомительнѣе. Тамъ вообще одинъ домъ смотритъ на другой, какъ на своего врага, старается скрыть отъ него свой образъ жизни, способъ существованія, свои доходы и расходы, — доходы въ-особенности. Каждый домъ какъ-будто боится, чтобы у него не потребовали

отчета, какимъ-образомъ онъ, получая извѣстные доходы, — проживаетъ вдвое болѣе. Отъ это многіе дома, которые имѣли-бы возможность жить открыто, живутъ очень-скромно, ограничиваютъ свой кругъ знакомства весьма-немногими *нужными* имъ лицами, и съ чрезвычайнымъ трудомъ раскрываютъ для поваго лица двери своей гостиной. Вообще, знакомства въ среднемъ кругу заводятся съ большимъ трудомъ. Все какъ-то боятся и дичатся другъ-друга, ведя часто совершенно-калейную жизнь. По этому, заговорить въ публичномъ мѣстѣ съ незнакомымъ человѣкомъ считается у насъ чуть не преступленіемъ. Хорошо еще, если въ подобномъ случаѣ отвѣтятъ вамъ молчаніемъ, а не грубостію, и сочтутъ васъ только за безнокойнаго и привязчиваго человѣка. Чиновность въ среднемъ кругѣ разлита вездѣ и всюду. Она поглотила все, втерлась въ тайные разговоры двухъ подругъ, забывающихъ при разказѣ о *лиломъ сердцу* упомянуть о его чинѣ и званіи, въ игры маленькихъ дѣтей, ссорящихся за то, что одинъ не хочетъ быть его благородіемъ, когда другой назвалъ себя генераломъ. Только одні романтическія барышни бредятъ усамъ и шпорами, — и то до извѣтнаго возраста; болѣшая-же часть дѣвствующихъ особъ обращаетъ свое благоразумное вниманіе на солиднаго чиновника. Балы въ среднемъ обществѣ даются только для начальства, и то при извѣстныхъ случаяхъ. Того, что Французы называютъ *causerie*, вѣтъ у насъ и въ поминѣ, или перерождается въ рускомъ переводѣ въ *болтовню*. Во многихъ домахъ есть особоназначенные дни для приѣма гостей, обыкновенно разъ въ недѣлю, — другіе, изъ экономіи, назначаютъ ихъ даже черезъ недѣлю. Дни эти устанавливаются собственно для того, чтобы въ другое время никто и не смѣлъ заглянуть къ хозяевамъ. Это будетъ чрезвычайно-неучтиво, и посѣтителю непременно откажутъ. На этихъ *дняхъ*, которые начинаются очень-поздно вечеромъ, господствуетъ, впрочемъ, одинъ преферансъ, — изобрѣтеніе XIX вѣка, достойное стать на ряду съ пароходами и желѣзными дорогами. Тонъ разговора въ этомъ кругу, вообще пошелъ и скученъ до крайности. Кромѣ силетень, разговоровъ о служебныхъ пропешествіяхъ, въ этомъ кругу говорятъ иногда о литературѣ и о чувствахъ, — но Богъ мой! что это за литература, что за приторность и сладенькое пидальничаніе въ чувствахъ! Большой свѣтъ, по-крайней-мѣрѣ, и знать не хочетъ ни чувства, ни литературы. А въ среднемъ обществѣ какія дикія произведенія представляютъ вамъ, какъ образецъ

изящнаго! Чѣмъ восхищаются! Какія жапписовскія и лафонтеповскія любезничанья выдаютъ вамъ за любовь! Почти въ каждомъ кружкѣ есть записной поэтъ, котораго произведенія читаются на вечерахъ, и разумѣется, приводятъ всѣхъ въ восторгъ. Большею частію, поэтъ не печатаетъ этихъ произведеній, увѣряя, что ихъ не пропускаетъ цензура, хотя, въ самомъ дѣлѣ, ихъ не принимаетъ даже ни *Маякъ*, гдѣ, какъ извѣстно, съ успѣхомъ подвизаются гимназисты, кадеты и другіе юные поэты, ни *Библиотека для Чтенія*, которая, твердя, что поэзіи нѣтъ на свѣтѣ и что она давно умерла, доказываетъ это своими стихотвореніями, ежемѣсячно въ ней помѣщаемыми. Бенедиктовъ привилегированный поэтъ этого общества, Маранскій любимый его прозаикъ, Машковъ — юмористъ, Кукольникъ — универсальный геній во всѣхъ родахъ, и въ стихахъ, и въ повѣстяхъ, и въ драмахъ. Множество другихъ странныхъ писателей, съ разными дикими именами, существованія которыхъ литература и не подозреваетъ, вращаются въ этомъ кругу, спутниками около блестящихъ свѣтилъ, упомянутыхъ нами. Юношество этого круга очень часто бываетъ въ Александринскомъ театрѣ, восхищается нашими доморошенными драмами, водевилями гг. Григорьевыхъ старшаго и меньшаго, хлопаетъ до-нельзя гг. Каратыгнину, Григорьеву, Громову, Фомину, г-жамъ Самойловой большой, Левкѣевой, когда она играетъ въ мужскомъ платьѣ, и даже г-жѣ Колосовой!... Юношество это носитъ цвѣтные фраки, танцуетъ съ парикмахерскою ловкостью, завивается и помадится до-нельзя и *мошшеритъ* напропалую. Дамы этого-же общества находятъ, что все это очень къ нимъ идетъ и что они удивительно какіе любезные кавалеры. Впрочемъ должно признаться, что для такихъ дамъ лучше и не надобно *кавалеровъ*. Человѣка съ вѣрнымъ взглядомъ на вещи, съ простымъ образомъ выраженія, съ неутрированными идеями и чувствами онѣ не поймутъ и не оцѣнятъ. Подавай имъ все преувеличенное, растрепанное, ходульное. Рыбы въ ихъ дѣйствительной жизни, — женщины эти удивительныя байронистки и сень-симонистки въ своихъ мечтахъ. Хорошо еще, что мечты эти не осуществляются за немнѣишемъ достойныхъ предметовъ ихъ эксцентрическихъ привязанностей, что изверги-мужчины предпочитаютъ лучше ходить въ департаментъ и писать отношенія, чѣмъ разыгрывать сцены изъ романовъ съ какой-нибудь начальницей отдѣленія. Почти полъ-Коломны женскаго пола влюблено въ *Черкессовъ*, вѣроятно въ воспоминаніе Малекъ-Аделя. Впрочемъ романтическіе исторіи и въ этомъ обществѣ рѣдки, какъ и вооб-

ще въ Петербургѣ, гдѣ почти никогда не переходитъ въ фактъ броженіе мыслей, подавляемое самымъ образомъ мыслей, привычками, наклонностями и даже климатомъ. Всѣ романическія исторіи оканчиваются обыкновенно въ одномъ воображеніи. Мечтательницы поохаютъ, поплачутъ да и выходятъ съ горя за самыхъ нероманическихъ столоначальниковъ. Любви, въ ея настоящемъ и чистомъ значеніи, почти никогда не встрѣтишь въ этомъ обществѣ. Но мы должны признаться, что болѣе всего въ этомъ виноваты мужчины. Въ сердцѣ русской женщины таится много зародышей высокихъ и прекрасныхъ чувствъ. Виноватая она, если воспитаніе не старается развивать ихъ, а дѣйствительная жизнь употребляетъ всѣ средства, чтобы подавить ихъ совершенно. Порывы женщины къ познанію, къ высокому чувству свѣтъ называетъ умничаньемъ и сентиментальностью, и наказываетъ подобную женщину клеветою и презрѣніемъ. Много-ли есть между ними людей, которые смотрѣли-бы на женщину какъ на существо равное себѣ, понимали-бы, что въ сферѣ твореній она стоитъ ни-чуть не ниже мужчины? Большую часть свѣтъ видитъ въ ней какое-то слабоумное и слабонервное существо, годное только на то, чтобы быть хозяйкой, нянькой, кухаркой и иногда любовницей. Увѣряя женщину, что она царица общества, владычица сердецъ, говоря ей подобныя пошлости, когда имѣетъ на нее *виды*, мужчина вообще мало уважаетъ ее въ душѣ своей и рѣзкимъ противорѣчіемъ между добрыми угожденіями и совершеннымъ равнодушіемъ къ ней послѣ брака, самъ портитъ ея характеръ, ея идеи и нравственные убѣжденія. То подиная передъ нею, то обращаясь съ нею какъ съ служанкой, онъ то ставитъ ее на такую вышину, отъ которой очень легко можетъ закружиться у нея голова, то топчетъ ее въ грязь, въ которой она по неволѣ теряетъ чистоту своихъ чувствъ и помысловъ. Сочиняя для нея романы, въ которыхъ любовь поставлена царемъ и двигателемъ блага міра, онъ въ тоже время своими словами и поступками старается ей доказывать, что любовь не существуетъ на свѣтѣ, что первый долгъ женщины повиновеніе и послушаніе мужчинѣ. Воспитаніе и предразсудки такъ раздѣлили эти два пола между собою, что молодому человѣку нѣтъ никакой возможности сказать двухъ словъ съ дѣвушкой иначе какъ въ танцахъ. Да и о чемъ говорить съ нею, если и встрѣтитесь къ этому случай? Чтобы вызвать изъ этого вѣчно-красиваго и потупляющаго глазки существа хоть одну не заученную фразу, надобно быть очень хо-

рошо-знакомымъ съ нею, заставляя ея отвѣчать почти насильно. Еще разъ повторимъ, чѣмъ виновата она, если ея такъ воспитывали, если мужчина иначе не подходитъ къ ней, какъ съ какой-нибудь цѣлью, видя въ ней средство къ достиженію чего-нибудь, или, отъ нечего дѣлать, начинается съ ней *любезничать*. Незавидно положеніе женщины вообще въ цѣломъ мірѣ, но русская женщина терпитъ и переноситъ едва-ли не болѣе другихъ.

Объ *нишемъ* обществѣ намъ остается сказать немного. Въ немъ тѣ-же недостатки и пороки, какъ и въ двухъ предыдущихъ, но выдающіеся рѣзче и угловатѣе, съ прибавкою такихъ, которые принадлежатъ исключительно только этому обществу. Оно бываетъ обыкновенно занято весь день, вечеромъ у него не бываетъ, и члены его рѣдко видятся другъ съ другомъ, если судьба не сдѣлала ихъ близкими сосѣдями. Но за-то они аккуратно празднуютъ свои именины, ставя въ этотъ день послѣднюю копейку ребромъ, приглашая въ свой скромный уголокъ всякаго, кто только захочетъ посѣтить его. И какую высокою комическою картиною являются эти сходки и празднества! Трудно повѣрить, что за типы попадаются иногда въ этомъ странномъ кругу, что за идеи и чувства высказываются въ немъ. Все провинціальныя странности повторяются и въ Петербургѣ, который имѣетъ кромѣ-того еще своихъ собственныхъ оригиналовъ, нигдѣ, кромѣ Петербурга, не встрѣчающихся. И при томъ типы эти такъ разнообразны...

Одна часть города, такъ непохожа на другую, даже сосѣдную съ нею. У Коломни совсѣмъ другія привычки и образъ жизни, чѣмъ у Песковъ и Выборгской-стороны. Въ этой массѣ найдете много пороковъ, но за-то встрѣтите и такіа добродѣтели, какихъ нѣтъ въ другихъ кругахъ. Эгоизмъ не составляетъ здѣсь убѣжденія, не проявляется въ такой наготѣ, какъ въ большомъ свѣтѣ. Въ *нишемъ* обществѣ вообще господствуетъ правило: не заставляй никогда другаго дѣлать то, что можешь сдѣлать самъ. Въ *среднемъ* обществѣ правило это употребляется на оборотъ: не дѣлай никогда самъ того, что можешь заставить сдѣлать другаго. Въ *большомъ свѣтѣ* мысль эта выражается еще проще и обширнѣе: «Не дѣлай для другаго ничего, что можешь сдѣлать для самого себя».

Описывать еще нисшіе слои петербургскаго общества мы не беремся. Поднимать со дна всю тину народонаселенія, растравлять общественныя раны, не будучи въ состояніи залечить ихъ—тяжело и напрасно. Пусть однакоже не думаютъ господа пу-

блидцеты, политико-экономы и финантропы, что эта грязь народонаселения не стоит ихъ вниманія. Въ ней есть много чистыхъ и самородныхъ блестокъ...

До насъ дошло пріятное извѣстіе о новомъ предпріятіи, которое искренно насъ порадовало и которому мы отъ души пожелаемъ успѣха: говорить, будто-бы артисты-водевилисты Александринскаго-театра намѣрены издавать водевили свои, имѣвшіе успѣхъ на сценѣ, отдѣльными книжками, и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ; водевиль *Заколдованный принцъ* уже отпечатанъ, *Дядюшка-болтушка* печатается. Съ Богомъ, господа! Желаемъ вамъ полного успѣха, и искренно ему порадуемся, — порадуемся потому, что ваше предпріятіе избавитъ насъ отъ необходимости печатать и *Заколдованныхъ принцевъ*, и *Дядюшекъ-болтушекъ*, и *Польку*, и *Преферанса*, и другія подобныя, имѣвшія успѣхъ, пьесы, которыя мы печатали иногда скрѣпя сердце. Просимъ васъ покорнѣйше, печатайте ваши произведенія и ваши портреты; *Репертуару* и *Пантеону* есть что печатать, и даже слишкомъ много, и безъ вашихъ произведеній... Предпріятіе ваше еще болѣе будетъ содѣйствовать успѣху нашего изданія: оно дастъ возможность скорѣе возвести *Репертуаръ* и *Пантеонъ* на ту степень литературнаго достоинства, къ которой мы постоянно стремимся.

* * *

Мы такъ душевно радовались предпріятію г-дъ артистовъ-водевилистовъ Александринскаго-театра, такъ радушно хотѣли протянуть имъ руку помощи, а *Иллюстрація*, недѣльное изданіе *всего полезнаго и изящнаго*, ни съ того, ни съ сего, какъ говорится, посяиваетъ между *Репертуаромъ* и *Пантеономъ* и водевилями г-дъ артистовъ Александринскаго-театра сѣмена раздора! За-чѣмъ? Будто это *полезно?* будто это *изящно?* Объяснимся.

Въ 35-мъ N *Иллюстраціи*, на стр. 557 прочли мы слѣдующее: «Нежаловажное извѣстіе перебѣжало намъ дорогу, и мы принуждены были воротиться въ Петербургъ. Какое-же это извѣстіе? Театрально-литературное. Есть предпріятія, которыя (,) при всей очевидной пользѣ (*ихъ или своей*)

(;) не радуютъ. Соперничество у насъ въ литературныхъ предпріятіяхъ едва-ли полезно. Два перевода Дюнопъ-Дюрвиля (?) повредили одинъ другому. Репертуаръ и Пантеонъ лишили одинъ другаго подписчиковъ. (*) Наконецъ *соединились*, сплелись въ *одно единое* (*соединились въ одно единое?*) и что-жь? *Смертельный ударъ угрожаетъ* этому двойному театральному сборнику (странно!), который, *правду сказать*, съ нѣкотораго времени лишился своего *спеціального направленія* (!) до того, что въ немъ помѣщаются юридическіе случаи изъ *Gazette des Tribunaux*. (*) Какъ-бы то ни было, драматическимъ писателямъ слѣдовало употребить всѣ усилія (*зтобы*) поддержать это изданіе и трудами содѣйствовать къ очищенію Репертуара (*и Пантеона*) отъ посторонняго, наноснаго балласта; и что-же? возникаетъ *Т* (*театральный расколъ*?) Авторы пьесъ, играемыхъ на Александринскомъ-театрѣ, съ *будущаго* 1846-го, (года?) *будутъ* издавать сами всѣ тѣ пьесы, которыя имѣли *успѣхъ* на театрѣ, и пр. и пр. Нельзя не похвалить этого предпріятія. (*) Конечно, тѣ пьесы, которыя имѣли на театрѣ успѣхъ, должны быть лучше тѣхъ, которыя не имѣли успѣха, или опрокинулись съ перваго представленія. Для любителей домашняго театра облегчится выборъ пьесъ (отъ чего-же это?); но если всѣ пьесы, имѣвшія успѣхъ на сценѣ, будутъ изданы отдѣльно, то что-же будетъ помѣщаться въ Репертуаръ (*и Пантеонъ*)? это (что — *это?*) лишитъ его всѣхъ *средствъ* (чего?), отниметъ, такъ сказать, *и душу и тѣло*; останется (у) только *одежда*, заглавіе и оглавленіе (чего-же *оглавленіе*, когда останутся только *одежда* и *заглавіе*?) *Къ сожалѣнію*, это предпріятіе не слухъ, не мечта; (:) оно осуществляется, и пр. и пр.

(*) На чемъ *Иллюстрація* основалась, утверждая это? Когда началъ издаваться «Пантеонъ», у Репертуара было 2800 подписчиковъ, у «Пантеона» въ первый годъ, когда онъ выходилъ аккуратно, — было до 1500 подписчиковъ.

(*) Редакція *Репертуара и Пантеона* никогда не выписывала этой газеты; помѣщая-же, въ Смѣсц, по примѣру многихъ журналовъ, нѣкоторыя комическія сцены въ судѣ парижской исправительной полиціи, она думала доставить тѣмъ удовольствіе своимъ читателямъ, тѣмъ-болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ сценъ такъ сами въ водевилъ и просятся. Что-же тутъ за-преступленіе? Въдѣ *Иллюстрація* занимаетъ-же въ столбцы свои *многія полезныя и изящныя* статьи прямо изъ *петербургской Полицейской Газеты*.

(*) И мы сами хвалимъ его, желаемъ ему успѣха, хоть и не ручаемся за успѣхъ.

Мы возвестили объ этомъ, какъ о новости, но не можемъ скрыть *нашего неудовольствія, предвидя послѣдствія для обоихъ изданій*.

Эта статья была-бы очень-хороша, еслибъ въ ней было побольше логической послѣдовательности и грамматической исправности. Что хотѣла сказать *Иллюстрація*? Хорошо это предпріятіе или дурно? Хорошо? — За-чѣмъ же она сожалеетъ? («Къ- сожалѣнію это не слухъ, не мечта».) За-чѣмъ она *не можетъ скрыть своего неудовольствія*, возвѣщая объ немъ. («Мы возвѣщаемъ объ этомъ, но не можемъ скрыть нашего неудовольствія...»)? — Дурно? — За-чѣмъ-же она говоритъ выше: «Нельзя не похвалить этого предпріятія?» — Понимайте, какъ знаете! *Иллюстрація* иначе ни о чемъ не выражается: каждый нумеръ ея — растлутая на 20-ть страницъ загадка!

Итъ, мы скажемъ наше мнѣніе гораздо-явнѣе и прямѣе. Мы искренно желаемъ успѣха предпріятію г-дъ артистовъ-водевиллистовъ Александринскаго-театра, желаемъ успѣха ему для успѣха нашего собственного изданія. *Репертуаръ* и *Пантеонъ* никогда не жилъ и не будетъ жить успѣхами Александринскаго-театра, никогда не былъ и не будетъ въ этомъ мысли *спеціальною* изданіемъ: эта спеціальность пригрѣзлась «*Иллюстраціи*», вѣроятно, въ одну изъ сладкихъ минутъ ея самозабвенія. Правда, «*Репертуаръ*» (до соединенія его съ «*Пантеономъ*») ограничивался исключительно печатаніемъ пьесъ, игравшихъ на сценѣ (впрочемъ и то не всегда) и театральною хроникою; но съ того времени, когда сцена наша запрудилась водевилями г-дъ артистовъ-водевиллистовъ, имѣвшими успѣхъ, онъ, видя, что отъ такихъ успѣховъ самъ будетъ имѣть никакого успѣха, соединился съ «*Пантеономъ*», и свою программу сдѣлалъ, или, выражаясь языкомъ *Иллюстраціи*, *соединилъ въ одно единое* съ программой Пантеона, программой обширной, вмѣщавшей въ себя и *непереведенныя* драматическія произведенія, оригинальныя и переводныя, и статьи, относительныя теоріи и исторіи сценическаго искусства (біографіи артистовъ, записки и пр.) и статьи о музыкѣ, и бельетристичку (повѣсти и рассказы) и разборы драматическихъ писателей, и театральную хроникку, и мало-ли еще что, чего въ предпріятіи г-дъ артистовъ-водевиллистовъ Александринскаго-театра читатели не увидятъ. Какую-же спеціальность предписываетъ намъ *Иллюстрація*? Далеко-бы мы ушли съ драмами и водевилями Александринскаго-театра!

Не безпокойтесь, почтенная «*Иллюстрація*»! *Репертуару* и *Пантеону* предлежитъ поприще обширное: передъ нимъ все европейскіе театры, древніе и новыя, съ своими сокровищами, еще почти у насъ нетронутыми, и которыя новыше водевилей, имѣвшихъ успѣхъ на Александринскомъ-театрѣ; передъ нимъ цѣлый міръ сценическаго искусства, съ его дѣйствителями, жизнь которыхъ представляетъ столько любопытнаго для всякаго образованнаго читателя; передъ нимъ русскіе драматурги, прошедшіе и настоящіе, о которыхъ «*Репертуаръ* и *Пантеонъ*» надѣется представить свои со-

вѣстливые этюды (въ томъ числѣ и о драматическихъ произведеніяхъ Н. В. Кукольника, въ непродолжительномъ времени); однимъ словомъ, просмотрите программу «Репертуара и Пантеона», и вы увидите, что и безъ водевилей артистовъ-водевильстовъ Александринскаго - театра *Репертуару Пантеону* есть чѣмъ наполнять свои страницы, отъ заглавія до оглавленія. Благосклонное вниманіе публики, которымъ редакція имѣетъ счастье пользоваться уже *четвертый* годъ, съ каждымъ голомъ увеличиваетъ средства *Репертуара и Пантеона*, такъ, что онъ, не только не оттягиваетъ у своихъ подписчиковъ, подл разными благовидными предлогами, одинъ или два нумера въ годъ, но даетъ еще, по суммѣ листовъ годоваго изданія, до четырехъ толстыхъ книжекъ сверхъ обѣщанія, какъ напримѣръ, сдѣланъ это въ прошедшемъ году. Это обстоятельство можетъ ручаться за прочность существованія *Репертуара и Пантеона* на будущее время. чего мы искренно желаемъ и *Иллюстраціи*, изданію *всегда полезнаго и изыскаго*, и водевилямъ г-дъ артистовъ водевильстовъ Александринской сцены.

* * *

«*Астры піесъ*, играсмыхъ на Александринскомъ-театрѣ, будутъ издавать самъ всѣ тѣ піесы, которыя имѣли успѣхъ на театрѣ», говоритъ *Иллюстрація*. Осмѣливаясь спросить, какіе-же это авторы? Гдѣ они? Укажите намъ. Г-да артисты-водевильсты Александринскаго-театра, — Каратыгинъ 2-й и Григорьевъ 1-й? Но г. Каратыгинъ 2-й въ *два* года написалъ *одинъ* только водевилъ *Вицъ-мундиръ*, да и тотъ не имѣлъ успѣха на сценѣ, и рѣшительно ниже всѣхъ прежнихъ водевилей г-на Каратыгина, Г. Григорьевъ, правда, плодовитъ, но его плодовитость въ послѣднее время выразилась въ *Полькѣ*, въ *Препферансѣ*, въ *Домашнемъ Театрѣ*, въ водевилѣ *Мужъ, сыщи мнѣ собаку* — такихъ произведеній, которыхъ *Репертуаръ и Пантеонъ* ни за что не приметъ на свои страницы, и которыхъ, навѣрное, никто даже и не подумаетъ играть на *домашнемъ* театрѣ. Какимъ-же образомъ черезъ изданіе подобныхъ водевилей *для любителей домашняго театра облежится* выборъ піесъ? какъ утверждаетъ *Иллюстрація*? Изъ другихъ авторовъ, имѣющихъ успѣхъ на Александринской сценѣ, Н. А. Полевой въ послѣднее время ничего на театрѣ не отдавала, а написанную имъ драму *Рыцарь Леонарда*, равно какъ и другія, которыя напишетъ, исключительно предоставитъ *Репертуару и Пантеону*, и самъ уполномочилъ насъ объявить объ этомъ; *П. С. Оедровъ*, котораго умные, милые, благородные водевили дѣйствительно удобнѣе всѣхъ для домашняго театра, постоянно печатаетъ и будетъ у насъ печатать свои произведенія *);

*) Въ следующей книжкѣ мы помѣстимъ его новый водевилъ: *Вотъ какъ летится шны въ Гельсингфорсъ*.

Д. Т. Лескнй — нашъ сотрудникъ постоянный, и въ нынѣшнемъ году мы надѣемся пробудить его дѣятельность. Кто еще эти *авторы*, которые сами будутъ издавать свои піесы? Мы, право, не знаемъ! Явится новое замѣчательное дарованіе, новое произведеніе, имѣющее дѣйствительное достоинство, мы первые употребимъ все зависящія отъ насъ мѣры, чтобы получить право напечатать его на страницахъ *Репертуара и Пантеона*, достойно вознаграждая за литературный трудъ, что извѣстно и почтенному издателю *Иллюстрацій*, Н. В. Кукольникову, дозволившему намъ напечатать, въ 1844-мъ году, (когда средства *Репертуара и Пантеона* далеко не были таковы, каковы теперь) въ нашемъ изданіи его *Басенка*.

* * *

Милостивый Государь — писалъ одинъ помѣщикъ къ книгопродавцу, — прошу васъ покорнѣйше выслать для меня, по нижеприложенному адресу, книгу: *Созиненія Державина*, въ одномъ томѣ; но такъ, какъ я большихъ книгъ не люблю, то прикажите отпечатать для меня эту книгу въ маленькомъ размѣрѣ, почему и высылаю вамъ двойную пѣну — *шесть рублей серебромъ*.

Вашъ покорнѣйшій слуга и пр.

Это не выдумка.

* * *

Въ одномъ изъ американскихъ журналовъ, некрологъ оканчивается слѣдующими словами:

«Со смертію этого человѣка общество теряетъ одного изъ полезнѣйшихъ членовъ своихъ, церковь добродѣтельнаго человѣка, жена его вѣрнаго и добраго мужа, а мы — постоянного подписчика.»

* * *

Недавно въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ парижскихъ модныхъ магазиновъ, молодая дама, прекрасно одѣтая, *взяла безъ позволенія хозяина дорогую кашемировую шаль*. Но такъ какъ все стѣны покрыты зеркалами, то одному изъ прикащиковъ удалось замѣтить похищеніе. Дама немедленно возвратила шаль, объяснивъ, что она *взяла* ее только потому, что у нея теперь денегъ нѣтъ, но что она непременно заплатила-бы. Ее отпустили.

Нѣсколько дней спустя, въ магазинъ вошелъ какой-то господинъ, увѣнчанный орденами, и выбравъ одну изъ шалей, приказалъ ее отнести по адресу, гдѣ и будутъ немедленно уплачены деньги; если шаль повравится.

Отправили прикащика въ означенный домъ. Тамъ служанка сказала ему, что маркиза беретъ теперь ванну, но что она велѣла показать ей шаль.

Нѣсколько минутъ спустя, служанка воротилась, и отдала пакетъ прикащику, сказавъ ему, что шаль не нравится маркизѣ, и что она сама заѣдетъ, чтобы выбрать себѣ другую.

Прикащикъ воротился въ магазинъ; открыли пакетъ, и нашли въ немъ старую, изношенную шаль, при слѣдующей запискѣ:

«Вы очень-милы; вы исполнили желаніе мое, приславъ мнѣ шаль, мысль о которой не давала мнѣ спокойно уснуть. Примите увѣреніе» и пр.

Знаете-ли, что это такое? Вся эта исторія *пуфъ*, выдуманный хозяиномъ моднаго магазина, чтобы обратить на себя вниманіе публики!....

* * *

— Что за неловкость государь мой, вы чуть-чуть не сшибли меня съ ногъ.

— Повѣрьте, что это нечаянно; милостивый государь.

— Чортъ возьми! Вотъ хорошо! Еще-бы вы толкнули меня нарочно!

— Слѣжайте одолженіе, извините.

— Этого мнѣ мало!

— О, если такъ, я къ вашимъ услугамъ, милостивый государь: что вамъ угодно!

— Одолжите огня закурить сигару, которую вы потушили.

* * *

Въ Сѣверной Америкѣ судья недавно произнесъ слѣдующую рѣчь къ преступнику, осужденному на смерть:

«Джонсъ» — такъ звали преступника — «уголовный судъ имѣлъ намѣреніе отложить казнь твою до будущей весны; но теперь наступили жестокіе морозы, и темница наша въ самомъ жалкомъ состояніи. Стекла разбиты; печей нѣтъ; число преступниковъ такъ велико, что мы не можемъ дать болѣе одного покрывала на человѣка.

«По всемъ этимъ причинамъ и изъ опасенія, чтобы ты не занемогъ, и чтобы укоротить сколь возможно страданія твои, мы рѣшили, что ты будешь казненъ завтра, послѣ обѣда, когда тебѣ будетъ время.»

* * *

Во Франціи, на одномъ изъ провинціальныхъ театровъ, случилось недавно слѣдующее происшествіе: антриса, занимавшая первыя роли молодыхъ любовницъ въ водевилахъ, играла въ одной пьесѣ, гдѣ роль ея требовала большаго увлеченія. Въ принадлежкѣ неистовой страсти, мамзель Пининъ махнула руками и, сронивъ со стола дорогую лампу, разбила ее въ дребезги. Директоръ, по личнымъ отношеніямъ къ артисткѣ, не хотѣлъ вычестъ у нея изъ жалованья понесеннаго театромъ убытка, и потому, привязавшись

къ статистамъ, исполнившимъ впрочемъ очень-хорошо свое дѣло, наложили штрафъ слишкомъ на тридцать человекъ. Сумма не только покрыла издержки на покупку новой лампы, но еще лишніи деньги были отданы актрисѣ на башмаки.

Иллюстрація упоминаетъ о домашнихъ театрахъ. Прекрасно! Мы сами думаемъ, и въ особенности теперь думаемъ преимущественно объ этой сторонѣ *Репертуара и Пантеона* относительно помещаемыхъ въ немъ драматическихъ произведеній. *Репертуаръ и Пантеонъ*, по нашему убѣжденію, долженъ имѣть въ виду преимущественно иногородныхъ подписчиковъ (которыхъ число всегда больше городскихъ), следовательно, долженъ особенно стараться быть полезнымъ для *провинціальныхъ* и для *домашнихъ* театровъ. Но, спрашиваемъ *Иллюстрацію*, съ-тѣхъ-поръ, какъ она узрѣла свѣтъ и слѣдить за театрами, нашла-ли она во всѣ наши бенефисы хоть одну піесу (за исключеніемъ *Квартиры на Бугоркахъ*, П. С. Федорова, напеч. въ 12-й кн. Р. и П., 1845 г.), которую можно было-бы дать на домашнемъ театрѣ. Если *Иллюстрація* рѣшится сказать по совѣсти, то, право, нѣтъ. *Вицъ-мундиръ* г-на Каратыгина 2-го для домашней сцены не годится; *Бухеты* графа Соллогуба и того менѣе. Но мы думаемъ и придумали прекрасное средство пособить этому недостатку. Такъ-какъ наша сцена живетъ преимущественно французскими піесами, то мы, выбирая лучшіе водевилы и комедіи (т. е. благородныя, чистыя, которыя не краснѣя могутъ смотрѣть, читать и разыгрывать воспитанныя дѣвѣцы), игранныя съ *полнымъ успѣхомъ на Михайловской сценѣ* — сценѣ образованнаго вкуса par excellence, немедленно будемъ или переводить ихъ, или, если это будетъ удобно, передѣлывать на русскіе нравы, — поручая переводъ или передѣлку людямъ съ образованіемъ и вкусомъ, знающимъ языкъ съ котораго переводятъ, и владѣющимъ русскимъ языкомъ и русскимъ куплетомъ, — не дожидаясь появленія этихъ піесъ на Александринской-сценѣ, гдѣ они переводятся съ грѣхомъ пополамъ. Этого мало: большею частію на домашнихъ театрахъ у насъ играютъ французскія піесы; если изъ числа подписчиковъ *Репертуара и Пантеона* найдется нѣсколько желающихъ выписывать новыя французскія піесы для домашняго театра, то мы съ удовольствіемъ примемъ на себя и выборъ и доставку этихъ піесъ, за самое ничтожное вознагражденіе.

Бояться соперничества, соревнованія, значитъ не имѣть довѣренности къ самому-себѣ, къ собственнымъ силамъ. Мы желаемъ соперничества или соревнованія, ибо оно даетъ жизнь, пробуждаетъ энергію.

Въ одномъ министерствѣ былъ чиновникъ, служившій слишкомъ 15 лѣтъ помощникомъ столоначальника. Несправедливость начальника кончилась съ его смертію: новый начальникъ при первомъ случаѣ повесилъ чиновника жѣстомъ. Товарищи его, при поздравленіи съ наградою по службѣ, говорили ему, что онъ взялъ это мѣсто *лбомъ*. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, вы ошибаетесь господа: я это мѣсто взялъ не лбомъ, а горбомъ!

НЕБЫВАЛОЕ ВЪ РОССИИ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Мы не можемъ отказать въ напечатаніи слѣдующаго доставленнаго къ намъ объявленія, которое объявитель даетъ право перепечатывать кому угодно.

«По древнему обычаю, въ заморскихъ странахъ, желающіе принять на себя узы брака, публикуются въ газетахъ. — Мнѣ кажется, что обычай этотъ заслуживаетъ подражанія, и я нижеподписавшійся рѣшаюсь ему послѣдовать. — Извольте слушать:

«Ростомъ наградила меня судьба порядочнымъ. — Наружность, не знаю какъ кому, а по мнѣ сносна. — Считаютъ меня брюнетомъ. — Корпуленцію мою можно назвать среднею, между верстовымъ столбомъ и зажигательною спичкою, ближе однако-жъ къ послѣдней. — Иностранные языки разумью, сколько нужно для домашняго обихода. — Состоянія родоваго достаточно, чтобы самому тучному человѣку не умереть съ голоду, даже при трехлѣтнемъ неурожаѣ. — *Приобрѣтениаго-же благо*, а также и не *благоприобрѣтениаго* не имѣю. Жалованье получаю не малое, — наберется тысячъ на семь, ассигнатурой. — Квартира до того хороша, что хотя-бы и не мнѣ. Характеръ мой и правила любятъ многіе, но большая часть не навидятъ. — Это отъ того, что люди одарены разными вкусами. Горячихъ не употребляю, лѣта свои скрываю, жену имѣть желаю, и ей лѣтъ не назначаю; а только одно объясняю, что когда идетъ дѣло объ интересѣ, то я держусь общаго правила: чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и хорошею цифрею считаю всякую, которая слѣдуетъ за сотнею, разумѣя тысячъ, будь то благороднаго металла, или въ знакахъ представительныхъ.

«Фигуру мою можно встрѣтить на Невскомъ-проспектѣ, и по особо-озабоченному виду, не трудно догадаться, что я тотъ страдалецъ, который жаждетъ узы брака; впрочемъ по-временамъ можно меня найти въ квартирѣ No 7, въ одной изъ лучшихъ улицъ столицы, въ домѣ, между двухъ магазиновъ, — которыхъ я весьма-частый посѣтитель».

СМЪСЪ.

КНИГА -- НЕ ВЕЩЬ, ИЛИ ЧИТАТЕЛИ НА ДАРОВЩИНКУ.

(Изъ записокъ провинціала.)

Въ-самомъ-дѣлѣ — книга не вещь?

Каждый пезначущій предметъ изъ нашихъ жизненныхъ потребностей носитъ названіе вещи, — а книга — не-вещь?... Чудно!

Если вы попросите, напримѣръ, пальто, пробѣжать въ немъ кварталъ — вамъ скажутъ: Отъ-чего вы не имѣете своего, и не стыдно-ли вамъ въ чужомъ щеголять? А если дождь замочить, а если украдутъ у васъ пальто?... Тогда вы со мной не такъ-то раздѣляетесь: *здѣь это вещь, за нее деньги платятъ!*...

Если вы дадите, — или ибѣтъ, — если у васъ насильно возьмутъ прочитать, пробѣжать только-что полученную книгу, и, благодаря счастью, чрезъ мѣсяць получите книгу — изорванную, испачканную, безъ начала, безъ середины, безъ конца, книгу, исписанную пошлыми комментаріями на слогу автора, подобными этимъ: «Вотъ глупость изъ глупостей; это нужно вотъ-этакъ сказать; этотъ романъ не стоить читать (когда уже прочитанъ); это не такъ, это этакъ», и проч., и проч., и на каждомъ листкѣ не видно пробѣловъ книги отъ гениальныхъ замѣтокъ читателей! И для чего они пишутъ перомъ и карандашомъ противу каждой строки на чужой книгѣ? кто ихъ просить? Они пишутъ такъ-себѣ, показать, что и они разсуждаютъ. И вы принуждены съ трудомъ вытирать ихъ возвышенныя мысли съ полей книги. Да, говорю я, тогда вы съ грустію посмотрите на книгу, которая досталась вамъ въ потѣ лица, и за которую вы заплатили чуть-ли не мѣсячное ваше жалованье, — и если вы заик-

нетесь взятелю о беспорядкахъ книги, онъ съ усмѣшкою отвѣтитъ :

— Такъ что-жь? есть о чемъ толковать! какъ будто я *какую вещь* испортилъ... можно переплести.

Вы скажете, что книга вамъ не даромъ досталась; что переплеть къ чорту полетить, когда двадцать разъ вывернуть книгу, а онъ отвѣтитъ: *ничего!*

Что ему на это сказать?... Не дать ему въ другой разъ?...

Но вы, въ первой досадѣ, точно поклянетесь не давать книгу никому.... Черезъ нѣсколько-же времени, тотъ-же вашъ пріятель придетъ къ вамъ съ грустною миной, съ сожалѣніемъ, что онъ или не онъ, нечаянно изорвалъ, растерялъ листки изъ вашей книги, съ увѣреніемъ, что онъ больше никому не дастъ вашей собственности; что... и мало-ли наговорить вамъ увѣреній? и вы уже забыли первую досаду (таковъ человекъ), даете ему другую книгу — и съ нею та-же исторія, и вы снова сердитесь, и такъ далѣе. О, эти книги не одинъ фунтъ испортятъ вашей крови!

Вотъ вышли въ свѣтъ журналъ или книга, посылаешь въ столицу деньги; ждешь не дождешься присылки.... нѣсколько разъ въ недѣлѣ бѣгаешь на почту, нѣтъ-ли посылки, — наконецъ получишь....

Покуда любишься оберткой, бумагой, шрифтомъ.... начнешь съ ашкетомъ, съ разстановкой разрѣзать, а тутъ, какъ свѣгъ на голову — *читатель на даровицинку* (или, какъ у насъ говорить *на дурничку*) — пріятель А. А.

— А, mon cher, новыя книги? .. bravo! Я советмъ было со скуки умерь!... Вотъ счастье!... Чье сочиненіе?... Ахъ, я этого не читалъ.... дайте пожалуйста, я.... Но, что вы на меня такъ странно смотрите? Не бойтесь, не изорву.

— Хорошо, дамъ; только я самъ еще не читалъ....

— Да вѣдь это ваша книга?

— Моя.

— Ну, такъ вы можете во всякое время прочитать. Дайте, сдѣлайте милость, я скоро прочту....

— Но я самъ хочу прежде прочитать, послѣ....

— Нѣтъ, теперь дайте; у васъ вѣдь есть что читать, а у меня ровно ничего, пожалуйста!...

— Но кто-жь виноватъ, что у васъ нѣтъ?...

— Выписывать? Фи, тратить деньги на такіе *пустяки*... я лучше....

— Ну такъ я-же вамъ не дамъ *пустяковъ!*

— Вотъ вы ужъ и разсердились. Я пошутилъ, да притомъ, еслибъ были у меня *лишнія деньги*, то, вѣрно, я выписывалъ бы еще *больше* вашего.

— А развѣ у меня есть *лишнія*? Вы, можетъ-быть, не знаете, что я.... да что вамъ говорить!...

— Дадите?... Вотъ видите-ли, выписать не штука, но хлопотъ пропасть — писать, отсылать....

— А деньги какъ-то не отсылаются, правда?

— Притомъ у меня нѣтъ знакомаго книгопродавца.

— Я вамъ порекомендую, — книгопродавцы за деньги всемы знакомы.

— Такъ вы не дадите? Я вамъ завтра-же доставлю; цѣлую ночь на-пролетъ буду читать... будьте увѣрены, если.... Ну, честное слово!... А ужъ на тотъ годъ я буду самъ выписывать, — не буду у васъ просить... дайте-же.

— Ахъ, какіе-же вы...

— Ну, что долго говорить, — завтра принесу, непременно принесу....

П г. А. А., недождавшись вашего разрѣшенія, выхватываетъ у васъ изъ рукъ полуразрѣзанную книгу — и давай Богъ ноги...

Какъ вы думаете, любители собственныхъ книгъ, сердиться, или смѣяться послѣ такихъ продѣлокъ *прітелей-читателей*, на даровщинку?

— Вы думаете, что онъ на другой, третій день пришлетъ — ни чуть не бывало.

Черезъ нѣсколько времени послѣ описанной сцены, вы встрѣчаете другаго читателя на даровщинку — Е. Е.

— Вы читали, спрашиваетъ онъ: сочиненіе N. Да, кажется, это ваша книга у меня.... Вы кому ее дали?

— А вы у кого ее взяли?

— У Д. Д.

— Ай, ай!...

— Что такое?

— Ничего. Книгу эту у меня взял на одинъ день А. А., — А. А., вѣрно, далъ на полдня В. В., — В. В., вѣрно, далъ почитать на три часа С. С., — а послѣдній вручилъ вамъ дочитать и дорвать. А въ какомъ она здоровьѣ? Я ее уже съ мѣсяцъ не видѣлъ.

— Да, ужъ нѣчего рвать, — она вся изорвана; я такую получилъ отъ Д. Д.

— Охъ!... Я пришлю за нею къ вамъ, — пожалуйста отдайте, я самъ еще не читалъ.

— Нѣтъ, сегодня не присылайте, — я ее отдалъ К. К.; онъ обещалъ завтра прислать, и я вамъ ее пришлю. А славный романъ, занимательный; хотя не *множко того.... мѣстами....* До-свиданія.

— Пойдите. И вы, вѣрно, на поляхъ книги написали комментарий на тѣ мѣста, которыя, по выраженію вашему, показались вамъ — *того....*

— Тамъ и безъ моихъ довольно-написано.

— Скажите, пожалуйста, отъ-чего вы сами не выписываете

книгъ и журналовъ? Вамъ, кажется, *обстоятельства позволяютъ*, и у васъ есть *лишнія деньги*.

— Вотъ прекрасно!... Для чего мнѣ *терять деньги* на книги, которыя прочтешь, а потомъ бросишь, когда я могу пользоваться ими *такъ!*

— Скажите-же, пожалуйста, для кого будутъ издаваться книги? — Вы хотите пользоваться — *такъ, на даровщинку*; другой тоже *такъ*, пятый, десятый; а ужъ, можетъ-быть, двадцатый купить книгу, а послѣ вашихъ надокукъ и вашихъ чтеній, и двадцатому отпадетъ охота имѣть библиотеку изорванныхъ книгъ, и чрезъ нихъ получить столько неприятностей. Положимъ, книгопродавецъ издастъ книгу — загляднѣе, — пуститъ въ продажу двѣ тысячи экземпляровъ, и едва продастъ въ годъ половину; неужели въ Россіи одна тысяча читающихъ русскія книги?... Нѣтъ, ихъ миллионы, и изъ нихъ $\frac{9}{10}$, подобно вамъ, пользуются чтеніемъ книгъ *такъ*. Лучше бросить деньги на что-нибудь неоптребное, чѣмъ купить книгу, — вѣдь это не вещь!... Послѣ этого, изъ какой-же пользы писать и издавать книги?...

— Ну, полноте, вы, вѣрно, выпишиваете, и потому вооружаетесь противъ насъ.... Я замъ завтра пришлю вашу книгу — будьте увѣрены!...

Въ столицѣ есть кабинеты для чтенія; въ каждой библиотекѣ можно абонироваться для чтенія, и тамъ, на-вѣрное, мало читателей на даровщинку. Если-же какой и попроситъ, то его можно пристыдить: отъ-чего онъ не абонируется въ библиотекѣ; задѣтъ его самолюбіе, что у него, вѣрно, не на что записаться, — и, я думаю, послѣ этихъ словъ, читатель на даровщинку не закнется объ одолженіи почитать вашей книги. Но у насъ этого ничего нѣтъ, и любителю книгъ все нужно выпишивать изъ-за тысячи верстъ, а по этому провинціальному читателю большое поле для оправданій.

Пошлешь за книгой — отвѣтъ: дочитываютъ, не дочитали; а въ-самомъ-дѣлѣ, книги и въ домѣ нѣтъ: у него (читателя), есть пріятели, у пріятелей пріятели, и такъ далѣе, — и каждый проситъ такъ убѣдительно, представляется такимъ невиннымъ, готовымъ хоть сейчасъ на сто, на двѣсти рублей выписать книгу... и какъ не дать!... Посудите!

А книги съ картинами!..

— Одолжите мнѣ книгу съ политпажами, — я ужасно люблю читать иллюстрированныя изданія, говоритъ вамъ важное жабо.

— Съ удовольствіемъ... но у васъ дѣти!... если!...

— О, будьте увѣрены, мои дѣти такъ умны, что!...

— Извольте!... только!...

А почему вы такъ изъясняетесь робко, деликатно съ этимъ господиномъ?

Вотъ почему: онъ, вѣрно, вашъ начальникъ, или покровитель и благодѣтель, — увы! какъ прикажете съ ними!..

— Ну, ваши книги съ картинками славно читають дѣти г-на жабо — всѣ стѣны облѣплены картинками и политипажами изъ вашихъ книгъ, — славный вышелъ эффектъ!.. Вотъ я просилъ, — такъ вы мнѣ не дали — такъ вамъ и надо, — говорить вамъ съ усмѣшкою пріятель, которому вы на-отрѣзъ отказали дать почтять великолѣпное изданіе.

Или, если вы заняты чѣмъ-нибудь, или отдыхаете послѣ трудовъ, и васъ, на-примѣръ, вдругъ толкнетъ кто-нибудь изъ домашнихъ: —

— Баринъ — а — баринъ!....

— Убирайся!.. Ну, что тебѣ — говори?

— Да вотъ прислалъ....

— Ну, отъ кого, — за чѣмъ!

— За книгами-съ.

— Было сказать, что я отдыхаю, — не знаешь!

— Говорилъ-съ; но ему некогда дожидаться... и просили непременно...

Да, тутъ невольно (каюсь!) вылетитъ у васъ такое словцо въ пользу.... что чудо!.. Но, посудите сами: перебитый сонъ, въ то самое время, какъ только начали забываться, — хоть кого выведетъ изъ терпѣнія..

Боже мой милостивый! если-бъ описывать всѣ непріятности, получаемыя въ провинціи, гдѣ нѣтъ публичныхъ библиотекъ, отъ господъ читателей на даровщинку, то, увѣряю васъ, вы-бы отказались отъ книгъ, отъ чтенія, лишь-бы оставили васъ въ покоѣ.

Напримѣръ: если пришлютъ (что бываетъ очень-рѣдко), вашу, уже прочитанную книгу — начнете перелистывать, — на первомъ листѣ нумерація: 1, 2, — далѣе 7, — гдѣ-же нѣскольکو листовъ? Перевернешь туда сюда, — смотришь — болѣе половины листовъ, вмѣстѣ съ картинками — какъ не бывало... И, въ досадѣ, швырнешь книгу на полъ, — и бѣдный безчленный романъ такъ вострепнется, какъ сердечко красавицы при печальномъ взглядѣ на милаго ..

И грустно, грустно посмотритъ на разрозненные листки книги, валяющіяся на полу....

Вотъ ваше долгое ожиданіе получить книгу, — вотъ ваши трудовыя деньги!..

Досадно!..

— Нѣтъ-ли у васъ, баринъ, ненужныхъ бумагъ, спрашиваетъ васъ на тотъ часъ кухарка.

— Вотъ, возьми на полу.

— И, баринъ, — это книги, — можетъ, вамъ будетъ нужно, мнѣ вѣдь....

— Подбери, говорятъ тебѣ, и убирайся!

Итакъ, ваши книги — на кухню. Листками прекраснаго дорогаго романа вытирають ножи и кострюли!... И вотъ когда листки изъ вашей книги дѣлаются... *вещью!*.. Управительница кухни

вносить ихъ въ изустный реестръ своихъ кухонныхъ вещей!...

Тогда не смѣй никто ихъ брать — это вещи!..

О, если-бы хоть половина изъ этихъ читателей на даровщину и романтическихъ старухъ читательницъ, вмѣсто того, чтобы бросать деньги Богъ знаетъ куда и на что, запасались книгами; тогда-бы у насъ были и прекрасныя дешовыя изданія (такъ я думаю) и въ частныхъ библіотекахъ цѣлыя книги, (это вѣрно).

Теперь обращаюсь я къ господамъ *безкнижникамъ* или *любителямъ чтеній чужихъ книгъ*: не сердитесь вы на меня, что я высказалъ хоть и неладно и нескладно, — всю правду въ глаза: право я вамъ желаю добра, только....

.... Ну, да и вы-же намъ, баблюфиламъ, пожелайте *онаго*. Хорошо? .

Николаевъ.

И. Бар—евъ.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГЕНІЙ-КОМПОЗИТОРЪ.

Въ Лондонѣ недавно случилось удивительное происшествіе. Въ одной изъ маленькихъ улицъ этого исполина-города, проживалъ съ нѣкотораго времени незнакомецъ, недурной собою, благородной наружности; онъ всегда исправно платилъ за квартиру и за все, мало говорилъ и почти все свое время проводилъ за фортепіанами; но въ игрѣ его и въ томъ, что онъ игралъ, должно-быть что-нибудь было особенное, потому-что, когда онъ игралъ, отворивъ окна своей комнаты, то на улицѣ всегда собиралась толпа слушателей. Въ одно воскресенье, утромъ, молодой артистъ вздумалъ, по обыкновенію, заняться музыкой. Хозяйка дома попросила его, однакожь, не играть, (потому-что это было воскресенье, а въ Англіи въ этотъ день всѣ увеселенія изгоняются); онъ не послушался. Хозяйка принесла на него жалобу въ полицію, и въ-слѣдствіе этого явился полицейскій, чтобы заставить молодаго человѣка не нарушать правилъ, предписываемыхъ англійскими законами. Но, входя въ комнату, полицейскій чиновникъ певольно остановился на порогѣ и дослушалъ до конца піесу, которую разыгрывалъ молодой артистъ. Потомъ, по требованію хозяйки, онъ вошелъ къ молодому человѣку, учтиво попросилъ его не нарушать воскресныхъ правилъ, и спросилъ объ его имени.

— Имя мое Эдгаръ Мансфельдъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Вы композиторъ? оперный композиторъ?

— Къ чему вамъ спрашивать меня объ этомъ? сердито возразилъ молодой человѣкъ.

Полицейскій чиновникъ раскланялся и удалился; онъ началъ вездѣ рассказывать о молодомъ артистѣ, о его необыкновенной

музыкѣ, такъ, что скоро слава о Эдгардѣ Мансфельдѣ распространилась по всему Лондону. Одинъ знатокъ и страстный любитель музыки, сговорившись съ другимъ, такимъ-же пламеннымъ любителемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ богатымъ и знатнымъ человекомъ, рѣшился сблизиться съ молодымъ композиторомъ. Они наняли нарочно комнату возлѣ самой его квартиры, слѣдили за нимъ безпрестанно, успѣли наконецъ, познакомиться съ нимъ и стали просить, чтобы онъ позволилъ имъ поставить свою оперу на Дрюлиленской сценѣ. Но, о чудо! молодой человекъ, вмѣсто того, чтобы, какъ они ожидали, обрадоваться этому предложенію, отвѣчалъ имъ сухо, что онъ вовсе не думаетъ объ этомъ. Стали приставать къ нему, и наконецъ наскучили ему до того, что онъ вынужденнымъ нашелся написать учтивое письмо къ своимъ почитателямъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «Я вовсе не добиваюсь имени композитора, потому что самые пошлые люди называютъ теперь себя этимъ именемъ. Я и не думаю ставить на сцену свою оперу, потому что какую музыку всего охотнѣе теперь слушаютъ? Во Франціи считаютъ Берліоза за величайшаго, оригинальнѣйшаго композитора, и Давида за огромный талантъ; въ Германіи правится Бальфъ; въ Италиіи и на Сѣверѣ владычествуетъ Донидзетти, въ Англии никто меня не пойметъ и не полюбитъ, потому что у меня нѣтъ ни нѣжности Берліоза, ни избитыхъ идей Бальфа.... Я пишу для собственнаго своего удовольствія». — Письмо это пошло по рукамъ; попробовали еще уговаривать молодого артиста, но черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ изъ Лондона, неизвѣстно куда. Замѣчательно будетъ, если, можетъ быть, лучшая опера нашего времени, по капризу артиста, погибнетъ въ неизвѣстности. Нѣкоторые лондонскіе журналы подозрѣваютъ въ Эдгарѣ Мансфельдѣ какую-нибудь высокую особу, другіе — великій гениіи.

ДЕБЮТЫ Г-ЖИ АНДРЕЯНОВОЙ НА ПАРИЖСКОЙ СЦЕНѢ.

Наша *сыверная Тальйони* (la Taglioni du Nord), какъ величаютъ г-жу Андреянову — вѣроятно по свойственной Французамъ *галлантерейности* — нѣкоторые парижскіе фельетонисты, дебютировала *три раза* на сценѣ Большой Парижской Оперы (Grand-Opera). Вотъ что пишутъ въ одномъ французскомъ журналѣ о дебютахъ ея:

«M-me Андреянова, первая танцовщица Императорскаго С. Петербургскаго театра, дебютировала въ пятницу, 5-го декабря, передъ такою многочисленною публикою, какая бываетъ въ Оперѣ только въ особенные, торжественные спектакли. Дюпре пѣлъ

свою роль Роберта съ тою увѣренностію артиста, для которой не существуетъ никакихъ препятствій. М-ле Плукетъ (Plunkett) талантъ которой, такъ-сказать, роететь у насъ передъ глазами, исполняла въ первый разъ роль аббатиссы, слѣдовательно, было чѣмъ привлечь публику. Но самую главною причиною стеченія ея было появленіе на сценѣ Оперы молодой чужеземной танцовщицы, явившейся требовать у Парижа того, что одинъ Парижъ и можетъ только дать — то-есть, *диплома на знаменитость*, который можно предъявлять повсюду и предъ которымитъ склоняется весь образованный міръ.

При появленіи г-жи Андреяновой на сцену, мы съ минуту опасались, что она не успеетъ побѣдить своего волненія. Но при первыхъ-же позахъ ея раздались громкія рукоплесканія, и дебютантка могла вообразить себя на-минуту въ Санктпетербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ она въ полной-мѣрѣ царствуетъ надъ публикой, какъ любимая владычица. Черты г-жи Андреяновой исполнены прелести, кротости и достоинства. По изяществу ея фигуры, по правильности ея позъ, по гибкости ея движеній, сейчасъ-же узнаешь ученицу Тальйони; но съ качествами, приобретенными въ такой превосходной школѣ, г-жа Андреянова соединяетъ еще качества, принадлежащія собственно ей самой: чрезвычайную силу, благородство, гибкость движеній, высоко цѣнимыя знатоками. Фигуру этой танцовщицы знатоки находятъ непогрѣшительною, руки въ совершенствѣ округленными, и ея позы отличающимися полнотою и смѣлостію. Словомъ, дебютъ г-жи Андреяновой увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Сколько ни есть Русскихъ въ Парижѣ, всѣ они были при этомъ дебютѣ.

Публика, собравшаяся на второй дебютъ г-жи Андреяновой въ воскресенье, 7-го декабря, вполне подтвердила успѣхъ молодой артистки. Легкость, грація, сила, огонь, всѣ эти драгоценныя и прелестныя качества, которыми отличается талантъ русской танцовщицы, очаровали гражданъ Марѣ и обитателей предмѣстья С-тъ Дени, какъ прежде того изумили онѣ привычныхъ посѣтителей оркестра (*les habitués*) и жолтыя перчатки аванъ-сцены.

Черезъ три дня г-жа Андреянова дебютировала въ третій разъ, и танцевала сальтарелло. Музыка этого неаполитанскаго танца очаровательна. Ничто не можетъ дать понятія о пылкости и быстротѣ, выказанныхъ въ этомъ танцѣ юною русскою танцовщицею; ни какуча Фанни Эльслеръ, ни *el jaleo*, никакой испанскій танецъ, не сравняются въ роскоши, въ увлеченіи, съ этимъ сатанинскимъ танцемъ. Никогда еще не видано подобнаго соединенія граціи и силы. Изступленные рукоплесканія не умолкали съ начала до конца этого чуднаго, обворожительнаго сальтарелло. Заставили повторить, требовали въ третій разъ, но бѣдный Деппасъ (артистъ, который танцевалъ вмѣстѣ съ г-жой Андреяновой) былъ не въ состояніи болѣе танцевать, онъ зады-

хался. Что касается до г-жи Андреяновой—она неутомима. Теперь намъ понятенъ энтузіазмъ, возбуждаемый ею въ Россіи.»

Поясненій и примѣчаній никакихъ не нужно. Наши петербургскіе и московскіе читатели видали и знаютъ г-жу Андреянову, а потому сами могутъ оцѣнить, въ какой степени справедливы слова французскаго журналиста.

ГЕКТОРЪ ВЕРЛЮЗЪ.

Имя это носить человѣкъ, принадлежащій къ числу тѣхъ — безъ всякаго сомнѣнія не частыхъ — явленій, о которыхъ общій голосъ до-сихъ-поръ не высказалъ еще надлежащаго приговора, но или съ энтузіазмомъ превозноситъ его, или съ презрѣніемъ отвергаетъ. Даже смѣшно читать, какъ тѣ самыя сужденія о немъ, которыя начаты, по-видимому, съ твердымъ намѣреніемъ держаться середины, на восьмой или десятой строкѣ превращаются уже въ панегирикъ или филиппику. Чтобы избѣжать этихъ крайностей, мы не будемъ судить Берліоза какъ артиста, но только расскажем кое-что объ его во многихъ отношеніяхъ поучительной жизни.

Берліозъ родился 11 декабря 1803 года, въ С. Андре, въ Нормандіи. Отецъ его былъ замѣчательный врачъ, и назначалъ и сына къ такому-же поприщу. Но уже по 12-му году Гекторъ показалъ страстную склонность къ музыкѣ, и рѣшительное отвращеніе ко всему, что называлось медициною. Чтобы пристрастить его къ этой послѣдней, придумано было довольно-странное средство. Отецъ заставилъ его учить анатомическіе рисунки Монро, и за прилежное ученіе и хорошій успѣхъ, общалъ въ награду прекрасную флейту съ клапанами. Горька, тяжка была эта работа бѣдному мальчику — но флейта, флейта! Онъ рѣшился, и два года изучалъ, подъ руководствомъ отца, эти несносные рисунки. Во все это время страсть къ музыкѣ несколько не ослабѣвала въ немъ; по цѣлымъ ночамъ просиживалъ онъ надъ учебниками гармоніи, и мучилъ себя попытками сочинять; попытки эти, разумѣется, все не удавались и дѣлали бѣднаго Гектора предметомъ насмѣшекъ его друзей, знакомыхъ съ музыкою. Вдругъ слышитъ онъ однажды квартетъ Гайдна и — какъ будто завѣса спала съ глазъ его. Только примѣры, только образцы въ состояніи научить его тому, чего онъ доселѣ тщетно искалъ въ музыкальныхъ учебникахъ. Намъ кажется, что эти событія проливаютъ яркій свѣтъ на качества Берліоза, какъ артиста, и что именно онѣ послужили основаніемъ этимъ качествамъ. Квартетъ, написанный имъ въ это время, очень-хорошо

былъ принять всеми музыкантами. Вскорѣ потомъ Берліозъ отправился въ Парижъ, продолжать свой медицинскій курсъ. Тамъ-то ему были средства слушать превосходную музыку: съ одной стороны божественное искусство гармоніи, съ другой анатомія съ всеми ея отвращеніемъ, какое она обыкновенно внушаетъ начинающимъ, — что тутъ выбирать? Берліозъ написалъ къ отцу и умолялъ не принуждать его къ тому попришу, къ которому онъ рѣшительно не имѣетъ никакой склонности — тщетно! Четыре года продолжалась эта борьба съ волею родительскою, и кончилась, наконецъ, слѣдующимъ рѣшеніемъ отца. «Если ты не хочешь быть докторомъ, такъ не жди впередъ отъ меня никакой помощи». Итакъ бѣдный Гекторъ остался одинокій и покинутый всеми въ обширномъ Парижѣ. Онъ началъ хлопотать о мѣстѣ флейтиста въ оркестрѣ театра Nouveautés, но не успѣлъ. Вскорѣ потомъ дирекція этого театра дала ему знать, что у ней есть мѣсто басиста въ хорѣ, и потому если Берліозъ хочетъ занять его, то явился-бы на испытаніе. Соперниками Берліоза на это мѣсто были: кузнецъ, ткачъ, отставной пѣвецъ театра *Ravogata dramatique* и пѣвчій церкви Св. Евстафія. — Гекторъ явился на испытаніе и побѣдилъ — и побѣда эта доставила ему мѣсто съ 50 франками въ мѣсяць жалованья. Около четверти года пробывъ онъ на этомъ мѣстѣ, какъ вдругъ преслѣдовавшая его до-тѣхъ-поръ злая судьба начала примиряться съ нимъ: Берліозъ получилъ первую премію въ Парижской Консерваторіи, за кантату свою «Сарданапалъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ ему вышелъ случай посѣтить Италію. Въ Римѣ познакомился и подружился онъ съ Феликсомъ Мендельсономъ-Бартольди. Возвратившись изъ Италиі Берліозъ написалъ увертюру, *Les francs-juges*. Страстная и по разнымъ отношеніямъ стойшая жестокихъ испытаній любовь Берліоза къ одной Англичанкѣ, миссъ Смитсонъ (теперь его супруга) была поводомъ къ большому музыкальному творенію Берліоза: *Episode de la vie d'un artiste*, симфоніи, которая нѣкоторымъ образомъ можетъ служить образцомъ его музыкальнаго направленія. Въ 1820-мъ году симфонія эта была исполнена въ Парижскій Консерваторіи, и съ-тѣхъ-поръ слава ея композитора утвердилась на прочныхъ основаніяхъ. Съ этого-то времени Берліозъ написалъ рядъ большихъ и замѣчательныхъ произведеній, какъ на-примѣръ, увертюры: къ Вевердею, къ королю Лигу, увертюру «Римскій Карнавалъ», симфоніи: *Le retour à la vie* (продолженіе вышеупомянутой *Episode de la vie* и пр.), *Гарольдъ*, *Ромео и Юлія*. Въ послѣдней соединилъ онъ съ оркестромъ пѣніе соло и пѣніе хорное, по примѣру, оставленному намъ великимъ Бетховеномъ, въ его безсмертномъ произведеніи, 9-й симфоніи. Кромѣ того, Берліозъ написалъ много большихъ вокальныхъ сочиненій, какъ на пр. Реквиемъ для панихиды по погибшихъ отъ адской машины Фіеско, кантату «5-е мая», въ память Наполеона и т. д. Сверхъ-того Берліозъ писалъ, для

Journal des débats, прекрасныя, отличающіяся справедливостью и глубокими познаніями въ музыкѣ критики. Все это доставило Берліозу заслуженную славу и даже орденъ Почетнаго-Легиона. Листъ передѣлалъ его «Episode» для фортепіано. Но какъ у музыкальнаго критика, у него, разумѣется, много и злыхъ враговъ, вотъ почему мы и причислили Берліоза къ тѣмъ людямъ, о которыхъ какъ выше сказано, общій голосъ не произнесъ еще своего приговора.

Въ настоящее время Берліозъ путешествуетъ по Германіи, былъ въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, и, можетъ-быть, заглянетъ и къ намъ въ Петербургъ.

ЗВѢРИ-ЛЮДИ И ЛЮДИ-ЗВѢРИ XIX СТОЛѢТІЯ.

(Силуетъ современныхъ нравовъ).

Однѣ французскій писатель, побывавъ въ звѣрицѣ знаменитаго Картера, написалъ слѣдующую остроумную шутку по сему поводу.

Лѣтъ черезъ двадцать мы, вѣрно, уже не пойдемъ смотрѣть на ловкость и искусство какихъ-нибудь дикихъ звѣрей. Слова: Густавъ надѣлъ ошейникъ на своего тигра, или львы Эрнеста опрокинули его въ канаву, не будутъ никому казаться странными. Да, мы живемъ въ эпоху слиянія и смѣшенія: мѣщане и аристократы, люди гениальные и люди съ самыми слабыми умственными способностями, честные и шуты, мужнины и женщины — все смѣшивается и уравнивается между собою. Такъ-какъ въ наше время все идетъ впередъ, то почему человѣку и не сблизиться со скотами? Двуногія животныя сдѣлаютъ шагъ, четвероногія два — и вотъ мы лучше друзья въ свѣтѣ. Да и не начали-ли мы уже этого сближенія измѣненіемъ нашего словаря? Знаете-ли, какъ называютъ теперь этого молодого человѣка съ кудрявою головою, завернутого въ неукоризненное пальто и курящаго сигару длиною въ барабанную палку? Это уже не петиметръ, не мускаденъ, не адмиралъ, не эlegantъ, не fashionбель, не денди: это *левъ*. А эта женщина, достойная подруга его, которая отличается на скачкахъ, прыгаетъ черезъ плетни и изгороды, боксируетъ и не выпускаетъ изо рта сигаретты? Это уже не амазонка—это львица. А этотъ маленькій жокей, который, въ случаѣ нужды, можетъ весь уйти въ одинъ изъ своихъ сапоговъ съ отворотами? Это *тигръ*. А эта красота въ предосудительномъ костюмѣ, развалившаяся въ коляскѣ безъ герба? Это *пантера*. А эта молоденькая дѣвочка, дебутирующая на попри-

щѣ пируэтовъ моральныхъ и физическихъ? — Это крыса. А этотъ спекуляторъ, этотъ денежный человѣкъ, съ яростію бросающійся на всякую добычу? Это рысь. Въ заключеніе, вотъ вамъ портретъ модной женщины, сдѣланный моднымъ мужчиною: она породистая; она кровная или полукровная; она хорошихъ статей; шея гибкая, ходъ хорошій, грудь сносная. и пр. и пр. Повѣрьте, что скоро мы все превратимся въ звѣрей, и когда наши дома сдѣлаются звѣринцами, то кто-же удивится, если звѣринцы будутъ походить на дома.

Въ нашъ несчастный вѣкъ все уничтожается и переводится! Даже самыя дикіе звѣри и тѣ почти перевелись. Мы воспитаны еще съ тѣми предрасудками, которые утверждаютъ, что левъ рыкаеть, что тигръ раздираеть, что гіенна пожираеть. Намъ рассказывали такія чудесныя исторіи обо всемъ этомъ; мы часто съ такимъ наслажденіемъ дрожали отъ ужаса, читая какую-нибудь дикую эпопею, въ которой главныя роли играютъ эти кровожадные герои. Но вотъ теперь задушили рыканіе льва, подпилили зубы тигра, отняли ярость и жадность у гіенны! Ахъ, что вы сдѣлали съ монми бѣдными дикими звѣрями, что вы сдѣлали съ этою поэзіею пустыни и лѣсовъ, съ этими ужасающими криками, раздающимися въ отдаленіи и нарушающими мрачное безмолвіе ночи, тогда какъ безпокойные страшики жмутся около зажженного костра, который согрѣваетъ ихъ и нѣсколько обезопасиваетъ! И что мы будемъ рассказывать теперь нашимъ дѣтямъ и нашимъ внучатамъ? Дѣдушка, скажутъ они намъ, расскажи-ка намъ какую-нибудь исторію о привидѣніяхъ, да пожалуста пострашиѣе. — Увы, дѣти мои, мы уже слишкомъ просвѣщены теперь, для насъ уже не могутъ существовать привидѣнія, — даже самыя няньки не вѣрятъ имъ больше. Старыя аббатства, монастыри съ мрачными сводами, готическія замки съ длинными корридорами, все эти таинственныя убѣжища душъ, осужденныхъ на страданія чистилища и приходившихъ вздыхать между живыми — всего этого уже нѣтъ болѣе, все это превратилось въ фабрики, въ заводы, въ мануфактуры. Въмѣсто завыванія вѣтра, которое такъ прекрасно согласуется съ воплями привидѣній, тамъ слышенъ только шумъ машинныхъ колесъ, или скрипъ пилы и стукъ молота рабочаго, глухо-упадающій на послѣдніе камни прошедшаго, подобно тому, какъ падаютъ уроки дѣйствительности, опытности на послѣднія золотыя мечты наши. Теперь нѣтъ больше привидѣній, дѣти мои. Засыпайте-же скорѣе, потому-что мнѣ, право, нечего рассказать вамъ. — Ну, такъ расскажи, дѣдушка, исторію о ворахъ, о тѣхъ людяхъ, которые останавливаютъ васъ въ лѣсу и потомъ уводятъ въ пещеру. Увы! дѣти мои, лѣсы и пещеры въ наше время — это свѣтъ, это гостиная, это биржа! Чтобы рассказать вамъ исторію о ворахъ, я долженъ рассказать вамъ всю нашу исторію, политическую, промышленную, моральную, и эта исторія не позаба-

вить васъ; она довольно-печальна уже и для насъ, старыхъ дѣтей, принужденныхъ насильно знать ее! — Ну такъ, по-крайней-мѣрѣ, расскажи намъ исторію о дикихъ звѣряхъ, объ этихъ животныхъ, которыя проглатываютъ человѣка, какъ мы проглатываемъ пилюли.—Увы! дѣти мои, мы видимъ человѣка, который однимъ взглядомъ и однимъ хлыстикомъ дѣлаетъ изъ дикихъ звѣрей, что хочеть. Тигръ дружески шутить съ нимъ; левъ снялъ-бы передъ нимъ шляпу, если-бы львы ходили въ шляпахъ, пантера покорно подноситъ ему завтракъ; на дняхъ гіенна откроетъ подписку въ пользу овечекъ-сиротъ, родителей которыхъ она пожрала во времена своихъ заблужденій. Что-же рассказать самъ о животныхъ, съ такимъ успѣхомъ просвѣщающихся?... Спите, милыя дѣти мои, и мечтайте во снѣ, если можете, о привидѣніяхъ, о тиграхъ и о ворахъ, потому-что рассказать вамъ объ нихъ мнѣ нѣчего — на-яву ихъ нѣтъ болѣе!

ЖЕНСКАЯ НАТУРА.

(Истинный анекдотъ).

Недавно, при одномъ уголовномъ процессѣ въ Парижѣ, въ числѣ свидѣтелей была дама. На обычный вопросъ президента: Ваше имя? ваше званіе? ваши лѣта? — Она объявила свое имя, свое званіе, и сказала, что ей 28 лѣтъ; потомъ подобро отвѣчала на всѣ предложенные ей вопросные пункты.

Вызываютъ другою свидѣтеля. Это былъ крестьянинъ, большой плутъ, нѣчто въ родѣ деревенскаго Макиавеля; этотъ свидѣтель показалъ совершенно-противное тому, что говорила дама, и, очевидно, показалъ ложно. Президентъ говоритъ ему о строгости законовъ, приводитъ статью кодекса о ложныхъ свидѣтеляхъ, и угрожаетъ даже тѣмъ, что, по данной ему власти, сейчасъ-же можетъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ.

— Свидѣтель, строго прибавляетъ президентъ: даю вамъ нѣсколько времени на размышленіе; посоветуйтесь хорошенько съ своей совѣстью. Но я тотчасъ-же опять спрошу васъ, и надѣюсь, что вы будете отвѣчать мнѣ совѣмъ иначе.

Жандармы увели этого свидѣтеля. Президентъ велитъ вызвать третьяго, какъ вдругъ допрошенная уже дама подходитъ опять къ рѣшеткѣ и говоритъ смущеннымъ голосомъ:

— Извините, господинъ президентъ, мнѣ необходимо сказать вамъ еще нѣсколько словъ. То, что я сейчасъ слышала, заставило меня поразмыслить, и я сознаюсь, что сказала не всю правду. Да, господинъ президентъ, я обманула правосудіе.

— Объяснитесь, сударыня, сказалъ президентъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, господинъ президентъ. Когда вы спросили меня о моихъ лѣтахъ, я сказала, что мнѣ 28 лѣтъ — но вѣдь я солгала.... мнѣ не 28 лѣтъ, а уже 33 года, отвѣчала дама, краснѣя и опустивъ голову.

При этомъ наивномъ признаніи, разумѣется, собраніе не могло удержаться отъ смѣха. Президентъ, улыбаясь, успокоилъ прекрасную свидѣтельницу, и увѣрилъ ее, что какъ ни строгъ законъ, но невозможно кокетства дамъ простительно даже и передъ судомъ.

УРОКЪ РЕВНИВЦАМЪ.

(Анекдотъ).

Такъ-ли, безъ всякой причины, или былъ къ тому какой-нибудь поводъ, но молодой банкиръ **, не болѣе пяти мѣсяцевъ тому назадъ сочетавшійся законнымъ бракомъ, вдругъ сдѣлался такимъ ревнивцемъ, что частые припадки этой гадкой болѣзни начали уже беспокоить молодую супругу его. Конечно, господа банкиры обыкновенно не отличаются особенно-поэтическимъ воображеніемъ, но воображеніе мужа, и мужа ревнивца, хотя-бы онъ былъ и банкиръ, все-таки изобрѣтательно. Такъ и тутъ, банкиръ исчезалъ передъ мужемъ, который, днемъ занимаясь векселями, процентами и вычисленіями, ночью только и думалъ, что о похищеніяхъ, о шолковыхъ лѣстницахъ, о преступныхъ свиданіяхъ.

Недавно, проведя мучительную бессонную ночь, ревнивецъ всталъ, блѣдный, разстроенный; въ ушахъ у него звенѣло; ясно было, что бѣдникъ въ эту ночь мучился ужаснѣе обыкновеннаго. Солнце только что начало входить, когда онъ сошелъ въ садъ. Свѣжій воздухъ прохладилъ нѣсколько горячую кровь его; погулявши съ часъ, онъ воротился въ покои. Пройдя черезъ залу, онъ подошелъ къ дверямъ комнаты, отдѣляющей его спальню отъ спальни его жены. Вдругъ видитъ онъ, что двери этого святилища любви медленно отворяются и оттуда выходитъ, осторожно оглядываясь на все стороны, какой-то незнакомецъ. Бѣшенству обманутаго мужа нѣтъ границъ; онъ брасается на незнакомца, тащитъ его въ залу, и задыхающимся отъ ярости голосомъ говоритъ ему:

— Негодяй! я могу сейчасъ-же убить тебя! Я даже долженъ это сдѣлать.

— Позвольте, позвольте, сударь, отвѣчаетъ незнакомецъ: я, право, не такъ виноватъ, какъ это можетъ вамъ показаться...

— Ни слова, подлець, или ты не выйдешь отсюда живой! Ты, конечно, не стоишь той чести, какую я хочу оказать тебѣ; но такъ и быть, мы деремся.

— Государь мой, отгѣчалъ незнакомецъ, по-видимому, успокоенный этими словами: я къ вашимъ услугамъ. Назначьте часъ и оружіе?

— Пистолеты, черезъ часъ, въ *paré d'Auteuil*.

— Непремѣнно явлюсь.

Съ этими словами незнакомецъ поспѣшно уходитъ, а банкиръ начинаетъ приготовляться къ предстоящей дуэли: онъ осматриваетъ свои Ленажевскіе пистолеты, пишетъ въ короткихъ словахъ духовное завѣщаніе и, наконецъ, собравшись совсѣмъ, выходитъ, чтобы отправиться на условное мѣсто. Онъ не отошелъ еще и двадцати шаговъ отъ своего дома, какъ вдругъ на встрѣчу ему попалась жена, въ сопровожденіи горничной, возвращавшаяся откуда-то пѣшкомъ домой.

— Куда это ты такъ рано, другъ мой? вскричала весело молодая супруга, увидѣвъ мужа: но что съ тобой, ты такъ блѣдень, разстроень!

— Превосходно, сударыня, отгѣчалъ ревнивецъ, стараюсь удержать себя: превосходно, прибавляете еще насмѣшки къ измѣнѣ. Вы хотите знать, куда я иду. Извольте, я скажу вамъ это: я иду убить мерзавца, который четверть часа назадъ тому вышелъ изъ вашей спальни.

— Ты съ ума сошелъ другъ мой! Вотъ уже около часа, какъ я ушла изъ дому; прекрасное утро такъ взманило меня, что я рѣшилась взять съ собою Генриетту и идти въ купальню.

— Но кто-же этотъ человѣкъ, котораго я видѣлъ своими глазами, съ которымъ я говорилъ даже, и котораго я едва не растерзалъ у дверей вашей спальни?

— Я не знаю, что ты хочешь сказать этимъ.... Воротимся домой, такъ спроси привратника.

Разеудокъ начинаетъ мало-по-малу возвращаться къ ревнивцу, онъ идетъ назадъ домой, вмѣстѣ съ женою, приходитъ въ ея спальню — коммодъ и бюро взломаны, всѣ драгоценности и небольшая сумма денегъ украдены. Обратилась къ привратнику, тотъ объяснилъ, что четверть часа спустя послѣ ухода барыни, явилась молодой человѣкъ, назвался, проходя мимо привратника, именемъ доктора, который живетъ во второмъ этажѣ этого-же дома; потомъ черезъ четверть часа, опять вышелъ изъ дома, поспѣшными шагами пошелъ вдоль по улицѣ и скоро скрылся изъ виду. Больше этого привратникъ рѣшительно не могъ сказать ничего. Не-смотря на это банкиръ, сбѣгалъ таки въ *paré d'Auteuil*, но, разумѣется, не нашелъ тамъ своего противника и напрасно-бы сталъ ждать его. Впрочемъ банкиръ, не-смотря на покражу, все таки былъ очень-доволенъ развязкою этого приключенія.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

Умершая въ 1730-мъ году, въ Лондонѣ, актриса миссъ Анна Ольфильдъ, была погребена съ такою пышностью и великолѣпиемъ, какъ будто-бы она была сама королева Англiи. Семь особъ изъ древнѣйшихъ дворянскихъ фамилiй, и въ томъ числѣ лорды Лаваръ (Lavag) и Гарлей (Harley) держали покровъ, а Вестминстерскiй епископъ говорилъ надгробную рѣчь. Знаменитый современникъ этой актрисы, Понс, говоритъ объ ней, какъ о женщинѣ, отличающейся необыкновенною роскошью и чувственными удовольствiями. Предчувствуя близкiй конецъ свой, она будто-бы вскричала: Неужели и меня закутаютъ въ простой шерстяной саванъ? Нѣтъ, нѣтъ, одѣньте меня въ самое лучшее платье, да не забудьте нарумянить!

— Въ одномъ французскомъ городкѣ, бродячая труппа актеровъ представляла пиесу: Сонъ Тасса. Во-время одного длиннаго, элегическаго монолога главнаго героя пиесы, должна наступить ночь, и вдругъ предъ глазами разстроганныхъ зрителей, является самъ господинъ директоръ труппы своею высокою особою, съ щипцами въ рукахъ, подходитъ къ авансценѣ, и обратившись къ герою, дружески говоритъ ему. Продолжай, продолжай, Аферель, я сейчасъ сдѣлаю ночь. Потомъ нагибается къ рамѣ, тушить одна за другую свѣчи, зажженные вмѣсто лампъ, и, сдѣлавши три обычныхъ поклона публикѣ, геройскою поступью уходитъ за кулисы.

— Въ 1782-мъ году, кромѣ изобрѣтателя фортепiанъ, только нѣкто Ноелли осмѣлился ѣздить съ этимъ инструментомъ и давать публичные концерты. Сколько-же пианистовъ разъѣзжаетъ по бѣлу свѣту теперь?

— Въ прошлой книжкѣ «Репертуара и Пантеона» мы рассказывали о скрипачѣ Урганѣ, который, 26 лѣтъ играя въ оркестрѣ Большой Оперы въ Парижѣ, ни разу не взглянулъ на сцену. Вотъ еще примѣръ подобной строгости религіозныхъ правилъ. Одна какая-то дама постоянно посѣщала оперу, но, къ удивленiю зрителей, ложа ея всегда была задернута непроницаемыми занавѣсками, и такимъ-образомъ она слушала и не видала, слѣдовательно, успѣвала удовольствовать любовь свою къ искусству и сохранять свои религіозныя правила. По-несчастiю, клевета не оставила ее въ покоѣ. Разнесся слухъ, что она скрывается потому, что до-нельзя гадка собою. Оскорбленное тщеславiе заставило измѣнить религіознымъ правиламъ: въ одинъ спектакль занавѣски ложи отдернулись, и посѣтельница ея являлась публикѣ. Ей было не болѣе двадцати лѣтъ, и она была хороша, какъ ангелъ! Съ-тѣхъ-поръ она не является болѣе въ Оперѣ, даже и въ закрытой ложѣ.

— Парижъ, по-видимому, рѣшился каждый годъ вводить въ моду новый танецъ. Двѣ зимы назадъ тому введена была полька, въ прошедшую зиму мазурка, а въ нынѣшнемъ году хотятъ, кажется, ввести Redova. Эти безпрерывныя нововведенія дѣлаютъ званіе салоннаго танцора столько-же труднымъ, какъ и званіе танцора оперы. Молодому человѣку, вступающему въ свѣтъ, и желающему блистать на балахъ, предстоитъ теперь очень-много труда, потому-что въ танцахъ мода не всеобща и не исключительна, въ однихъ залахъ въ ходу полька, въ другихъ постоянно держатся французской кадрили; тамъ только и танцуютъ, что вальсъ въ два темпа; здѣсь ни о чемъ и слышать не хотятъ, кромѣ мазурки; въ другомъ мѣстѣ вводится каждая новостъ, и слѣдовательно, только новостъ и можетъ имѣть успѣхъ. И потому молодой человѣкъ, желающій блистать, необходимо долженъ изучитъ всевозможныя танцы. Напримѣръ, молодой провинціалъ пріѣзжаетъ въ Парижъ учиться правамъ. Черезъ нѣсколько времени отецъ пишетъ ему, какъ далеко подвинулся онъ въ гражданскомъ и римскомъ правѣ? Сынокъ отвѣчаетъ, что онъ еще и не начиналъ. Какъ вы хотите, прибавляетъ онъ, чтобы я училъ права, когда я едва успеваю изучать все модныя танцы. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ танцами пренебрегали, теперь, напротивъ, танцы сдѣлались важнымъ дѣломъ, и изученіе ихъ вредитъ другимъ, болѣе серьезнымъ занятіямъ. Взгляните на молодыхъ чиновниковъ даже самыхъ высшихъ государственныхъ мѣстъ: все они отличнѣйшіе танцоры; и все украшеніе парижскихъ баловъ. Полька, мазурка, редова деспотически овладѣваютъ ихъ часами, которые они должны, — были-бы посвящать попеченію объ ихъ будущемъ, и занятіямъ по своей должности. Правда, что, при нѣкоторыхъ общественныхъ условіяхъ, и танцы сдѣлались вѣрнымъ и скорымъ средствомъ составить себѣ карьеру.

— Одна Нью-Йоркская газета, разбирая пѣніе какого-то господина Рауботома (Rawbottom), заключила свой разборъ слѣдующими словами: «Однимъ словомъ, г. Рауботтомъ нѣтъ такъ, какъ будто-бы онъ засунулъ себѣ въ горло ногу, и наступилъ на свой голосъ». — Вотъ такъ оригинальная критика!

— Ложи парижской итальянской оперы постоянно наполняютъ одна и таже публика, такъ, что такъ-называемые habitués или дилеттанты напередъ знаютъ каждаго кавалера и каждую даму, сидящихъ въ ложахъ. Кто изъ высшаго общества не являлся еще въ итальянской оперѣ, тотъ не живетъ въ Парижѣ. Однажды какой-то молодой денди искалъ глазами въ залѣ оперы свою хорошенькую родственницу, недавно пріѣхавшую изъ провинціи, и въ первый разъ посѣтившую театръ. Стоявшій подлѣ него пріятель, сказалъ ему: Вотъ она! — Да развѣ ты знаешь ее? спросилъ удивленный денди. — Напротивъ, никогда и въ глаза не видывалъ, отвѣчалъ тотъ: но потому-то я и узналъ, что она одна только и есть во всемъ театрѣ, кого я не знаю еще.

— Въ Карлсбадѣ проживаетъ нѣкто г. фонъ-Нейбергъ, извѣстный какъ собиратель драгоценнѣйшихъ старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ и какъ самъ искусный инструментальный мастеръ. Онъ собственноручно сдѣлалъ четыре виолончели, пять альтовъ, и около двадцати скрипокъ по всѣмъ математическимъ вычисленіямъ и правиламъ старинныхъ мастеровъ. Инструменты его дорого пѣнятся виртуозами, и ему предлагаютъ за нихъ значительныя суммы, — но онъ ни одного не продаетъ, а только даритъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТЪШИСЬ

ДЕКАБРЬ.

ИНОСТРАННЫЕ ТЕАТРЫ.

О НЕАПОЛИТАНСКИХЪ ТЕАТРАХЪ.

Нужно ли говорить, что игры и зрѣлища народа суть выраженіе его обычаевъ, нравовъ, — словомъ, выраженіе его духа? Всякій народъ имѣеть нѣчто свое, чего утратить никогда не можетъ, какъ-бы цивилизація ни стирала съ него его выпуклыя и выдавшіяся части; ихъ будетъ труднѣе подмѣнить, труднѣе уловить, но онѣ навсегда сохранять свою самобытность. Всякій народъ веселится и забавляется по-своему, всякой народъ имѣеть свои игры, свои зрѣлища; эти зрѣлища могутъ имѣть одно названіе, одно лицо, если хотите, по различнымъ чертамъ, различное выраженіе.... Всмотритесь, и вы увидите, что въ этихъ зрѣлищахъ, казавшихся съ перваго раза однимъ и тѣмъ-же, есть большое различіе, большая разница. Всякая нація веселится по-своему. Нѣмецъ веселится такъ, Французъ иначе, Итальянецъ инымъ образомъ, Англичанинъ еще другимъ, Русскій потѣшается на свой ладъ—однимъ словомъ, всякой веселится сообразуясь

съ своимъ характеромъ, съ своими понятіями, съ своими правомъ. Чѣмъ разнообразіе общество, тѣмъ болѣе подраздѣленій въ его классахъ и слояхъ, тѣмъ разнообразіе его забавы, его зрѣлища. Очень-натурально: что нравится одному классу общества, то не нравится и часто кажется оскорбительнымъ другому; тѣмъ удовлетворяется одна часть общества, то не удовлетворяетъ другую; что понятно одному, то недоступно другому. Изъ этого различнаго взгляда на вещи происходитъ различный образъ жизни, стало-быть, различныя забавы и различныя зрѣлища. У древнихъ было то-же самое. Эстетическому народу Греціи нравились всѣ вымыслы сцены, и до-тѣхъ-поръ, пока Греція была Греціею, она свято хранила теплую любовь къ театру, какъ къ совершеннѣйшему и благороднѣйшему изъ всѣхъ зрѣлищъ. Римляне предпочитали театру циркъ; этому, болѣе матеріальному народу нужны были и зрѣлища матеріальныя. Въ древности эти различія, или лучше, контрасты, были рѣзче, потому-что тогда народы рѣзче отличались одинъ отъ другаго; теперь-же, когда частыя общенія стерли эти рѣзкія черты, отличающія одну націю отъ другой, это различіе менѣе замѣтно; но, не-смотря на то, оно все-таки существуетъ.

Неаполь удивительно разнообразенъ, какъ по красотамъ природы, такъ и по образу жизни его обитателей. Между этими четырьестами тысячами, поселившимся по берегу чуднаго моря, столько различныхъ міровъ, столько различныхъ круговъ, что наблюдательному путешественнику представляется огромное поле для его замѣчаній. Италія болѣе всего видна въ Неаполѣ. Здѣсь еще сохранились ея древнія обычаи и нравы. Въ-самомъ-дѣлѣ, здѣсь столько народныхъ типовъ, столько разныхъ слоевъ общества, что всѣ ихъ подмѣтить для иностранца почти невозможно. Стоитъ выдти только на площадь или на улицу, чтобъ увидѣть пеструю толпу изъ людей, ничѣмъ непохожихъ одинъ на другаго. Взгляните: вотъ передъ вами франтъ въ бѣлыхъ дурныхъ перчаткахъ неаполитанской фабрики; но займите, непременно въ бѣлыхъ; а вотъ факиа въ шерстяной курткѣ, съ веревкою въ рукахъ, или съ багажемъ за плечами. Посмотрите, какое разстояніе отъ этой широкой шляпы Іезуита, до темнокоричневаго или краснаго колпака рыбака; отъ министерскаго чиновника, съ портфелемъ подъ мышкой, до этого публичнаго псеца, сидящаго въ портикѣ театра С. Карло, или близъ какой-нибудь кофейной средней руки. Отъ этого ремесленника, одѣтаго съ большими претензіями, до этого лазаронни, безопасно

растянувагося на мостовой или на перилахъ набережной. Вы безпрестанно встрѣчаете то шегольской фіакръ лѣнивца, катающагося день и ночь по улицамъ, то кориколи, туземный экипажъ, въ родѣ кабріолета, въ который помѣстилось десятокъ поденщиковъ и продавцевъ, послѣ работы возвращающихся въ деревню или въ предместье; то вы сталкиваетесь съ продавцами рыбы и разныхъ морскихъ гадинъ, то съ осломъ, нагруженнымъ плодами; то подскочить къ вамъ уличный мальчишка, прося у васъ мелкую монету; то женщина, прилично-одѣтая, рассказывая вамъ длинную, хорошо-заученную исторію своихъ несчастій, протянетъ вамъ руку и съ настойчивостью будетъ преслѣдовать васъ цѣлую улицу. Вдругъ, слухъ вашъ поражаетъ свистъ и какой-то нечеловѣческій голосъ, вы оборачиваетесь и видите человѣка, съ машинкою во-рту, кричащаго разными голосами; за плечми у него длинные шесты, сверху обтянутые парусной, за нимъ толпу ребятишекъ — это подвижная кукольная комедія; вы идете далѣе, выходите на набережную, и собравшаяся толпа толпа обращаетъ ваше вниманіе, вы подходите и слушаете народнаго разсказчика. Все это такъ перемѣшано, такъ разнообразно, что вы невольно дѣлаетесь на нѣсколько дней фланёръ.... Ливурно тоже удивительно разнообразенъ, но тамъ смѣшеніе народовъ, языковъ, вѣръ и національныхъ костюмовъ. А здѣсь одна вѣра, одинъ языкъ, здѣсь все Неаполитанцы, и между ними такое различіе. Здѣсь, просто, какія-то касты, отличающіяся одна отъ другой и костюмомъ, и правами. Черныйъ классъ народа во Франціи можно опредѣлить синею блузою. Здѣсь совсѣмъ не то, здѣсь на каждомъ классѣ свое лицо; здѣсь извозчикъ непохожъ на продавца плодовъ, а продавецъ плодовъ непохожъ на торгующаго рыбою, у каждаго не только свой костюмъ, но и свои права. Ни одинъ изъ городовъ Европы не можетъ сравниться съ Неаполемъ въ этомъ отношеніи. Вы можете судить, что при такомъ разнообразіи общества, какъ должны быть разнообразны зрѣлища. Въ Неаполѣ много народныхъ празднествъ, игръ и зрѣлищъ. Всѣ они болѣе или менѣе занимательны, и всѣ безъ различія разнообразны. Театръ, какъ зрѣлище, общее всѣмъ образованнымъ народамъ, тоже удивительно разнообразенъ. Въ Неаполѣ много театровъ, балагановъ, кукольныхъ комедій (teatro di pupi, teatrino di pupi), цирковъ, діорамъ, коёморамъ и разнаго рода народныхъ забавъ. Я постараюсь, помѣрѣ силъ моихъ, представить слабый очеркъ всѣхъ театровъ и всѣхъ народныхъ зрѣлищъ.

Прежде поговоримъ объ оперѣ, потому что опера въ Италиі по преимуществу должна занять первое мѣсто. Трудно рѣшить, гдѣ лучшая опера въ Италиі; пѣвцы, пѣвицы и цѣлыя оперы здѣсь мѣняются часто слѣдуя за своимъ *impresario* изъ города въ городъ; по этому иногда одинъ сезонъ бываетъ лучше въ Неаполѣ, другой въ Миланѣ, одну зиму лучшіе пѣвцы были въ Болоньѣ, другую въ Флоренціи, одинъ карнавалъ въ Римѣ былъ замѣчательнъ въ этомъ отношеніи, другой нѣтъ. Рѣдко пѣвица или пѣвецъ остаются нѣсколько лѣтъ еряду на одной и той-же сценѣ, а если остаются два три первыхъ сюжета, то мѣняются прочіе персонажи, стало-быть, въ цѣломъ опера все-таки мѣняется. На театрѣ С. Карло болѣею частію всегда лучшіе пѣвцы Италиі (*)

Кто не слышалъ о театрѣ С. Карло?... Кто не читалъ о чутли не баснословной прелести его залъ, фое, кафе, о блескѣ, о роскоши, о всѣхъ существующихъ и несуществующихъ удобствахъ этого театра? Объ театрѣ С. Карло много писано, много говорено, скажемъ и мы нѣсколько словъ; но не будемъ ни превеличивать, ни украшать, подобно путешествующей братіи; а представимъ театръ такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Безспорно, что зала Санъ Карло одна изъ лучшихъ въ мірѣ, по наружность зданія ничуть не великолѣпна. Зданіе главнымъ фасадомъ обращено въ узкую улицу С. Карло, а другая сторона, выходящая на площадь (*Largo di palazzo*), некрасива, и теряетъ уже тѣмъ, что пристроена ко дворцу. Главный фасадъ состоитъ изъ пяти арокъ образующихъ портикъ; надъ арками второй этажъ, съ небольшими іоническими колоннами; на-верху, вмѣсто барельефа надпись: *Teatro S. Carlo*. Надъ зданіемъ будетъ возвышаться статуя; въ настоящую минуту это мѣсто занято лѣсами. Между первымъ и вторымъ этажемъ разные барельефы, хорошо исполненные, и имена Альфіера Метастазіо и Гольдони съ одной стороны, а Перюлези и Пиччини съ другой. Съ лѣвой стороны, обращенной въ улицу, главный входъ въ театръ. Мраморная лѣстница широка и красива, на-право и на-лѣво двѣ статуи, въ древнемъ вкусѣ, изъ цвѣтнаго мрамора, держатъ въ рукахъ нѣсколько лампъ, покрытыхъ матовыми стеклами. Вы поднимаетесь еще на нѣсколько ступеней, и входите въ широкій ко-

(*) Я не говорю уже о пѣвцахъ, составившихъ себѣ европейскую известность, тѣ никогда не остаются въ Италиі.

ридоръ, гдѣ поставлены статуи королей: Карла III и Фердинанда I-го. На-право небольшая кафе, противъ нее комната для гардероба. Въ срединѣ корридора входъ въ партеръ. Зала огромна и циркообразна, такъ что ложи близъ сцены снова сходятся, оставляя для рампы театра довольно-узкое пространство сообразно съ заломъ. Въ партерѣ однѣ кресла, ихъ двадцать-два ряда и въ каждомъ ряду сорокъ-два кресла. Я нарочно говорю о партерѣ подробнѣе, чтобы показать огромность залы. Ложъ шесть ярусовъ, въ каждомъ ярусѣ по шестнадцати ложъ съ боку, по срединѣ королевская ложа, отдѣланная великолѣпно и освѣщенная особенною люстрою. Ложи помѣстительны, но мало обращены къ сценѣ, отъ этого изъ ложъ дурно видно, но за-то хорошо слышно. Между ложъ золотые фрески и барельефы, на плафонѣ изображена большая картина мифологическаго содержания. Большая прекрасная люстра ярко освѣщаетъ залу. Здѣсь двѣ завѣсы, на одной изображена картина въ большомъ размѣрѣ, на другой бюсты великихъ композиторовъ Неаполитанской школы. Сцена коротка и вообще мала по такой огромной залѣ. Прежде сцена была соразмѣрна съ заломъ, но понадобилось нѣсколько комнатъ для декораций, сцену урѣзали, и этимъ совершенно испортили, потому-что нарушили гармонию. Театръ сооруженъ въ 1737 году, при Королѣ Карлѣ III-мъ, отъ котораго получилъ свое названіе. Работы были поручены архитектору Джіованни Медрони; зданіе было окончено съ удивительною скоростію, работы продолжались только 9 мѣсяцевъ спустя. Сорокъ лѣтъ послѣ основанія, архитекторъ Фердинандъ Фуга поправилъ внутренность театра, а совершенно окончилъ зданіе Николіни; онъ же возобновилъ его послѣ пожара въ 1816 году. Съ-этихъ-поръ зала осталась въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее видимъ въ настоящее время. Во второмъ этажѣ нѣсколько залъ для баловъ и маскарадовъ; въ обыкновенные дни залы эти заперты. Мнѣ случилось видѣть залу С. Карло во-время одного изъ празднествъ, тогда зала освѣщается сверху до низу и представляетъ прекрасную картину (*).

При мнѣ давали здѣсь нѣсколько оперъ, всѣ они были исполнены прекрасно.

Репертуаръ здѣшняго театра очень-разнообразенъ, что крайне-приятно для вояжера. Тогда какъ въ другихъ городахъ Италіи

(*) Въ эти дни цѣна на мѣста возвышается. Кресло вмѣсто шести карлиновъ стоитъ пятеръ (пять руб. ассигн. на наши деньги).

нерѣдко [даютъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца одну и ту же оперу. Я очень хорошо знаю, что поставить, разучить новую оперу, а главное исполнить предъ итальянскою публикою — вещь не легкая; но пусть каждый сезонъ новая опера будетъ главною, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ она должна была вытѣснить другія оперы разученныя прежде. Въ Неаполѣ такъ и дѣлается; главная опера нынѣшній сезонъ: Алзира, Верди, нарочно написанная для здѣшняго театра, но часто даютъ также Лиду де-Шамуни и Севильскаго Цирюльника. Я засталъ еще здѣсь Ронкони, который нѣкоторое время пробылъ въ Неаполѣ; я слышалъ его только разъ, въ его бенефисъ. Для бенефиса онъ выбралъ малоизвѣстную у насъ оперу Беллини: Beatrice di Tenda, гдѣ для его голоса чудесная партія, которую онъ выполняетъ съ рѣдкимъ совершенствомъ. Послѣ этого спектакля онъ поспѣшилъ въ Парижъ, куда онъ ангажированъ на зиму. Трудно сказать что-нибудь опредѣлительное объ голосѣ артиста, котораго слышалъ только одинъ разъ и то въ лучшей роли. Голосъ у Ронкони обширенъ и пріятенъ, обработанъ прекрасно; не знаю, вездѣ-ли онъ такъ хорошъ, но эту роль онъ выполнилъ съ рѣдкимъ мастерствомъ; публика принимала его съ единодушными аплодисментами. Впрочемъ Ронкони составилъ уже себѣ извѣстность, а извѣстность не дается даромъ. За то Бишонъ, исполнявшей роль Беатриче шикали ужасно. Странно, Бишонъ правилась во многихъ столицахъ Европы, а въ Неаполѣ ее принимали очень дурно. Много постороннихъ причинъ препятствовали успѣху Бишонъ на здѣшней сценѣ. Теперь примадонною театра С. Карло Тадоллини, и она правится. Съ пріѣздомъ Бишонъ публика раздѣлилась на партіи, нѣкоторая часть была за Бишонъ, но большинство было на сторонѣ Тадоллини. Что сказать вамъ объ Альзирѣ, новой оперѣ Верди, который теперь въ модѣ въ Италіи? Оперы Верди играютъ въ Генуѣ, въ Туринѣ, въ Лувѣ, въ Неаполѣ. Я слышалъ его Герпани, его Иоанну д'Аркъ, и признаюсь, всѣ его оперы мнѣ не понравились: это одна изъ тѣхъ музыкъ, которая не оставляетъ ровно никакого впечатлѣнія, хотя слушаешь ее не безъ удовольствія. Лучшая изъ его оперъ: Навуходоносоръ и Два Фаскори, которымъ онъ обязанъ своей извѣстностью; этихъ оперъ я не слышалъ, что-же касается до Иоанны д'Аркъ, то это самое слабое произведеніе. Странно, какъ композиторъ не могъ вдохновиться такимъ великимъ и глубокопоэтическимъ сюжетомъ. Алзира лучше другихъ его произведеній; но публика къ ней довольно-холодна. Впрочемъ въ Алзи-

рѣ арія 2-го акта, которую прекрасно поетъ Фраскини, возбуждаетъ всеобщее одобреніе. Въ роли Ливды очень-хороша Тадолинни, и въ роль отца Колетти, который въ другихъ операхъ весьма-посредствененъ. Фраскини еще молодой теноръ, отъ котораго Неаполитанцы ожидаютъ многого, но, кажется, напрасно. Голосъ его довольно-обработанъ, но не достаточно-обширенъ для такого громаднаго театра, каковъ С. Карло, по этому онъ долженъ часто усиливаться и прибѣгать къ крикамъ, что можетъ не только испортить, но и совершенно погубить голосъ. Въ Алзирѣ онъ болѣе хорошъ, потому-что партія нарочно для него написана композиторомъ. Хоры здѣсь хороши, обстановка роскошна и блистательна. Обстановка балета тоже хороша, хотя балетъ здѣсь дѣло второстепенное. Въ Италіи вообще рѣдко даютъ цѣлую оперу, а болѣею частію два, три акта изъ разныхъ оперъ; между ними, вмѣсто антракта, даютъ балетъ, на который разумѣется, никто не обращаетъ никакого вниманія. Во время балета менѣе всего обращаютъ вниманіе на сцену, говорятъ, смотрятъ на ложи, а бѣдные танцоры танцуютъ почти для самихъ-себя. Актеры и актрисы балетной труппы хороши, но за то уже танцоры могутъ похвалиться только примѣрной пеловкостью. Танцовщицы-солистки слабы, кордебалетъ великъ, но дурно сформированъ. Костюмы хороши, но все танцовщицы въ зеленомъ трико, это удивительно бросается въ глаза, да и попетнѣ трудно представить что-нибудь безкусевѣ этого. Непріятно тоже, что все балеты во сколькохъ-бы они актахъ ни были, здѣсь соединяютъ въ одинъ актъ; по этому не рѣдко балетъ продолжается полтора часа, ко всеобщей досадѣ. Многіе оставляютъ залу, другіе идутъ въ ложи знакомыхъ дамъ, дѣлать визиты,—дамы принимаютъ посѣщенія въ своихъ ложахъ. Это очень-удобно, особенно для тѣхъ, у кого нѣтъ порядочной гостиной. Италіянки вообще живутъ очень-грязно, и вѣроятно, это обыкновеніе получило начало отъ невозможности принимать у себя дома. Публика очень-строга, каждую, хоть немного фальшиво пропѣтую ноту ошикиваютъ немилосердно; аплодируютъ рѣдко, вызываютъ еще рѣже. Часто цѣлый спектакль проходитъ въ удивительномъ молчаніи, право-такое равнодушіе должно казаться убійственнымъ для актеровъ. Передъ каждою замѣчательною арією или дуетомъ оперы все начинаютъ шикать, и въ залѣ водворяется тишина, впрочемъ во-время оперы здѣсь разговариваютъ рѣдко; во-время-же представленія балета, вы часто услышите громкій разговоръ, заглушающій музыку. Представленія на теа-

трѣ С. Карло бываютъ не ежедневно, а три и четыре раза въ недѣлю, смотря по обстоятельствамъ.

Теперь перейдемъ къ другому театру, который хотя не богатъ отдѣлкой, но интересенъ и замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ; къ тому-же этотъ театръ единственный въ своемъ родѣ. Оперу вы найдете вездѣ. С. Карлино только въ Неаполѣ.

Если вы любите театръ для театра, если вы любите искусство безо-всѣхъ прикрасъ, если вамъ, чтобъ наслаждаться, не нужно ни магкаго, покойнаго кресла, ни свѣта большой люстры, ни накуренной залы, словомъ ни одного изъ этихъ актрибутовъ внѣшности, которая растетъ по-мѣрѣ того, какъ упадаетъ искусство; то ступайте въ театръ С. Карлино — тамъ вы увидите умную игру, согрѣтую любовію къ искусству, тамъ вы увидите публику, можетъ быть, не совсѣмъ-чисто-одѣтую; но пришедшую съ чистою любовію, пришедшею для театра, для пьесы, для актера, а не для какихъ-нибудь постороннихъ причинъ. Приходъ этой собравшейся публики есть нѣсколько часовъ, удѣленныхъ отъ труда и отъ работы, а не праздное препровожденіе времени. Итакъ, изъ раззолоченной залы С. Карло спустимся въ маленькую, грязную и душную залу Санъ Карлино. Нѣсколько скамеекъ въ партерѣ, два яруса плохо отдѣланныхъ ложъ, лампы съ разбитыми стеклами, плохая завѣса темнозеленаго цвѣта, какой-то тонкой и прозрачной матеріи — вотъ все убранство залы. Двѣ плохія скринки, старый контробасъ и два три какихъ-то духовыхъ инструмента составляютъ весь оркестръ, но что нужды—музыку вы услышите всюду, а то что услышите на сценѣ С. Карлино, услышите только здѣсь. Вотъ поднялась занавѣсъ, предъ вами маленькая сцена, бѣдныя декорации, и Алтавила, этотъ любимецъ неаполитанскаго народа. Возлѣ него бѣлая фигура, въ черной полумаскѣ, которая говоритъ скороговоркою, въ носъ, и дѣлаетъ иногда престранные прыжки — это забавникъ Пульчинель (Петито), а далѣе улыбающаяся фигура плута Панкрація (Тавасси) въ своемъ вѣчно чернаго цвѣта костюмѣ. Имѣйте терпѣніе, послушайте, они скажутъ вамъ много дѣльнаго и умнаго. И если вы плохо понимаете неаполитанское нарѣчіе, ничего — оставайтесь въ театрѣ, вы пропустите нѣсколько остротъ забавника пульчинеля, но прекрасно поймете ходъ пьесы и характеры дѣйствующихъ лицъ. Вы поняли-бы этихъ актеровъ, если-бы они играли на языкѣ совершенно для васъ незнакомомъ, такъ игра ихъ глубоко-выразительна. Я много слыхалъ о С. Карлино до пріѣзда въ Неаполь, но никогда не могъ представить, чтобъ

на такой маленькой сценѣ было такое собраніе талантовъ. Здѣсь нѣтъ ни одного плохаго актера, — отъ Алтавиллы до двѣнадцати-лѣтняго мальчика, играющаго небольшія роли, отъ пульчинеля до актера, играющаго послѣднія роли, всё замѣчательные таланты. Это одна изъ богатѣйшихъ сценъ въ Европѣ. Вы увидите здѣсь пьесы презабавныя, преоригинальныя, которыя нигдѣ ни увидеть, ни прочесть не можете. Алтавилла нарочно пишетъ ихъ для этого театра, и почти никогда не печатаетъ, а многія изъ его пьесъ прекрасны, разумѣется, въ своемъ родѣ. Я провелъ здѣсь много вечеровъ съ большимъ наслажденіемъ; часто я отказывалъ себѣ въ прогулкахъ по берегамъ этого чуднаго моря, по этимъ холмамъ, усѣянными загородными домиками и вилами, по этимъ садамъ, у подножія которыхъ разбиваются голубыя волны моря... Какъ часто изъ-подъ чистаго южнаго неба уходилъ я подъ душные своды этой маленькой залы — и никогда не раскаивался.

Алтавилла и Сан-Карлино, вотъ два имени, тѣсно связанные одно съ другимъ. Алтавилла авторъ весьма-оригинальный и замѣчательно-талантливый актеръ. Я видѣлъ многія изъ его пьесъ съ большимъ удовольствіемъ, онѣ всё разнообразны, какъ городъ въ которомъ онъ живетъ, какъ публика, для которой онъ пишетъ. Слѣдя за его комедіями, приятно замѣчать, съ какимъ удивительнымъ мастерствомъ, этотъ человекъ, связанный данными ему характерами, умѣетъ поставить ихъ въ различныя положенія, такъ, что они всегда возбуждаютъ новый интересъ. Изъ комическихъ типовъ въ Неаполѣ сохранились два: Пульчинель и Панкратій. Эти два лица непременно являются въ каждой народной пьесѣ. Они сдѣлались такъ необходимыми для этой публики, привыкшей съ малолѣтства наслаждаться шутками Пульчинеля, что когда его имени нѣтъ на афишѣ, театръ часто бываетъ пустъ. Лицо Панкратія обрисовать не трудно: это плутъ средней руки, плутъ, который хочетъ нажиться во чтобы то ни стало, бьется, хлопочетъ и не успѣваетъ за недостаткомъ смѣтливости. Кажется, этимъ лицомъ хотѣли доказать старую истину, что плутомъ можетъ быть не всякій, но что для этого нужны своего рода таланты. Алтавилла въ своихъ комедіяхъ мастерски представляетъ изобрѣтательность Панкратія, его неудачи, его досаду и отчаяніе. У Алтавиллы, то Панкратій выдаетъ свою племянницу за богатаго старика, съ намѣреніемъ утаить ее наслѣдство, то самъ собирается жениться на дочери зажиточнаго человѣка, въ надеждѣ получить большое приданое; но

отказывается, узнавши, что у ней нѣсколько братьевъ и сестеръ. То онъ заводитъ общій столъ, то отдаетъ въ-наймы квартиры съ прислугою и отопленіемъ, то нанимается въ управляющіе къ богатому моту, словомъ, кидается на все, употребляетъ все средства; но мѣръ его неудачъ, кажется ростеть его изобрѣтательность, но увы! на долю Панкрація, какъ на долю изъ многихъ смертныхъ, досталась самая горькая участь: хлопотать, добиваться, плутовать, стараться обманывать другихъ, и все это для того, чтобы быть обманутымъ самому. Панкраціи во всехъ народныхъ комедіяхъ одинаковъ, Пульчинеля понимаютъ различно. Обязанность Пульчинеля — смѣшить зрителей каламбурами, остротами, умомъ, смѣтливостію, притворною безтолковостію, гримасами, прыжками, словомъ, всеми позволительными и непозволительными средствами. Поэтому, на каждомъ театрѣ свой Пульчинель. Пульчинель театра Sebeto непохожъ на Сан-Карлинскаго, потому-что онъ фигурируетъ передъ чернью. Алтавила представляетъ Пульчинеля ловкимъ, веселымъ, смѣлымъ, изобрѣтательнымъ; онъ не щадитъ никого, а особенно скуныхъ; такимъ-образомъ, онъ вѣчный врагъ Панкрація и вѣчно остается побѣдителемъ. Въ комедіяхъ Алтавиллы Пульчинель представляется часто добрымъ, помогающимъ бѣднымъ и угнетеннымъ, такъ, что онъ занимаетъ роль добраго генія; такимъ онъ представленъ въ новой піесѣ Алтавиллы: *Nu primo e nu secondo piano*. Пульчинель и Панкраціи — лица, необходимыя въ комедіяхъ Алтавиллы; иногда они являются оба вмѣстѣ, иногда по одному, но вѣтъ комедій, въ которой-бы кто-нибудь изъ нихъ не участвовалъ. Комедіи Алтавиллы оригинальны, забавны, живы, въ нихъ бездна наблюдательности, ума, остроты; разумѣется, отъ нихъ нельзя требовать ни строгой послѣдовательности, ни хорошо-веденной интриги; надобно вспомнить условія, при какихъ пишутся его комедіи. Алтавила помнитъ, что онъ долженъ смѣшить, и это его стѣбляетъ, онъ боится продить серьезную сцену, онъ боится показаться скучнымъ, монотоннымъ. Его піесы — сцены, набросанныя мастерскою рукою, но связанныя на живую нитку; въ его піесахъ вы рѣдко найдете хорошо-веденную интригу, но зато встрѣтите бездну характеровъ, которые поразятъ васъ своею вѣрностію. Онъ избралъ для своихъ піесъ сферу низшаго круга, изучилъ ее и передалъ съ рѣдкимъ совершенствомъ.

Самыя дашныя лица, Пульчинель и Панкраціи, подъ его перомъ получили новую жизнь... отъ него не зависятъ все дѣйствующія лица, нѣкоторые изъ нихъ уже даны, но онъ умѣетъ поставить

ихъ въ такое положеніе, что онѣ каждый разъ проявляютъ новую черту своего характера, по этому всегда новы, всегда занимательны. Онѣ самъ создали нѣсколько типическихъ лицъ, таковы: Факинъ, котораго онѣ прекрасно играетъ, и болтушка женщина, которая является въ многихъ его комедіяхъ. Хотя Алтавила въ своихъ пьесахъ обязанъ смѣшить, не думайте однако-же, чтобы все стараніе Алтавиллы было обращено на то, чтобы возбудить смѣхъ; нѣтъ, для этого онѣ употребляетъ нѣсколько вводныхъ сценъ, нѣсколько эпизодовъ; въ его комедіяхъ вы часто найдете сцены патетическія, сцены, поражающія васъ своею вѣрностію и знаніемъ человѣческаго сердца. Приведу одну изъ нихъ. Въ комедіи «Malora de Chijja», гдѣ онѣ не хуже, если не лучше Сю, представилъ Неаполитанскія тайны, есть сцена, которая меня тронула. Театръ представляетъ набережную. Раннее утро, едва начинаютъ сходитьсь продавцы, едва начинаютъ отпирать кафе; гуляки выходятъ изъ погребковъ, гдѣ провели всю ночь подъ лавкой, или подъ столомъ, ночные промышленники убираются по домамъ, боясь дневнаго свѣта, ремесленники идутъ на работу, заходя въ кафе выпить чашку кофе или рюмку водки, сцена начинается наполняться народомъ... все это изображено такъ живо, съ такою простотою и вѣрностію, что вамъ кажется, что вы сами сидите на набережной и любуетесь пробуждающимся городомъ. Въ окнѣ одного изъ сосѣднихъ домовъ вы видите женщину, еще молодую, и съ нею мальчикъ лѣтъ двѣнадцати; она грустна, красные заплаканные глаза показываютъ вамъ, что она не спала всю ночь, мальчикъ тоже грустенъ; она смотритъ на всѣ стороны, видно, что она кого-то ожидаетъ, что она беспокоится.... Является блѣдная, разстрепанная фигура, приближающаяся къ дому невѣрнымъ шагомъ.... Женщина и мальчикъ вскрикнули и сбѣжали внизъ. Эта блѣдная фигура — мужъ молодой женщины и отецъ мальчика — это ремесленникъ, который *загулялся*, выражаясь по-русски, не почевалъ дома и возвратился съ больною головою. Жена спрашиваетъ его о здоровьѣ, хочетъ варить кофе, готовить завтракъ; замѣтите, все это она дѣлаетъ безъ упрека, безъ укора.... она утираетъ глаза, она не хочетъ дать ему замѣтить, что она заплакала всю ночь, она не хочетъ огорчить его, она такъ рада, что его видитъ. Она его любитъ.... Онѣ на минуту входитъ домой, беретъ серебро, чтобы заложить въ первомъ трактирѣ, и собирается опять идти. Можетъ-быть, онѣ остался-бы дома и занялся работой, но онѣ далъ слово товарищу провести съ нимъ еще денекъ, онѣ слышитъ его свистъ,

онъ спѣшить къ нему... Жена и сынъ начинаютъ его удерживать, жена плачетъ, мальчикъ тоже плачетъ, онъ упрекаетъ отца за то, что онъ огорчаетъ его матушку... но ни просьбы, ни слезы не помогаютъ, онъ уходитъ... Жена въ отчаяніи... въ это время входитъ товарищъ ея мужа, познакомившій его съ разгульною жизнью. Жена начинаетъ дѣлать ему упреки, говорить, что будетъ на него жаловаться, что выпарапаетъ ему глаза; мальчикъ тоже ругаетъ его и грозитъ пустить въ него изъ-за угла камнемъ... все это представляется съ удивительною естественностію. Сцена эта многихъ смѣшитъ, хотя она ничуть не смѣшна: она прекрасна, потому что истинна. Такихъ сценъ у Алтавиллы не мало. Піесы Алтавиллы возбуждаютъ большой интересъ въ публикѣ *). С. Карлинскій театръ посѣщается учеными, литераторами, артистами и почти всеми путешественниками. Надобно видѣть эту маленькую залу во-время перваго представленія какой-нибудь новой комедіи Алтавиллы. Билеты раскупаются заранѣе, за полчаса до представленія зала полна на родомъ, къ освѣщенію прибавляется нѣсколько новыхъ лампъ, является новый оркестръ, прислуга надѣваетъ новое платье, и съ удовольствіемъ, написаннымъ на лицѣ, подаетъ вамъ подушку *); опускается новая завѣса, изображающая Пульчинеля, подводящаго Алтавиллу къ музѣ комедіи, и вновь подрисовывается, на черномъ потолкѣ, извѣстное латинское изрѣченіе: *castigat ridendo mores*. Все принимаетъ какой-то веселый видъ, актеры другихъ театровъ, если только позволяетъ время, присутствуютъ при представленіи; нѣсколько мелкихъ театровъ совершенно закрываются на этотъ вечеръ; актеры Сен-Карлинскаго театра игра-

*) Въ Неаполѣ продаются гравюры, изображающія сцены изъ различныхъ комедій Алтавиллы; онѣ раскупаются охотно, также, какъ и портреты большей части актеровъ С. Карлинскаго театра. Мнѣ сказывали, что еще недавно былъ одинъ уличный мальчишка, который былъ навѣстенъ всему городу тѣмъ, что распѣвалъ куплеты и пѣсенки, пѣтыя на С. Карлинской сценѣ и хорошо копировалъ Пульчинеля. Одинъ изъ Англичанъ, которые ѣздятъ по Европѣ для того, чтобъ собирать рѣдкости, такъ плѣнился этою живою рѣдкостію, что далъ ему денегъ и увезъ съ собою въ Лондонъ. Портретъ этого мальчишки до-сихъ-поръ еще продается во всѣхъ картинныхъ магазинахъ.

*) Въ театрѣ партеръ состоитъ изъ деревянныхъ скамеекъ. Театральные служители приносятъ кожаныя подушки и получаютъ, разумѣется, различное вознагражденіе.

ютъ какъ-то охотнѣе, рукоплещущія раздаются громче, словомъ, первое представленіе комедіи Алтавиллы есть торжество и праздникъ для этого маленькаго театра.

Забавникъ Алтавилла извѣстенъ всему городу. Многіе изъ иностранцевъ знакомятся съ нимъ, хотя всѣ эти знакомства его етъ-свѣяютъ: онъ занятъ, у него нѣтъ свободной минуты. Изъ иностранцевъ онъ болѣе всего знакомъ съ Англичанами. Однажды онъ долженъ былъ дать, по ихъ желанію, старую свою комедію, въ которой выведены на сцену Англичане. На-канунѣ онъ объявилъ, что завтрашній день не можетъ дать свою новую комедію, а вмѣсто оной дастъ комедію, объ которой просилъ его Англичане; теперь я не помню ея названія. Вообще, названія пьесъ Сен - Карлинскаго театра очень-многосложны и замысловаты; это нѣчто въ родѣ названія нашихъ бенефисныхъ пьесъ. Представленія на этомъ театрѣ бывають два раза въ день, одно начинается въ пять часовъ, другое въ восемь; играютъ оба раза одну и ту-же пьесу. Первое представленіе служитъ для актеровъ вмѣсто репетицій, и мало посѣщается; вечеромъ-же С. Карлинскій театръ всегда полонъ.

Въ этомъ театрѣ публика ведетъ себя прилично; иногда услышите какое-нибудь замѣчаніе, сказанное въ-слухъ, какую-нибудь остроту, но всегда приличную и ничуть неоскорбительную. Публика-же другихъ народныхъ театровъ удивительно-шумна и забавна.).

Въ Неаполѣ есть еще театръ, который замѣчательнъ, какъ своею древностію, такъ и хорошею драматическою труппою, одною изъ лучшихъ въ цѣлой Италіи. — Это Флорентинскій театръ. Флорентинскій театръ самый древній въ Неаполѣ; онъ выстроенъ въ XVI столѣтіи, вмѣстѣ съ театромъ С. Бартоломео, который въ послѣдствіи обращенъ въ церковь. Фло-

*) Однажды мнѣ случилось слышать, какъ въ одномъ изъ балаганныхъ театровъ нѣкоторая часть зрителей изъ партера упрашивала актера, представленнаго Самсона не сказывать, гдѣ у него сила, и когда тотъ сказалъ, какъ это слѣдовало по ходу пьесы, то его всѣ въ одинъ голосъ назвали дуракомъ. Въ этихъ театрахъ нерѣдко зрители разсуждаютъ въ-слухъ, или начинаютъ перебранку съ актерами и актрисами. Остроты плоскости и даже ругательства слышались съ обѣихъ сторонъ, къ большому удовольствію зрителей.

**) Церковь S. Giorgio de Genovesi, выстроенная на мѣстѣ театра С. Бартоломео, до-сихъ-поръ, называется Giorgio alla commedia vecchia.

регентинскій театръ получилъ свое названіе отъ церкви San Giovanni de Fiorentini, близъ которой онъ находится. На этомъ театрѣ прежде всего играли актеры, пріѣхавшіе изъ Испаніи; они представляли комедіи и драмы, и до такой степени повравились неаполитанской публикѣ, что долгое время этого рода представленія были почти необходимостію. Прежнее зданіе театра было весьма-неудобно; его передѣлали въ 1779 году, и сдѣлали, по возможности, удобнымъ. Зала не велика, но чиста и опрятна. Недавно еще на этой сценѣ представляли оперы-буффы, а теперь здѣсь дають свои представленія драматическая труппа. Директоры компаніи, Монти и Алберти, знаютъ свое дѣло и занимаются имъ старательно. Здѣсь большею частію играютъ комедіи, переведенныя съ французскаго, иногда и драмы, только рѣдко. Примиѣ давали между прочимъ Запру Вольтера, въ переводѣ Гоцци, и выполнили довольно-удовлетворительно. Во все время я видѣлъ здѣсь только одну оригинальную комедію: *Dopo venti sette anni*, написанную противъ излишней привязанности къ иностранцамъ, въ особенности къ Французамъ. Піеса умна и была хорошо разыграна. Между актерами есть люди талантливые. Заппони хорошъ въ роляхъ резонёровъ, а Суцци въ комическихъ роляхъ. Женскія роли исполняются слабѣе. На этомъ театрѣ бываютъ ежедневныя представленія; театръ посѣщается; много абонированныхъ ложъ и кресель; публика съ претензіями и въ бѣлыхъ перчаткахъ. Оркестръ изъ духовыхъ инструментовъ, что весьма-непріятно. Въ этомъ театрѣ можно провести нѣсколько вечеровъ не безъ удовольствія.

Второй королевскій театръ *del Fondo*, выстроенъ въ 1778 году, близъ *Castello nuovo*. Прежде этотъ театръ носилъ названіе: *Fondo di sperazione de Cuerti*, теперь ему осталось одно безсмысленное названіе, *del Fondo*. Зала театра велика, но удивительно неопрятна и ветха. Здѣсь дають балеты и оперы-буффы; представленія бываютъ рѣдки, большею частію въ бенефисы второстепенныхъ актеровъ и музыкантовъ. Бенефицианты сбавляютъ цѣны на мѣста, но ничто не помогаетъ, — театръ бываетъ вѣчно пустъ. — *Teatro Nuovo* то-же мало посѣщается. Зданіе театра по наружности не замѣчательно, но зала внутри отдѣлана со вкусомъ, и отличается резонансомъ. Прежде на этомъ театрѣ играли комедіи, а теперь комическія оперы, большею частію *Донизетти*. Пѣвцы и пѣвицы весьма-посредственны, хоръ плохъ, вообще театромъ дирижируютъ очень-дурно. Новый театръ одинъ изъ тѣхъ театровъ, куда вы идете безъ желанія, сидите безъ удо-

вольствія, уходите безъ сожалѣнія, и лишь только вышли, забываете объ его существованіи (*).

На одной площади съ театромъ С. Карлино есть еще театръ Fenice. Здѣсь играютъ небольшія комическія оперы, тоже два раза въ день. На этой сценѣ есть нѣсколько актеровъ немнѣшнихъ дарованія, но чтобъ угодить своей публикѣ, они должны прибѣгать къ фарсамъ и перѣдко къ самымъ грубымъ. Этотъ театръ посѣщается простонародіемъ.

Театръ Sebeto тоже нѣчто въ родѣ С. Карлино, но ему не достаетъ Алтавиллы и талантливыхъ актеровъ.

Театры: S. Ferdinando, Partenore и Teatro academico mezzocampone при мнѣ были закрыты. Театра Regina, что въ Портичи, я не видалъ.

Теперь перейдемъ къ забавамъ черни. Чернь вездѣ груба и необразованна, забавы ея тоже грубы. Въ Неаполѣ множество разныхъ комедій и балагановъ, куда по вечерамъ заглядываетъ оборванное и запачканное населеніе этого города. Комедіи эти весьма-разнообразны: въ однихъ показываютъ силу, въ другихъ ломаются, въ третьихъ дѣлаютъ фокусы; все вообще они дурно устроены и крайне неприличны. Кукольныя комедіи тоже дурны. Въ маленькихъ и до послѣдней степени грязныхъ комнатахъ кое-какъ устроятъ сцену, на которой фигурируютъ маріонетки; громкій разговоръ, свистъ и грубый смѣхъ раздаются безпрестанно. Содержаніе пьесъ, которая разыгрываютъ маріонетками, самое безчинное; чернь посѣщаетъ и любитъ эти комедіи за наглости, которыя тамъ представляются и говорятся. Въ одной изъ такихъ грязныхъ комедій я видѣлъ самую возмутительную сцену. Дѣвочка лѣтъ десяти ломалась предъ зѣвающими и смѣющимся зрителями, многіе изъ толпы въ-слухъ дѣлали свои замѣчанія и изъявляли неудовольствіе на то, что она на этотъ разъ менѣе загнбала голову и закидывала руки... Хозяинъ балагана позвалъ дѣвочку и велѣлъ ей снова начать коверкаться и кривляться. Здѣсь-же видѣлъ я мальчика лѣтъ шести, или семи, котораго съ

(*). Въ настоящее время директоръ Teatro Nuovo выписалъ французскую труппу, которая должна была пачать свои представленія съ 1 ноября. Труппы составлены частію изъ парижскихъ частію изъ провинціальныхъ актеровъ. Между прочимъ есть нѣсколько нмивъ будго-бы С. Петербургской французской сцены; по-крайней мѣрѣ, такъ гласитъ афиша, хотя мнѣ объ нихъ въ Петербургѣ слыхать не случалось.

самаго дѣтства учили дѣлать гримасы, и до такой степени раздражили фибры его лица, что оно получало страшную подвижность.... Все это смѣнить и забавляетъ, хотя въ сущности ничуть не забавно и не смѣшно.

Подвижныя кукольныя комедіи забавиѣе. Комедіантъ, съ корбкой на спинѣ и съ двумя шестами на плечахъ, ходитъ съ площади на площадь, на каждой изъ нихъ давая свои бѣглыя представленія; онъ въ минуту усюживаетъ свой походный театръ, беретъ въ ротъ машинку, начинаетъ нѣтъ и кричать; толпа собирается мало-по-малу; сначала театръ его окружаютъ одни уличные мальчишки, потомъ останавливаются порядочно-одѣтые люди, наконецъ и иностранцы; а этого-то онъ и добивается; тутъ онъ начинаютъ употреблять все свои усилія; куклы его ссорятся и дерутся безпрестанно... ему бросаютъ нѣсколько мелкихъ монетъ, онъ выходитъ изъ-за кулисъ, раскланивается почтенивѣйшей публикѣ и, довольный, уходитъ на другую площадь. Во-время праздника такого рода фиглярствъ является большое множество; они приходятъ изъ окрестныхъ деревень и гордоковъ, а болѣею частію изъ Кастелямара. Во-время праздниковъ приходятъ также нѣсколько странствующихъ комедіантовъ, которые разыгрываютъ свои грубые фарсы посреди тѣсныхъ и грязныхъ улицъ стараго города. Ихъ бываетъ три и четыре лица; главная роль, разумѣется, отдана паяцу; они говорятъ пошлости, дурачатся передъ толпою, но нерѣдко поютъ премило національныя пѣсни.

Но самое древнее лицо изъ типическихъ характеровъ Италіи есть, конечно, народный разскащикъ, сохранившійся въ настоящее время, если не ошибаюсь, только въ одномъ Неаполѣ. Кто былъ въ Неаполѣ, тотъ, вѣрно, помнитъ набережную, называемую Strada nova, столь разнообразную и столь оживленную. Сборное мѣсто всехъ рыбаковъ, лаццарони, факторовъ и всего праздничающаго народа, эта набережная удивительно занимательна въ праздничные дни, когда на ней начинаютъ фигурировать паяцы, протянется длинный рядъ экипажей и явится народный разскащикъ. Онъ сидитъ обыкновенно на камнѣ или на опрокинутой баркѣ, которую вытаскиваютъ на берегъ съ намѣреніемъ починить, и оставаться въ такомъ положеніи нѣсколько мѣсяцевъ. Вокругъ него небольшой кружокъ слушателей, который возрастаетъ и уменьшается по мѣрѣ интереса, возбуждаемаго разсказомъ. Я слушалъ разскащика нѣсколько времени; онъ говоритъ протяжно, вячно, но вяло, холодно, и часто повторяетъ одно и то же. Гдѣ вы, дре-

внѣ разскажики, полные огня и вдохновенія! Гдѣ ваша увлека-
тельная рѣчь, гдѣ ваша энергія, гдѣ ваши поэтическіе разсказы,
пльнявшіе толпу?... Все прошло.. утратилось... и, можетъ-быть,
навсегда. Ваши преемники недостойны вашего имени. Разсказы
ихъ, лишенный поэтическихъ украшеній, едва въ состояніи при-
влечь небольшое число слушателей, которые подходятъ нехотя,
больше по привычкѣ, и часто разходятся недовольные, не дослу-
шавъ разсказа....

Представивши бѣглый очеркъ неаполитанскихъ зрѣлищъ, съ
моей стороны было-бы непростительно умолчать о неаполи-
танской консерваторіи, занимательной во всѣхъ отношеніяхъ.

Неаполитанская школа музыки—одно изъ древнѣйшихъ заведе-
ній этого рода въ Европѣ. Эта школа основана въ XV вѣкѣ, при
Фердинандѣ 1-мъ, подъ руководствомъ Гарнеріо и Гаффоріо, ко-
торые издали въ Неаполѣ первыя сочиненія о музыкѣ. (*)
Извѣстно, что изъ всѣхъ искусствъ, музыка и особенно инстру-
ментальная усовершенствовалась молниенѣе. Въ XVI вѣкѣ въ
Неаполѣ образовались еще три музыкальныя школы: основате-
лемъ одной изъ нихъ былъ испанскій священникъ Джіовани ди
Танія. Позднѣе, бѣдныя сироты, неимѣющія пропитанія, были
собраны въ госпиталѣ св. Онуфрія, гдѣ ихъ учили музыкѣ и пѣ-
нію. За этою школою была основана третья: Dei poveri di Gesù
Cristo; сюда принимались дѣти бѣдныхъ родителей, отъ 7 до 11
лѣтъ. Наконецъ, была еще школа, которую называли: Della pietà
de Turchini, по близости церкви во имя Божіей-Матери. Въ послѣд-

---

(*) Еще прежде, Филиппо ди Казерта своими сочиненіями о музыкѣ
облегчилъ изученіе нотъ. Но хотя музыка начала усовершенствоваться въ
началѣ пятнадцатаго вѣка, и въ началѣ этого столѣтія показались музы-
кальныя школы; однако опера, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее теперь по-
нимаемъ, родилась позднѣе. Создателемъ оперы почитаютъ Октавіо Ринуччи-
ни, который, пользуясь совѣтами Карси, глубоко изучившаго музыку, напи-
салъ первое либретто. *Дарфне*, представленная въ первый разъ въ 1557
году, въ домѣ Карси, въ присутствіи Великой Герцогини Тосканской, была
первою оперою.

Потомъ, по случаю бракосочетанія Маріи Медичи съ Генрихомъ IV, онъ
написалъ *Евридику* (*Euridice*), которую положилъ на музыку Джакомо Пе-
ри. Въ послѣдствіи онъ написалъ еще нѣсколько оперъ и балетовъ. Въ
концѣ пятнадцатаго и въ шестнадцатомъ столѣтіяхъ музыку употребляли
съ хорами въ героическихъ драмахъ.

ствѣ эти четыре заведенія были соединены въ три и, наконецъ, въ 1808 году, въ одну школу.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о тѣхъ лицахъ, которые своими трудами способствовали развитію музыки и прославили школу. Въ началѣ семнадцатаго вѣка, Пьетро Черони, многими сочиненіями, касающимися до музыки, облегчилъ ее изученіе. Для начинающихъ заниматься ею родились разныя методы преподаванія и такимъ-образомъ составила школа, учениками которой было много великихъ композиторовъ. Во главѣ всѣхъ должно поставить Александра Скарлатти, который считается основателемъ новой музыки. Онъ былъ не только композиторъ, но и пѣвецъ, и хорошо игралъ на арфѣ. Онъ особенно много сдѣлалъ для музыки инструментальной; изъ его учениковъ вышло много великихъ композиторовъ прошедшаго столѣтія и между прочими Порпора, прославившійся своими гимнами, на которые знатоки смотрятъ, какъ на образецъ прекраснаго. Театральныя его сочиненія были извѣстны не только въ Италиі, но и въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Дрезденѣ; у него не малымъ достоинствомъ было и то, что онъ мастерски умѣлъ преподавать пѣніе. Воспитаникъ его Леонардо Лео возвысилъ школу театральною музыкою. Доменико Сорри, первый положившій на музыку драмы *Метагастазіо*, былъ тоже ученикомъ Неаполитанской Консерваторіи. Леонардъ Винчи, усовершенствовавшій акомпаньементъ; оперы его *Дидона* и *Артаксерксъ* останутся навсегда прекрасными. Жоммели человекъ съ огромнымъ талантомъ; всѣ сочиненія его дышатъ новизною изобрѣтенія, экспрессіею и полнотою звуковъ; лучшія его сочиненія *Miserere* и *il Benedictos*; между операми замѣчательны: *Армида* и *Ифигенія*; *Перголези*, *Stabat Mater* котораго такъ прекрасенъ; *Пиччини*, соперникъ Жоммели, на котораго смотрятъ, какъ на создателя оперы *буффо*, и наконецъ, Николай Зингарелли, ученикомъ котораго былъ извѣстный композиторъ Беллини. Зингарелли былъ долгое время директоромъ Неаполитанской школы; сочиненія прославили его по всей Европѣ; онъ самъ много путешествовалъ, былъ почти во всей Европѣ, и возвратился окончить дни свои въ Неаполь, занимаясь духовною музыкою, которую исполняли воспитанники Консерваторіи. Лучшая изъ его оперъ — *Ромео*. Зингарелли умеръ въ Неаполѣ, въ 1837 году, въ глубокой старости, оставивъ послѣ себя имя добраго человека и великаго композитора. Многие изъ иностранцевъ учились въ этой школѣ; самъ гениальный Моцартъ нѣкоторое время былъ ея ученикомъ.

Изъ пѣпцовъ, вышедшихъ изъ этой школы, замѣчательны: Фаринелли, Коффарелли и Лаблашъ. Изъ пѣвицъ Спердута и Феста.

Прежде воспитанники обоего пола были въ одномъ заведеніи; въ 1828 году, по приказанію короля Франциска I, для дѣвицъ была устроена особая школа, не далеко отъ Консерваторіи. Въ настоящее время воспитанниковъ 120 человекъ, воспитанницъ 24. Четыре профессора: профессоръ пѣнія, на фортепіано, на скрипкѣ и на виолончель. Сверхъ-того, едѣсь преподаютъ итальянскій, французскій и латинскій языки, арифметику и словесность. Воспитанники раздѣляются на пансіонеровъ и вольноприходящихъ. Иные содержатся даромъ, другіе платятъ 9 дукатовъ въ мѣсяць, а съ учениковъ, едѣлавшихъ большіе успѣхи, ничего не берутъ. Вольноприходящіе должны имѣть, по-крайней-мѣрѣ, 14 лѣтъ; воспитанники-же, поступающіе на казенной счетъ, бываютъ очень-молоды; между ними есть мальчики лѣтъ семи и восьми, незнающіе ни читать, ни писать. Воспитанникъ не можетъ оставить школу раше двадцати-двухъ лѣтъ; достигши-же этого возраста, онъ можетъ оставить заведеніе и заняться чѣмъ ему угодно.

Я посѣтилъ школу въ октябрѣ мѣсяцѣ. Это время вакацій... Воспитанниковъ было очень-мало; залы, назначенныя для классовъ, передѣлывались. Проходя одну комнату, мы встрѣтили мальчика лѣтъ 12-ти, который сидѣлъ за фортепіано и разыгрывалъ гаммы. Директоръ заставилъ его сыграть что-нибудь, онъ развернулъ ноты и препорядочно разыгралъ дуэтъ изъ Нормы. Здѣсь основательно преподаютъ музыку. Многіе изъ воспитанниковъ пишутъ симфоніи и оперы, которыя исполняютъ ихъ товарищи на небольшомъ домашнемъ театрѣ. Эти представленія бываютъ не рѣдко очень-интересны, и на нихъ собирается много постороннихъ лицъ. Вообще школа содержится хорошо и пользуется заслуженною извѣстностію.

М. КУБЛИЦКІЙ.

10 Октября 1845.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, парижская сцена не произвела ничего замѣчательнаго, если подѣ *замѣчательнымъ*, — какъ мы рѣшились разъ навсегда — разумѣть всѣ пьесы, которыя

или могутъ быть съ успѣхомъ играны на нашей Михайловской сценѣ, или перейти на русскую. Въ слѣдствіе принятаго нами правила, мы не станемъ, на будущее время, утомлять вниманіе читателей *Театральной Литотписи* подробнымъ изложеніемъ содержанія всѣхъ новыхъ піесъ, появившихся въ теченіе мѣсяца на парижскихъ театрахъ, но будемъ выбирать изъ нихъ такія только, которыя могутъ имѣть какое-либо отношеніе къ намъ, то-есть, могутъ быть играны у насъ или на французской, или на русской сценѣ.

Между новинками парижскихъ театровъ болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

1) L'ETOILE DE SEVILLE, опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ, слова Ипполита Люка, музыка Бальфа. — Опера эта имѣла порядочный успѣхъ. Бальфъ, не-смотря на свое ирландское имя, композиторъ Донидзеттievской школы: этого довольно, чтобы охарактеризовать музыку новой оперы, содержаніе которой, впрочемъ очень-замышленное и счастливо-составленное, заимствовано Ипполитомъ Люка изъ драмы Лопе-де-Веги, *Estrella de Sevilla*.

2) UNE EXPIATION (*Очищеніе*), драма-водевиль въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. г-дъ Мальяна и д'Аврigny.

Эта драма-водевиль есть не что-иное, какъ передѣлка извѣстной драмы Коцебу *Ненависть къ модамъ и раскаяніе*. Она имѣла большой успѣхъ на театрѣ de la Gaité, въ которомъ, не-смотря на его названіе, проливаются обильныя рѣки слезъ его чувствительной публикой. При представленіи помянутой драмы-водевиля, слезъ было много.

3) LES TROIS POISSON (*Три Пуассона*), комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. Самсона.

Пуассонъ I и Пуассонъ II отличались во-время оно въ роляхъ Криспиновъ на французской сценѣ. Явился Пуассонъ III, у котораго страсть къ театру также велика, какъ и у его дѣдушки и батюшки; но дѣдушка и батюшка, боясь, чтобы ихъ внукъ и сынъ не помрачилъ-бы имени ихъ, рѣшительно запрещаютъ ему идти на сцену, и одинъ, дѣдушка, предназначаетъ его къ духовному званію, а другой, батюшка, къ военному. Молодой человекъ успѣваетъ однакоже ускользнуть отъ нихъ, дебютируетъ безъ ихъ вѣдома, и успѣваетъ склонить ихъ на свое желаніе. — идти въ актеры.

Піеса написана актеромъ Французскаго Театра Самсономъ; стихи ея тяжелы и дубоваты.

4) UNE FEMME LAIDE (*Дурная собою женщина*), комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, съ куплетами, соч. *Жюля де Прежаре*.

Женщина, выведенная въ этой пьесѣ, совсѣмъ недурная собой, а напротивъ, прехорошенькая; она прослыла только дурною, по милости отца своего, который, распустивъ дурную молву о красотѣ ея, думалъ тѣмъ спасти ее отъ преслѣдованій волокитъ. Но не тутъ было! Волокита, въ особѣ сэра Тонклея (дѣйствіе происходитъ въ Шотландіи) проникаетъ черезъ завѣтный порогъ г-жи Даводели, убѣждается въ несправедливости распушенной про нее молвы, и предлагаетъ похитить ее. Новая Агнеса, скупая въ заперти, съ удовольствіемъ соглашается на похищеніе. Вдругъ въ роковую минуту является отецъ, и заставляетъ сэра Тонклея насильно жениться на его дочери, что сэръ Тонклея и исполняетъ съ удовольствіемъ. — Пьеса незанимательна, но хорошенькая актриса можетъ поддержать ее на сценѣ, что и сдѣлала г-жа Дювержэ, на театрѣ Пале-Рояля.

5) La maitresse de maison (*Хозяйка дома*), водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, соч. *Мельвила* и *Кармуша*.

Не смотря на имена опытныхъ водевилетовъ, каковы *Мельвилъ* и *Кармушъ*, пьеса эта упала съ перваго раза. Она жестоко растянута и скучна.

На театрѣ Большой-Оперы, въ этомъ мѣсяцѣ, дебютировала г-жа Андріапова (см. съ отдѣленіи *Смѣсь*), которая въ первый разъ не имѣла большаго успѣха отъ-того, какъ увѣряетъ *Revue et Gazette des Théâtres*, что надѣла на себя много юпокъ (*jurons*), которыя связывали ея движенія; во второй разъ, юпокъ было меньше, и успѣхъ былъ больше. — Въ Олимпійскомъ-циркѣ, толпа сбѣгается смотрѣть новыхъ, небывалыхъ еще въ Парижѣ актеровъ — огромныхъ и чрезвычайно-красивыхъ слоновъ, которые разыгрываютъ цѣлую драму, подъ названіемъ: *Les éléphants de la Pagode*. Успѣхъ огромный.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

I.

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

27-го дня ноября мѣсяца тысяча-восемь-сотъ-сорокъ-пятого года, на Александринскомъ-театрѣ, роль *Кина*, въ комедіи того же имени, *въ первый разъ по возвращеніи изъ-за границы игралъ г. Каратыгинъ 1-й*. Собственно кажется, чему-бы тут радоваться, о чемъ тревожиться? Убъжалъ актеръ на полгода, вернулся опять, и все тутъ . . . . .

Съ утра уже нельзя-было достать ни одного билета, вечеромъ театръ ломился народомъ, чуть не скрипѣлъ отъ криковъ восторга и рукоплесканій, вызовамъ не было конца, цѣфты сыпались на сцену; . . . . .

И теперь мы считаемъ нашимъ долгомъ, нашею обязанностію объяснить однажды-навсегда, въ какихъ отношеніяхъ «Репертуаръ» находится къ г. Каратыгину, и какое мнѣніе имѣеть онъ объ этомъ артистѣ. Хотя «Репертуаръ и Пантеонъ» никогда не мѣшается въ полемику, но не можетъ-же онъ молчать, когда явно и печатно обвиняють его въ томъ, чего онъ никогда не говорилъ. Обвиненный долженъ оправдаться, безъ этого его не судятъ. Вотъ что прочтали мы *въ журнальной всякой-всячины «Съверной Пчелы»*, 1-го декабря, № 472-й, по поводу разглагольствованій ея о возвращеніи г. Каратыгина: «Съ нѣкотораго времени *въ одномъ журналѣ* ведутъ непрерывную войну *подъ сурдиною* противу В. А. Каратыгина, и не смѣя явно оспаривать у него таланта, *превозносятъ* *каждаго* *превыше облака ходячаго*, кто только возьмется за трагическую роль. Это и смѣшно и жалко.» Во всемъ вышесказанномъ нами *смѣшно* то, что тутъ нѣтъ ни слова правды, что, разумѣется, въ тоже время и *жалко*. Если-бы господише-оставитель всякой-всячины не писалъ, какъ это онъ дѣлаетъ болъшею частію, всегда со словъ пріятелей, а потрудился самъзаглянуть въ «Репертуаръ и Пантеонъ»^{*)}, то онъ-бы увидѣлъ,

(*) Да не удивится фельетонистъ «Съверной Пчелы», что мы приняла

что не слѣдуетъ говорить диктаторскимъ тономъ о томъ, чегово все никогда не было, и что *сочинять* подобныя вещи, вообще какъ-то не совсѣмъ благовидно. Правда, что «Репертуаръ и Пантеонъ» высказалъ однажды *косвенно* свое мнѣніе объ игрѣ г. Каратыгина, по поводу разбора игры одного французскаго актера; но намекъ этотъ не поправился г. Каратыгину, и вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ, если онъ былъ справедливъ, или забыть его, если г. Каратыгинъ въ немъ не сознавался, знаменитый артистъ отвѣчалъ намъ отъ имени этого французскаго актера въ той-же «Сѣверной Пчелѣ». Мы не сочли нужнымъ отвѣчать ему тѣмъ-же аллегорическимъ тономъ, а прямо и откровенно высказали наше мнѣніе объ его игрѣ *въ обзорѣ* 1844-го *театральнаго года*. Просимъ автора *Всякой-всячины* заглянуть въ *Репертуаръ и Пантеонъ* 1846-го года, № 4 стр. 253—5

Если то, что мы тамъ высказали, высказано, какъ выражается фельетонистъ *Сѣверной Пчелы*, подъ сурдиной, то мы не знаемъ, какъ можно яснѣе высказать свое мнѣніе. Ошибается также пресловутый фельетонистъ, когда говоритъ, что мы *оспариваемъ талантъ* г. Каратыгина. *Таланта* въ немъ мы никогда не оспаривали, но никогда не признаемъ въ немъ *генія*; никогда не назовемъ его *первымъ* трагическимъ актеромъ въ Европѣ въ настоящее время. Таже всякая всячина говоритъ, въ томъ-же фельетонѣ: «Мы все ждемъ, чтобы господа редакторы журнала сказали намъ, какихъ артистовъ видѣли они, которыхъ могутъ поставить выше Каратыгина.» На это мы скажемъ госпожѣ «всякой-всячинѣ», что изъ видѣнныхъ нами даже на нашей нѣмецкой сценѣ *Эмиль Девриентъ*, по нашему мнѣнію, выше г. Каратыгина. Но если-бы мы и точно не знали актеровъ лучше г. Каратыгина, развѣ это доказательство, чтобы онъ былъ хорошъ? Помилуйте, г. фельетонистъ, будьте логичнѣе въ вашихъ выводахъ! Вы можете говорить, что въ журналѣ нашемъ нѣтъ силы, что г. Каратыгинъ не нуждается въ защитѣ. — мы на это можемъ только улыбнуться; но за-чѣмъ-же быть такъ неосмотрительнымъ въ вашихъ сужденіяхъ, за-чѣмъ кленать на насъ то, чего мы никогда не говорили, потому-что слова ваши, будто мы превозносимъ выше облака ходячаго всякаго, кто возьмется за трагическую

на себя слова его, относящіяся къ *одному журналу*. Только въ нашемъ сборникѣ, который г-ну фельетонисту угодно назвать журналомъ, и говорить о театрѣ.

берховой, 29-го ноября, также принадлежит, по нашему мнѣнію, къ числу удачныхъ ролей знаменитаго трагика. Объ этомъ мы уже говорили нѣсколько разъ и въ прошломъ году, объясняя подробно, почему Гамлетъ не герой, и почему играть его надобно совѣтъ не такъ, какъ играть его г. Каратыгинъ. (*) На этотъ разъ, Гамлетъ былъ однако-же лучше сыгранъ, чѣмъ прежде. Послѣ всего, что мы прежде замѣчали г. Каратыгину объ игрѣ его, намъ не остается болѣе ничего сказать. Многого однакоже онъ и не дѣлалъ, за что мы упрекали его въ прошломъ году. Вообще онъ хотѣлъ не такъ нестово, не ползалъ по полу послѣ сцены въ театрѣ, не обнажалъ книжала при свиданіи съ матерью, не взбрасывалъ на плеча убитаго Полонія Изъ всего, что прежде такъ рѣзко и непріятно поражало зрителей въ игрѣ г. Каратыгина, кромѣ неестественнаго тона его дикціи, осталось бѣганье по сценѣ, въ разговорѣ съ матерью, отъ одного портрета къ другому. Всѣ прочія неровности игры сгладились. За постановку Гамлета приносимъ полную и искреннюю благодарность Дирекціи. Пріятно видѣть, когда пьесы безсмертнаго Шекспира монтируются подобнымъ образомъ. г. Макенмову и Самойлову — мы весьма благодарны за прекрасное исполненіе ихъ маленькихъ ролей. Г. Мартыновъ въ роли могильщика — хорошъ, какъ вездѣ и всегда. Г. Славинъ рѣшительно приводитъ насъ въ отчаяніе. Кажется, что мы обманулись самымъ жестокимъ образомъ, когда предвидѣли и предсказывали въ немъ хорошаго актера. Очень непріятно намъ сознаться въ этомъ, но мы обязаны сдѣлать это. Современн вѣтупленія своего на сцену, г. Славинъ не оказалъ ни малѣйшихъ успѣховъ, ни на волосъ не сдѣлалъ лучше, напротивъ, какъ намъ кажется, сталъ играть съ большою аффектаціею, торопиться еще болѣе при чтеніи ролей. По-видимому, онъ даже плохо учитъ ихъ. Жесты его съ нѣкоторыхъ-поръ становятся такъ рѣзки и странны, что возбуждаютъ смѣхъ и ропотъ въ зрителяхъ. *Лерта* онъ сыгралъ такъ дурно, какъ мы даже и не ожидали. Въ двухъ мѣстахъ его роли почти весь театръ разразился весьма-петрагическимъ хохотомъ, въ особенности, когда онъ ударилъ себя по лбу и издалъ какое-то странное междометіе, въ родѣ мычанія. Неужели

(*) Эмиль Девриентъ въ числѣ его *гостинныхъ* ролей въ Петербургѣ по нашему мнѣнію, сыгралъ Гамлета удивительно.

г. Славинъ самъ не замѣчаетъ, что прежнее вниманіе къ нему публики весьма поохладилось, и что теперь появленіе его на сценѣ возбуждаетъ въ большей части зрителей весьма недвусмысленную улыбку... Да судить Апполонъ г. Славина за то что онъ самъ о себѣ не заботится. Отъ этого никому не будетъ вреда, кромѣ его самаго... Женскія роли въ Гамлетѣ были, какъ и прежде, исполнены г-жами *Валберховой* и *Самойловой* 1-й; г-жа Валберхова читаетъ очень-невяственно свою роль, но играетъ прекрасно. Г-жа *Самойлова* — конечно не Офелія, но она всегда такъ хорошо поетъ свои пѣсни, что мы забываемъ даже объ ея игрѣ. Мы замѣтили также нѣсколько новыхъ декораций и костюмовъ, въ постановкѣ Гамлета. — Еще разъ благодарность! —

Послѣ Гамлета, шелъ водевилъ *Балъ въ загородномъ саду*, переводъ извѣстнаго французскаго водевиля *Le ball Mabille*. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя считаютъ непрѣмѣнною обязанностью смотрѣть послѣ драмы водевилъ, для того, какъ увѣряютъ они, чтобы не выдти изъ театра съ грустнымъ впечатлѣніемъ. Мы-бы, напротивъ, были очень-рады если-бы Александринскія драмы производили на насъ грустное впечатлѣніе, но, по-несчастію, послѣ нихъ мы болѣею частью выходимъ изъ театра въ самомъ веселомъ расположеніи духа; а водевили наши, напротивъ, повергаютъ насъ въ совершенное уныніе — странный, но справедливый фактъ. Водевилъ *Балъ въ загородномъ саду*, впрочемъ, по увѣренію одного изъ нашихъ пріятелей театраловъ, просто, удивительная вещь. Мы однакоже никакъ не могли отъ него добиться, въ чемъ сюжетъ этого водевиля. — «Какой тутъ сюжетъ», отвѣчалъ театраль на всѣ вопросы, — вообрази какъ-это должно быть хорошо: «*семнадцать паръ танцуютъ польку!*» Просимъ и васъ, почтенные читатели, вообразить, какъ это должно быть хорошо!

7-го декабря. Бенефисъ г. *Мартынова*. Мартыновъ! Не правда-ли, что имя это произносится всѣми посѣтителями Александринскаго-театра съ равнымъ удивленіемъ, даже съ уваженіемъ къ огромному, самобытному таланту этого замѣчательнаго комика? Много есть между нашей публикой, *не партій*, но отдѣльныхъ группъ почитателей разныхъ актрисъ и актеровъ. Лица эти, хлопая предмету своего удивленія, считаютъ обязанностью своею шикать другому, занимающему равныя амшлуа. Поклонникъ Каратыгина шикаетъ Славину, и на оборотъ. Почитатели г-жи Левкѣвой встрѣчаютъ весьма-непріязненно г-жу Самойлову, и т. д. Но всѣ эти лица, при появленіи на сцену г. Мартынова, забы-

вають о своихъ идолахъ, и привѣтствуютъ его самыми громкими, самыми искренними рукоплесканіями. Намъ никогда не случилось подмѣтить въ публикѣ ни малѣйшаго признака нерасположенія къ г. Мартынову; никогда не случилось слышать, чтобы его осуждали за то, что онъ дурно сыгралъ какую-нибудь роль. Мы знаемъ лица, которымъ рѣшительно ни-кто не нравится на Александрийской сценѣ, и которые, однако-же, вѣсхищаются г. Мартыновымъ; знаемъ другихъ, которые только тогда вѣздятъ въ русской театрѣ, когда играетъ Мартыновъ, а въ остальное время не заглядываютъ въ него. Чтобы свискать такую общую, такую единодушную любовь публики, надобно имѣть большой талантъ, и г. Мартыновъ въ полной мѣрѣ заслуживаетъ тѣ похвалы, которыми щедро награждаетъ его наша публика. Стараніе и трудолюбіе этого артиста изумительны. Почти пять спектакли въ которомъ-бы онъ не участвовалъ, но бываютъ дни, когда онъ играетъ четыре, пять ролей сряду. А какую бездну бенефисныхъ ролей надобно ему выучить иногда въ самое короткое время! И когда подумаешь, что при этомъ нѣтъ ни одной пьесы, въ которой-бы онъ былъ слабъ, нѣтъ ни одной роли, которой-бы онъ не зналъ, — не знаешь, чему больше удивляться, грамадной-ли памяти артиста, или его трудолюбію. Въ свой бенефисъ онъ обыкновенно играетъ нѣсколько ролей, и нынче являлся во всѣхъ четырехъ пьесахъ. Водевиль *Черный день на Черной рѣчкѣ*, которымъ начался бенефисъ, принадлежитъ перу писателя, если мы не ошибаемся, въ первый разъ являющагося на аффиншѣ. Намъ всегда нравился парижскій обычай, объявлять имя автора пьесы только тогда, когда публика сама захочетъ узнать его. Это совершенно справедливо. Нравится пьеса — публика требуетъ, чтобы ей назвали автора; — но даютъ какое-нибудь дюжинное произведеніе, никто не хочетъ знать объ имени производителя, и онъ, неузнанный публикою, можетъ будущими успѣхами загладить свою неудачу. У насъ это дѣлается иначе: или пьеса дается все время безъ имени автора, или подъ какимъ-нибудь вздорнымъ произведеніемъ новичокъ въ литературномъ и сценическомъ дѣлѣ, съ перваго представленія подмахиваетъ гордо свое незнаменитое имя. Не понимаемъ, какая причина заставила г-на *Н. Яковлевскаго* расписаться въ принадлежности ему упомянаго нами водевиля! И умному человеку случается иногда, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, написать вздоръ, но вѣрно этимъ вздоромъ онъ никогда не будетъ гордиться, и не только не станетъ выставять на немъ своего имени, но напротивъ по-

старается, чтобы объ немъ скорѣ забыли. Неужели г. Яковлевскій думаетъ, что онъ написалъ хорошия водевилы? Смѣемъ увѣрить его, что такіе водевилы дюжиннами являются въ бенефисы и умираютъ спустя нѣсколько дней послѣ ихъ рожденія. Ну, есть-ли что-нибудь новаго, занимательнаго, естественнаго въ слѣдующемъ сюжетѣ: на Черной-рѣчкѣ живетъ какой-то начальникъ отдѣленія; у него есть дочь; въ дочь эту влюбленъ художникъ; жестокой отецъ, разумеется, разлучаетъ два любящіяся сердца; художникъ хочетъ увезти предметъ своей страсти, и чтобы отвлечь вниманіе родителей, привозитъ съ собой, въ день, назначенный для похищенія, пріятеля, для котораго, по-русской пословицѣ, въ чужомъ пиру похмѣлье. Его ловятъ, бранятъ, стращаютъ и въ добавокъ заставляютъ жениться на 35-ти-лѣтней вдовѣ, довольно-страннаго поведенія. Еще разъ повторяемъ, можетъ-ли поправиться кому-нибудь подобная исторія, стоитъ-ли она того, чтобы на ней выставлять свое имя. Разыграна она была также довольно-вяло. Только г. Мартыновъ въ роли безхарактернаго, слабаго чиновника, и г-жа Липская, въ роли преслѣдующей его вдовы, были очень-хороши.

За водевилемъ слѣдовала *Русская быль* изъ временъ Петра Великаго, съ принадлежащими къ ней пѣснями и плясками (Sic!) Гаврило Ивановичъ Михляевъ. Мы думали было, что для русской сцены прошло блаженное время псевдо-патріотическихкихъ представлений, какъ вдругъ г. Славинъ (имя автора уже не секретъ послѣ его вызова) возобновилъ въ предстоящей были всѣ элементы драмъ Полеваго, скопировалъ такъ вѣрно всѣ недостатки его, не замѣтя достоинствъ, однимъ словомъ, представилъ намъ такъ натурально г. Полеваго наизнанку, наизворотъ, что мы стали въ тупикъ отъ удивленія.

Въ этой *были* есть все, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ быляхъ: русскія пляски, русскія пѣсни, разговоръ купцевъ о Петербургѣ и о преобразованіи Россіи, оханья о бородахъ, о басурманствѣ, о Иѣмечинѣ, о чародѣйствѣ, старуха, подающая пустыя просьбы, семинаристъ съ виршами, русскій купецъ, жертвующій своимъ достояніемъ на пользу государства, русская дѣвушка, которую хотятъ отдать за немцаго, — и наконецъ прїѣздъ Петра Великаго въ самую минуту паденія занавѣса! Если мы прибавимъ къ этому, что сюжетъ взятъ изъ анекдота о пожертвованіи купцомъ Михляевымъ двухъ милліоновъ на государственныя нужды, то какъ легко по этимъ даннымъ возсоздать всю народную *быль*!.. Литературнаго достоинства въ ней,

разумѣтся, нѣтъ никакого, да и сценическаго немного. Разговоры болѣею частію неинтересны, холодны, избиты, языкъ въ нихъ впрочемъ правиленъ.. Кажется, что это первое произведеніе г-на Славина на драматическомъ поприщѣ. Мы очень рады, что онъ началъ трудиться для театра. Какъ первая попытка *Михляевъ* даже очень недуренъ. Г. Славинъ человекъ съ образованіемъ; тѣмъ болѣе намъ кажется страннымъ, что онъ не видитъ рѣзкихъ недостатковъ своей игры, и не старается отъ нихъ исправиться. Даже и въ этой пьесѣ, въ незначительной роли прикащика *Михляева*, онъ былъ очень-нехорошъ, читалъ роль свою чрезвычайно-невнятно, скоро, съ странными жестами, и въ добавокъ всего, для эффекта, опять растянулся во всю длину на сценѣ, пятками къ зрителямъ. Неужели эти смѣшныя, неестественныя падеія, г. Славинъ считаетъ необходимою принадлежностью драмы, повторяя ихъ въ каждой роли? Помните г. Славинъ! Въ наше время подобныя неумѣстныя выходки — чистый анахронизмъ. Теперь только въ пошлыхъ романахъ московской фабрикаціи герои ватаются по полу, рвутъ на себѣ волосы и терзаютъ грудь ногтями. Ни въ жизни, ни въ порядочной книгѣ, вы не встрѣтите ничего подобнаго. Въ сотый разъ взываемъ мы къ вамъ: будьте натуральны, будьте человекомъ, а не героемъ, — учитесь, наблюдайте сами за собою, умѣряйте жесты ваши, приучайтесь обдумывать каждое слово въ роли, какъ-бы ничтожна ни была она, — и вы увидите, какъ переменитесь сами, разумѣтся, къ лучшему, какъ переменится къ вамъ ваша публика, начинающая уже встрѣчать васъ иногда не весьма благосклонно.

Квартира на Бульварѣ — очень-миленькій водевиль, напечатанъ уже въ декабрьской книжкѣ «Репертуара и Пантеона» и потому мы объ немъ не будемъ распространяться. Скажемъ только, что онъ былъ прекрасно разыгранъ г. Мартыновымъ, Каратыгинымъ 2-мъ и Прусаковымъ.

Двушка-морякъ или *сваха въ неволѣ родитъ*, шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Изъ этой шутки мы поняли только нижеслѣдующее. У отставнаго моряка, живущаго въ деревнѣ, есть дочь, въ которую влюбленъ Лейтенантъ *Шторповъ*. Папенька не хочетъ отдать дочку за Лейтенанта. Подруга ея, чтобы заставить папеньку согласиться, одѣвается морякомъ, куритъ пахитосы, говоритъ о фокахъ, бизаняхъ, фордевиндѣ, и наконецъ танцуетъ польку. Вотъ и все. — Какъ все? могутъ спросить насъ. Что же послѣ польки? — Протанцовавши польку, танцуютъ ее, разумѣт-

ся еще разъ по востребованіи публики, послѣ сего все благомысляшіе и понимающіе дѣло зрители расходятся. Очевидно, что весь водевилъ написанъ только для того, чтобы г-жа Самойлова протанцовала польку въ костюмѣ моряка, и еще, можетъ-быть, для того, чтобы она выкурила передъ публикой пахитосъ ..

13-го декабря. Бенефисъ г-жи Самойловой 1-ой. Г-жа Самойлова 1-ая, безспорно, первая водевильная актриса. Въ самомъ-дѣлѣ, со смерти В. Н. Асенковой, г-жа Самойлова нераздѣльно властвуетъ надъ областью русскихъ водевилей. Есть у нея, правда, одна довольно-опасная соперница, сестра ея Вѣра Васильевна, но эта рѣдко является въ легкихъ, водевильныхъ роляхъ, и до-сихъ-поръ не рѣшается пѣть, не извѣстно по какой причинѣ, потому, что большаго голоса для водевилей совсѣмъ не требуется. Талантъ у г-жи Н. Самойловой есть, въ этомъ мы никогда ей не отказывали, но въ тоже время всегда совѣтовали и будемъ совѣтовать, по возможности удерживаться отъ нѣкоторыхъ ролей, каковы на-примѣръ знатныхъ дамъ и графинь, сентиментальныхъ и чувствительныхъ дѣвушекъ, наивныхъ пансіонерокъ и вообще всехъ ролей, гдѣ требуются сильныя чувства и энергія. (Наивныхъ пансіонерокъ г-жа Самойлова 1-я прежде играла довольно-хорошо, но теперь съ каждымъ годомъ эти роли болѣе и болѣе нейдутъ къ ней). Мы говоримъ по возможности удерживаться отъ подобныхъ ролей, потому что иногда необходимость заставляетъ играть ихъ. Не можемъ не замѣтить также, что съ-нѣкоторыхъ-поръ она уже слишкомъ часто играетъ мужскія роли, и становится въ нихъ день-отодня развязнѣе. Выборъ бенефисовъ ея бываетъ также не совсѣмъ удаченъ. Въ прошломъ году мы замѣтили, что все пьесы ея бенефиса были чрезвычайно-плохи и упали все вмѣстѣ, дружно и нераздѣльно. Въ нынѣшнемъ году она угостила публику только одною нелѣпностью, но эта нелѣпность стоитъ многихъ, вмѣстѣ взятыхъ. *Небо и Земля* принадлежать неутомиму перу г-на Соловьева. Въ Москвѣ въ настоящее время онъ пишетъ почти одинъ. Петербургъ, какъ извѣстно, городъ лѣнивый; прежде чѣмъ что-нибудь написать онъ подумаетъ: да что писать? да за-чѣмъ писать? да нельзя-ли лучше не писать? Г. Соловьевъ не таковъ. Вся природа даетъ ему сюжеты для драмъ и водевилей. Все, что-бы ни прочелъ онъ, превращается въ его воображеніи въ огромную, безконечную драму. Попалась ему на глаза повѣсть *Любинька* — вышла изъ Любиньки драма *Мачиха* и *Падчерница*, — прочелъ онъ гдѣ-то въ старомъ журналѣ плохую повѣсть

Гонзалесъ Кокъ, вышла изъ Кока — *Небо и Земля*. Почему *Небо и земля*? что за названіе? спросите вы. Все дѣло основано на избитомъ сюжетѣ — несчастіи художника. Живописецъ Гонзалесъ Кокъ, непонятый современниками, борется съ бѣдностью, терпитъ нужду и ругательства своей жены, злой и сварливой женщины. Его въ тоже время любить, какъ водится, герцогиня, приходящая къ нему въ мужскомъ платьѣ, брать уроки въ живописи. Любовниковъ, разумѣется, открываютъ, они бѣгутъ, ихъ находятъ, онъ умираетъ — и тѣмъ все кончается. И все это избитое, несообразное пропешество, пересыпано возгласами о славѣ, любви, высокихъ художествахъ, людской благодарности, горечи жизни, и т. п. И все это такъ пошло, скучно, приторно, что мы не можемъ надивиться, какъ могли въ публикѣ найдтись два или три голоса, которые, по окончаніи этой нелѣпницы, требовали автора? Неужели имъ точно понравилась пѣса, или не полагаютъ-ли они, что вызовы необходимы послѣ каждой пѣсы, что они составляютъ нѣчто въ-родъ закуски?... Странные есть люди на бѣломъ свѣтѣ!...

Альбомъ-Общитель, оперетка въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣлка французскаго водевиля: *Le roman de la pension*. Сюжетъ пѣсы также довольно-избитъ. Молоденькая дѣвушка влюбилась въ пансіонеръ въ офицера, уѣхавшаго въ-послѣдствіи на Кавказъ, и, разумѣется, позабывшаго объ ней. По возвращеніи, офицеръ сватается за другую, но предметъ его первой любви ссоритъ своего бывшего обожателя съ новымъ предметомъ его страсти — и дѣло оканчивается тѣмъ, что кавказскій герой женится на бывшей пансіонеркѣ, потому-что нашелъ въ ея альбомѣ свой портретъ. Не ново, не натурально и не интересно. Оперетка написана впрочемъ очень-хорошимъ языкомъ; есть прекрасные куплеты, съ новой, очень-хорошенькой музыкой.

Передъ этой пѣсой играли вальсъ, сочиненіе г-жи Самойловой. Сознаемся, что мы не нашли въ немъ ничего хорошаго.

Цыгане поставлены на сцену прямо изъ поэмы Пушкина, не прибавляя къ ней ни одного слова, что весьма-хорошо.

Имянины городничаго, обдѣланные искусною рукою, могли-бы превратиться въ очень-хорошую пѣсу, но въ настоящемъ видѣ изъ этого водевиля вышло ни-то, ни-сѣ. Конецъ въ явномъ разладѣ съ началомъ, характеры недорисованы, сцены необдѣланы. Любовь городничихи къ учителю словесности, котораго ова однакоже не видитъ во все продолженіе пѣсы, — довольно-занимательна; лицо секретаря, выгнаннаго за пьянство, хорошо

очерчено; положеніе друга городничаго, стараго смотрителя училищъ — очень-интересно; но повторяемъ все это такъ неполно, неоконченно, необъяснено, что не оставляетъ никакого впечатлѣнія, не смотря на то, что пѣса была очень-хорошо разыграна.

Бенефисъ кончился неизбежно полькою, названною вѣроятно изъ учтивости *богемскимъ танцемъ*.

Примѣчаніе. Г-жа Самойлова, при появленіи на сцену, была осыпана цвѣтами.

20-е декабря. *Смерть Ляпунова*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, С. А. Гедеонова. Имя С. А. Гедеонова не въ первый разъ является въ русской литературѣ. Мы помнимъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній, являвшіяся въ первыхъ годахъ «Библиотеки для Чтенія», помнимъ, въ особенности, превосходный переводъ его извѣстной оды Гюго: *La Vision*. Но какъ драматическій писатель, г. Гедеоновъ въ первый разъ является передъ нашею публикою. По началу такому, какъ «Смерть Ляпунова», мы имѣемъ право радоваться за русскую сцену. Въ настоящее время, въ эпоху упадка серьезныхъ пѣсень, появленіе подобной драмы приятно и утѣшительно. Надобно признаться, что въ послѣднее время въ области драмы не появлялось ничего, сколько-нибудь замѣчательнаго. Г. Кукольникъ почти совсѣмъ пересталъ писать для сцены. Послѣднія его произведенія: *Монументъ* и *Импровизаторъ* были до того бенефисны, что намъ даже неприятно вспоминать о нихъ. Г. Ободовскій также весьма-замѣтно исписался или, вѣрнѣе, испереводился. Послѣднія драмы его: *Проклятіе матери* и передѣлка *Nacht und Morgen*, являлись даже безъ имени автора, потому что имя это не спасло-бы ихъ отъ забвенія. Г. Полевой, къ рождеству или къ масленицѣ, всякій годъ дѣлаетъ публикѣ какой-нибудь драматическій подарокъ, но и онъ въ послѣднихъ драмахъ своихъ: *Павль и Виргинія* и *Ермакъ*, замѣтно опустился. По этому появленіе новаго драматическаго писателя въ такую глухую пору сценической литературы встрѣтить съ удовольствіемъ и радостью всякій, кто любитъ искусство, кто отъ сцены требуетъ другихъ, болѣе-благородныхъ ощущеній, нежели тѣхъ, которая доставляетъ полька и переодѣваніе актрисъ въ мужское платье.

И публика наша доказала, какъ она цѣнитъ трудъ автора, вызвавши его нѣсколько разъ. И это были не тѣ пошлые, постыдные вызовы, гдѣ десятокъ пріятелей, изъ дружбы, для шутки, или изъ упрямства, реветъ автора! для того только, чтобы

пошумѣть и покричать. Это была не та обыкновенная, воскресная публика, которая часто не даетъ разслышать ни слова въ шпесѣ, которая шумитъ и ворочается въ верхнихъ слояхъ театра, хохочетъ и аплодируетъ безъ смысла и безъ умолку. Были, правда, и въ этотъ день довольно-пошлые порывы нелѣпой массы, но и они сдерживались въ границахъ благоразумною частью публики, господствовавшей въ этотъ день въ театрѣ. Все, что есть пишущаго, читающаго и мыслящаго въ Петербургѣ, собралось слушать новую драму, и слушало ее со вниманіемъ, съ удовольствіемъ, съ одобреніемъ.

Трудный и даже непріятный сюжетъ взялъ авторъ для своей драмы: 1611-й годъ немногихъ свѣтлыхъ страницъ оставилъ въ нашей исторіи. Эта эпоха смуть, безпорядковъ, кровопролитій, безстыдныхъ измѣнъ, позорнаго торгашества честью и совѣстью, грабежей и убійствъ — мало представляетъ исключеній отъ обычныхъ и доблестей, но тѣмъ пріятнѣе видѣть этихъ мучениковъ благородства, этихъ героевъ чести и добродѣтели въ отвратительной толпѣ убійцъ и предателей, позорившихъ имя русское. Во всю эту плачевную эпоху, отъ Самозванца до Романова, три лица, три идеала всего возвышеннаго, сосредоточили на себѣ и любовь современниковъ, и удивленіе потомства: это были *Князь Скопинъ, Ляпуновъ и Пожарскій*. Образъ Ляпунова впрочемъ не такъ чистъ и высокъ, какъ двухъ другихъ его сподвижниковъ въ дѣлѣ брани и спасенія Россіи. Въ жизни Ляпунова были темныя страницы.... свое военное поприще началъ онъ разбоемъ, вмѣстѣ съ дружинами изверга Болотникова, не разъ переходилъ онъ отъ одного убѣжденія къ другому, мѣняя властителей. Его явный бунтъ противъ Шуйскаго, тогда законнаго Монарха — трудно оправдать психическими и историческими доводами. Но всѣ заблужденія жизни своей искупилъ онъ вѣрною службой отечеству, заслугами, имъ оказанными, и своею мучительною смертію. Такой характеръ, какъ *Ляпуновъ*, еще лучше Скопина и Пожарскаго ложится въ драму. Тѣ двое были чистые, свѣтлые образы, почти не люди, неволнуемые страстями, не боровшіеся съ черными помыслами жизни; надъ ними плачетъ человѣчество, — имъ удивляется исторія. Ляпуновъ былъ человѣкъ; въ сердцѣ его кипѣли всѣ человѣческія страсти, онъ былъ гордъ, вепыльчивъ, высокоумренъ, даже грубъ въ обращеніи; чтобы достигнуть до такого высокаго самозабвенія въ пользу родины, которое мы видимъ въ немъ въ послѣднія минуты жизни, ему надобно было пройти тяжолую школу опыта, служить и Са-

мозванцу и Болотникову, быть грозою и ужасом современниковъ. Жизнь Ляпунова — тяжелая драма. Представленная со всеми подробностями, отъ службы его въ рядахъ Болотникова до самой смерти, она была-бы интересна и поучительна. Авторъ, разумѣется, не могъ сдѣлать этого. Онъ представилъ намъ только послѣдніе дни его, но и тутъ, какъ намъ кажется, авторъ слишкомъ-мало заставилъ Ляпунова вспоминать о прошедшемъ. Прошедшее должно было неизгладимыми чертами вѣшаться въ его памяти. Все послѣднія дѣла свои онъ не могъ иначе понимать, какъ подвигомъ раскаянія и искупленія. Служеніемъ отчизнѣ онъ *замаливалъ* прошлое.... Такъ, по-крайней-мѣрѣ, понимаемъ мы историческій характеръ Ляпунова, сообразно съ изображеніемъ его современниками. У С. А. Геденова Ляпуновъ является, во второмъ актѣ, останавливающимъ возстаніе противъ него нѣсколькими словами. Это первое явленіе чрезвычайно-эффектно, вѣрно, поразительно. Козаки и собственные ратники Ляпунова требуютъ его *къ отвѣту*, за-тѣ, что онъ самовольно утопилъ 20 козаковъ, тогда, какъ, по уставной грамотѣ, ихъ можно было казнить не иначе, какъ по земскому приговору. Въмѣсто того, чтобы оправдываться передъ народомъ въ нарушеніи имъ уставной грамоты, Ляпуновъ начинаетъ его-же укорять въ буйствѣ, непослушаніи, грабежахъ и постыдныхъ дѣйствіяхъ, не хочетъ съ бунтовщиками идти на святое дѣло спасенія Россіи, отказывается отъ званія воеводы, покидаетъ ихъ и уѣзжаетъ въ Рязань. Весь этотъ актъ съ предъидущими сценами между народомъ, и рѣчью Заруцкаго къ народу, составляетъ уже вѣчто цѣлое, прекрасно-очерченное и вѣденное. Въ первомъ актѣ, первая сцена подговора Заруцкимъ козацкихъ атамановъ къ возстанію на Ляпунова и разсказъ стараго козака о томъ, какъ Ляпуновъ за разграбленіе монастыря топилъ козаковъ въ Москвѣ—ведена мастерски, также, какъ и слѣдующая за нею, между Мариною, Заруцкимъ и Польскимъ посломъ отъ Гонсевскаго, предлагающаго Маринѣ, именемъ Сигизмунда, присоединиться къ Полякамъ, бѣдствующимъ въ Москвѣ. Въ третьемъ дѣйствіи Марина, влюбленная въ Ляпунова, идетъ предлагать ему свою руку и Московскій Престолъ, на которомъ онъ можетъ править именемъ Царевича Ивана, сына ея отъ втораго Самозванца. Ляпуновъ съ негодованіемъ отвергаетъ ея предложенія и оскорбляетъ ее жестоко. Въ 4-мъ дѣйствіи Марина начинаетъ мстить. Въ нее влюбленъ Волынской, котораго Ляпуновъ любитъ, какъ сына. Она заставляетъ Волынскаго приложить печать Ляпунова къ под-

ложному письму, писанному отъ его имени къ Говсевскому, съ предложеніемъ перейти на сторону Поляковъ. Волынской передъ совѣтомъ бояръ обвиняетъ Ляпунова въ измѣнѣ. Въ пятомъ актѣ Ржевскій, личный врагъ Ляпунова, приходитъ объявить ему объ этомъ, говоря, что Заруцкіи и козаки рѣшились убить его, если онъ пойдетъ на сходъ. Ляпуновъ, увѣренный въ неизбежной смерти, идетъ къ мятежному войску. Марина, раскаявшись, спѣшитъ спасти его, но уже поздно. Ляпуновъ, облитый кровью падаетъ къ ногамъ ея; Волынской, помѣшанный зоветь Марину наградить его любовью за убійство его второго, отца; народъ хочетъ разорвать Марину. Ляпуновъ закрываетъ ее собою и умираетъ при трубныхъ звукахъ, возвѣщающихъ, что князь Пожарскій съ Нижегородскимъ ополченіемъ идетъ подъ Москву спасти отечество.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ драмы мы указали только на главный ходъ происшествій; но чѣмъ въ особенности замѣчательна и отличается эта драма. — это подробностями, эпизодическими сценами; вообще ничего нѣтъ скучиѣ лицъ, толкующихъ въ драмѣ о томъ, что не относится къ герою ея и главному ходу завязки; но тутъ напротивъ, мы должны признаться, что подробности пьесы интереснѣе завязки ея, основанной на романтической любви Волынскаго къ Маринѣ и на возмущающемъ душу убійствѣ имъ своего отца и благодѣтеля; эта *любовь* въ русскихъ драмахъ — камень преткновенія для всѣхъ драматурговъ. Кукольникъ въ своемъ *Скопидѣ* счастливо избѣгнулъ ея; отъ-чего-бы автору *смерти Ляпунова* не попробовалъ обойтись безъ этой неприятной любви? Любовь Марини — натуральна и понятна, хотя сцена предложенія руки и вѣнца была уже въ драмѣ *Рука Всевишняго отечества спасла*, только у г. Кукольника Марина адресуется къ Пожарскому; но любовь Волынскаго ужасна и едва-ли возможна. Несовѣтъ также сценически-ловка послѣдняя сцена смерти Ляпунова. Если ослѣпленный народъ рѣшился уже на убійство, то, какъ разъяренный звѣрь, онъ терзаетъ, топчетъ и рветъ на куски свою жертву, какъ это было и съ Ляпуновымъ, а не отпускаетъ его доумирать въ другое мѣсто. Эта невѣрность выкупается впрочемъ сценою, выхваченною прямо изъ сердца человѣческаго, когда Марина сначала обвиняетъ себя передъ народомъ въ смерти Ляпунова и проситъ казни, но потомъ, когда народъ съ дикимъ воемъ бросается на нее, — шлетъ спасенія и защиты у самого-же Ляпунова. Изъ другихъ прекрасныхъ сценъ, кромѣ уже упомянутыхъ нами, за-

мѣтимъ сцену между Мариною и Заруцкимъ (3-е дѣйствіе), бояръ съ Ляпуновымъ (тамъ-же), и разговоръ ратниковъ (въ 4-мъ дѣйствіи). Вообще все характеры драмы очерчены рѣзко, вѣрны самимъ себѣ и исторіи. Языкъ драмы простъ, чистъ и благороденъ, безъ вычурныхъ метафоръ и сравненій на ходуляхъ. Сцены ведены чрезвычайно-искусно, хотя мѣстами есть небольшія длинноты, которыя впрочемъ мы не совѣтуемъ урѣзывать, потому-что пропадутъ подробности, превосходно характеризующія духъ того времени. Если драма въ продолженіе слишкомъ 4-хъ часовъ слушается съ удовольствіемъ, то это лучшее доказательство, что въ ней нѣтъ ничего лишняго. Разыграна она была съ удивительнымъ стараніемъ. Отъ героя драмы до послѣдняго ратника, говорящаго два слова, все были на своихъ мѣстахъ, и все были хороши такъ, какъ только могли быть хороши. Г. Максимовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли какъ то странно измѣнялъ свой голосъ. Г. Каратыгинъ былъ чрезвычайно-хорошъ, за исключеніемъ развѣ двухъ или трехъ моментовъ, гдѣ въ немъ замѣтна была аффектація. Превосходно сыграли свои роли Гг. Сосницкій, Мартыновъ, и Самойловъ. Г. Самойловъ въ особенности рѣшительно поразилъ насъ своимъ костюмомъ, голосомъ, манерами, вообще высокимъ, художническимъ исполненіемъ небольшой роли юродиваго. Костюмы въ драмѣ прекрасныя, декораціи удивительныя, однимъ-словомъ, она поставлена съ тщаніемъ, роскошью, великолѣпіемъ, какія намъ не часто случается видѣть на Александрынской сценѣ! Такого полнаго, пріятнаго впечатлѣнія мы давно не испытывали. Надѣмся, что С. А. Гедеоновъ не остановится на первомъ успѣхѣ, сжалится надъ нашею сиротствующею сценою, и что, не слѣдуя примѣру нашихъ драматурговъ, съ каждою новою драмою будетъ становиться выше и въ исторіи литературы, и въ любви къ нему публики.

II.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ настоящее время ни одинъ французскій спектакль не обходится безъ Плесси. Она составляетъ центръ, къ которому стре-

мится все петербургское общество, душу каждого спектакля. Число хулителей этой удивительной артистки уменьшается съ каждымъ представленіемъ; всякая новая роль ея привлекаетъ къ ней болѣе и болѣе почитателей ея таланта. Старыя, забытыя пьесы, которыя она воскрешаетъ, оживленныя ея игрою, правятся больше новыхъ; знакомыя уже намъ пьесы кажутся новыми, когда она въ нихъ играетъ; наконецъ, новыя роли, въ которыхъ она является, кажутся идеаломъ, типомъ совершенства, лучше котораго невозможно сыграть.

24-го ноября г-жа Плесси являлась въ бенефисъ г. Бертона, въ старой комедіи *La Marquise de Sanneterre*, любимой публикою еще съ того времени, когда въ ней играла г. Бурбье. Говорить, что г-жа Плесси въ роли наивной провинціалки, постепенно-изучающей кокетство, была неподражаема, значить повторять то, что уже всеѣмъ давно извѣстно — Остальные артисты все прекрасно играли, кромѣ г. Бертонъ, который былъ очень слабъ въ роли *Сенъ-Марса*. Два водевиля, игранные вмѣстѣ съ комедіею, въ тотъ-же день, *Les deux Pierrots* и *Le bonheur sous la main*, принадлежатъ къ разряду тѣхъ дюжинныхъ произведеній, которымъ самая-лучшая награда — забвеніе.

2-го декабря. Бенефисъ г-жи Пажъ. Бенефициантка принадлежитъ къ числу любимицъ публики, и въ особенности одной части ея, восхищающейся гораздо-болѣе самою артистскою, чѣмъ ея талантомъ. Несмотря на любовь къ ней публики, на то, что афиша бенефиса была одна изъ самыхъ-заманчивыхъ, что бенефициантка должна была танцовать по-русски, театръ былъ далеко-неполонъ. Кресельная публика не могла, вѣроятно, занять всехъ ложъ. Спектакль начался водевилемъ *Une campagne à deux*. Идея его, довольно впрочемъ неновая, состоитъ въ томъ, что два семейства не могутъ жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ, однимъ хозяйствомъ. За нимъ шелъ водевиль Скриба *L'image* — прекрасный, какъ вообще все, что выходитъ изъ-подъ пера Скриба. Бѣдный живописецъ былъ влюбленъ въ знатную маркизу, въ замужнюю женщину. Она спасла его отъ бѣдности и отъ отчаянія, двухъ ужасныхъ бичей таланта, — и могъ-ли онъ не полюбить ее? Она дала ему средства ѣхать въ Италію, изучать великихъ мастеровъ, и когда онъ, полный таланта, любви и надежды, возвратился въ Парижъ, — ему рассказали, что та, кого любилъ онъ, — умерла отъ холеры, и можетъ-быть, даже отъ жестокаго обращенія ея мужа, съ которымъ она принуждена была разойтись въ послѣднее время. Бѣдный художникъ едва пере-

неет этот ударъ, и не-смотря на смерть маркизы, онъ, полный благодарности, любить ее и мертвую, остается вѣренъ ей памяти. — Кромѣ любви, въ сердцѣ у него есть еще одно чувство — мести къ человѣку, мучившему бѣдную женщину, носившую его имя. Отыскивая вездѣ ея мужа, онъ прѣзжаетъ въ Бретань, въ замокъ одного ея родственника, банкира, но узнаетъ ужасную новость. Тотъ, кого онъ такъ давно искалъ, уѣхалъ въ Америку и убитъ тамъ на дуэли. Въ газетахъ видить онъ подтвержденіе этого извѣстія. Банкиръ утѣшаетъ живописца тѣмъ, что между его крестьянками есть одна молочница, какъ двѣ капли воды, похожая на покойницу, за которой самъ банкиръ удостоиваетъ милоходомъ волочиться. Живописецъ, въ-самомъ-дѣлѣ, пораженъ необычайнѣмъ сходствомъ крестьянки съ покойной маркизой; онъ бросается къ ней, разирашиваетъ ее — но грубыя выраженія, неловкіе жесты, совершенная необразованность молочницы еще болѣе заставляютъ его почувствовать всю цѣну той, которую онъ потерялъ. Не-смотря на смѣшную сторону любви къ крестьянкѣ, бѣдный молодой человѣкъ почти влюбляется въ нее, хочетъ написать съ нея портретъ, заставляетъ ее одѣться въ богатое платье, и передъ началомъ сеанса, чтобы заставить ее сидѣть спокойно, даетъ ей въ руки газету, прося, чтобы она смотрѣла въ нее, будто читая. Крестьянка, взглянувши на одну статью газеты, съ крикомъ падаетъ безъ чувствъ. Она прочла въ ней извѣстіе о смерти ея мужа, отъ жестокаго обращенія котораго бѣжала она въ Бретань, распустивъ слухъ о своей смерти. Все объясняется, и счастливый живописецъ, разумѣется, дѣлается обладателемъ оригинала, съ котораго онъ хотѣлъ писать портретъ. Въ этой превосходной пьесѣ конецъ чрезвычайно-оригиналенъ, потому-что маркиза во все продолженіе пьесы не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ. — Пьеса была прекрасно-разыграна, въ особености г-жа Пажъ была удивительно-хороша въ роли крестьянки-маркизы.

La Cage aux impies, старинная пьеса *Седеня*, была также въ совершенствѣ сыграна: Гг. *Бертономъ*, *Алланомъ*, *Варлѣ*. и г-жою *Фальконъ*, не говоря уже о г-жѣ *Плесси*, возбуждавшей въ зрителяхъ неподдѣльный восторгъ. Сама пьеска, не-смотря на то, что принадлежитъ къ старому репертуару, лучше многихъ современныхъ произведеній, хотя и вертится на классическомъ характерѣ жены, обманывающей мужа.

Послѣ этой комедіи шла также очень-старая оперетка *Les rendez vous bourgeois*, игранная въ послѣдній бенефисъ г-жи *Аль-*

беръ. И на этотъ разъ она была разыграна съ рѣдкимъ ансамблемъ. Гг. Верне и Готи смѣшили до слезъ.

Передъ опереткою, въ антрактѣ, г-жа Пажъ танцевала съ г. Гольцемъ русскую пляску. Собою она была чрезвычайно-хороша, но признаемся, что пляскою ея мы были не совѣмъ-довольны: въ ней не доставало того, что трудно объяснить словами, но чѣмъ полна пляска настоящей русской женщины — этой плавности, которая заставляла сочинителей нашихъ народныхъ пѣсень сравнивать съ *posturno павлиною* походку русскихъ красавицъ.

8-го декабря. Бенефисъ г. Доделя. Г. Додель, актеръ весьма-талантливый и замѣчательный, и заслуживаль-бы, по нашему мнѣнію, лучшаго приѣма и большаго вниманія со стороны публики. Холодность къ г. Доделю объясняется нѣкоторымъ образомъ тѣмъ, что онъ играетъ болѣею частію второстепенныя, невидныя и часто неблагодаряныя роли, хотя и въ нихъ всегда чрезвычайно-хорошъ. Въ бенефисъ его театръ также былъ неполонъ, но гораздо-полюбе двухъ предыдущихъ бенефисовъ.

Спектакль начался пьесою *La pèche aux beaux pères*, очень-оригинальною по содержанію, но ходъ которой нисколько не соответствовала ея цѣли. Идея пьесы состоитъ въ томъ, что нынче не невѣсты ловятъ жениховъ, но женихи ловятъ богатаго тестя, приманкою роскошной жизни, мнимаго общества, великолѣпнымъ отелемъ, каретою, мебелью, за которыя еще не заплачены деньги. Къ-сожалѣнію, какъ мы уже сказали, эта оригинальная идея пропадаетъ въ самомъ неправдоподобномъ сюжетѣ, и превосходная игра г-жи Пажъ, гг. Руже и Доделя не спасутъ этого водевиля отъ забвенія.

Валерія — Скриба, игранная въ слѣдъ за водевилемъ, давно уже извѣстна французской и русской публикѣ. Пьеса эта, сама-по-себѣ довольно-скучная и сантиментальная, написана только для одной роли слѣпой, и держится только этою роллю. Г-жа Плесси сыграла *Валерію* съ такимъ искусствомъ, которое привело въ восторгъ даже тѣхъ, которымъ знаменитая артистка, не имѣетъ чести нравиться. Всю роль, играла она съ открытыми глазами. Но въ самомъ этомъ мутномъ, неподвижномъ взорѣ было столько натуры, въ каждомъ словѣ бѣдной Валеріи было столько чувства, теплоты, очарованія!.... Сцену послѣ возвращенія зрѣнія сыграла она до такой степени вѣрно, два слова: *J'existe!* произнесла она такимъ естественнымъ тономъ, что театръ задрожалъ отъ криковъ и аплодисментовъ.... Мы никогда не забудемъ, какія высокія ми-

путы, чистаго, эстетическаго наслажденія доставляетъ намъ эта безцѣнная артистка !...

За Валеріей шелъ водевилъ *L'amour à 15 ans*, сочиненія какого-то здѣшняго артиста (*par un artiste, artiste de cette ville*, какъ гласитъ афиша). Въ немъ не было ничего особенно-дурнаго, ни особенно-хорошаго. Молодой человѣкъ влюбляется въ 15 лѣтъ, и потомъ разочаровывается весьма-непріятнымъ образомъ въ своей любви. — Тысяча-первое повтореніе извѣстной пьесы Скриба: *Le premier amour*.

18-го декабря. Бенефисъ г. Руже. Съ отъѣздомъ комика *Поль-Мине*, Руже занялъ большую часть его ролей. Въ особенности онъ хорошъ въ роляхъ простаковъ, въ родѣ Крокине, въ водевилѣ *Raphaël et Croquinet*, соч. г-на *Виктора Долле*, художника, живущаго въ Петербургѣ. Водевилъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ своихъ парижскихъ собратьевъ. Рожденный подъ угрюмымъ небомъ Петербурга, онъ дышетъ однакоже веселостью Парижа, блеститъ множествомъ каламбуровъ, смотрится легко, и забывается очень-скоро. Мы впрочемъ очень-рады рожденію въ Петербургѣ французскаго водевиля, и просимъ художника-водевилиста не оставлять между прочими занятіями его и литературы.

Комедія Скриба *Les indépendants*, игранная за водевилемъ, имѣетъ очень-мало дѣйствія, и основана вся на игрѣ актеровъ. Она имѣетъ цѣлью осмѣять положеніе лицъ, называющихъ себя *независимыми*. Чиновникъ, два дни неявляющийся въ должность, для того, чтобы быть свободнымъ, дѣвушка, не выходящая за-мужъ отъ-того, чтобы не зависѣть отъ мужа; адвокатъ оппозиціи, проповѣдующій независимость, для того, чтобы сдѣлаться министромъ, все это лица въ высшей степени интересныя, натуральныя и превосходно-очерченныя. Написана пьеса чрезвычайно-умно, разговоры блещутъ остроуміемъ, разыграна съ удивительнымъ ансамблемъ. Нужно-ли говорить, что главную роль занимала въ ней Плесси, и что она сыграла ее съ своимъ обыкновеннымъ искусствомъ. Замѣчательно, что эта умная и благородная комедія не всѣмъ понравилась. Публика наша такъ привыкла, чтобы ее потрясали или смѣшили, что впечатлѣніе, производимое умнымъ и блестящимъ разговорамъ, кажется ей слишкомъ обыкновеннымъ, не шевелитъ ея чувства. Странное свойство чловѣчества!

Комедія-водевилъ *L'escadron volant de la reine*, стоявшая въ главѣ бенефиса г-на Руже, очень-мила. Дѣйствіе происходитъ во-время

Фронды, когда Фрейлины Анны Австрийской употребляли всевозможныя позволительныя и непозволительныя средства, чтобы удержать вельможъ и придворныхъ отъ перехода къ партіи Фрондеровъ. Главныя роли прекрасно исполнены г-мъ Руже, г-жами Нажъ, Коррежъ, Майеръ и Фалькопъ. Остротъ и каламбуровъ въ водевилѣ бездна.

Нѣмецкій театръ въ теченіе этого времени былъ также богатъ новостями, которыхъ даже не было возможности пересмотрѣть. Господинъ *Левенбергъ* уѣхалъ наконецъ изъ Петербурга, сыгравши въ послѣдній разъ роль Филиппа Орлеанскаго, въ драмѣ *Die Marquise von Villele*.—Другія новыя пьесы, поставленныя въ это время, были: *Die Abendstunde*, драма Коцебу; *Die Geheimnisse des Ballets und der grossen Oper*, комедія и *Der alte Junggeselle*, шутка въ 2-хъ дѣйствіяхъ (бенефисъ г-жи Гизель); *Das Urbild des Turtuffe*, комедія въ 5-ти отдѣленіяхъ Гуцкова; *Die Studenten*, комедія въ 4-хъ отдѣленіяхъ, и *Johann der muntere Seifensieder*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, (бенефисъ г-на Замтъ). Сверхъ-того возобновлена старинная драма Коцебу *Johann von Montfaucon*.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Было-бы нелѣпо, если-бъ мы стали сравнивать нашъ мнѣнскій театръ, съ которымъ-нибудь изъ столичныхъ: мы будемъ судить о немъ, какъ о провинціальномъ, только-что возникшемъ театрѣ; каждое излишнее требованіе было-бы несправедливо; но мы не позволимъ себѣ однако-жъ, той слабости, которая упускала-бы изъ виду какой-нибудь частный или общій недостатокъ. На первый разъ, чтобы убѣдительное были наши замѣчанія, мы рѣшились нѣсколькимъ спектаклямъ сдѣлать особыя раз-

боры и подробныя замѣчанія обо всемъ хорошемъ и дурномъ.

Замѣчанія наши всегда писались тотчасъ по окончаніи каждаго спектакля, слѣдовательно, подъ самымъ живымъ впечатлѣніемъ.

Спектакль первый (20 сентября). *Стряпчий подъ столомъ* и *Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ*.

Стряпчий—г. *Смирновъ*, понимающій свое дѣло, и обладающій хорошимъ дарованіемъ, исполнилъ роль свою довольно-удовлетворительно, и публика осталась имъ очень-довольна.

Сень-Леонъ — г. *Пряженковскій*, молодой актеръ, твердо исполнилъ свою обязанность, т. е. проболталъ роль; но онъ былъ не въ своей роли, его настоящее амплуа лакеевъ, а не благородныхъ людей (хотя-бы и подъ лакейскою ливреею). Сень-Леонъ, хотя былъ и въ ливреѣ, но все-таки человѣкъ хорошаго общества—левъ, слѣдовательно, во что-бы онъ ни одѣлся, манера свѣтскаго человѣка должна остаться при немъ, а въ Пряженковскомъ этого нѣтъ; онъ даже и въ *черномъ фракѣ* не имѣлъ ничего привлекательнаго. Къ тому-же онъ былъ весьма-холоденъ: когда бросилась къ нему въ объятія Гортензія, онъ преспокойно обнялъ ее лѣвою рукою, да и запѣлъ куплеты, какъ-будто бы при свиданіи съ товарищемъ, съ которымъ только сутки не видался.

Дюкруазе, драпировщикъ — г. *Марини*.

Елиза Дальби — г-жа *Пряженковская* 2-я, милая актриса, одаренная многими сценическими достоинствами, исполнила роль свою твердо, довольно-свободно и пріятно. Она многихъ заинтересовала собою.

Гортензія — г-жа *Смирнова* была весьма-недурна.

Жеромъ, слуга — г. *Настѣдкинъ*, служилъ порядочно.

Луиза, горничная — д-ца *Златопольская*, изъ числа тѣхъ горничныхъ, которыя имѣютъ красныя руки, большія ноги и громко, грубо говорятъ.

Въ водевилѣ: *Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ*, Павелъ Павловичъ Морковкинъ — г. *Дрейсигъ*.

Матрена Марковна, жена его — г-жа *Пряженковская* 1-я.

Оба въ своихъ стариковскихъ роляхъ были хороши, какъ нельзя лучше. Публика ими была предовольна.

Александръ Ивановичъ, живописецъ — г. *Лиханскій*, молодой юноша исполнилъ роль свою очень-недурно. Въ немъ есть и чувства, и манеры хорошія. Не знаемъ, почему ему не дали сыграть Сень-Леона, а онъ сыгралъ-бы несравненно лучше Пряженковского.

Софья, жена Александра Ивановича — г-жа *Пряженковская* 2-я, сыграла съ чувствомъ и достоинствомъ нѣжной, благородной супруги. Право, она милая актриса.

Иванъ Ивановичъ Пѣтуховъ — г. *Александровъ* оскотировалъ отставнаго, пѣхотнаго офицера-франта какъ нельзя лучше: онъ былъ весьма-натураленъ, особенно когда рѣшившись объяснить въ любви къ Софьѣ, ободряясь, расшаркавшись, храбро произносить: «*Софья Егоровна!*» — Софья Егоровна отвѣчаетъ: «*Что вамъ угодно?*» Тутъ въ одно мгновеніе герой нашъ сробѣлъ и, опустивъ руки по швамъ, тихо и пренѣжно произнесъ: «*Какъ ваше здоровье?*»

Звонокъ, чиновница 14-го класса, д-ца *Златопольская*, прозвонила роль свою.

Вообще можно и должно сказать, что спектакль шелъ весьма-удовлетворительно; публика была очень-довольна, и единодушно вызвала: *Смирнову*, *Дрейсига* и *Пряженковскую* 2-ю.

Спектакль второй. (23 сентября). Хочу быть актрисой или двое за шестерыхъ и *Наталка-Полтавка*.

Наша новая трушпа рекомендуетъ себя какъ нельзя лучше. Сегодня утромъ билеты были разобраны не болѣе, какъ въ продолженіе часа, а билеты на ложи были разобраны еще наканунѣ; очень-многіе порядочные люди сидѣли въ партерѣ, а болѣе того осталось безъ билетовъ.

Въ *Наталкѣ-Полтавкѣ*, роль Наталки занимала г-жа *Пряженковская* 2-я; она была хороша и выдержала роль свою съ достоинствомъ. Г-жа *Пряженковская* весьма-недурная актриса, голосъ ея хотя не силенъ, но чистъ и пріятенъ.

Горпина Терпилиха — г-жа *Пряженковская* 1-я, была очень-хорошая старуха-хохлушка.

Петро, любовникъ Наталки — г. *Пряженковский*, никуда не годился; онъ портилъ всё дѣло: въ немъ нѣтъ ни голоса, ни игры, ни манеры, ни чувства, и главное чувства: при свиданіи съ Наталкою, онъ даже и не чувъ, что предъ нимъ его нѣжная, его вѣрная Наталка. А костюмъ? Чистейшкой, опрятненькой, но весьма не похожъ на свитку лихаго хлопца Запороzca; а *Питро хлопцецъ гарный*, молодецъ; слѣдовательно, въ немъ все должно быть молодецкое.

Микола — г. *Насѣдкинъ*, былъ много лучше Петра, т. е. *Пряженковского*; въ *Насѣдкинѣ* есть развязность.

Тетероваковский, возный — г. *Полтавецъ* былъ очень недуренъ; онъ несравненно лучше предыдущихъ Гг. *Пряженковского* и На-

сѣдкина; Полтавцевъ одаренъ комизмомъ, и хорошо владѣетъ малороссійскимъ языкомъ. А это дѣло весьма-непослѣднее въ малороссійскихъ пьесахъ.

Макогенко, сельскій Выборный — Г. Дрейсигъ. очаровательный, неподражаемый Дрейсигъ! Онъ игралъ Выборнаго такъ хорошо, такъ натурально, что самые коренные Полтавцы признали-бъ его за своего *родича*. Такъ хорошъ былъ Дрейсигъ! Публика была имъ предовольна и вызвала два раза.

По окончаніи пьесы вызвали Дрейсига, Пряженковскую 2-ю и наконецъ «*всѣхъ*».

Въ водевилѣ *Хочу быть актрисой*, роли: Оховъ, актеръ, Омега, Грекъ, Сурковъ, режиссеръ, Г. Смирновъ сыгралъ очень-хорошо. Нѣкоторыя пѣтые имъ куплеты публика просила повторить, чтб и было исполнено съ новымъ достоинствомъ. Особенно хорошо г. Смирновъ сыгралъ Грека Омегу: это верхъ искусства!

Варвару Петровну, Акулину кухарку и Марью Архипьевну, Г-жа Смирнова сыграла мило, развязно, хорошо.

Публика съ удовольствіемъ вызвала *Смирновыхъ*. — Но Дрейсигъ, чудный Дрейсигъ очаровалъ собою; и Грекъ Омега — Смирновъ такъ глубоко вѣзался въ нашу память. Вообще спектакль сошелъ превосходно, и публика, отъ души осыпавъ ихъ громкими аплодисментами, осталась довольною, въ ожиданіи новаго спектакля.

Спектакль третій (25 сентября). *Путаница*, *Ножка*, и *Моя жена выходитъ за мужъ*.

Дирекцію театра было предположено давать въ недѣлю по два спектакля, но послѣ двухъ спектаклей, планъ измѣнился — даютъ въ недѣлю три спектакля.

Путаницы я почти не засталъ: пришелъ въ залу театра предъ тѣмъ, какъ слѣдовало опустить занавѣсъ; но говорятъ, *Путаница* не запутала артистовъ, а напротивъ, выпутала предъ публикою: имъ аплодировали, чему и я былъ свидѣтелемъ.

Ножка. — Эдуардъ Дальбергъ, — г. Пряженковскій, къ удовольствію публики и нашему былъ хорошъ. — Старайтесь, старайтесь, г. артисты! Вы еще такъ молоды, что весьма легко можете себя переработать: будьте смѣлѣй, развязнѣй, желайте болѣе трудиться и учиться у хорошихъ артистовъ; — труды ваши не пропадутъ, а вознаградятся.

Роде, сапожный и башмачный мастеръ, г. Смирновъ. Созданная имъ роль башмачника была хороша, обдуманна, вѣрна мысли сочинителя, но все-таки имѣла что-то общее съ стряпчимъ подъ

столомъ *Жювйялемъ*; потому-ли что назадъ тому одинъ только спектакль, какъ давали *Стрянчаго подъ столомъ*, или г. Смирновъ не могъ совершенно разрознить эти два лица?

Луиза, жена башмачника, г-жа *Смирнова*, была очень-мила. Для водевилей она пріятная актриса: стройна, легка, имѣетъ пріятный голосъ, и недурна собою.

Бернардъ, деньщикъ, г. *Александровъ*, зналъ роль, и былъ на своемъ мѣстѣ; его игра смѣла и натуральна. Только онъ былъ немного свободнымъ деньщикомъ. Впрочемъ, вѣдь это дѣло было не въ Россіи, а во Франціи; а тамъ чего не бываетъ?!

Викторъ, молодой башмачникъ, г. *Рязанцевъ*, въ первый разъ являсь предъ тифлисскою публикою, отрекомендовалъ себя не дурно: роль зналъ твердо, игралъ смѣло, но слишкомъ-скоро говорилъ....

По окончаніи *Нозеки* вызвали *всѣхъ*.

Въ водевилѣ *Моя жена выходитъ за-мужъ*, роль г. Бонишона, занималъ г. *Дрейсигъ*. Тутъ онъ былъ не смѣшный старичекъ, бриллианщикъ, незабавный хохолъ выборный, а милый, добрый, веселый и солидный до почтенія г. Бонишонъ. Такъ-хорошо Дрейсигъ умѣетъ создавать и разнообразить роли свои. Имъ всѣ остались очень-довольны.

Г-жа Бонишонъ, г-жа *Надежина*, своимъ смѣшнымъ, слишкомъ вычурнымъ костюмомъ, заставляла многихъ смѣяться, а нѣкоторыхъ морщиться.

Гервей, богатый крестьянинъ, г. *Фроловъ*, былъ довольно натуральнымъ старикомъ, которому такъ хотѣлось женить своего сына на старой вдовѣ г. Бонишонъ.

Любимъ, сынъ его, г. *Рязанцевъ*, былъ очень-хорошъ: въ немъ есть живость, смѣлость въ игрѣ и движеніяхъ, юморъ и комизмъ. Въ немъ мы смѣемъ предвидѣть будущаго хорошаго артиста!

Клюдина, г-жа *Пряженковская 2-я*, сыграла недурно.— Но къ сожалѣнію нашему, она иногда бываетъ не такъ авантюжна, не такъ игрива, какъ будто-бы какая тоска давитъ ее, или играетъ не-хотя, или робѣя. Развернитесь, развеселитесь, милая артистка! Вы будете очаровательны.

Анета, д-ца *Златопольская*, та-же самая, что была въ пьесѣ *Стрянчій подъ столомъ*.

По окончаніи спектакля громко вызвали *Рязанцова*, потомъ *Дрейсига*, и наконецъ *всѣхъ*.

Спектакль четвертый (27-го сентября). *Страшная тайна*, или, если не драма, такъ комедія; *Матросъ*, и *Любовное зелье*.

Въ нынѣшній спектакль, также какъ и въ прочіе, билеты были разобраны всѣ, и очень-скоро. Любители сценическаго искусства желали видѣть *Матроса*, и въ немъ *Львова*, о которомъ въ прошломъ году, во второй книжкѣ *Репертуара и Пантеона*, такъ легко отозвался критикъ ставропольскаго театра.

Матросъ, г. *Львовъ*, на сценѣ тифлискаго театра явился еще въ первый разъ. — Роль матроса сама-собою трудна и опасна для каждаго провинціального актера, особенно въ томъ городѣ, въ которомъ есть много людей, видѣвшихъ въ этой роли Щепкина. Каковъ-бы ни былъ талантъ, но если онъ еще не развился вполне, не укрѣпился и не приобрѣлъ громкой славы, то ему трудно бороться съ прославленными артистами. Такъ и *Львовъ*, играя *Матроса*, находился подъ строгимъ взглядомъ публики: на него смотрѣли, судили и даже нѣкоторые сравнивали съ столичными артистами. По нашему мнѣнію, это весьма-несправедливо. *Львова* нельзя ставить на одну доску ни съ Щепкинымъ, ни съ *Мочаловымъ*, ни съ другими болѣе извѣстными артистами, потому что онъ, можно сказать, не въ обиду ему, еще ученикъ въ драматическомъ искусствѣ. При томъ-же, какъ мы слышали, онъ всѣ взятыя на себя роли создаетъ самъ; а это дѣло очень-важное! Чтобы умѣть создать самому, для этого нужно имѣть свой умъ, свой вкусъ и чувства, а не дѣтское, школьное подражаніе, которое всегда будетъ стоять ниже собственнаго созданія — хотя-бы и посредственнаго. Не будетъ распространяться, а скажемъ короче: *Львовъ* сыгралъ матроса если не превосходно, то и не дурно: не кричалъ, не бѣсновался, не билъ себя ни въ голову, ни въ грудь, не бѣгалъ по сценѣ и не махалъ руками, а старался быть по-возможности натуральнымъ. — *Львовъ* стройный, высокій, молодой мужчина, преисполненъ чувства и огня неподдѣльнаго, отъ этого въ его игрѣ вырвалось нѣсколько прекрасныхъ, патетическихъ мѣстъ. Но въ тѣхъ мѣстахъ г-нъ *Львовъ* казался слабымъ и ватянутымъ, гдѣ онъ старался выполнить заученое; тамъ и мимика и декламация его были неестественны; на примѣръ, къ чему было часто руки подпирать въ боки, стоять фертомъ: этою позиціею оскорбляется вкусъ.... Зачѣмъ часто хватается за голову? — Послѣ перваго дебюта, хотя мы расположены болѣе въ пользу г. *Львова*, на все-таки не смѣетъ произнести ему рѣшительнаго приговора — подождемъ, увидимъ; а теперь отъ души поблагодаримъ его за доставленное намъ немалое удовольствіе.

Рено, арендаторъ — г. *Фроловъ* сыгралъ роль свою очень-недурно,

Катерина, жена его — г-жа *Надежина* исполнила свое дѣло безъ упрека.

Жанета — г-жа *Пряженковская* 2-я, сыграла свободно и съ чувствомъ роль милой, доброй, нѣжной дочери; но мы въ ней не видали того могучаго дара, который покоряетъ зрителя и увлекаетъ его сердце и душу.

Магдалина — д-ца *Златопольская* — какой контрастъ! Двѣ почти родныя сестры Магдалина и Жанета: Жанета — *Пряженковская* (въ роли) милая дѣвушка; а Магдалина — *Златопольская* груба, какъ крестьянка.

Петръ, племянникъ Рево, г. *Рязанцевъ*, обыкновенно былъ живъ, веселъ и всѣхъ смѣшилъ.

По окончаніи пьесы вызвали одного *Львова*.

Страшная тайна. Семенъ Ивановичъ Телятевскій — г. *Смирновъ*, отъ начала до конца былъ весьма-хорошъ.

Анна Ивановна, жена его — г-жа *Пряженковская* 2-я, была недурна, но могла быть лучше. Причина извѣстна и извинительна: назадъ тому полчаса она играла въ драмѣ, а теперь явилась въ комедіи. Намъ жалко было видѣть бѣдную артистку: она, можетъ-быть, еще слезъ не осушила, а ее заставили смѣяться и смѣшить другихъ.

Павелъ Яковлевичъ Ягуновъ — г. *Дрейсигъ*. Вотъ талантъ! Онъ въ каждой новой пьесѣ является совершенно-новымъ и оригинальнымъ лицомъ. — Но за сей спектакль, именно за роль *Ягунова*, позволяемъ себѣ сдѣлать ему маленькое замѣчаніе за одну *шалость* — паузу, именно: когда Ягуновъ узналъ дочь свою переодѣтою въ мужское платьѣ, онъ, ужаснувшись, разинулъ ротъ, вытянулъ и растопырилъ руки, немного пропятясь до стула, сѣлъ и въ такомъ испуганномъ смѣшномъ положеніи пробылъ нѣсколько минутъ, что весьма-неестественно и непріятно для вкуса. Онъ (Ягуновъ) могъ ужаснуться и принять испуганную позицію, но не надолго, на полминуты, или на одну минуту, но никакъ не больше. Зачѣмъ хорошему актеру прибѣгать къ фарсамъ, когда онъ и такъ хорошъ? И мы надѣемся, что г. Дрейсигъ, какъ артистъ, не оскорбится нашимъ замѣчаніемъ.

Иванъ Ивановичъ Щелкушинъ — г. *Пряженковскій*, былъ необыкновенно-дуренъ. Ну что за любовникъ, когда въ немъ нѣтъ ни чувства, ни игры, ни манеры — рѣшительно ничего! И зачѣмъ ему даютъ играть любовниковъ и свѣтскимъ молодыхъ людей? Пусть-бы его игралъ лакеевъ, и т. под.

Неизвестная особа — г-жа *Смирнова*, преобразившись въ милого юношу, была премилая актриса.

Матвѣй, слуга Телятевскаго — г. *Рязанцевъ*, чудесно сыгралъ. Ему смѣло можно предсказать славное, блестящее поприще, котораго онъ вполне достоинъ. Въ этой роли его лучшее мѣсто было въ первомъ его выходѣ, когда онъ вынесъ господскій чемодацъ, шинель и бекешъ, — сначала все это положилъ на стулъ, постоялъ смиренно у дверей, утерся платкомъ, потомъ одѣлъ своего барина и проводилъ, — во все это время дѣйствія, онъ не сказалъ ни слова, но за то его костюмъ, манера, мимика — все краснорѣчиво говорило въ пользу его.

«Страшная Тайна» публикѣ доставила большое удовольствіе, за что вызвали *Дрейсига*, *Смирнова*, *Пряженковскую 2-ю*, и — непременно «*всѣхъ*».

Любовники въ зельмѣ публика была недовольна: очень-многіе изъ зрителей ушли, еще не дождавшись конца спектакля; но были и добрые люди, которые вызвали *Смирновыхъ*.

Спектакль пятый (30 сентября). *Бабушка-внучка*, или волшебный напитокъ *Каліостро* и *Тамбургъ мажоръ*.

Бабушка-внучка. Баронеса де-Мюрвиль — г-жа *Надежнина*, вышла, съѣла, благословила влюбленную чету, да и концы въ воду: — такова была роль ея.

Сусанна де-Мюрвиль, ея внучка — г-жа *Смирнова*, сыграла хорошо, только намъ непонятенъ былъ костюмъ ея: послѣ костюма бабушки, она явилась въ какомъ-то балетномъ одѣяніи и съ вѣячкомъ на головѣ. Къ-чему это? Развѣ прѣбывшія изъ Америки во Францію одѣваются какъ танцовщицы? Право, пріятнѣе было-бы видѣть ее въ обыкновенномъ свѣтскомъ костюмѣ.

Шамприго, другъ баронесы — г. *Смирновъ*, какъ и всегда, исполнилъ роль свою хорошо, только онъ собою напомнилъ намъ «Стряпчаго подъ столомъ». Здѣлайте одолженіе, разнообразьте роли свои, какъ можно больше и лучше, не только мимикою и декламаціею, но даже и костюмъ свой разнообразьте до-пельзя. А то вы своимъ парикомъ, или прическою, и *коричневымъ фракомъ* неволью напомнили *стряпчаго*, а въ слѣдъ за нимъ, и обманутой *башмачникъ* явился нашему воображенію! — Какъ это неловко для зрителя! Но вы, г. Смирновъ, какъ артистъ, всема-легко можете уладить дѣло это, какъ пельзя лучше, и потому мы отъ васъ желаемъ и просимъ многого.

Режинальдъ де-Кастилье — г. *Дрейсигъ*, сыгралъ хорошо, но

былъ не на своемъ мѣстѣ; это роль молодого человѣка, а Дрейсигъ уже въ лѣтахъ, отъ чего непріятно слышать, когда его, усатаго штабъ-офицера, *Шатриго* называетъ молодымъ человекомъ. Къ тому-же, Режинальдъ де-Кастилье именуется себя поручикомъ, а носитъ штабъ-офицерскія эполеты. Какъ это случилось? —

По окончаніи пьесы вызвали *Смирновыхъ*.

Тамбуръ-мажоръ. Драмадерь, тамбуръ-мажоръ — *Дрейсигъ* драгоцѣнный актеръ для каждаго провинціального театра. Дрейсигъ въ каждой своей новой роли является совершенно-новымъ лицомъ: явился тамбуръ-мажоромъ, и чудо тамбуръ-мажоръ, заглядѣнье; а игра, игра умна, вѣрна, отчетлива и одушевлена. —

Фанфаръ, трубачъ — г. *Рязанцевъ*, сыгралъ хорошо. Эта роль его была вовсе нешутовская, какія онъ прежде занималъ, но онъ, повторяемъ, все-таки былъ хорошъ, что дѣлаетъ ему честь, а намъ приноситъ удевольствіе.

Бертранъ, рыбакъ — г. *Фроловъ*, хорошій былъ старикъ, но позволилъ себѣ излишне погорячиться и немного покричать, что вовсе неизящно.

Тереза, жена его — г-жа *Надежина*, сыграла недурно и даже лучше прежнихъ ею сыгранныхъ ролей.

Пьеро, крестникъ Бертрана — г. *Смирновъ*, не могъ сыграть дурно, потому-что онъ очень-хорошій актеръ, и всегда публикѣ доставляетъ большое удовольствіе.

Жоржета — г-жа *Пряженковская* 2-я, сыграла очень-много была авантюжна, игрива и особенно-привлекательна. — Дай Богъ вамъ, милая артистка, побольше жизни, побольше силы и огня!

По окончаніи спектакля разомъ закричали: *Смирнову! Смирнова! Дрейсига!* Потомъ закричали: *Всѣхъ! всѣхъ!* и вышли всѣ. Такъ иногда бываютъ неопредѣленны вызовы нѣкоторыхъ лицъ здѣшней публики; очень-часто вызываютъ не по достоинству, а такъ, кого попадо, кто скорѣе попадетъ на языкъ, и очень-часто кричать *всѣхъ!* Вызывать всѣхъ безъ различія, значитъ не знать, не понимать искусства, не умѣть цѣнить трудовъ и талантовъ, что весьма-оскорбительно для хорошихъ актеровъ и актрисъ, и весьма-вредно для бездарныхъ, которые, въ слѣпотѣ своего самолюбія, могутъ подумать, что и они дѣйствительно достойны похвалы, а потому никогда не исправятся.

Говоря о частныхъ недостаткахъ, не умолчимъ и объ общихъ. Во-первыхъ: обстановка пьесъ неудовлетворительна, что, впро-

чемъ, на первый разъ извиняется новизною театра; во-вторыхъ: очень-часто въкоторые изъ актеровъ и актрисъ приближаются къ будкѣ суфлёра, который кричитъ во всеуслышаніе, отъ-чего теряется эффектъ. Послѣдній недостатокъ можно извинить только тѣмъ, что въ недѣлю даютъ по три спектакля, что весьма-трудно для исполненія малочисленной труппы. Черезъ день играть: — когда-же бѣдный труженникъ актеръ или актриса успеетъ прочесть пьесу, понять роль свою, изучить ее, сренетировать и явиться на сцену? Тогда только можетъ быть хорошъ актеръ, когда онъ, вопли сознавая силы свои, выходитъ на сцену совершенно-готовымъ, а не полагая всей надеждою на суфлёра.—Слышно, и мы вопли надѣемся въ справедливости этого слуха, что съ новаго сезона или театрального года, тифлисскій театръ много улучшится: съ новаго года начнутъ выписывать лучшихъ актеровъ и актрисъ изъ разныхъ провинціальныхъ театровъ; великимъ-постомъ займутся переобразованиемъ труппы, устройствомъ новыхъ декораций, костюмовъ и прочихъ принадлежностей театра.

ЕГОРОВЪ.

Тифлиссъ.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ТИФЛИССКОМЪ ТЕАТРѢ.

Нашъ Тифлиссъ своею оригинальною бросается въ глаза каждому Европейцу; его поражаетъ и узкая, неопрятная улица, и плоская кровля сакл, заросшая травою, и не совершенно-удобное положеніе здѣшней жейщины, и турій-рогъ, воткнутый въ землю на праздникъ подь открытымъ небомъ, и этотъ крикъ—пѣніе, и этотъ стукъ въ бубенъ — музыка: во всемъ отпечатокъ дорогой патриархальности, покрытый яркою плесенью персидскаго вліанія на страну. Ржавчина эта, однакожь, мало-помалу уступаетъ усиліямъ русскаго Правительства, которое по отчищеннымъ мѣстамъ благороднаго металла выводитъ художественные узоры европейской цивилизаціи, и тѣмъ гуще обружная ржавчина, тѣмъ явственнѣе свѣтлые узоры. Станемъ ожидать дальнѣйшихъ успѣховъ въ этомъ дѣлѣ, и между-тѣмъ прилежно слѣдить за каждою чертою магическаго рѣзна.

Еще такъ недавно наши журналы описали праздникъ, данный

тѣфлисскимъ купеческимъ сословіемъ Его Сіятельству, Графу Михаилу Семеновичу: по одному легкому очерку этого праздника можно судить о туземной манерѣ веселиться. Грузинъ пьетъ, пляшетъ, поетъ, зажигаетъ огни, показываетъ дорогія тканя, разсыпаетъ серебро и золото, — и ему любо и радостно, и весело Европейцу глядѣть на этотъ чудный, казовой копецъ праздничной азіатской жизни...

Весело... Почему же и не такъ! Краеугольный камень веселости — простота, близость къ природѣ; главная задача ея — безопасность, нѣга...

Намѣстникъ принялъ къ сердцу роскошныя знаки любви народной, окружавшіе его 18-го апрѣля: онъ сѣумѣлъ дать цѣну усердію, и не задумался отблагодарить по-своему:

Распоряженіемъ Его Сіятельства, одно изъ казенныхъ зданій обращено въ театръ.

Не станемъ входить въ эстетическую оцѣнку искусствъ: пусть рѣшаютъ другіе, которое изъ нихъ лучше. По нашему мнѣнію, драматическое искусство выше другихъ, какъ живая картина общественной жизни. Для Тифлиса оно тѣмъ важнѣе, что придастъ театру значеніе древняго лица, въ которомъ туземцы могутъ научиться великому искусству — жить, какъ живутъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ народы образованныя.

По этому отношенію, идея устроить театръ въ Тифлисъ, является мыслящему человѣку положительно-полезною идеею. И въ-самомъ-дѣлѣ, чего не достаетъ нашему городу, чтобъ стать въ ряду образованнѣйшихъ городовъ Имперіи... У насъ все есть: Семинарія — для приготовленія ученыхъ проповѣдниковъ Слова Божія, Гимназія — разсадникъ образованныхъ чиновниковъ и гражданъ; многочисленность святыхъ храмовъ и присутственныхъ-мѣстъ представляетъ обширное поле для дѣятельности тѣхъ и другихъ; въ институтѣ и дѣвчьихъ пансіонахъ образуются будущія жены и матери дѣтей, которыхъ ожидаетъ еще лучшая доля образованія: такъ, новое поколѣніе необходимо сравняетъ Тифлисъ съ любимъ изъ городовъ внутренней Россіи... Все, кажется, есть у насъ: и персидскіе товары, и англійскія издѣлія, и родное кахетинское; — чего же не достаетъ для окончательной отдѣлки нашего комфорта и нашей цивилизаціи?... Женщины.

Она изгнана изъ здѣшняго общества, и отъ этого самое общество много теряетъ, недостаетъ ему проводника свѣтлой живости и приличія, а этотъ недостатокъ такъ ощутителенъ въ туземной молодежи и даже въ пріѣзжихъ, незамѣтно теряю-

шихъ свой лоскъ въ этой мужской Сахарѣ... А бѣдныя женщины! Взгляните на здѣшніе балы: рѣдко, рѣдко вы встрѣтите прелестную азіятскую головку... И грусть, и невольное сожалѣніе объ участи женщины на Востокѣ наводятъ на вопросъ: какимъ-бы образомъ разорвать цѣпи здѣшняго особенно-прекраснаго пола?

Графъ Михаилъ Семеновичъ рѣшилъ эту задачу устройствомъ театра у насъ, который открытъ первымъ представленіемъ въ іюль 1845 года, ровно чрезъ три мѣсяца послѣ знаменитаго праздника.

Театръ для Грузинъ, что первая ассамблея Петра-Великаго для Россіи: залогомъ скорой свободы туземокъ отъ затворнической жизни отблагодарилъ нашъ Графъ Тифлису за праздникъ 18-го апрѣля.

Читателямъ «Репертуара и Пантеона» извѣстно уже, что это за театръ, что это за актеры; замѣтимъ, однако-жь, что похвалы неизвѣстнаго критика черезъ чуръ велики, если судить объ искусствѣ нашихъ актеровъ безусловно, — какъ и слѣдуетъ судить о всякомъ искусствѣ.

Въ первый разъ я пошелъ въ театръ 11-го ноября: меня заманила малороссійская пьеса незабвеннаго Г. О. Квитки, «Бой жинка...» Не входя въ разборъ игры актеровъ, скажемъ только, что *Левурду* игралъ несравненный *Дрейсигъ*, *Настю* — г-жа *Маркесъ*, которая, съ мужемъ своимъ, г. *Маркесъ*, извѣстны уже читателямъ этого изданія, по извѣстіямъ о таганрогскомъ театрѣ. *Сирновъ*, въ роли *Сумасвода*, былъ довольно-сносенъ; но *Пряженковская* 1-я... Боже мой! Какъ уродовала она прекрасный малороссійскій языкъ въ роли *Оришки*! Это было истинное мученье, и не для меня одного: здѣсь такъ много Малороссіянъ и Поляковъ, прекрасно знающихъ по-малорійски...

Почти все амплуа заняты очень-хорошими актерами; жаль только, что нашъ театръ хорошеетъ на счетъ таганрогскаго: поздравимъ нашу дирекцію, и поблагодаримъ ее за такія заботы о нашемъ удовольствіи; а о таганрогской публикѣ... хоть вздохнемъ.

Тифлисъ, 10-го декабря, 1845.

АЛЕКСАНДРЪ КР — ВЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА ПОЛОЖЕНІЕ КАЛУЖСКАГО ТЕАТРА.

Въ 5-й и 9-й книжкѣ «Репертуара и Пантеона» прошедшаго года помѣщены были двѣ рецензіи о калужскомъ театрѣ.

Въ первой изъ нихъ, писанной г. Степановымъ (псевдонимъ), я нашелъ нѣсколько пристрастныхъ словъ, высказанныхъ бывшему антрепренёру нашего театра, г. Славину. Коротко зная взаимныя отношенія г-дъ Степанова и Славина, я нѣсколько удивился энтузіазму, съ которымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорилъ Степановъ о Славинѣ. Однако-же, не смотря на это, статья вообще написана справедливо; хорошо понимая драматическое искусство, г. Степановъ прекрасно исполнилъ взятую на себя обязанность рецензента; сдѣланный имъ разборъ игры нашихъ артистовъ вѣрнѣе и добросовѣстнѣе не можетъ быть. Одно только, что нѣсколько унизило его статью, такъ это, повторяю опять, неумѣстныя и преувеличенныя похвалы г. Славину. Не спорно, г. Славинъ молодой, образованный человѣкъ, съ большимъ талантомъ (?) и хорошо понимающій драматическое искусство; калужская публика почти всегда съ удовольствіемъ смотрѣла и слушала его, иногда даже была и въ восторгѣ отъ него; но къ чему говорить невозможное и невѣроятное. Мы рѣшительно не помнимъ, чтобы публика наша когда-либо ревѣла могучею душой, увлекаясь игрой г. Славина, который, по словамъ рецензента, говорилъ, плакалъ и страдалъ тоже *могучею душой* (!?). Не помнимъ также и нѣкоторыхъ другихъ событій, помѣщенныхъ въ статьѣ г. Степанова. Нѣтъ, г. рецензентъ, грѣхъ вамъ, и большой грѣхъ, обижать такъ публику и артиста; вѣдь г. Славинъ довольно-умень для того, чтобы понять вашу похвалу, которая унижаетъ его въ глазахъ публики; онъ увѣренъ, что талантъ его не такъ огроменъ, для того, чтобы такъ сильно потрясать человѣчество, а потому, вѣрно, не проститъ вамъ этой обиды (*), а если и забудетъ ее, то развѣ только потому, что онъ въ настоящее время поступилъ на сцену С. Петербургскихъ Императорскихъ Театровъ, гдѣ ваша рецензія не сдѣлаетъ ему ни пользы, ни вреда. О дебютахъ его въ Петербургѣ, мы съ удовольствіемъ читали разборъ «Сѣверной Пчелы»

(*) Публика, съ своей стороны, вѣроятно, извиняетъ вамъ внесенную на нее небыллицу.

и «Репертуара и Пантеона», радовались успѣху г. Славина, и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбили о потерѣ драматическаго артиста на нашей сценѣ; потеря эта тѣмъ-болѣе чувствительна, что въ провинціяхъ очень, очень-рѣдко появляются такіе таланты. Съ потерей его, мы лишились и драмы; труппа наша обѣдѣла первымъ сюжетомъ, и если-бы не прекрасныя дарованія г. Дмитревскаго и г-жи Бобровой, то Калуга все-бы еще скучала безъ театра.

Дѣлая замѣчанія на рецензію г. Степанова, я нисколько не хотѣлъ этимъ унижить статьи его, а желалъ только выставить немѣстныя похвалы его г. Славину. Но обратимся ко 2-й статьѣ:

Воспоминаніе о калужскомъ театрѣ. Рецензентъ этой статьи, котораго мы не имѣемъ удовольствіемъ лично знать, жестоко нападаетъ на г-на Степанова (автора 1-й статьи), за нанесенныя будто-бы имъ обиды бывшему во-время оно содержанию, г. Турчанинову, и старается всячески доказать, что если-бы публика была внимательнѣе къ поименованному Турчанинову, и давала-бы ему больше денегъ, то онъ-бы далеко ушелъ! Полноте, м. г., стыдитесь говорить это: — неужели публика наша ничего не видитъ (хотя, по замѣчанію вашему, ее въ Калугѣ почти нѣтъ); скажите пожалуйста, за что-бы она давала деньги Турчанинову? Ужъ не за то-ли, что онъ брался не по-силамъ за большія пьесы, и, за недостаткомъ сюжетовъ (*), самъ иногда отхватывалъ жестокосердыхъ злодѣевъ? Разумѣется, нѣль этого видна: г. Турчаниновъ, напечатавъ огромную афишу, старался привлечь этимъ почтеннѣйшую публику (слова рецензента) и, собравъ побольше денегъ... Но эта почтеннѣйшая публика не такъ проста, какъ выставилъ ее г. Егоровъ; она видѣла все продѣлки Турчанинова, и въ-слѣдствіе этого оказывала не-любовь къ театрѣ (слова автора).

Г. рецензентъ, объясняя, что калужская публика состоитъ не изъ одного дворянства, а изъ цѣлаго общества города, въ составъ котораго входятъ и дворяне, и купцы, и мѣщане, и чиновники, и проч. и проч., доказываетъ, что въ-слѣдствіе этого, одни дворяне, которыхъ въ Калугѣ немного, не могли поддерживать ни театра, ни Турчанинова (!?). Неужели у насъ есть го-

(*). Хотя г. Егоровъ и выставилъ въ своей статьѣ артистовъ, бывшихъ при Турчаниновѣ, но все почти названныя имъ фамиліи существовали или прежде, а большею частію послѣ Турчанинова.

рода, въ которыхъ живутъ одни дворяне, и неужели театры строятся для нихъ только? Ну, г. рецензентъ, воля ваша, а тутъ что-то неудобно-понятно. Я полагаю, что въ театрѣ имѣеть свободный входъ (разумѣется за деньги) всякій, если онъ принадлежитъ хотя къ одной изъ *поименованныхъ* вами *отраслей публики*. Слова ваши, что калужское купечество и *мещанство* (!?) еще и теперь весьма-равнодушно къ театру — ошибка, жестоко компрометирующая статью: постоянно посѣщая театръ, я вижу, что купечество почти всегда составляетъ треть публики, только не *почтеннѣйшей*, какъ выразились вы, а *сія* послѣдняя, т. е. *почтеннѣйшая*, подъ категорію которой подходятъ *равнодушные мещане*, сидить всегда высоко, высоко... Впрочемъ, допустимъ даже, что въ блаженное время, когда вы позволили посѣщать театръ, купечество наше было совершенно равнодушно къ нему, и согласимся, что одно дворянство не въ-силахъ было поддержать ни театра, ни Турчанинова, — кто-же это набросалъ на сцену нѣсколько кошелевковъ съ деньгами *красавицы-дочки* г-жи Ждановой? Неужели самъ Аполлонъ со свитою? ... Воля ваша, не вѣрится!

Очень забавна выноска г. рецензента; выймишу ее буквально: «Когда въ 1837 году въ Калугѣ горѣлъ театръ, то, исключая одной пожарной команды, никто изъ жителей не хотѣлъ тушить его, а каждый съ радостію, издали смотря на пламя, говорилъ: *Гори адское жилище! Чертovo гнѣздо! Давно-бы пора тебѣ сгорѣть!* Вотъ каковы калужскіе любители, тогда какъ они ревностные и смѣлые люди на всѣхъ прочихъ пожарахъ (!?).»

И г. Егоровъ рѣшается выпускать въ свѣтъ подобныя нелѣпости! Согласитесь, что слова: *Гори адское жилище! Чертovo гнѣздо*, и проч., слишкомъ жестки для человѣка, хотя нѣсколько вышедшаго изъ круга внѣшняго сословія; подобныя выраженія можно слышать только отъ бродячей толпы мастеровыхъ или подобныхъ имъ, которые, дѣйствительно, иногда слишкомъ много кричатъ на пожарахъ, но почти ничего не дѣлаютъ. Неужели г. Егоровъ, говоря объ нихъ съ такимъ упрекомъ: *Вотъ каковы калужскіе любители, тогда, какъ они ревностные и смѣлые люди на всѣхъ прочихъ пожарахъ*, — желаетъ уколоть этимъ нашу благородную публику, которая, дѣйствительно, иногда не тушитъ пожаровъ? Это уже слишкомъ!...

Къ довершенію всего, авторъ статьи, сожалѣя о Борисовѣ, котораго будто-бы г. Степановъ *просто въ грязь втопталъ*, го-

ворить, что Борисовъ иногда былъ хорошъ, а въ *Матросъ* (*) былъ даже очень-хорошъ (!?) и увѣряетъ, что играя роль Матроса, Борисовъ извлекалъ у *нѣкоторыхъ* непритворныя слезы!! О! о!

Почему-же насъ судьба лишила удовольствія видѣть Борисова извлекающимъ слезы? Или, можетъ-быть, мы не въ-сплахъ понимать истинныя таланты, и цѣнить ихъ достоинство, какъ *иные прочіе* любители *De gustibus, non disputandum est!* Радуйтесь г. Борисовъ, радуйтесь, и вамъ сказали новость, которой еще никто не зналъ въ Калугѣ; знайте, что и вы можете извлекать у *нѣкоторыхъ* непритворныя слезы. Но увы! — разочаруйтесь, г. Борисовъ, этихъ *нѣкоторыхъ* теперь уже не существуетъ, въ Калугѣ и вы безъ нихъ останетесь при своихъ посредственностяхъ, безъ претензій на извлеченіе слезъ у *нѣкоторыхъ!*

Но оставимъ въ покоѣ *жестокіхъ* критиковъ, и поговоримъ о настоящемъ. По отъѣздѣ г. Славина изъ Калуги, управление театромъ приняли на себя гг. Мочалова, Борисовъ и Швалъ; труппа нѣсколько уменьшилась, и осталась изъ слѣдующихъ сюжетовъ.

Г-жа Мочалова, женщина довольно-хорошо изучившая сцену, прекрасно исполняетъ роли драматическихъ старухъ; участвуетъ иногда даже и въ водевиляхъ.

Г-жа Боброва — сюжетъ необходимый на провинціальной сценѣ. Волиѣ преданная своему искусству и понимая достоинство свое, она не увлекается неумѣтнымъ самолюбіемъ, столь губительнымъ для другихъ, и всегда прекрасно исполняетъ свои роли. Взгляните, какъ мила и разнообразна она въ водевиляхъ; съ какой душой она играетъ въ драмахъ, — а отъ-чего? — въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она неусыпно старалась изучить поприще, на которое судьба ее поставила, — и, кажется, совершенно успѣла въ этомъ. Но главное сокровище этой артистки — пріятный и довольно-хорошо обработанный голосъ; занимая постоянно первыя роли въ операхъ, она всегда восхищаетъ публику, и надобно признаться, что каждая опера у насъ выкупается одною только ею. Репертуаръ г-жи Бобровой до того многосложенъ и разнообразенъ, что трудно-бы было исчислить

(*) Мы спрашивали г. Борисова, онъ рѣшительно не помнитъ, игралъ-ли когда нибудь роль *Матроса*.

и половину его; рѣдкой спектакль, въ которомъ бы не участвовала г-жа Боброва, и всегда съ прекраснымъ исполненіемъ своей роли.

Г-жа *Дубровская*, молодая драматическая актриса, съ прекраснымъ органомъ, имѣетъ много души, и была-бы всегда хороша, если бы лучше держала себя на сценѣ.

Г-жа *Шванъ*, молоденькая водевильная актриса, бываетъ иногда мила, но женщина совершенно безъ голоса. Публика всегда желаетъ слышать куплеты, но г-жа Шванъ до того скромна, что никакъ не хочетъ удовлетворить любопытства публики.

Г-жа *Борисова*. Что объ ней сказать Вотъ вопросъ, на который трудно отвѣчать. Я одно только замѣтилъ въ ней-это не обыкновенную силу магнетизма, которая влечетъ постоянно глаза ея въ каюту суфлёра.

Г-жа *Соболевская* и Г-жа *Аксенова*. } Московская зараза.

Кто-то, изъ любви къ искусству, рекомендовалъ нашимъ антрепренёрамъ эти два сокровища, будто-бы московской сцены. Постоянно стремясь къ улучшенію труппы, они, не подозрѣвая ничего, съ радостію ангажировали ихъ на свою сцену, тѣмъ болѣе, что кондичіи ихъ были слишкомъ-выгодны, а время глухое для театра (августъ мѣсяць). Явилась афиша и возвѣстила намъ о ихъ дебютахъ. Назначены были водевили: *Дебютантка*, *Ямщики* и *Отецъ какихъ мало*. Хорошо, думаетъ публика, вѣдь московскія, вѣрно будетъ что посмотреть, — и вдругъ, о ужасъ! публика жестоко разочарована — является дочь Доминика (Аксенова), но совѣтъ не та, которую мы привыкли видѣть въ игрѣ жи Бобровой, нѣтъ, эта *дебютантка* выходитъ на сцену какой-то ожесточенной героиней, принимаетъ разныя странныя позы, и производитъ пренеприятное впечатлѣніе на душу зрителей своимъ выговоромъ; пѣса идетъ дурно, — всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ конца. Начинаются — *Ямщики*, — г-жа Аксенова, въ роли *Степана Прыткаго*, кричитъ, мычитъ, махаетъ руками и, наконецъ, наводитъ лихорадку на публику. А какъ мила г-жа Боброва въ этихъ роляхъ; но что-же дѣлать, вѣдь *дебютантка* изъ Москвы! — Потомъ является на сцену г-жа Соболевская, въ «*Отецъ какихъ мало*», — ну, это дѣло другое; совѣтъ непохожа на первую, и ни разу не входила въ такой азартъ, какъ г-жа Аксенова; — она себя вышла тихо, скромно, потупивъ глаза, и стала преспокойно въ уголокъ; постоявъ съ полчаса, повернулась и опять исчезла въ закулисномъ лабиринтѣ. Честь и

хвала вамъ, г-жа Соболевская, *ведите себя еще скромнѣе этого*, и вы заслужите всеобщее одобреніе скромность первая принадлежность женщины. — Каково-же терпѣніе публики! она сточечки вынесла въ терзанія, и только утѣшалось игрою прекраснаго артиста нашего *Дмитревскаго* (въ роли *старосты*).

Д-ца Колокольниковая. Дитялѣтъ 12-ти; чрезвычайно мила въ водевилѣ *Женихъ на расхватѣ* (Фаншета). Эта дѣвочка, обладая приятнымъ голосомъ, можетъ быть современемъ хорошею актрисою.

Г-нъ Дмитревскій — артистъ съ необыкновеннымъ талантомъ; нѣтъ роли, которую-бы онъ не могъ выполнить, и выполнить прекрасно. Благородная наружность, приятный и звучный голосъ, соединяясь съ талантомъ, вполне оправдываютъ въ немъ артиста. *Г. Дмитревскій* хорошъ въ драмахъ, но прямое амплуа его — водевилъ и комедія. *Клейстеръ* (въ Бучочной), *Педали* (въ Настройщикѣ), *Староста* (въ Ямщикахъ) и т. п. роли, — кажется созданы собственно для него. Въ драмахъ онъ болѣею частію занимаетъ комическія роли, и бываетъ всегда удивительно-хорошъ. Репертуаръ его также многосложенъ, какъ и г-жи Бобровой. Эти два сюжета служатъ истиннымъ украшеніемъ нашего театра.

Г. Шванъ — комическій актеръ, хорошій исполнитель; но бываетъ иногда однообразенъ. Лучшая роль его: *Павелъ Павловичъ Марковкинъ* (въ вод. Что имѣемъ не хранимъ), — здѣсь онъ неподражаемъ! Впрочемъ г. Шванъ съ супругой теперь въ отсутствіи; они, кажется, поѣхали на югъ за золотымъ руномъ; Путешествіе довольно-интересное, да, кажется, овечку остригли до ихъ пріѣзда.

Г. Быстровъ — комикъ, владѣющій порядочнымъ голосомъ. Очевидно недуренъ въ водевиляхъ, и особенно хорошъ *Губкинымъ* (въ Артистѣ и въ продолженіе Губкина).

Г. Борисовъ — водевильный старикъ; нѣкоторыя роли онъ исполняетъ довольно-удачно; но никакъ не можетъ кинуть своей привычки — пшцать на сценѣ. Вѣрно, горбатаго править могла! Иногда пускается въ *трагедь*, но вѣдь это, просто, бѣда, хоть вонъ бѣги, а то какъ разъ *полюются непритворныя слезы*. *Г. Смирновъ* — актеръ, необходимый на нашей сценѣ; играетъ всѣхъ и все. Мнѣ кажется, настоящее амплуа г. Смирнова, это водевильные простакы, въ которыхъ онъ бываетъ недуренъ. Главное достоинство г. Смирнова — твердое знаніе ролей.

Вережинъ
Соколовскій
Розановъ
Зоринъ
Захаровъ
Полянскій, и проч.

играютъ, какъ велитъ афиша.

По возвращеніи съ Бѣлевской ярмарки, 28-го сентября, назначенъ былъ первый спектакль, составленный изъ слѣдующихъ пьесъ:

а) *Въ людяхъ ангелъ*, не жена и *Продолженіе Губкина*. Въ первой изъ нихъ г-жа Боброва была прекрасна въ роли *Славской*; г. Дмитревскій (*Приндикъ*) тоже хорошъ. Во второй — г. Быстровъ чрезвычайно-разнообразенъ въ роли *М. А. Губкина*.

1-го октября. *Тереза*; *Разстроенный настройщикъ* и *Женихъ на расхватъ*. Г. Дмитревскій хорошъ въ роляхъ *Филиппа*, и особенно *Педала*; г-жа Боброва, Тереза (въ томъ-же водевилѣ и въ *Женихъ на расхватъ*), интересна, какъ и всегда; дѣвица *Колокольникова* мила *Фашистой* въ послѣднемъ водевилѣ.

3-го октября. *Хочу быть актрисой*; *Позска* и *Ящички*. Опять г-жа Аксенова, *Степанъ Приткой!* О грозный Аполлонъ! усмири свой гнѣвъ; не карай такъ жестоко несчастныхъ Калужанъ, вопіющихъ къ тебѣ съ пламенною мольбою! Вразуми ты всѣхъ нашихъ антрепренёровъ и режиссёровъ, что Аксенова плохая актриса, и давать ей роли — значитъ убивать пьесу и публику! Вѣдь мы еще не забыли, какъ мила въ этой роли г-жа Боброва; къ чему-же отравлять удовольствіе публики своимъ капризомъ? Положимъ, что въ первый разъ г-жа Аксенова дебютировала въ этой роли, но вѣдь дебютантъ имѣетъ полное право выбирать всякую пьесу, чтобы показать свой талантъ, *талантливая* же г-жа Аксенова слишкомъ-высока для понятій калужской публики, которая варварски ее осмѣяла. Къ чему-же во второй разъ ее пустили въ этой пьесѣ? Не лучше-ли было-бы выпустить Аксенову въ настоящемъ ея амплуа, *народъ, крестьяне и понятые?* Плачь, плачь, несчастная Калуга, у тебя нѣтъ *злаго ремонтера*, который-бы похитилъ это *диво-дислое, чудо чудное!*

5-го октября. Въ пользу актрисъ Императорскихъ Московскихъ (!!!) театровъ, г-жи Аксеновой и г-жи Соболевской: *Студентъ артистъ* и проч. *Комедія съ дядюшкой*, *Титулярные Совѣтники* (Вотъ такъ то!) *Въ-заключеніе спектакля дивертисманъ*, съ которымъ, между прочимъ г-жи Аксенова и Соболевская (воедино) будутъ танцовать польку.—Посмотримъ. Г-жа Боброва была пре-

красна во всѣхъ пьесахъ, особенно въ роляхъ Аветы (въ *Студентъ и Ком. съ дядюшкой*); Быстровъ очень, очень-хорошъ студентомъ; Дмитревскій чрезвычайно-натураленъ Филькой (Комедія съ дядюшкой). Въ антрактѣ г-жа Мочалова читала сенсацію Курдюковой; мы было ей хотѣли написать здѣсь свои сенсаціи, да на этотъ разъ помолчимъ... Но вотъ заиграли польку, и бенефициантки (г-жа Соболевская въ мужскомъ костюмѣ), граціозно являясь на сцену, начинаютъ полькировать. Потѣха эта продолжалась съ четверть часа; порядкомъ поизмучивъ оркестръ, они, наконецъ рѣшаются проститься съ публикой... Постояй... постояй... не улетай небесное очарованіе,— еще хоть два прыжка... О какъ мило, кѣкъ обворожительно!... Нѣтъ, публика не ручается за себя,—это демонъ-соблазнитель!... О, исчезни лучше злой призракъ вдали искусственныхъ деревьевъ!... Да кетати, потрудитесь, *Mesdames*, исчезнуть навсегда со сцены нашего театра, обяжете, до чрезвычайности обяжете.

7-го октября. Для перваго дебюта г. Сабурова и г-жи Дубровской 2-й, Филиппъ или фамильная гордость и Оборотни. Мы совершенно не ожидали, чтобы г-жа Дубровская, вступая въ первый разъ на помостки театра, была такъ мила; въ игрѣ ея не видать еще натуры, но, выучивъ твердо роль, она сдѣлала все, что можетъ сдѣлать въ первый разъ хорошая дебютантка. Г. Сабуровъ, молодой человекъ, пріятной наружности, и держитъ себя довольно-благородно на сценѣ. Если бы онъ имѣлъ голосъ, то былъ-бы хорошимъ актеромъ. Во второй пьесѣ (*Оборотни*) г-жа Боброва удивительно разнообразна и мила въ роли Таисіи. Публика безпрестанно ей аплодировала и вызывала по окончаніи спектакля.

Оканчивая статью свою этимъ спектаклемъ, я считаю необходимымъ предувѣдомить редакцію «Репертуара и Пантеона» (которая, можетъ-быть, найдетъ скучнымъ подробный разборъ), что съ этимъ вмѣстѣ оканчивается карьера нѣкоторыхъ артистовъ на нашей сценѣ, а потому я, по чувству и долгу христіанина, поставлю себѣ въ обязанность, написать прощальный панегирикъ великимъ дѣяніямъ ихъ, вознося вмѣстѣ съ тѣмъ теплыя мольбы на небеса, за избавленіе Калуги отъ тягостнаго ига безталантныхъ актеровъ. Съ слѣдующаго спектакля начинается перерожденіе театра; труппа поступаетъ въ непосредственное распоряженіе г-жи Мочаловой, ангажируются новые артисты (а недостатокъ ихъ чувствителенъ!), и мы увѣрены, что г-жа Моча-

лова употребить все стараніе, чтобы доставить удовольствіе нашей публикѣ.

Калуга, 12-го октября.

СТЕНАГОВЪ.

КАЛУЖСКИЙ ТЕАТРЪ.

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ).

М. Г. В. С.!

Перечитывая издаваемый вами «Репертуаръ и Пантеонъ», я въ нынѣшнемъ году нашелъ двѣ статьи о Калужскомъ театрѣ. Въ первой подробно разбиралась труппа, бывшая подъ управленіемъ г. Славина; а авторъ второй статьи воспѣвалъ похвалы давно-минувшему и, кажется, небывалому величію взятой имъ эпохи существованія калужскаго театра (*). Но теперь все миновало, и послѣ Славина труппа наша подверглась величайшимъ превратностямъ и гоневіямъ судьбы. Сперва она поступила въ управленіе *триумвирата* (**), который, не находя никакой выгоды, или, лучше сказать, неумѣя сладить съ дѣлами, — разрушился. Въ эпоху этого управленія, т. е. съ апрѣля и по октябрь мѣсяцъ, на сценѣ калужскаго театра не было никакихъ особенностей, которыя-бы хотя нѣсколько могли заинтересовать публику.... Виновать!!! Явились двѣ артистки (*самозванки*) московскихъ Императорскихъ театровъ, г-жи Соболевская и Аксенова, и надѣлали много шума своей игрой.... но теперь ихъ уже нѣтъ въ Калугѣ,—и слава Богу! — предадимъ забвенію эти метеоры. Послѣ триумвирата, по какому-то случаю, рѣшилась взять на себя трудную обязанность антрепренѣра. Г-жа Мочалова, у которой дѣла шли тоже не слишкомъ удачно; не смотря на то, что являлось много дебютантовъ, игра которыхъ хотя и не заслуживаетъ строгаго разбора, однако требуетъ нѣкоторой критики. Въ главѣ дебютантовъ поставимъ мы г. Карпова, кото-

(*) Подъ управленіемъ г. Турчавинова.

(*) Гг. Борисова, Швана и г-жи Мочаловой.

рый, не довольствуясь славою, гремящею о немъ въ Смоленскѣ (*) и желая стяжать оную въ Калугѣ, прибылъ къ намъ въ одно время съ осеннею распутицею, и привезъ съ собою цѣлое стадо талантовъ (**).

Первый дебютъ Карпова былъ въ «Иголкинѣ». Слабъ, но кое-какъ сбрылъ; во второй — о Творецъ!... на что-же это похоже? Онъ вздумалъ разыгрывать «Гамлета». Вотъ до чего простирается самонадѣянность этихъ безталантныхъ талантовъ! Человѣкъ, который не могъ исполнить порядочно роли Иголкина, вдругъ взялся за Гамлета! И что-же изъ этого вышло? Публика видѣла въ немъ не принца датскаго, а *Гамлета Сидорыча*, и даже того хуже. Вообще въ Карповѣ ни сколько не замѣтно того благородства и великихъ достоинствъ, которое находить въ немъ авторъ статьи: «Смоленскій театръ.» Г. Карповъ во фizioномiи, страданнымъ ужимкамъ и слишкомъ неумѣтнымъ жестикаціямъ, больше смахиваетъ на *Феофана Звонаревскаго*, который выманиваетъ себѣ дозволенія *хоть лампы зажигать съ театрѣ*. Послѣ П. С. Мочалова и Славина, намъ грустно было смотрѣть эту народню на Гамлета; всѣ прекрасные монологи Карповъ прошепталъ подъ носъ и вооружилъ противъ себя публику (*).

Но приемъ публики, не слишкомъ лестный для дебютанта, не могъ однакоже совершенно разочаровать г. Карпова, и онъ еще сыгралъ *Требелла*, въ драмѣ «Дочь шута», и вышелъ отличный *шутъ гороховый*. Тутъ только онъ увидѣлъ, что калужская публика осталась холодною къ его крикамъ и, съ отчаяніемъ оставивъ Калугу,

Прочіе члены компаніи были не такъ смѣлы, и ограничились однимъ только дебютомъ въ *Москаль*. Почти въ одно

(*) Г-жу Карпову (жену свою) и гг. Дюра и Кудрина.

(*) Мы съ душевнымъ прискорбіемъ читали въ 11-й книжкѣ «Репертуара и Пантеона» 1845 года, рецензію какого-то спусходительнаго и добренькаго критика, который до-того превозносилъ г. Карпова, и нашелъ въ немъ такъ много души, таланта и прочихъ достоинствъ, что, право, еслибы эта статья попала къ намъ до дебютовъ Карпова въ Калугѣ, то мы стали-бы завидовать Смоленску. Но теперь, кромѣ сожалѣній, ничего не можемъ, высказать.

(*) Какіе-то господа, по окончаніи пьесы, еще вздумали вызывать не Карпова, а Гамлета, и въ этотъ вечеръ совершенно доходили великаго артиста: да и по-дѣломъ: не спросяеъ броду, не суйся въ воду.

время съ ними явились на сцену г-жа Дубровская 2-я и г. Сабуровъ; дебютировали въ «Филиппъ, или фамильная гордость»; но теперь ихъ тоже не видать.

Наконецъ, нѣсколько благородныхъ особъ, стремясь къ общему удовольствію публики, составили комитетъ и приняли подъ свое покровительство всю труппу. Мысль эта, благородная и по другимъ отношеніямъ, заслужила общую благодарность всѣхъ любителей. Дѣйствіе комитета началось съ ноября мѣсяца.

Желая постоянно слѣдить за ходомъ драматическаго искусства на нашей сценѣ, я рѣшился заниматься хроникою калужскаго театра, и, если вы примите (*), дотавлять ежемѣсячно статьи, руководствуясь, въ этомъ случаѣ, безпристрастнымъ взглядомъ на обстановку и ходъ пьесъ.

Посмотримъ теперь на дѣйствія комитета въ ноябрѣ мѣсяцѣ: Первый спектакль, 9-го числа.

а) *Сардапскій корабельный мастеръ. Бидеръ*, корабельный мастеръ (Борисовъ), строгій исполнитель законовъ гражданскихъ и общественныхъ, бранить Франца, русскаго подмастерья, за неуваженіе національнаго обычая, когда тотъ вошелъ въ комнату въ башмакахъ; спустя же пять минутъ, Бидеръ входитъ въ комнату, и самъ преспокойно прогуливается въ башмакахъ!... а бургомистръ (Шванъ) былъ какимъ-то пѣтушкомъ, и по костюму, и по игрѣ.

б) *Шампанское и опиумъ*. Обстановка водевиля была недурна, и по окончаніи пьесы всѣ были вызваны. Впрочемъ *Догъ*, англійскій офицеръ, непивши еще капли вина, потерялъ свой парикъ.

11-го ноября. а) *Левъ Гурычъ Синицикинъ*. Въ 5-мъ актѣ, *Борзиковъ* (сочинитель) является на сцену въ лѣтнемъ костюмѣ, а *графъ Зефировъ* въ мѣховомъ пальто-сакѣ. Положимъ что Зефировъ старикъ; но неужели нельзя было согласовать костюмировки? Не-смотря на эти промахи, пьеса прошла хорошо.

б) *Волшебная флейта* комич. балетъ. Г. Поппингу, советуемъ впередъ, во-время танцевъ недѣлать большихъ скачковъ, или переимѣнить лучше костюмъ...

14-го а) *Настенька*.

б) *Гусарская стоянка*.

Последняя пьеса развеселила полусонную публику. Г-жа

(*). Съ величайшимъ удовольствіемъ!

Боброва (*Маша*) и Шванъ (юнкеръ *Лелестъ*) были очень недурны. Боброва мило пропѣла двѣ русскія пѣсни, а *Лелестъ* (Борисовъ), огорченный измѣною своей супруги, удалился въ *анжирею* (оранжерея). По окончаніи пьесы Боброва и Шванъ были вызваны.

А прогос: Кучменку, солдата гусарскаго полка, я думаю, лучше-бы было одѣтъ въ костюмъ гусара, а не пожарнаго служителя.

16-го а) *Путаница*.

б) *Полковникъ старыхъ временъ*.

и в) *Маскарадъ въ лютнеиъ клубъ*.

Этотъ спектакль, сверхъ ожиданія, прошелъ довольно-сухо. Г-жа Боброва всегда прекрасна въ роли полковника; но на этотъ разъ была холодна.

Въ «Маскарадъ» недурень г. Шванъ, и былъ вызванъ.

18-го а) *Хоть тресни а женись*.

б) *Кетли*.

и в) *Архивариусъ*.

Кетли — г-жа Шванъ!.. Что-же это значитъ? По всему роль Кетли принадлежит г-жѣ Бобровой. Для чего-же конфузить актрису, когда въ ней проявляется самосознаніе? Г-жа Шванъ совершенно не имѣетъ голоса, и потому, можете судить объ исполненіи этой прекрасной роли. Тутъ видна насмѣшка режиссѣра. Жаль было смотрѣть, какъ она бѣдняжка вспыхнула, запѣвши первый романсъ; неопредѣленный голосъ безпрестанно фальшивилъ, и несмотря на то, что снисходительная публика старалась поддержать г-жу Шванъ аплодисментомъ, она все-таки не выдержала роли и уронила хорошенькую пьеску.

21-го а) *Артуръ*. Благодаря хорошей игрѣ Дмитревскаго (*Лордъ Мельвилъ*), Бобровой (*Артуръ*) и Мочаловой (*Марія*), драма эта прошла прекрасно. Все трое были вызваны, и публика осталась совершенно-довольна. Самые хоры въ пьесѣ шли гораздо-лучше, нежели прежде. (*) За то. —

(*) При этомъ случаѣ считаю обязанностію замѣтить г-жѣ Мочаловой, что во время игры, особенно въ патетическихъ сценахъ, не должно обращать глаза на локу и выманивать аплодисмента.

б) *Мужъ всехъ женъ* усыпилъ публику, и многіе уѣхали, недождавшись конца пьесы.

23 а) *Первое представленіе мельника, колдуна и проч. и пр.* Желаемъ, чтобы это было и первое и послѣднее представленіе на нашей сценѣ.

б) *Невѣста подъ замкомъ*. Прекрасно будетъ, если въ-самомъ-

дѣлать эту невесту заперуть подъ замокъ, потому, что не стоить показывать ее на сцену, особенно если г. Шванъ (Андрей Сафьянный) будетъ точно также фарсить, какъ въ этотъ спектакль.

25 а) *Сынъ любви*. Г. Дмитревскій очень-недурно исполнилъ роль Фрица, и былъ вызванъ.

б) *Семикъ или гулянье въ Марьиной роуцъ*. Новая интермедия-дивертиissementъ, поставленная на здѣшней сценѣ режиссеромъ г. Шваномъ. (Полно такъ-ли? Какъ извѣстно, эту новую интермедію поставилъ не Шванъ, а Н...)

При поднятіи завѣса многіе съ удовольствіемъ ожидали видѣть что нибудь похожее на московскій семикъ; но увы... тутъ даже и подобія не было. (*) Въ Москвѣ всѣ любятъ пестроту и разнообразіемъ гуляющихъ на этомъ праздникѣ; а у насъ, — ей Богу, стыдно сказать, какъ скопировали его: выпустили на сцену толпу нищихъ, (*) которыхъ навербовали еще утромъ, и вообразили составить изъ этого *семикъ*? Но этимъ не кончилось торжество спектакля; афиша обѣщала еще выставить въ этотъ вечеръ, *комическія сцены, хоры, музыку и пьсье*, и вотъ является (*комическая сцена*) *купчикъ*, начинаетъ рассказывать *дѣла колужскаго театра* и говорить, что-де давали драму *Сынъ любви или побочный сынъ (!?)* Умно!.. Потомъ, объясняя что значить *побочный сынъ* (очень-кетати въ собраніи благородной публики!) — заключаетъ, что одна *ахтерка* (Мочалова, въ роли Вильгельмины) *родила Дмитревскаго* (Фрица). Не правдали, какъ это все мило, благопрістойно! Честь и хвала г. зочинителю!.. Но это еще не все, — далѣе *купчикъ* говоритъ, что въ Калугу ждуть *двухъ ахтерокъ*, которыя не уступятъ *Тальсеновой*. Вездѣ удивительныя остроты! Г. сочинитель этихъ пошлостей, вѣроятно, корчитъ Григорьева; но вѣдь, что у него хорошо, то у насъ слишкомъ-нелѣпо. Непонятно, какъ необратили на это вниманія благоразумные г. Директоры, и допустили на сцену слишкомъ-неинтересный *семикъ*, который можетъ до-

(*) Это, какъ говорится, подыали публику на *афсферу*.

(*) Это дѣйствительно правда, потому-что я видѣлъ между ними двухъ слѣпыхъ, которыхъ часто встрѣчаю въ одной приходской церкви; а за остальныхъ говорить костюмъ, не слишкомъ благовидный. Иные одѣты были въ тулупахъ, другіе въ халатахъ, а третьи въ — чемъ Богъ послалъ.

ставить желаемый успѣхъ только въ балаганахъ, а въ не загородномъ собраніи публики. (*)

28 а) *Влюбленный братъ*. Скучень.

б) *Бхалъ да не дохалъ*. Г. Шванъ и г-жа Шванъ тяповали *Сырианскій танецъ*. Впрочемъ для г-жи Шванъ, въ настоящее положеніе, было слишкомъ трудно танцевать... Можно сказать, что она плясала до упаду.

и с) *Булочная*. Г. Дмитревскій былъ, какъ и всегда, хорошъ въ роли Пв. Пв. Клейстера.

30 а) *Тереза*. Г-жа Боброва очень мила въ этой роли; Дмитревскій (Филиппъ) былъ также хорошъ. Оба были вызваны.

б) *Жена за столомъ а мужъ подъ поломъ*. Водевиль этотъ безпрестанно повторяется у насъ; но Впрочемъ, благодаря прекрасной игрѣ г. Шванъ (*Люстикрю*) и Бобровой (*Пакерета*), публика всегда смотритъ его съ удовольствіемъ.

с) *Дочь рускаго актера*. Г-жа Шванъ не годится для этой роли. Публика въ ней видитъ вестуже Шванъ, во всѣхъ превращеніяхъ, особенно она дурна Цыганкой, потому что игривую и живую роль эту исполняетъ слишкомъ слабо.

Вотъ все, что успѣлъ сдѣлать комитетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Несмотря на обѣщанія его — поставить новыя пьесы, увеличить труппу необходимыми сюжетами, — мы до-сихъ-поръ ничего не видали кромѣ *великолыннаго семика*. Замѣтно также, что при раздачѣ ролей, никто не хочетъ обратить вниманія на способности артистовъ и понять ихъ настоящее амилуа, такъ напримѣръ, Борисовъ недавно дурачился въ *Скопинѣ* (*Ляпуновъ*), или г-жа Шванъ въ *Кетлицѣ*; мы даже слышали, что она на свой бенефисъ назначила: *Материнское благословеніе*. Удивительно, какъ достаётъ духу брать не по силамъ роли и искажать хорошія пьесы! Притомъ-же публика, которую безпощадно морозятъ въ театрѣ, почти всегда обѣгаетъ большія пьесы.

Изъ всего этого можно вывести общій результатъ... но это будетъ бесполезно. — Какъ не пожалѣть о Славинѣ!...

А. К.....

Калуга.

10 декабря.

(*) Впрочемъ, самая высшая публика была въ величайшемъ восторгѣ и, кажется, удручила сочинителю своимъ азартнымъ смѣхомъ.

ТАГАНРОГСКИЙ ТЕАТРЪ.

(В. А. Софійнопол.)

Болѣе 20 лѣтъ, какъ театръ находится постоянно въ Таганрогѣ, и не представляетъ собою труппы странствующихъ актеровъ, — какъ это бываетъ въ другихъ мѣстахъ. Находясь въ управленіи дирекціи, соединенномъ съ образованнымъ вкусомъ членовъ ея, онъ спокойно и мирно услаждаетъ здѣшнее общество, и развѣ только особенныя просьбы сосѣднихъ городовъ заставляютъ насъ иногда разставаться съ театромъ, — и то не на долго.

Въ нынѣшнее время, съ наступленіемъ осени, особенно замѣтно расположеніе здѣшняго общества посѣщать театръ: очень немного ложъ осталось необонированными. Во-время спектаклей, театръ почти всегда бываетъ полонъ.

Театръ занимаетъ довольно-большой домъ, на главной улицѣ, въ которомъ устроены въ два яруса ложы, поставлено нѣсколько рядовъ креселъ, также находятся: партеръ и скудный раёкъ. Обстановка пьесъ бываетъ довольно-хороша; каждый разъ зала прилично освѣщена; декораций бываютъ даже иногда очень-миленькія.

Не-льзя не высказать при этомъ усердной благодарности Гг. директорамъ театра: Цельнеру и Флуки, которые прилагаютъ все свое стараніе къ улучшенію здѣшней труппы.

На таганрогскомъ театрѣ разыгрываются: драмы, трагедіи, оригинальныя комедіи и, болѣею частію, водевили. Постоянные любимцы здѣшней публики есть: Гг. Кочевскіе, Дорошенковы, д-ца Розанова и г-жа Михайлова.

Въ драмахъ и трагедіяхъ палма первенства, безспорно, принадлежитъ г-жѣ Кочевской: она примадонна нашего театра. Въ нихъ она является, то величественною, граціозною, то нѣжнотомною, то пылкою; — къ тому же прекрасное лице ея и стройный станъ придаютъ еще болѣе эффекта чудной ея игрѣ.

Въ недавнемъ времени, на здѣшнемъ театрѣ играли трагедію «Гризельда», передѣланную Г. Ободовскимъ. Въ этой пьесѣ г-жа Кочевская вполне выказала искусство своего таланта, истинно-художническимъ выполненіемъ роли Гризельды. Ея благородный видъ, нѣжный голосъ, выразившій то сильную борьбу чувствъ къ мужу, то любовь къ сыну и твердое упованіе въ Провидѣніе, то, наконецъ, страшное самоотверженіе отъ знатнаго титула до

первобытлаго своего состоянія—простой дочери слѣпного угольщика, грустно отозвался въ душѣ каждаго зрителя. Она плакала непритворно и, растроганная до глубины чувствъ, душа ея исторгла слезы у многихъ зрителей. Вообще игра г-жи Кочевской неподдѣльна. Роли ею всегда обдуманы; она приступаетъ къ выполнению ихъ съ любовью, какъ истинный художникъ къ своему искусству. Мы не будемъ высчитывать пьесъ, въ какихъ она бываетъ очаровательна, но должны сказать, что въ роли Молдаванской цыганки она неподражаема. — Очень-жаль, что на нашей сценѣ нѣтъ такого актера, который-бы могъ соответствовать ей игрѣ, или сколько-нибудь выполнять трагическія роли.

Въ водевиляхъ и высокихъ комедіяхъ первое амплу занимаютъ, какъ мы сказали, г. Кочевскій, гг. Дорошенковы, Д-ца Розанова и г-жа Михайлова. Съ прискорбіемъ должны сказать, что въ недавнемъ времени здѣшній театръ лишился двухъ прекрасныхъ актера и актрисы, Гг. Марксъ: болѣе 10 лѣтъ они постоянно украшали своего игрою здѣшній театръ, и всякій разъ, когда они бывали на сценѣ публика приходила въ восторгъ отъ ихъ игры и театръ наполнялся громкимъ аплодисманомъ. Теперь скучно видѣть тѣ пьесы, въ которыхъ занимали главные роли гг. Марксъ, и которыя выполняются нынѣ другими лицами.

Въ высокихъ комедіяхъ, въ роляхъ пожилыхъ, резонабельныхъ помѣщиковъ, почтенныхъ волокитъ, дялюшекъ, г. Кочевскій превосходитъ. Онъ всегда вѣренъ назначенію своей роли и потому выполняетъ ее отчетливо. Усвоенныя имъ прекрасныя манеры, глубокая опытность въ дикціи и, вообще, знаніе сценическаго искусства, — даютъ ему полное право на степень первенства артистовъ здѣшняго театра. Въ особенности онъ былъ очень-интересенъ, когда игралъ съ Маркеомъ: въ то время онъ былъ болѣе, нежели прекраенъ.

Г. Дорошенко занимаетъ роли молодыхъ любовниковъ, повѣсь, шалуновъ,—и это рѣшительно по немъ. Обладая прекрасною фizioномією, съ благородными приѣмами свѣтскаго молодого человѣка, и богатымъ дарованіемъ, — онъ подаетъ большія надежды. Игра его въ сказанныхъ роляхъ нисколько непринужденна, и часто увлекательна. Онъ еще молодъ собою и недавно на сценѣ, — а между-тѣмъ приобрѣлъ уже блестящіе успѣхи въ своей игрѣ и заслужилъ общую любовь публики. Невыразимо-хорошъ, онъ былъ въ водевилѣ «Русланъ и Людмила, или новый домъ сумасшедшихъ», въ роли Руслана. Очень-жаль, что ему даютъ часто роли герцоговъ и другихъ людей высокой породы,

въ которыхъ онъ бываетъ жалокъ. Совѣтовали-бы мы г. Дорошенко, не брать на себя тѣхъ ролей, которыя ему вовсе не къ лицу, и тѣмъ не заглушать дарованія, которымъ онъ съ избыткомъ надѣленъ.

Жена г. Дорошенко, также прекрасная артистка въ роляхъ свѣтскихъ дамъ: въ нихъ она мила, кокетлива; до чрезвычайности занимательна также въ роляхъ ветхихъ старушекъ, какъ напримѣръ «Бабушкины Попугай» и другихъ. Удивляемся, право, какъ можетъ такое прекрасное личико, какое имѣетъ Дорошенкова, принимать на себя такія страшныя, безобразныя формы лица, съ какимъ она является въ роляхъ старухъ. Вообще въ малороссійскихъ пьесахъ гг. Дорошенковы очень-хороши.

Д-ца Розанова, съ прекраснымъ дарованіемъ, занимаетъ роли свѣтскихъ дѣвушекъ, наивныхъ провинціалокъ, пастушекъ; мила собою, пѣжна, имѣетъ прекрасный станъ, и изнѣнительною своею игрою до *non-plus-ultra* восхищаетъ здѣшнюю публику; въ особенности очаровательна она въ роли прюстодушной Кеттли. Это перлъ водевильной игры репертуара таганрогскаго театра. Это залетная птичка, прилетѣвшая съ сѣвера въ тѣплый край юга, которая серебрянымъ своимъ голоскомъ разсыпаетъ вокругъ себя чары! Съ каждымъ представленіемъ она совершенствуется болѣе, и болѣе; публика замѣчаетъ это и платитъ ей благодарностію. Недавно она доказала вполне свой талантъ прекраснымъ выполненіемъ роли Дурочки Микаэлы, въ драмѣ «Дочь Карла Смѣлаго.» Въ этой пьесѣ игра ея полна была энергій; горькое положеніе Микаэлы проникло въ душу зрителей и отразилось какою-то томною грустію;—и теперь еще не забыта нами трогательная сцена, когда Марія просила Микаэлу сѣсть что-нибудь, и послѣдняя отвѣчала: «Я разучилась пѣть, герцогиня, съ тѣхъ-поръ, какъ плакать я умѣю!» Голосъ ея задрожалъ; въ немъ выразились все мученія бѣднаго сердца Микаэлы, и, не договоривъ послѣднихъ словъ, слезы покатались по прекрасному лицу. Растроганная публика была въ уопительномъ восторгѣ, и единодушный вызовъ артисткѣ нѣсколько разъ повторился зрителями. Впрочемъ, Д-ца Розанова, не-смотря на первыя попытки свои въ драмахъ, художнически выполняетъ роль Офеліи, въ Гамлетѣ. Несомнѣнный талантъ ея современемъ вполне разовьется, и она займетъ первое мѣсто на лучшихъ провинціальныхъ театрахъ—къ тому же она еще такая молоденькая.

Въ этой-же драмѣ «Дочь Карла Смѣлаго» довольно-удачно исполнилъ роль Оливье г. Лебедевъ. Въ немъ также замѣтенъ

былъ проблескъ дарованія, согрѣтаго чувствомъ мнимаго состраданія и больше язвительнаго, какого требовалъ ходъ пьесы. Очень жаль, что въ игрѣ его нѣтъ такой мимики и такихъ жестовъ, которые могли-бы соотвѣтствовать его словамъ, произносимымъ иногда прекрасно.

Въ роляхъ сварливыхъ, неугасошныхъ, нахально влюбчивыхъ, нянюшекъ русскихъ, не только интересна бываетъ г-жа Михайлова, но даже превосходна. Ей особенно можно отдать честь и справедливость въ выдержкѣ въ рѣдко трудныхъ роляхъ, отъ начала до конца и съ равнымъ достоинствомъ. Она также съ эстетическимъ вкусомъ выполняетъ роли сентиментальныхъ женщинъ, что доказала на самомъ дѣлѣ игрою своею, въ водевилѣ «Капитанъ 2-го ранга или жена 1-й статьи», въ роли Нѣмки.

Мы были-бы не справедливы, если-бъ не отнесли къ перво-степенности сдѣшнихъ артистовъ и г. Петровскаго, почтеннаго ветерана таганрогскаго театра. — Онъ, полезною своею игрою для театра, не только заслужилъ общее расположеніе публики, но даже приобрѣлъ нѣкоторое уваженіе къ своему таланту, и всегда бываетъ хорошъ въ роляхъ хилыхъ стариковъ, въ особенности въ драматическихъ пьесахъ.

Второстепенные актеры и актрисы есть: гг. Михайловъ, Чернявскій, Соколова, Харламова и другіе. Михайловъ въ роляхъ деньщиковъ, слугъ, подъячихъ, всегда бываетъ натураленъ; въ немъ иногда много бываетъ неподдѣльнаго комизма, которымъ невольно возбуждаетъ смѣхъ, и тѣмъ доставляетъ удовольствіе публикѣ. Жаль, что онъ пренебрегаетъ своимъ дарованіемъ, которымъ довольно надѣленъ, и если не займется еще имъ годъ, другой, то это дарованіе кахнетъ въ лету и будетъ невозвратимо. Еще за нимъ бываетъ иногда большой недостатокъ, что онъ надѣясь на себя, твердо знаетъ роли — и этимъ теряетъ все достоинство прекрасной своей игры. Чернявскій, какъ старый актеръ здѣшняго театра и давностию лѣтъ приобрѣтшій снисхожденіе здѣшней публики, не заслуживаетъ особеннаго упрека, хоть и случаются за нимъ грѣхи, которые онъ искупаетъ очень хорошимъ выполненіемъ ролей Филатки и Тарабара.

Г-жа Соколова довольно-мастерски представляетъ полновѣсныхъ дѣвъ тридцати-лѣтней комплекціи: аскеое ея жеманство, фикмы костюмовъ, пламенное бросаніе взглядовъ, выражающіе нѣчто въ родѣ чего-то умоляющаго, какъ-будто въ ней есть еще юная жизнь, и что она въ состояніи любить, какъ и во-время-оно, все это въ игрѣ ея всегда бываетъ близко къ справедли-

ности; въ особенности, когда она, испуская тяжкій вздохъ, падаетъ въ обморокъ.

Д-ца Харламова недавно еще вступила на театральные помосты и стараніемъ своимъ, надѣмая, вкороости займетъ роли миленькихъ гризетокъ.

Другіе-же актеры и актрисы далеко отстоятъ отъ второстепенности и, кажется, нѣтъ надежды, чтобы они двинулись сколько-нибудь впередъ; впрочемъ надежда бываетъ иногда обманчива.

Что-же касается до оркестра, то о немъ можно сказать ни то, ни се; часто раздаются звуки запоздалыхъ увертюръ о которыхъ въ столицахъ сохранено одно только темное воспоминаніе; а по большей части слышатся польки, вальсы и миленькія кадрили. Спасибо и за это! Впрочемъ музыка бываетъ довольно-стройна; замѣтна только въ ней не полность оркестра.

Вотъ скромный очеркъ таганрогскаго театра. Прибавимъ къ этому, что здѣшній театръ, какъ ни богатъ водевильными актерами, за то скуденъ и бѣденъ драматическими, и этотъ недостатокъ, къ невыразимому сожалѣнію, всегда бываетъ ощутителенъ, когда мы видимъ неподобную игру г-жи Кочевской. — Носятся пріятные слухи, что въ скоромъ времени посѣтитъ таганрогскій театръ знаменитый артистъ провинціальныхъ театровъ г. Рыбаковъ: очень-рады дорогому гостю; нѣсколько разъ мы имѣли удовольствіе видѣть его плѣнительную игру хоть не на здѣшней сценѣ, — и увѣряемъ, что таганрогская публика съ нетерпѣніемъ ожидающая г. Рыбакова, вполне оцѣнитъ несравненный его талантъ, полюбитъ его игру и нескоро забудетъ, какъ не забываетъ очаровательной игры гг. Маркса и

ВАСИЛІЙ КУЩЪ.

2 декабря 1845 г.

Таганрогъ.

УЪЗНЫЙ ТЕАТРЪ.

Театры русскіе раздѣлитъ можно на три разряда. Къ первому принадлежатъ императорскіе, ко второму губерскіе, (посѣщающіе извѣстныя ярмарки); къ третьему тѣ, которые разъѣзжаютъ по однимъ только маленькимъ городкамъ, и давъ нѣсколько представлений, перекочевываютъ на другое мѣсто. Репертуаръ ихъ піесъ очень-невеликъ, и достаетъ не болѣе, какъ на десять спек-

таклей. О первыхъ двухъ театрахъ пишутъ много, говорятъ еще больше, а о послѣднемъ хотя и говорятъ, но никто еще не написалъ ни одной строчки. Мнѣ, какъ истинному любителю драматическаго искусства, кажется, что театръ, какой-бы онъ ни былъ, гдѣ-бы ни былъ, въ нынѣшнее время заслуживаетъ письменное сужденіе. Имѣвши случай быть въ такомъ театрѣ четыре раза, передамъ, что я видѣлъ и слышалъ. Сентября 10-го труппа г. Лютомскаго прибыла въ Золотоношу изъ Новомыргорода, въ числѣ 12-ти актеровъ и актрисъ, и оркестра музыки, состоящаго изъ 12-ти человекъ. Содержатель театра испросилъ позволеніе начальства, отыскалъ удобное мѣсто, и съ помощію, достокъ и веревокъ, въ одинъ день устроилъ сцену, развѣсилъ декораций, разставилъ кресла, разгородилъ ложи, и театральная зала готова. Въ этотъ же день афиши приклеены, прибыты и разнесены по домамъ, о имѣющемъ быть завтра спектакль. На другой день у импровизированнаго театра явилась вывѣска съ надписью: «Сегодня театръ.»

Г. Лютомскій, цѣлый день былъ въ отчаяніи, да и многіе изъ зрителей полагали, что спектакль, по причинѣ малаго сбора, состояться не можетъ. Зашло солнце. У театральной кассы зажгли фонари, и о счастье! Толпа, толпа, какая только можетъ быть въ уездномъ городѣ. Театръ освѣщенъ. Г. Лютомскій суетится, лицо его сіяетъ радостію, мѣста все заняты. У кассы никого нѣтъ, двери въ театръ растворены, и не охраняются, сборъ полный. Содержатель театра еще разъ засматриваетъ въ театръ, сѣсть одѣваться, и торопитъ актеровъ и актрисъ идти за кулисы.

Взглянувъ на передній занавѣсъ, убѣдился я въ горькой истинѣ, что на свѣтъ все подвержено тлѣнію! — Звонокъ — музыка умолкла. Другой разъ занавѣсъ заколыхалась, и поднялась. Піеса идетъ: Сватанье на Гончаровкѣ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, Основьяненка. Декораций такіе-же, какъ и передній занавѣсъ, неопредѣленнаго цвѣта. Городъ-ли? деревня-ли? садъ-ли? изба-ли? нельзя отличить; всякому предоставляется право вообразить, что онъ представляютъ приличное піесь.

Проконъ Шкурать, г. Шухтъ. Актеръ молодой, языкъ и произношеніе чисто малороссійское, игра непринужденна, пѣніе вѣрно. Съ начала до конца піесы онъ выдержалъ роль превосходно, хотя-бы въ лучшемъ театрѣ.

Одарка, д-ца Раклевичъ, довольно-хорошо, просто и натурально
Кандроба, г. Гумицскій, исполнилъ такъ, какъ нельзя лучше.

Уліана, д-ца Ловчинская. Видѣвши эту актрису, нельзя не удивляться ее прекрасной, натуральной игрѣ согрѣтой теплымъ чувствомъ и любовью къ искусству.

Выговоръ хотя не совсемъ правильный; во расвязность, знаніе сцены, прекрасное пѣніе, твердое изученіе роли, дѣлають этотъ недостатокъ незамѣтнымъ.

Стецько, г. Бернгардъ. Отбросивъ излишніе фарсы тѣшившіе партеръ, онъ игралъ удовлетворительно хорошо. Жаль, что пѣніе, его всегда въ разладѣ съ музыкой и фальшиво.

Скирикъ, г. Лютомекій. Роль эта скучна и монотонна до чрезвычайности; но г. Лютомекій умѣлъ придать ей занимательность.

Алексій, г. Кюсовскій, мѣшалъ прекрасному исполненію пьесы. Тяжело, вяло, безжизненно произносилъ онъ слова, двигаясь, какъ автоматъ. Ему не суждено подвизаться на театральныхъ подмосткахъ. Несмотря на игру сего послѣдняго, пьеса исполнена, сверхъ ожиданія, прекрасно. Публика осталась довольно, просила дать ее еще одинъ разъ, что и было исполнено, къ полному удовольствію посѣтителей.

Сборъ былъ въ этотъ разъ 190 р. асс.

Шельменко Денщикъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Основьяненко. *Кирилло Петровичъ Шпакъ*, г. Лютомекій сначала игралъ довольно-хорошо, только въ сценѣ, когда онъ узнаеть, что вмѣсто дочери Тпрутрункевича, онъ благословилъ на бракъ съ капитаномъ свою Присиньку, остается холоднымъ, и желая произвести эффектъ, поднимаетъ вверхъ руки, и растворяетъ ротъ въ родѣ: О — не произведя эффекта, впадаетъ въ фарсы, и кое-какъ оканчиваетъ неудавшуюся роль обиженного отца.

Фениа Степановна, д-ца Ловчинская. Въ этой ничтожной роли она, при всемъ стараніи, осталось незамѣченною.

Присинька, д-ца Раклевичъ, играла съ натяжкой и холодно.

Лапуцковскій, г. Шухтъ показалъ разнообразіе своего таланта, сыгралъ всю роль неподражаемо. Манеры, интонація, всякій шагъ, обнаруживали барчука, какихъ къ сожалѣнію нашему, можно встрѣчать не только на сценѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. По-русски говорить хорошо.

Капитанъ г. Кюсовскій. Такихъ капитановъ теперь нѣтъ и никогда не было въ уланскомъ мундирѣ. —

Шельменко — г. Бернгардъ, съ огромными растрепанными волосами, въ инвалидномъ мундирѣ, съ шевронами на рукавѣ — нимало не походилъ на денщика, да еще на такого, какового представлялъ въ своей комедіи даровитый Основьяненко.

Дядя Лапуцковскаго, Г. Гуминскій, былъ очень - натураленъ; его слова: *въ разсужденіи реставраціи* европейская политика... бывали всякой разъ заглушаемы смѣхомъ и аплаудиментами. —

Эйжени, д-ца Ловчинская 2-я. Ни крошечки ловкости. Роль знала твердо. Она еще молода, и, при стараніи, можетъ исправить недостатки, которыхъ не такъ-то много.

Д-ца Блажсвевская роль петерб. дамы, матери Эйжени. Ничего нѣтъ ужаснаго, видѣть на сценѣ дубинообразное существо, неумѣющее сдѣлать шагу. Голосъ ея походилъ на крикъ торговки, ссорящейся съ своими соперницами. — Ухватки и обращеніе чисто галантерейныя. Пьеса не совсѣмъ удачно исполнена. — Сборъ былъ 180 р. ас.

Сора или два сосѣда, ком. въ 1 дѣйст. К. Шаховскаго.

Веселый Еврей, оперетка въ 1 дѣйст., на польскомъ.

Орофлессиа, д-ца Ловчинская 1-я, сколько можно было требовать, сыграла изрядно.

Сутягинъ, г. Беригардъ, горячился, кричалъ, что несогласно съ правилами юриспруденціи и не пристало къ старому секретарю взяточнику.

Вспышкинъ, г. Шултъ. Настоящій русскій баринъ охотникъ. Оригинально сыгралъ онъ эту роль и былъ вызванъ.

Викторъ, г. Клосовскій. Въ то время, когда ему нужно было показать, какъ онъ опечаленъ ссорой своего отца съ Вспышкинымъ — онъ подбочивался и чуть-чуть не пошелъ въ присядку. Что за манера? — Роли любовниковъ можно-ли пазначать г. Клосовскому? Оперетка «Веселый Еврей» въ репертуарѣ этой труппы есть лучшая по исполненію и обстановкѣ.

Багацкій г. Беригардъ, прекрасно передалъ честолюбиваго, польскаго пана, храбраго на словахъ и естественнаго труса на дѣлѣ.

Багацкая, д-ца Ловчинская 1-я, настоящая польская пани, кокетливая, ревнивая, представляющая себя молодою. Сыграла неподражаемо. Сцены ссоры съ мужемъ исполнены были превосходно.

Подкоморжицъ, г. Лютомскій. Въ роляхъ франта, жида, отставнаго офицера, почтилйона, панвы Трандаливичувы онъ былъ разнообразенъ и отличился способностію передать вѣрно представляемое лицо. — Слѣдя за игрою Г. Лютомскаго, можно сказать, что всѣ роли, какія только онъ играетъ на польскомъ языкѣ, ему очень удаются; за то въ русскіхъ онъ не похожъ ни на

себя, ни на того, кого играет. — Публика вызвала всѣхъ. Пьеса была повторена. Сборъ 215 асс.

Мелкіе дворяне, комед. опера въ 2-хъ дѣйст. Съ хорами и танцами. *Ясновидящая*, комед. съ куплетами въ 2-хъ дѣйст. Объ на польскомъ языкѣ. Въ первый изъ сихъ Г. Лютомскій сыгралъ прекрасно Мартына Печарку, а Ловчинская 1-я его сына Ванюся. *Бернгардъ* тоже былъ хорошъ въ роли Фомы Дзвнцола. — Во второй пьесѣ:

Въ роли *Целестины* д-ца Ловчинская была прекрасна; всякій куплетъ, по требованію публики, она охотно повторяла, ей аплодировали и вызвали два раза. — Въ роли *Филиппа* г. Лютомскій смѣшонъ былъ до чрезвычайности, не жалѣлъ фарсовъ и ни одного не оставилъ въ запасѣ. — Ему тоже аплодировали очень много.

Въ роли *Игнація* г. Бернгардъ не найдетъ себѣ соперника въ провинціальныхъ театрахъ. — Только милицейскій мундиръ не идетъ къ французскому жилету.

Въ антрактѣ между двумя пьесами, д-ца Ловчинская пропѣла прекрасно романсъ Варламова: «Ты не пой, душа дѣвица». Акомпаньментъ арранжированъ для оркестра г. капельмейстеромъ Чарноцкимъ.

Въ этотъ разъ въ кассѣ собрано 223 руб. асс.

Актеры и актрисы у г. Лютомскаго получаютъ плату по спектакельно. Столъ и квартиру имѣютъ отъ него-же. — Г. Лютомскій выезжаетъ изъ Золотоноши, и намѣренъ посѣтить уѣздные города Черниговской, Полтавской и Куреской губерній. Желаемъ ему успѣха и хорошихъ сборовъ.

А. З — Ю.

Сентября 28 дня.

Д. Магѣвка.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ Берлина пишутъ отъ 30 декабря (п. с.).

Сегодня вечеромъ лучшими артистами Королевскаго берлинскаго театра, была представлена въ театральной залѣ замка Шарлотенбурга, въ присутствіи всей королевской фамиліи, министровъ, двора и многихъ ученыхъ и артистическихъ знаменитостей нашей столицы, *Athalie* Расина, съ музыкою (увертюрою, хорами и антрактами), написанною для этого высокаго произведенія знаменитаго французскаго поэта-трагика, по порученію короля, Феликсомъ Мендельсономъ-Бартольди.

По случаю этого спектакля, въ театральной залѣ сдѣланы были многія измѣненія. Сцена была увеличена тѣмъ, что ее продолжили черезъ оркестръ до самаго партера, который весь занятъ былъ музыкантами. Новая декорация, написанная славнымъ живописцемъ Гропиусомъ, представляла храмъ Соломона во всемъ его великолѣпіи, и сцена была расположена террасами, постепенно-возвышающимися до самой задней части, гдѣ находилась Святая-Святыхъ, завѣшенная кармазинными, бархатными, шитыми золотомъ занавѣсами.

Спектакль этотъ можно назвать удовлетворительнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Декорация, расположеніе сцены и великолѣпіе костюмовъ производили эффектъ удивительный; актеры превзошли самихъ себя, а хоры Мендельсона-Бартольди, безпорно, одно изъ лучшихъ произведеній этого ученаго и гениальнаго маэстро. Отборное общество, наполнившее залу, безпрестанно изъявляло свое удовольствіе громкими и единодушными рукоплесканіями.

— Для королевскаго берлинскаго театра (Schauspiele) издавъ новый уставъ. Вотъ нѣкоторые замѣчательные параграфы этого устава: § 16-мъ определено, чтобы въ антрактахъ драмъ и трагедій допускалась только такая музыка, которая соответствуетъ содержанію пьесы. По § 18-му только тѣ концерты зачитываются въ службу участвующимъ въ нихъ артистамъ королевскаго оркестра, которые даются театральною дирекціею, — придворные концерты, концерты вдовьей кассы, собираемой въ пользу вдовъ умершихъ оркестровыхъ артистовъ, и концерты, такъ называемаго Spontini-Fonds. — Что касается до пѣвцовъ, то, по § 54-му новаго устава, никто изъ нихъ не смѣетъ являться въ публичныхъ концертахъ, кромѣ концертовъ благотворительныхъ и концертовъ Пѣвческой Академіи. — Далѣе, по § 95-му пѣвцы должны съ строжайшею точностію держаться текста оперы, и безъ позволенія капельмейстера не прибавлять отъ себя никакихъ номеровъ. § 12 содержитъ постановленія на-счетъ вызововъ.

За нарушеніе каждаго постановленнаго этимъ уставомъ правила назначе-

ны разные, очень-строгіе штрафы, какъ денежные, такъ и тюремнымъ заключеніемъ.

— Берліозъ далъ въ Вѣнѣ три концерта, и, какъ кажется, маю имѣлъ успѣха; большая часть музыкантовъ противъ него. Только одинъ музыкальный критикъ докторъ Бехеръ равняетъ его съ Бетховеномъ и ставитъ гораздо-выше Вебера.

— На гамбургскомъ городскомъ театрѣ, 13-го н. с. декабря представлена была въ первый разъ новая пьеса: Авраамъ, драма, съ музыкою, въ 3-хъ отдѣл. и въ 4-хъ акт. соч. Кастелли, музыка Зейфрида.

— Говорятъ, что какой-то господинъ Даллауеръ изобрѣлъ двойную флейту, т. е. такую, на которой играютъ два человека вдругъ, одинъ на одномъ концѣ, а другой на другомъ. Флейта эта втрое больше обыкновенной. Изобрѣтатель показываетъ ее теперь въ Вѣнѣ, и играетъ на ней вмѣстѣ съ сыномъ своимъ.

— Первый виртуозъ на гитарѣ, въ настоящее время, конечно, Испанецъ Гуэрта. Къ блистательнѣйшимъ исполненіямъ его принадлежатъ увертюра изъ Семирамиды и вальсъ изъ оперы «Черное-Домино».

— Въ Парижѣ появился недавно новый инструментъ: *Тремолофонъ* или *Жирардеонъ* (по имени его изобрѣтателя, механика Жирарда (Girard.) У этого инструмента двѣ клавиатуры, изъ которыхъ верхняя издаетъ обыкновенные тоны простаго фортепіана, а нижняя, посредствомъ механизма, приводимаго въ движеніе колесомъ, производитъ дрожащія, усиленные, чрезвычайно-полные и гармоническіе звуки. Теперешній владѣлецъ этого инструмента называется Вилзекъ (Vilazek), и находится съ нимъ въ Вѣнѣ.

— Въ Парижѣ много говорятъ о пріѣхавшемъ тула недавно импровизаторѣ *Просперѣ Драге* — *le bel improvisateur*, какъ его называютъ, — который обладаетъ и изумительною способностію импровизации. Онъ до такой степени плодovitъ, что можетъ написать въ мѣсяцъ по пяти-актной пьесѣ, для каждаго парижскаго театра, не исключая и двухъ Оперъ. Что значить послѣ этого плодovitость Дюма и Скриба!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ РЕПЕРТУАРА И ПАНТЕОНА.

Г. Бар—есу, въ Херсонѣ. Способъ корреспонденціи, предлагаемый вами, неудобенъ, и потому мы имъ воспользоваться не могли. Впрочемъ, отбѣтъ найдете вы въ этой книжкѣ «Репертуара и Пантеона», въ *Смѣси*. За «Репертуаромъ и Пантеономъ» 1843-го года адресуйте въ книжный магазинъ М. Д. Ольхина.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

У М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля № 11.

ПЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

	Argent rbls. cop.
Alkan. (C. V.) Le preux. Etude de Concert. op. 17	1 43
Becker (A. J.) Monologue am Klavier op. 9	2 29
Bertini. (H.) Les deux soeurs. Deux romances sans paroles op. 158 No. 1. Louise. No. 2. Isabelle, à	— 85
Beyer (F.) Le Désert. Ode — Symphonie de David. Bouquet de mélodies	1 —
—, Divertissement brillant sur des motifs de l'opéra Belisario	— 75
— Deux morceaux de Salon sur le Désert de David. op. 78 No. 1. 2. à	— 85
Chopin (F.) Valse brillante. op. 18. Nouvelle Edition	— 85
— Trois mazurkas. op. 59	4 43
Czerny (Ch.) Guirlande de fleurs de l'opéra. 12 Rondinos brillans sur des motifs des opéras modernes. op. 766 No 1 à 12 chaque à	— 58
Damecke (B.) Cinq mélodies inédites. op. 29. No. 1. Un sou- venir de Voyage. No. 2 l'Espérance, No. 3 Chansoetten alle- mande, No. 4 Réverie. No. 5 Barcarolle	1 30
— Triste pensée. Mélodie	— 30
David (F.) Brises d'Orient. Six cahiers de mélodies. Liv. 1 à 6 chaque à	1 15
— Le Desert. Ode — Symphonie, morceaux arr. p. l'auteur No. 1 Marche de la Caravane, No. 2 Fantaisie arabe et danse des Almées à	— 72
Döhler (Th.) 8-me, 9-me et 10-me Nocturne. op. 52 No. 1 à 3 chaque à	— 85
— Trois Mazurkas. op. 53	1 72
— Andante sur une romance de l'opéra: Dom Sebastien. op. 54.	1 43
— Deuxième ballade. op. 55	1 15
— La Carlotta, l'Elisa, deux Polkas favorites op. 56. No. 1. 3.	1 —
— Douze Romances sans paroles. op. 57. liv. 1 à 4 chaque à	1 58
— Trois vales brillantes. op. 58.	1 72
— Deux fantaisies sur des motifs de „J Lombardi“ de Verdi. op. 59. No. 1. 2. à	1 43
Flügel (G.) Grande Sonate. op. 4.	3 43
Gungl (J.) Die preussische Parade. Grosses militairisches Marsch- Potpourri. op. 47	1 43
Herz (H.) Les ramiers. Pièce de Salon, op. 141.	— 75
— Les plaisirs de l'Allemagne. Variations sur des vales de Strauss. op. 144.	1 72
— Lutine. Valse brillante op. 145	— 60
Hüntea (F.) Fantaisie arabe sur l'air Kradoudja, op. 136.	1 43
— Feuilles d'automne. Deux fantaisies sur des motifs de Donizetti et Masini, op. 137. Liv 1. 2. à	1 —
Kalkbrenner (F.) Fantaisie sur des thèmes de l'opéra: Richard en Palestine, op. 172	1 43
— Les charmes de Carlsbad. Grand Rondo brillant p. Piano avec Orchestre, op. 174	3 15
— Fantaisie brillante sur la Barcarolle, opéra de D. F. E. Au- ber op. 176	1 43

	Argent rbls. cop.
Kalkbrenner , (F.) Les charmes de Carlsbad. Grand Rondo brillant pour piano seul, op. 174	1 72
Liszt , (F.) <i>Colonne</i> , air russe d'Alabiell, transcrit. Nouvelle édition —	85
— Le même facilité, par J. Tscherlitzky	60
Mayer , (Ch.) Nocturne, op. 81	60
— La Gentille, valse brillante	50
Meyer , (L.) Machmudier. Air guerrier des Turques ou marche marocaine, op. 22.	1 45
— Bajazeth, Air national des Turques, op. 23.	1 45
— Fantaisie sur des motifs de l'opéra: Lucrezia Borgia, op. 24.	2 —
— Le Carnaval de Venise varié, op. 31.	1 45
— Grande fantaisie sur l'Elisir d'amore, opéra de Donizetti, op. 32.	1 72
— Etude de Bataille, op. 35.	1 15
— Variations sur un motif de Semiramide de Rossini, op. 37.	1 72
— Fantaisie orientale sur deux thèmes Arabes, op. 38.	1 72
— Grande fantaisie sur l'opéra Norma de Bellini, op. 40.	2 —
— Fantaisie sur les hirondelles de F. David, op. 41.	1 43
Prudent , (E.) Trois ballades, op. 15	1 43
— Grande fantaisie sur Norma, op. 17.	2 —
— Grande fantaisie sur des motifs des Huguenots, op. 18.	2 —
— Grand Trio de Robert le Diable de Meyerbeer, transcrit	1 72
Rosellen , (H.) Fantaisie élégante sur l'opéra: I Puritani de Bellini, op. 73.	1 45
— Fantaisie sur des motifs de la St.-Cécile de Montfort, op. 74.	1 43
— La Muette de Porfici. Fantaisie brillante, op. 75.	1 72
— Fantaisie et Variations sur l'opéra: la Barcarolle d'Auber, op. 76.	1 29
Thalberg , (S.) Fantaisie brillante sur l'opéra: „le Prê aux Clercs“ de Herold. Décameron, № 3, op. 57.	1 43
— Grand Caprice sur la marche triomphale de l'apothéose de Berlioz, op. 58.	2 —
— Marche funèbre variée, op. 59.	1 15
— Barcarolle, op. 60.	1 43
— Valse mélodique, op. 62.	1 43
— Grande fantaisie sur des motifs de l'opéra: le Barbier de Seville de Rossini, op. 63.	1 72
Wilmers , (R.) Il trobadore inspirato. Notturmo fantastico, op. 41.	1 45

Выписывающие *Нотъ* на сумму не менее *трехъ руб. сер.* получают двадцать процентов уступки, а выписывающие на *пятнадцати руб. сер.* пользуются означенною уступкою, кроме того ничего не прилагают на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которые обратятся съ своими требованиями *непосредственно* въ Магазины *М. Бернгардъ*. — На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина все музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы онѣ ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ-же магазинѣ вышла 1-го Января 1-я тетрадь музыкальнаго журнала *Нувелистъ*, которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы:

Raff, Air suisse transcrit. — Beyer, Divertissement sur l'opéra Belisario. — Dameke, Triste pensée. — Czerny, Impromptu passionné. — Osborne, Isabella, Valse. — Rosellen, Le bouton d'or, Rondo-galop. — Burgmüller, Tyrolienne variée. — Алябьевъ, Пьесы дѣвчцы изъ Ротнбора. — David, Le sommeil de l'enfant, Mélodie.

Музыкально-литературное прибавленіе No 1.

Годовая подписка 10 руб. сер.

Съ пересылкою 11 руб. 50 к. сер.

ОПТИЦИЗМЪ, или разсужденіе о болѣзняхъ, пронходящихъ отъ рукоблудій, соч. доктора *Тиссона*. Съ французскаго перевелъ докторъ медицины *Александръ Пикитинъ*. С. Петербургъ, 1845 г., (8) цѣна 75 к. сер.

ВОСПОМИНАНІЯ ОАДЕЯ БУЛГАРИНА. Отрывки изъ виднаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. 2 части. С. Петербургъ, 1846 г., (12) цѣна 3 р. сер., вѣс. за 3 ф. Часть 1-я выдается, на 2-ю билетъ.

РИМЪ И ИТАЛІЯ среднихъ и новѣйшихъ вренецъ, въ историческомъ, нравственномъ и художественномъ отношеніяхъ. Соч. *кн. А. Волконскаго*. Москва, 1845 г., (8) цѣна 3 р. сер. вѣс. за 3 фун.

ВОСПОМИНАНІЯ СЛѢПАГО, путешествія вокругъ свѣта *Жака Араго*. Переводъ *П. А. Корсакова* и другихъ. Съ картиками, 2 тома. С. Петербургъ, 1845 г., (8), цѣна 6 р. сер.

СЛОВА ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ Воскресенія, кончины и скончавшихся въ вѣрѣ, говоренція *Игнатіемъ*, архіепископомъ *Донскимъ* и *Новочеркасскимъ*. С. Петербургъ. 1845 г., (8) цѣна 1 р. 43 к. сер. вѣс. за 2 ф.

АТЛАСЪ топографическо-физическій всего земнаго шара, составленный *Карломъ Клазеромъ* по сочиненіямъ гг. *Риттера*, *Гумбольдта*, *Шоера*, *Розса*, *Бергхауза*, *Неггера*, *Буркарта*, *Вебстера*, *Котта* и *Лихтенстера*, съ дополненіями, сообщенными *Гольтхаурпомъ*, издавъ съ присовокупленіемъ двухъ картъ Европейской и Азіятской Россіи, составленныхъ *В. Кротовымъ* по географіямъ гг. *Арсеньева*, *Павловскаго*, *Соколовскаго* и *Шульгина*. С. Петербургъ, 1845 г., цѣна 2 р. сер., выс. за 2 ф.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ Христіанской Религіи, по ученію православно-каатолической церкви, сравнительно съ ученіемъ лютеранъ о семъ предметѣ. Соч. *Баккалavra* С. Петербургской духовной Академіи *Евграфъ Венескриптова*. С. Петербургъ, 1845 г. (8) цѣна 50 к. сер., вѣс. за 1 ф.

Гг. Пногородные благоволятъ адресоваться въ выше означенный книжный магазинъ, на имя *Ивана Федорова Гевена*.

Къ этой книжкѣ приложено изображеніе современнаго костюма — модная картинка, гравированная на стали и раскрашенная въ Парижѣ.

РЕПЕРТУАРЪ И ПАНТЕОНЪ, ВЪ 1846-мъ ГОДУ,

выходитъ *непрерывно* [въ 1-е число *каждаго* мѣсяца, въ 8-мъ часовѣ утра, и немедленно доставляется къ г-мъ подписчикамъ.

Въ каждой книжкѣ будетъ заключаться не менѣе *пятнадцати* листовъ убористой и четкой печати.

Въ теченіе 1846 года приложено будетъ *четыре* модныхъ картинки, гравированныхъ въ Парижѣ на стали и тамъ-же раскрашенныхъ известнымъ художникомъ *Жюлемъ Давидомъ*, и сверхъ того два портрета любимѣйшихъ современныхъ артистовъ русскихъ *П. С. Мочалова* и *Д. А. Мартынова*, гравированные на стали въ Лондонѣ. Другія приложенія будутъ зависеть отъ обстоятельствъ.

Годовая цѣна, за 12-ть книжекъ «Репертуара и Пантеона» —

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку въ города и доставку на домъ платится сверхъ того

ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

Примѣчаніе а) Для жителей С. Петербурга принимается и *розничная* подписка, съ платою за каждую книжку по 1-му рублю серебромъ впередъ, т. е. подписавшійся въ декабрѣ платитъ *одинъ* р. сер., въ январѣ *два*, въ февралѣ *три* и т. д. Такая розничная подписка принимается *исключительно* у Издателя.

2) Можно покупать и отдѣльно каждую книжку *Репертуара и Пантеона*, съ платою по два рубля сер., безъ картинокъ.

3) Модныя картинки можно получать и отдѣльно отъ *Репертуара и Пантеона*, съ платою по 50 коп. сер. за каждую.

4) Немногіе остающіеся экземпляры *Репертуара и Пантеона* на 1845 годъ, можно получать по той-же цѣнѣ, т. е. по 10 р. сер., а съ пересылкою по 11 р. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ С.-Петербурге: 1) У самого издателя, *В. С. Межевича*, близъ Большаго-Театра, въ домѣ г-на Губеня, подъ N 5-мъ.

2) Въ книжномъ магазинѣ подъ фирмою *Александръ Смирдинъ*, на Невскомъ проспектѣ, въ д. г-жи Энгельгардъ *).

3) Въ книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*, на Невскомъ проспектѣ, въ д. кунца Завѣтнаго.

4) Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Въ Москвѣ: 1) Въ книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*, на Тверской, въ домѣ Мятлевой.

2) Въ книжномъ магазинѣ *Свѣшниковъ и Базунова*, между Дмитровкой и Петровкой на валу.

3) Въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта.

*) Тѣ изъ здѣшнихъ особъ, которыя желали-бы подписаться безъ доставки на домъ, благоволятъ обращаться въ книжный магазинъ, подъ фирмою *Александръ Смирдинъ*, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ г-жи Энгельгардъ.